

КОЛЛЕКЦИОННАЯ

ФАНТАСТИКА

КОЛИН ГРИНЛЭНД

ВЕРНУТЬ ИЗОБИЛИЕ

ВЕРНУТЬ ИЗОБИЛИЕ

КОЛИН ГРИНЛЭНД

КОЛЛЕКЦИОННАЯ ФАНТАСТИКА

Колин Гринлэнд

ВЕРНУТЬ
ИЗОБИЛИЕ

К. ГРИНЛЭНД ВЕРНУТЬ ИЗОБИЛИЕ

КОЛЛЕКЦИОННАЯ ФАНТАСТИКА

Colin Greenland

**TAKE BACK
PLENTY**

**First published
Unwin Paperbacks
1990**

Колин Гринлэнд

**ВЕРНУТЬ
ИЗОБИЛИЕ**

Компания ГРИФ-Ф Лтд.

МОСКВА

1993

- Г59 Гринлэнд К.
 ВЕРНУТЬ ИЗОБИЛИЕ. / Пер. с англ. — М.:
Компания ГРИФ-Ф Лтд., 1993.— 512 с.
(Коллекционная фантастика).

Шедевр!

Если Вы когда-нибудь задумывались о том,
почему Вы начали читать книги в жанре науч-
ной фантастики — эта книга даст Вам ответ на
этот вопрос. *INTERZONE*

Премии Артура Кларка (*Arthur C. Clarke*) и
Британской Ассоциации научной фантастики
(*BRITISH SCIENCE FICTION ASSOCIATION*)
за лучший научно-фантастический роман.

Лучший научно-фантастический роман
1990 года.

Перепечатка как отдельных частей, так и всего
произведения в целом возможна только с разрешения
Компании ГРИФ-Ф Лтд. (Издательство ГРИФОН).

ISBN 5-85211-006-X

© by COLIN GREENLAND, 1990
© Компания ГРИФ-Ф Лтд., 1993

Колин Гринлэнд (Colin Greenland) родился в 1954 году в Дувре и написал свою первую книгу — о пожарной машине, в возрасте 5 лет. С тех пор он написал еще несколько книг, в большинстве своем романы в стиле “фэнтэзи”. “Час тощего Быка”, по словам “Гардиан”, “мог бы стать классическим”. Следующий за ним роман “Другие голоса” написан под влиянием мелодий песен групп “Кью”, “Дэд Кэн Дэнс”, “Нью Ордер” и “Кокто Твинс”. “Гардиан” назвала его “короткой, резкой и трогательной историей, после которой надолго остается острый привкус”. Колин также написал “Выставку энтропии”, — книгу о научной фантастике новой волны — руководство для свободного, начинающего писателя, а также многочисленные обзоры для “Фэйс”, “Санди Таймс” и “TLS”.

“Тигр! Тигр!” Бастера, “Парадоксальный человек” Харнесса, “НОВА” Делани, и вот теперь — “Вернуть изобилие” Гринлэнда. Это умный, тонкий космический роман, обладающий в полной мере развлекательностью и зрелищностью “Звездных войн”, динамикой повествования, присущей романам о Джеймсе Бонде и гуманитарно-социальной наблюдательностью романов Филипа Дика. В ней есть все, что я мог бы потребовать от научно-фантастического романа. Гринлэнд показывает нам живую, блистательную, сложную и меняющуюся вселенную — вселенную, где можно жить, населенную людьми, о которых можно заботиться. Кроме того, он рассказывает о великом, мощном заговоре, способном потрясти любую Галактику.

Читая этот роман, вы будете забывать о еде и сне.

Майкл Муркок (Michael Moorcock)

Гринлэнд показал себя Верди космической оперы.

Брайн Олдис (Brian Aldiss).

Шедевр! Если Вы когда-нибудь задумывались о том, почему Вы начали читать книги в жанре научной фантастики — эта книга даст Вам ответ на этот вопрос.

INTERZONE

**Премии Артура Кларка (Arthur C. Clarke) и
Британской Ассоциации научной фантастики
(BRITISH SCIENCE FICTION ASSOCIATION)
за лучший научно-фантастический роман.**

Лучший научно-фантастический роман 1990 года

ЖЕНЩИНАМ ЗА РУЛЕМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

**ВСТРЕЧИ В
“ЛЕНТЕ МЕБИУСА”**

I

- Фабилия? — спросил портовый инспектор.
- Джут, — ответила она.
- Ибя?
- Табита.
- Служебное положение?
- Владелец и капитан судна.
- Суддо?
- “Элис Лиддел”, — ответила Табита.

Инспектор поднял свою чисто выбритую морду и сурово воззрелся на нее поверх монитора считывающего устройства: — Тип и регистрационный номер судна, — сказал он.

— Ах, да, — спохватилась Табита. — “Берген Кобольд”. BGK-ноль...

Она поспешно откинула манжету и сверилась с ручным монитором на запястье. Табита никак не могла вспомнить регистрационный номер Элис без подсказки, хотя и видела его по двадцать раз на дню: — Ноль-девять-ноль-пять-девять.

— Цель бизита?

— Мне нужно повидаться с одним человеком насчет работы, — сказала Табита. — Послушайте, а вы не могли бы побыстрее?

Но служащий был эдак, ему надо было все старательно записать зажатым в лапе пером, проверить данные Табиты. Он даже высунул язык.

Табита раздраженно вздохнула и забарабанила пальцами по стойке.

Она огляделась. Все другие очереди продвигались быстро. Местным жителям нужно было просто сунуть жетон в прорезь и пройти через ворота. А ей, конечно, повезло — нарвалась на эдак.

Когда инспектор открыл свой маленький багровый ротик, Табита уже знала, что он сейчас скажет.

— Даддые боказывают регистрацию дефектного кристалла осевого забора, — объявил он. — Дба бесяца дазад.

— Да, — ответила Табита.

— Еще де забенен, — заметил инспектор.

— Не заменен, — ответила Табита. — Поэтому мне и надо повидаться с этим человеком насчет работы.

Но инспектору понадобилось распечатать еще одну копию капеллийских правил о допустимом уровне ухудшения функционирования кристаллов осевого запора, и только после этого он пропустил Табиту через ворота.

Она запихнула распечатку в сумку, там — неизвестно, где, кстати, — уже валялись три копии, и бросила взгляд на часы.

— Черт, — сказала она.

Коммерческий вокзал был закрыт по случаю какой-то полицейской операции. Табита обнаружила, что ее относит в сторону по длинному подземному туннелю — к гражданскому вестибюлю. Там кишел народ. Астронавты в форме толкались среди носильщиков — людей и роботов. Евангелисты с готовностью совали пророчества о неминуемом Всеобщем Слиянии в лапы, лопасти и руки лощеных туристов. Наперебой, стараясь привлечь внимание, над платформами кружились вопли, вещавшие о местном бизнесе, сетевых станциях и археологических достопримечательностях. Шум был еще более оглушительным, чем обычно.

Ну, конечно же: карнавал.

Головной телефон Табиты неожиданно переключился на окружной канал и стал издавать металлическое позвякивание. Раздраженная, она выдернула наушник и оставила телефон висеть вокруг шеи. Надо двигаться, если она хочет попасть в город до полудня. Подняв сумку, Табита уклонилась от грузовой платформы, пробралась сквозь толпу переругивавшихся перков и локтями проложила себе путь между двумя альтесеанами и городским гидом, с которым они пытались сторговаться. Высоко подни-

мая ноги — гравитация здесь была низкой — и размахивая сумкой, она протолкалась на открытый воздух.

Снаружи было пыльно и холодно. В колючем ветре пустыни кружился песок. Полутолые узкоглазые ребятишки с тоненькими, как спички, руками и ногами с мрачной решимостью пробирались сквозь собиравшуюся толпу. Табита Джут подняла воротник своего старого жакета из блестящего материала, напоминающего фольгу, и зашагала мимо концессионных стоек в поисках транспорта.

Стоять в очереди за такси было бы невыносимо. Табита отправилась по скользкой дорожке к каналу. Здесь очереди были ничуть не меньше. К счастью, большинство туристов охотились за воздушными роботами, чего она себе все равно позволить не могла. И вдруг — вот удача! — она проскочила перед какой-то белой семьей, кудахтавшей по поводу цвета воды, и ухитрилась впихнуть свою сумку в подъезжавшую лодку.

— “Лента Мебиуса”, — велела Табита.

Под замирающие возгласы раздраженных туристов они покинули пристань и заскользили вниз по течению. Табита сидела на корме и наблюдала, как оливковые рощи и сады из губок по обе стороны реки быстро сменяются верфями, заводами по переработке кремнезема, авиационными заводами. Вдалеке на мгновение мелькнули замысловатые башни Скиапарелли. Потом, когда они глубоко нырнули в Колодцы, их закрыли кораллово-розовые каменные стены.

— Приехали сюда на карнавал? — спросила Табиту лодчица. В ее голосе звучала скука и раздражение, ничуть не уменьшившиеся, когда Табита ответила: — Нет. Женщина была веспанкой, и, как все они, держалась с какой-то враждебной смирностью. Под воздействием местного воздуха ее удлинённые щеки покрылись коричневыми пятнами. Она пожаловалась на холод.

— Здесь было лучше, пока они не снесли купол, — сказала она. — Вы бывали здесь, когда был купол?

— Это было до меня, — ответила Табита.

— Тогда было по-настоящему тепло, — заметила лодочница. — А потом они сломали купол. Говорят, собираются поставить солнечный. — Ее подвижное лицо утрюмо сморщилось: — Никогда они этого не сделают. Все спорят и спорят о том, кому платить.

Женщина подняла локти. По виду она напоминала кучу гнилого зеленого перца в задрипанной коричневой обертке. Мочки ее ушей высохли и поникли, мягкие защечные мешки обвисли от постоянного отчаяния. Табита подумала о том, сколько же времени эта женщина с трудом наскребает себе на жизнь в этих водах, жалуясь равнодушным пассажирам и так и не набрав достаточно денег или сил для того, чтобы отправиться в долгий путь домой.

Они проскользнули вдоль алого канала в предместьях нового города. Здесь, отзываясь эхом над грязной водой, до них донеслись по ветру резкие крики продавцов воды и сигналы таксистов. На ступеньках под Аркадой Малибу, покуривая и болтая ногами на солнышке, сидела команда палернских проституток с жесткой курчавой шерстью. Они улюлюкали и махали проплывавшим мимо лодкам. Лодочница стала жаловаться на них. Табита подвинулась вперед на потрескавшейся красной скамье.

— Мне надо сделать несколько звонков — сказала она.

Затем накинула телефонный капюшон, размотала шнур с вилкой наушников и подключила их. Маленький поцарапанный экран сыграл ей короткую мелодию и выдал логограмму телефонной компании. За ней последовали рекламные объявления, их было больше, чем когда-либо — из-за сезона. Табита наблюдала, как в окошечке в нижнем левом углу экрана весело бегут цифры, уменьшая ее кредит.

Она попыталась дозвониться до “Ленты Мебиуса”, но везде были одни автоответчики. Табита попробовала набрать еще один номер. Она ждала.

Лодка миновала фелуку с серой, ее экипаж составляли дети. Они тащили за собой пустынную манту на длинном черном поводке. Она ныряла и трепетала грязно-серыми чешуйчатыми крыльями в холодном воздухе.

Наконец, Табита дозвонилась. Сальная физиономия на экране скривилась в подобии улыбки, когда она назвала себя: — Приехала на карнавал?

— Нет, по делу, — ответила Табита. — Карлос, сколько сейчас стоит кристалл осевого запора?

— А что у тебя?

— “Кобольд”.

— Все еще летаешь на этой старушке? Она под тобой вот-вот развалится.

— Именно это она мне все время и говорит, — сказала Табита. — Ладно, Карлос, мне некогда, сколько?

Он назвал сумму. Табита выругалась.

— Вот что получаешь, летая на допотопных суденышках, — без всякого сочувствия заявил Карлос. — Не могу доставать запчасти.

— Он почесал за ухом. — Вот для “Навахо Скорпион” я много чего мог бы тебе сделать.

— Ладно, брось, Карлос.

Она подумала об альтесеанах там, в аэропорту, суетившихся вокруг своих сумок и свертков: — Слушай, Карлос, ты в последнее время не видел Капитана Фрэнка?

— Кристалл для “Кобольда” — да, это старье как раз для старины Фрэнка, — ухмыльнулся он. — Попробуй блошинный рынок.

— Большое спасибо, Карлос.

— Выше голову, Табита, — подбодрил он ее на прощание. — Сейчас ведь карнавал!

II

Карнавал в Скиапарелли. Каналы заполнены экскурсионными автобусами, мосты разукрашены флагами. Улетают воздушные шары, взвиваются ввысь фейерверки. Город тонет в дымном красном свете. И хотя повсюду патрулируют офицеры-эзельдиды, единственный хозяин здесь — удовольствия. Пойти к Руби Пул? Посмотреть дуэли глайдеров над Аль-Казарой? Или отправиться в старый город, где древние пещеристые бункеры сияют последними модами, и вино Астарты горячит кровь тех, что

молод и хорош собой? Под аркадами беспорядочно смешиваются тысячи запахов — сосисок и пота, фосфора и пачули. В работающих круглосуточно забегаловках раздается звон бокалов, стучат ножи и вилки, подгулявшие кутилы смущают роботов-официанток и удирают вдоль колоннад, не заплатив по счету, а в прозрачном зимнем воздухе поднимается тонкий парок от их дыхания.

Отражаясь от маслянистой воды, тысячи цветных огней мерцают и сияют на отчищенных лицах домов. Тысячи звуков бьются о воздух: каллиопы и трещотки, каннонады и сирены — все они смешиваются с гулом радостных голосов. Даже визгливый сигнал полицейского катера на воздушной подушке, медленно пробивающегося вверх по течению, с трудом перекрывает шум. Полицейский — человек, он опирается на свой мегафон, сигналил раз, другой, затем отступается. В сверкающей черной броне своей униформы он выглядит неуклюжим и обиженным, как гигантский жук, перевернутый муравьями.

Лодка причалила у бульвара Мюстик, за катком. На стене стояли грязные уличные мальчишки, посаывая дымящиеся мшистые шарики и выкрикивая друг другу ругательства.

— Это не “Лента Мебиуса”, — сказала Табита.

Угрюмая лодочница дернула локтем: — Ближе не подбегать, сестренка. Грэнд закрыт — там процессия.

Раздраженная, Табита отдала ей деньги и легко спрыгнула на причал. Ее жакет поблескивал и мерцал натриевым светом, ботинки скрипели на засыпанных песком досках.

Представьте себе ее — Табиту Джут — но не такой, какой изображают ее средства массовой информации: героиней гиперпространства, умелой, ловкой, чуть приукрашенной косметикой, уверенно улыбающейся, протягивая руку к звездному туману Млечного Пути, — нет, представьте себе маленькую, усталую молодую женщину в измятом жакете из фольги и покрытых пятнами брюках, решительно проталкивающуюся сквозь буйную толпу в Скиапарелли. Ее рост 162 см без каблуков, у нее широкие плечи и бедра, а вес — около 60 кг, иногда чуть больше, но это с ней случается очень редко. Волосы

у нее самого темно-каштанового цвета, какой можно встретить, стрижка — короткая, традиционная для астронавтов. Цвет кожи — самый обычный, кофе с молоком; она мгновенно покрывается веснушками, чего Табита терпеть не может. И вот она здесь — она только что прибыла из тяжелого рейса с Шатобриана, еще не акклиматизировалась после космического пространства, измученная и грязная. Под ее карими глазами набухли мешки оливкового цвета. В тот вечер, среди цветущей, модной и нарядной публики вы бы на нее и не взглянули.

Здесь, правда, не было особой толпы. Это были явно задворки празднеств. Табита нырнула под бетонную дорожку и зашагала по по аллее, образованной самодельными лавочками, смастеренными из труб и досок, прокладывая путь среди прогуливающейся молодежи. Над головой от столба к столбу змеились биофлюоресценты, связанные цепочкой. Табита, в конце концов, добралась до блошиного рынка.

Некоторые владельцы лавочек постарались специально для карнавала. Маски и флажки украшали их витрины со старыми кассетами и ношенным трикотажем. Была здесь и яркая одежда: все, начиная с алюминиевых туфель и кончая дешевыми безвкусыными майками с изображениями подмигивающих котят, гарцующих единорогов и кружащихся в стриптизе красоток. Покупатели рылись в коробках с солнечными очками и обсуждали достоинства жалких нарядов, украденных с теплохода для круизов. Две костявые женщины в коротеньких платьях сидели за столиком с фарфоровыми зверюшками и красили друг другу лица у ветхой печурки-реактора. Одна из них свистнула Табите, когда та пробиралась мимо.

Списанный магазинный робот высунулся из-под навеса и выстрелил в Табиту порцией сублимата, наполнив ее голову мыслями о бассейне в пятнах солнечного света, запахе жимолости и желания. Желтый ребенок попытался заинтересовать ее банкой с дохлыми мухами. За углом находились альтесеане в своих кардиганах и конических шапках из коричневого войлока, царя над кучами хлама. Они восседали на высоких стульях, погруженные в

привычную скорбь, с воспаленными хоботами, с которых капало от едкого воздуха. Они стали что-то сопеть и гундосить друг другу, подзывая к себе Табиту, — перевозчиков они распознавали с первого взгляда.

— Кристала осевого запора? — крикнула она. — Для “Берген Кобольда”?

Альтесеане что-то влажно засопели ей в ответ и замахали лапами, указывая на свои кучи добавочных респираторов и разобранных теплообменников, так, словно это были единственные сокровища, которые могли понадобиться человеку в жизни. Табита потеряла драгоценные минуты, вытаскивая из-под груды хлама нечто, выглядевшее многообещающе, но оказавшееся всего лишь катушкой каустической дифракции. Табита бросила ее назад. Она попусту теряла время.

Увернувшись от группы пьяных астронавтов в немыслимых цветах типа Шенандоа, которые, толкая друг друга, вываливались из какого-то бара, Табита продолжала проталкиваться дальше сквозь толпу, собравшуюся на берегах Грэнд-канала. Она обошла толстых туристов в шикарных нарядах, гражданских маршалов в мешковатых комбинезонах, затем робота-видеокамеру, вертевшего головой по сторонам, сканируя канал в поисках своего владельца. Мимо проплывал корабль, и его паруса хлопали на ветру. За ним полз автобус на воздушной подушке — в нем веселились служащие “МиввиКорп”. Сквозь такелаж шхуны можно было разглядеть пятерых палернианцев, бесившихся на хрупком плоту. Они улюлюкали и хлопали волосатыми лапами, пытаясь взобраться на частную пристань. Какая-то высокая женщина наклонилась с балкона и вылила на них ведро воды. Перегибаясь через парапеты и высовываясь из окон, теснясь на улицах и крышах домов, толпа свистела и хлопала в ладоши..

Пока Табита пыталась прорваться мимо пары подогретых кокаином трантов в дорогих киверах и жесткой коже, одна из палернианок сделала неуклюжее сальто, а другая столкнула ее в канал. Они заулюлюкали. С фырканием мимо промчалась лодка, наполнив воздух запахом озона. В ней изгибалась и шипела под тяжелые удары музыкального ящика

какая-то пара в электрических костюмах. Палернианцы подпрыгивали от возбуждения, заливая плот и подвергая опасности свои радиаторы. Когда прибыл полицейский, возвышаясь своим громадным шлемом над головами толпы, женщина спускала свое ведро на веревке и кричала стайке маленьких разрисованных ребятишек, чтобы они его наполнили.

Табита перегнулась через перила. Отсюда она могла видеть “Ленту Мебиуса”. До нее оставалось всего сто метров — она находилась прямо под паромом, набитым огромными манекенами-капеллийцами, кивавшими огромными лысыми головами с серьезной благожелательностью, словно посылая благословение возбужденной толпе.

Карнавал в Скиапарелли. Холодный, пыльный город, полный празднующей публики, шума, запахов и грязи. Сейчас, куда бы вы ни пошли, вы встретите людей, которые скажут вам, что Скиапарелли оказался городом, решившим судьбу Табиты Джут. Именно здесь, в Скиапарелли, она встретила Трика-рико, тот привел ее на борт “Блистательного Трогона”, где она познакомилась с Бальтазаром Пламом; и прежде всего, если бы не это, она не получила бы “Элис Лиддел”. Так и сейчас, спустя годы, она снова была в Скиапарелли и шла к новой решающей встрече, которая должна была целиком и полностью изменить ее жизнь, мою жизнь, жизнь всех нас. Она стояла на верхней ступеньке лестницы, ведущей ко входу в “Ленту Мебиуса”. Она могла видеть свет внутри, играющую и пьющую публику.

И тут появились перки, суетливо прыгая вверх по лестнице на всех четырех лапах, как крысы из подвала.

III

Табита совершила ошибку. Она попыталась спуститься вниз по ступенькам между взбиравшимися по ним перками.

— Эй, женщина! Смотри, женщина!

Самец с маслянистой шкурой и пронзительными зелеными глазками нырнул под ноги Табите, сбил ее, и она шлепнулась на спину.

Перки тут же окружили ее, подпрыгивая на задних лапах, как тощие выдры в черной коже с хромовыми кольцами в ушах.

Не собираясь с ними связываться, Табита стала поджимать под себя ноги.

Перки ухватились за нее. Двадцать маленьких когтистых лап вцепились в ее жакет, брюки, руки. Они стали рыться в ее сумке.

— Эй! ОТВЯЖИТЕСЬ!

Перки снова повалили ее на спину. В неверном поле гравитации Табита перекатывалась с боку на бок. Пока она скребла каблуками по ступенькам, пытаясь зацепиться, первый самец вскочил ей на бедро, затем прыгнул на низ живота. Он стоял между ее ног, волнообразно раскачиваясь из стороны в сторону и выгибая плечи, маленькая плоская головка пронзительно визжала ей прямо в лицо: — Чи-и-и-и!

Табита стремительно села и отдернула ноги от верещавшего перка. Несколько его сородичей взмыли в воздух. Табита вырвала руку у еще двоих, вцепившихся в нее, и внезапно резко толкнула пальцем маленького внеземлянина.

— А ну, прочь с моей дороги!

— С нашей дороги!

— Чи-и-и-и! — заверещали они снова. — Чи-и-и!

Перья встали дыбом у них на затылках, на крошечных голеньях, торчавших из бриджей. Их когти смыкались на их медальонах, скользили вверх-вниз по молниям курток. Те, кого Табита только что сбила, уже снова были на ногах и прыгали по ступенькам вокруг нее. Некоторые сжимали в лапах банки с пивом, бутылки с кьянти. Самцы подчеркнули свои черные глазницы тенями для век и другим гримом. Они глумливо ухмылялись ей в лицо, обнажая крошечные клыки. Из рта у них воняло тухлой рыбой. — Куда спешишь, женщина? — издевался перк, стоявший у нее между ног. — Парад пропустишь!

Табита поняла, что он в стельку пьян. Она немного поостыла. У нее не было времени на драку. Стиснув в руках сумку, Табита сделала попытку подняться на ноги, но перки повисли у нее на плечах.

— Отстаньте от меня!

— Что за пожар, женщина? Спешись на гулянку, женщина?

Перк неожиданно сделал выпад. Табита вскинула руку, отражая его.

Другой перк, постарше — кончики перьев у него уже обмякли и приобрели пепельный оттенок — нырнул под ее поднятую руку.

— Ты на нас наступила! Ты нас сбила с ног!

— О'кей, я извиняюсь! Хорошо? Я прошу прощения! А теперь дайте мне пройти?

Табита снова попыталась встать. Когда жилистые маленькие существа снова преградили дорогу, она сбила их с ног.

Из "Ленты Мебиуса" вышли двое: желтокожая женщина в видеотенях и черная в облегающем пальто с вплетенными в волосы зубами василиска. Они бросили взгляд на окруженную перками Табиту, которая отцепляла их когти, и, стоя на одной ноге, пыталась стряхнуть повисшее на ее ноге существо. Женщины только бросили взгляд на разыгрывавшуюся перед ними сцену и осторожно обошли ее стороной, спускаясь по ступенькам. Желтокожая что-то негромко сказала своей спутнице, та засмеялась и затянулась сигаретой.

Следом вышел высокий мужчина в матерчатой кепке, спеша догнать женщин. Табита слышала, как за ее спиной по ступенькам стучали каблуки его ботинок. Она вздрогнула — длинные черные когти сомкнулись на ее плоти повыше локтя. У нее было такое ощущение, словно свора фокстерьеров опутала ее колючей проволокой.

Табита услышала, как что-то порвалось.

Перки были родом с третьей планеты системы класса G в районе Бетельгейзе, где они жили в густо населенных "муравейниках" под землей: может быть, именно по этой причине они так быстро освоились в туннелях Изобилия. Видимо, это было

в какой-то мере заложено в природе диких подземных жителей: подозрительность, агрессивность, слепой стадный инстинкт, в основе которого была безотчетная враждебность ко всем чужакам. Оставив по какой бы там ни было причине свой глубинный очаг, ведомый голодом, чувством долга, сексуальным инстинктом, перк бродил по черным запутанным коридорам затерянного лабиринта, где вокруг него смешивались запахи — его собственный и запах его сородичей. Неожиданно он слышал царапанье когтей,двигающееся в противоположном направлении. Кто это: друг, враг, родич или соперник? Позади него — его братья и сестры, может быть, его отпрыск, свернувшийся, мурлыкая, в уютной теплой темноте. В такой момент социальной нестабильности что еще остается? Только обнажить клыки и выставить когти.

Во всяком случае, у перков, похоже, все происходит именно так. Перки ничего так не любят, как хорошую драку. Когда на их планете пришло время цивилизации, они создали бронепоезда, подрывные устройства, подземные бомбы. Непонятно, зачем Капелла вообще осчастливила этих маленьких грызунов сверхпространственным приводом. В любом случае перки нападали только на собственное неуловимое братство, повинуясь стремлению рыться и проникать во все, что попадется.

Табита окончательно потеряла с ними всякое терпение. Перед ней была ее цель, так близко, что практически она была уже там, внутри. Она проби-лась через весь Скиапарелли, чтобы попасть сюда. И она не собиралась задерживаться и ввязываться в свару прямо на пороге бара. Но и желания оставить свой жакет в руках банды безвкусно разряженных хулиганов у нее тоже не было. И девушка с криком бросилась на их вожака.

У перков очень длинная шея. Из-за этого у них бывает очень занятный и весьма комичный вид, когда они стоят очень прямо и совершенно неподвижно, обзоревая окрестности быстрым поворотом головы на 240 градусов, похожие на мохнатый перископ.

Табита обеими руками схватила своего главного обидчика за шею. Инерция ее рывка позволила ей

выпрямиться, и, стряхивая перков во все стороны движением плеч, она оторвала жожака от земли.

Все еще могло пройти хорошо. Или плохо — смотря по тому, как расценивать то, что случилось в дальнейшем. Но у Табиты взыграла кровь. Она отбросила от себя задыхающееся, цепляющееся за нее когтями существо. И швырнула его в Грэнд-канал.

— Чи-и-и-и!

Инстинктивно поджав конечности и подвернув длинную шею, перк перелетел через ступеньки, как мохнатый камень в кожаном пиджаке. Его дружки, на мгновение застывшие от ужаса, вскочили и взревели от ярости. Зрители и прохожие на берегу канала обернулись и уставились на них, не понимая, что же это пролетело мимо по направлению к воде. Грязной, карминовой, маслянистой воде. Но в воду оно так и не попало.

Ибо в этот момент, прямо под ступеньками, ведущим вниз, к “Ленте Мебиуса”, спокойно проплывал паром с манекенами-капеллийцами.

С нарастающим смятением, чувствуя, как покидает ее ощущение торжества, Табита следила, как перк пролетел в дымном воздухе и упал прямо на голову одной из огромных статуй. С треском, слышным даже сквозь судорожный изумленный вздох толпы, перк пробил огромную дыру в веществе, из которого был сделан огромный купол. Лишенный своей невидимой опоры, состоявшей из тонких, как нити, лучей захвата, истукан зашатался. Он склонил свою разбитую голову на грудь, словно желая разглядеть своего верещавшего противника, который теперь повис на его покореженном плече, отчаянно цепляясь за него когтями. Статуя продолжала шататься. У нее отлетела рука и с треском упала на палубу, увлекая за собой все еще цеплявшегося за нее перка. Затем отлетела благожелательно улыбающаяся голова и, сопровождаемая тошнотворным хрустом лучевого прожектора, врезалась в другую статую, сбив ее с палубы парома в канал. Одновременно, разваливаясь наподобие падающей с фундамента дымовой трубы, упало и ее тело — и повалило другую статую, вскинувшую

руку, словно в попытке спастись, ухватившись за одного из оставшихся стоять истуканов.

Надежды спастись у нее не было никакой; как, впрочем, и у Табиты. Она стояла, в смятении наблюдая за вызванными ей разрушениями, и вдруг сообразила, что перки почему-то не набросились на нее в ту же минуту в отместку за постыдное поражение их вожака. Напротив, они растворились в толпе. На плечо Табиты опустилась не рука, а лапа — но не крошечная лапка с черными коготками, а здоровенная лапища с шелковистым синеватым мехом, торчавшим из рукава черной, как ночь, униформы.

Это была полиция.

IV

BGK009059 LOG

TXJ. STD

ПЕЧАТЬ

Of&&u&TXXXJ! finterintelin% ter&& &

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? 31.31.31

— ГОТОВА.

— Я больше не выдержу, Элис.

— ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА, КАПИТАН?

— Не хочу говорить об этом. Хотя, почему я все это делаю, Элис? Почему я все время попадаю в такие истории?

— ИНФОРМАЦИЯ НЕДОСТАТОЧНА.

— Это что, ответ?

— НЕТ, КАПИТАН. Я ПРОСТО ХОТЕЛА СКАЗАТЬ, ЧТО ЕСЛИ ТЫ НЕ СКАЖЕШЬ МНЕ, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА, Я НЕ МОГУ...

РУЧНАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА.

— Извини, Элис.

— ПРИВЕТ, КАПИТАН. ЗА ЧТО ТЫ ПЕРЕДО МНОЙ ИЗВИНЯЕШЬСЯ?

— Просто так, Элис. Не волнуйся за меня. У меня просто поганое настроение. Я хотела только с кем-нибудь пообщаться.

— ТАМ, ВНУТРИ, КАЖЕТСЯ, СЕЙЧАС СЛИШКОМ МНОГО НАРОДУ.

— Поэтому-то я и тут, снаружи.

— ХОЧЕШЬ РАССКАЗАТЬ МНЕ ОБ ЭТОМ?

— Нет.

— ТОГДА РАССКАЖИ МНЕ КАКУЮ-НИБУДЬ ИСТОРИЮ.

— Историю? Я не знаю никаких историй. Я с Луны.

— МЫ ВЕДЬ НИКОГДА НЕ БЫЛИ НА ЛУНЕ, ПРАВДА?

— Там скучно. Ничего не происходит. И со мной ничего не случилось, пока я не выбралась с Луны.

— НО ТЫ ЖЕ РОДИЛАСЬ НА ЛУНЕ.

— Да, я родилась на Луне.

— А КАК ЭТО БЫВАЕТ, КОГДА РОЖДАЮТСЯ?

— Не знаю! Я не помню.

— ЖАЛЬ.

— Там нечего вспоминать. Луна — это яма. Тупик. Черная дыра.

— МЫ ВЕДЬ ГОВОРИМ О СЕЛЕНЕ, ДА?

— Да.

— ЗНАЧИТ, ЭТО МЕТАФОРА.

— Конечно — это проклятая метафора.

— У ТЕБЯ ПОГАНОЕ НАСТРОЕНИЕ.

— Ну, видишь ли, когда ты говоришь людям, что ты с Луны, они всегда говорят: — В самом деле? А я говорю: — Кто-то же должен быть с Луны. А они отвечают: — Да, наверное...

А потом они говорят, особенно, если это земляне: — Я бывал на Луне. А я говорю: — Там все бывали,

только им не приходится там жить. И они говорят: — Ну, да — и вроде как улыбаются. А про себя думают: — Она задирается. Видно, что они так думают. Только я не задираюсь. Это они — всегда говорят одно и то же.

И еще они говорят, если они земляне, или, вернее, особенно, если они не земляне: — Что ж, вы, наверное, много времени провели на старой доброй матушке-Земле. А это не так. Мы летали туда дважды, повидаться с бабушкой и дедушкой. Мы это терпеть не могли, Энджи и я. Мы не любили бабушку и дедушку, и нам не нравилась их гравитация. Я свалилась с дерева. Мы считали Землю ужасной и отсталой. У них даже сети не было — там, где живут дедушка и бабушка.

— А ТЫ ИГРАЛА В СЕТЬ С ЭНДЖИ?

— Да, мы все это делали, хотя никто об этом не говорил. У каждого была своя тайная личность, так что ты мог сказать, что тебе нравится, но никто не знал, кто ты на самом деле. Игра с сетью поощрялась. Считалось, что она образовательная и занимательная. Если отбросить чушь насчет образования, она такой и была. Что было хорошо — это сплетни и вранье. Энджи выдавала себя за капеллийскую принцессу в изгнании.

— А НА КАПЕЛЛЕ ЕСТЬ ПРИНЦЕССЫ? Я ЭТОГО НЕ ЗНАЛА.

— Я тоже этого не знаю, Элис. И не думаю, чтобы кто-нибудь это знал. Но это то, что тебе нужно на Луне. Я хочу сказать: быть капеллийской принцессой в изгнании. А иначе все сводится к урокам гражданского права, вакуумным тренировкам, тай-чи, ежемесячным занятиям медициной, ре-эстрам уборки и техобслуживания, и никакой возможности выйти наружу. Правда, не скажешь, чтобы там было куда идти.

У меня было одно место, куда я иногда ездила, когда Энджи уходила со своими друзьями. Я брала велосипед и отправлялась из Посейдона через Озеро Мечты. Если ты проезжаешь через все Озеро Мечты, ты в конце концов попадаешь в Озеро Смерти. Я всегда считала, что это, в общем, правильно. На расстоянии пяти минут от Посейдона уже

не было и следа людей, и вообще ничто не указывало, что там кто-то бывал. Просто нудные бурые скалы и тени, черные, как небо. В тень никто не заходит. Там слишком холодно.

Я ставила пленку и выключала радио. Радио выключать не полагалось, но я это обычно делала, чтобы никто не слышал, как я пою под пленку.

— ТЕПЕРЬ ТЫ НЕЧАСТО ПОЕШЬ, ДА, КАПИТАН?

— Скажи спасибо. Вместо этого я разговариваю сама с собой.

— ТЫ РАЗГОВАРИВАЕШЬ СО МНОЙ.

— Это одно и то же.

— ИНОГДА ТЫ БЫВАЕШЬ ОЧЕНЬ ГРУБОЙ. МЕНЯ НЕ УДИВЛЯЕТ, ЧТО ЭНДЖИ НЕ ХОТЕЛА С ТОБОЙ ИГРАТЬ.

— Да я все равно не очень-то болталась с ней вместе. Единственное, что мы делали вместе, — это играли в сеть. И иногда папа брал нас в Безмятежность, посмотреть на корабли.

Именно в Безмятежности мы потеряли Энджи несколько лет спустя. Нам нравилось там, когда мы были детьми, хотя, оглядываясь назад, я думаю, что это было не так уж блестяще. Годы Пик к тому времени уже давно были позади. Никто не останавливался на Луне, разве что по необходимости. Звездолеты обходили нас стороной. Оставалась всякая мелочь — тендеры и шаттлы. Без обид, Элис.

На Луне все были помешаны на аскетизме и коллективной работе. Или, как мои отец и мать, у которых хватило ума покинуть Землю, но не хватило связей или сметки, чтобы получить разрешение на работу на орбитальной станции. Обычно мы наблюдали, как они приезжают, — вид у них был обалдевший и разочарованный. Нервные туристы, которые либо не могли себе позволить, либо не переносили более дальних путешествий, пассажиры нижней палубы, пролетавшие транзитом.

Толстые парочки в выходных нарядах, передвигавшиеся неловко, как малыши, только начинающие ходить, и кудахтавшие над сувенирными украшениями из лунной пыли. Бюрократы с серой кожей в

серых хлопчатобумажных одеяниях. Они всегда ругались с клерками из-за расписания и наводняли телефонные станции. Мой папа всегда говорил: — Держитесь от них подальше. Он всегда боялся, что они будут преследовать его за налоги, которые он не уплатил. Инженеры с защитными очками поверх головных телефонов и роботы, парившие на каблучках. Команды по нетболу из Церкви Звездного Пастыря — совершенные тела и сверкающие зубы. А то время от времени попадется кучка принудительных эмигрантов — индейцев или китайцев, всех в одинаковых пижамах, бредущих толпой. Никаких интересных инопланетян там не встречалось. Были только альтесеане, всюду таскавшие за собой черные пластиковые сумки, перки и эладельди, похожие на больших собак, на которых напялили униформу.

Когда я была маленькой девочкой, мне хотелось иметь собаку.

— ПРАВДА, КАПИТАН? НО ВЕДЬ ОТ ЭТИХ СУЩЕСТВ — СОБАК — ТАК МНОГО ГРЯЗИ, РАЗВЕ НЕТ?

— Ты бы очень хорошо вписалась в обстановку на Луне, Элис. Единственная собака, которую я там когда-либо видела, была очень чистенькая, очень маленькая, ростом всего около десяти сантиметров. Это была голограмма. Там была еще одна — с обезьяной, засунутой в маленькую скорлупку со срезанным боком, чтобы можно было ее разглядеть. Места там едва хватало для обезьяны, ее пасть была открыта, и мне это не нравилось. Я думала, что она кричит. Собачка тоже выглядела не особенно жизнерадостной. Она была белая, с черными пятнами.

— БОЮСЬ, Я НЕ ВСЕ ПОНИМАЮ В ЭТОЙ ЧАСТИ РАССКАЗА, КАПИТАН.

— Это было в музее. В музее Большого Скачка. Мама часто брала меня туда, когда я была совсем маленькой. Я всегда сразу шла к собачке и обезьянке. Они помещались в самом начале вместе со всей этой нудятиной, мимо которой другие дети обычно пробегали по пути к истребителю фрасков. Это был дисплей, как это называется, — диорама, рассказывавшая о жестокостях докапеллийских полетов. Потом там были первые полеты "с помощью" —

так они их тогда величали; первые прыжки; некоторые катастрофы, исчезнувшие корабли. Там был истребитель — он разбился, а потом они его восстановили, и какая-то душещипательная чушь насчет того, как "мы" помогли Капелле победить фрасков. А посередине был открытый в пространство участок, просто кусок голой поверхности с окном во всю его ширину, и на табличке было написано, что это картина прибытия капеллийцев в солнечную систему.

Там была еще одна диорама, перед окном. На ней был изображен человек с огромной лысой головой, одетый в простыню и блестящие сандалии, приветствующий парочку стоявших с довольно глупым видом "звездоплывателей", как они их называли, в неуклюжих старомодных скафандрах. Капеллиец парил над землей, опираясь на пустоту и улыбаясь. Что-то в этом было странное: как будто там нарочно была допущена ошибка, и ее надо было найти, или что-нибудь в этом роде.

— КАПЕЛЛИЙЦЫ НЕ ДОПУСКАЮТ ОШИБОК, КАПИТАН.

— Именно это и говорил мой папа. Он говорил: — Держись подальше от элательди, потому что все, что они видят, тут же доходит до капеллийцев. Он еще говорил, чтобы я держалась подальше от перков. Жаль, что я его не послушалась.

— А ПОЧЕМУ ТВОЙ ПАПА ИХ НЕ ЛЮБИТ?

— О, папа на самом деле вообще не любит никаких инопланетников. Ему не нравился даже капеллиец в музее, тот, на диораме, а он улыбался, как большой игрушечный мишка. И вид у него был такой, словно он сейчас похлопает звездоплывателей по головке. А у тех вид был просто изумленный.

Вообще-то папу вполне устраивало на Луне. Это всем нам было там ужасно скучно.

— А ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ТВОЕЙ СЕСТРОЙ?

— Как-то раз она была в Безмятежности и там познакомилась с мальчиком из Священной Гробницы Расширенной невросферы. Он сказал ей, что ей больше нет нужды быть воображаемой принцессой. Вместо этого она может стать маленькой частичкой Господа.

Я ничего не знала о Боге, но именно тогда я поняла, что это серьезно, — когда Энджи рассказала этому мальчику о своей тайной личности. Мама и папа спорили с ней, но напрасно. Энджи с головой ушла во все это. Великая Сеть в небесах. Розетки, программы, все такое. В конце концов, на Луне она была всего лишь проездом, как и мы все.

Так Энджи нашла свой выход. А еще через несколько лет я нашла свой.

V

Табита с сердитым вздохом бросилась на жесткую койку. Она оглядела камеру. Четыре розовых пористых стены, бетон. Дверь из цельного листа стали, утопленная заподлицо, замок с защитой, без ручки. Окон нет. В двери есть решетка, и еще одна — сверху, за ней слабо мерцает линза фотокамеры. Грязный розовый бетонный потолок, биофлуоресцентный звонок, неработающий. Грязный розовый бетонный пол. Койка представляла собой твердый помост у одной из стен. В углу уже воняло некое подобие химического сортира грязно-белого цвета. Ни для чего другого места в камере не было.

Эладельди потащили Табиту со ступенек в какую-то аллею, приперли ее к стене и обыскали. Затем, придя к заключению, что политических мотивов у нее не было и что она обычная перевозчица, они передали Табиту местным властям, что само по себе было большим облегчением. Иногда, там, где дело касалось капеллийцев, эладельди могли стать весьма противными. В полицейском участке Мирабо ее подвергают, а потом перестанут обращать внимание. В тюрьмах же эладельди люди имели тенденцию исчезать.

Задержавший ее полицейский был из подразделения по контролю за толпой — полный киборг. На его серой маске мигали показания данных, затемняя живявленные ткани.

— Джут, Табита, капитан, — произнес он нараспев, сканируя и записывая ее данные своей линзой, похожей на глаз циклопа. Он был очень

высок и весь сверкал. Его длинная рука с жужжанием протянулась, чтобы взять ее за локоть.

Табита сделала попытку уговорить его дать ей возможность сначала выяснить обстановку в баре.

— Я должна сказать своему нанимателю! Он там, внутри. Я как раз собиралась подойти к нему, когда эти проклятые червяки подставили мне подножку.

Разумеется, это было бесполезно.

Эладельди следили за тем, как полицейский вел Табиту в конец аллеи, где в автомобиле на воздушной подушке их дождался его напарник. Они посадили девушку в середине.

Движение было интенсивным, и они двигались медленно. В течение всего пути в центр на искаженных лицах полицейских мигали электронные узоры красных и синих данных, анализ, отчеты, желтые сети, видеоидентификация, дополнения и уточнения по другим делам. Когда они глушили мотор, Табита могла слышать что-то шептавшие им тихие голоса. Друг с другом они не разговаривали, с Табитой тоже.

В полицейском участке флегматичная женщина-сержант за конторкой пропустила идентификационную карточку Табиты через считывающее устройство и забрала ее. Арестовавший ее офицер стоял позади нее наподобие статуи с автономным мозгом. Это была мрачная фигура, стоявшая там с проводами, торчавшими из носа, и белками закатившихся глаз, просвечивавших сквозь пустую плату его лица. Электронный человек, прислуживающий поющим голосам с другой звезды, говорящим ему комплименты, успокаивающим его, принимающим его услуги.

Сержант вывалила содержимое сумки Табиты на конторку между ними. Она разложила вещи и стала их рассматривать.

— У нас и раньше были неприятности, да, Табита? — негромко произнесла она дежурную фразу.

Табита не ответила. Пошли они ко всем чертям. Если разобраться, так все они одинаковы. Полицейские и перки, эладельди и проклятые капеллийцы там, на Хароне, насколько она их знала. Жизнь и без того была достаточно тяжелой. Правила, уложе-

ния и протокол. Трайбалистская чушь. В наше время и без всего этого было довольно трудно сводить концы с концами.

Противодействие ничего не давало.

Тем не менее, казалось, Табиту это не останавливало — она все время пыталась восстать.

Табита положила обе руки на конторку, наблюдая за сержантом с саркастическим восхищением.

— Держу пари, вам нравится ваша работа, — сказала она.

Сержант устремила на нее мягкий взгляд.

— Вы думали подать заявление? — спросила она. — Мне бы хотелось, чтобы вы это сделали. Все вы. Мне бы хотелось это увидеть. Это принесет вам огромную пользу.

В ее голосе звучало отвращение — отвращение, сдерживавшееся ленью и скукой. Табита была всего лишь очередной забиякой на карнавале. Они знали, что она пила по пути сюда. Им достаточно было только взглянуть на пол ее кабины, чтобы доказать это.

— Я лучше буду дерьмо разгребать, — заявила Табита.

Сержант кивнула: — Мы вам это устроим.

— Держу пари, вся богатая картина разумной жизни раскрывается перед вами через содержимое чужих сумок, — заметила Табита.

Сержант подняла экземпляр сомнительного журнала с загнутыми уголками страниц. Она подняла бровь.

Табита не обращала на нее внимания: — Я только позвоню по телефону, хорошо?

— Нет, не позвоните.

— Мне просто надо ПОЗВОНИТЬ.

— Нет, не надо.

— Послушайте, — сказала Табита, — вы ведь собираетесь взять с меня штраф? А у меня нет денег, так? Вы же прочли мои данные.

— Вам еще ничего не предписано, — сообщила женщина. У нее была огромная квадратная челюсть и непоколебимо самодовольный вид, сохранявший

при этом скуку и отвращение, распространявшееся на возможно большее число других людей.

— Это была самозащита, — сказала Табита. — Я же ему сказала. Она круто развернулась и постучала по нагрудной пластине задержавшего ее офицера.

— Они не любят инопланетян, ввязывающихся в драки, — сказала сержант. Она подразумевала элადельди.

— Это же был распроклятый перк, — сказала Табита. — Послушайте.

Теперь, когда она стала просить, она знала, что все попало.

— Неужели вам никогда не хотелось швырнуть одного из них в канал? Держу пари, что хотелось. Держу пари, вы продельвали гораздо худшие вещи, чем бросать в канал перков.

Табита перегнулась через стойку: — Ну, так вот, в моем случае это была самозащита! — заявила она.

— Держу пари, вы считаете себя просто героиней, не так ли? — сказала сержант. — Бросаясь маленькими перками.

Она сунула пожитки Табиты назад ей в руки, дала сигнал невозмутимому роботу и отослала девушку вниз.

И теперь Табита сидела на койке, стараясь засунуть свои вещи в сумку. Здесь были пачки пожелтевших распечаток и завалавшейся документации; банки пива “Шигенага”, пустые и полные; целый ассортимент мятых тряпок из искусственного шелка и серое нижнее белье; пара закопченных антигравитаторов, сплюснутая коробка с двумя органическими тампонами, сетевой контрольно-измерительный прибор, инерционная отвертка, пакетик засыхающих фруктовых леденцов; и книжка в изломанной дешевой бумажной обложке, с измятыми страницами и оплавившимся и инертным переплетом.

— И чего я всюду таскаю за собой эту дрянь?

Эладельди прибыли так быстро, что Табита даже не увидела, что же случилось с капеллийским паромом. Она вспомнила, как падал истукан с проломленной головой. Немного посмеялась над

этим. Потом подумала, как, интересно, чувствовал себя перк.

В общем, это еще не конец света. Какой они могут назначить штраф? Не такой уж большой. Может быть, ей удастся обменять несколько тяговых защелок на кристалл и получить на открытом рынке вполне законным образом деньги на уплату штрафа за пару подвесок. Она вылетела в трубу, пропустив встречу с Тристом в баре, но подвернется другая работа.

Должна подвернуться.

Скоро Табита заскучала. Делать было нечего. Она подумала было поиграть на гармонике, но, похоже, это была единственная вещь, которой не оказалось в ее сумке. Она вспомнила каталажку на Интегристи II. По крайней мере, там в камерах был музак. Хотя ко всему прочему они добавляли в воздух какую-то дрянь, делавшую человека пассивным. Видео-автомат в камерах — вот была бы хорошая идея, Табита не понимала, почему до сих пор никто до этого не додумался. Зрители поневоле.

Табита зевнула. Потом свернулась калачиком лицом к стене и закрыла глаза.

Время шло. Табита смертельно устала, но заснуть не могла. Время от времени она слышала шаги, неразборчивую речь и жужжание роботов. Однажды раздался вопль и жуткий скрежет металла. Снова шум, продолжительный свист, очень слабый и высокий, Табита не могла понять, звучал он у нее в ушах или в стенах. Она поймала себя на том, что ведет пальцем по бледному, серебристому следу в том месте, где со стены были стерты какие-то рисунки. Она не знала, сколько времени пролежала так. Время здесь остановилось, как остановилось оно и в космосе. Бетонные стены выключили его, как и стены из звезд.

Неожиданно дверь отворилась и Табита приподнялась на локте.

Это был полицейский. Она не могла сказать, были ли это первый полицейский или какой-то другой.

— Джут, Табита, капитан, — сказал он.

По его лицевой плате прокатились данные, изменили форму, замерли.

— Вставайте, — сказал он.

Она поднялась, не особенно торопясь сопровождать полицейского.

Сержант за стойкой слушала свой головной телефон. С чего-то вдруг она стала очень официальной. Очевидно, теперь кто-то слушал ее: — Джут, Табита, капитан. Адрес в настоящее время — судно, находящееся в доке в порту Скиапарелли, “Берген Кобольд”, регистрационный номер BGK009059.

— Да, — сказала Табита, хотя ее не спрашивали.

— Нападение с отягчающими обстоятельствами, нарушение спокойствия, вызвала публичные волнения, нарушение гармонии между видами, то же, гражданское — то же, серьезный ущерб, ущерб, нанесенный изменой, безответственное поведение. Двести пятьдесят скутари, — объявила сержант с широкой улыбкой.

— СКОЛЬКО? — Это было в три раза больше, чем она ожидала.

— У вас есть двадцать четыре часа, чтобы вернуться сюда с деньгами или передать их по телефону.

— Да, да.

— Или вы лишитесь своего корабля.

VI

“Лента Мебиуса” находится на южном берегу Грэнд-канала, примерно в километре от Аркады Баратха, между Церковью Обращенных Всеобщего Семени и рестораном ракообразных. Теперь, когда времена расцвета его дурной славы миновали, бар стал излюбленным местечком для не слишком светских посетителей Скиапарелли, любивших воображать, что нашли уголок города, сохранивший очарование истории пограничных времен. На самом деле первые владельцы эмигранты из Европы, имевшие все основания для того, чтобы предвидеть ностальгический бум, искусственно “состарили” интерьер из стекловолокна, поместив его на недельку в пустыню перед тем, как поставить в баре.

В тот вечер, когда Табита, наконец, положила ладонь на побитую алюминиевую ручку двери, это было все то же жизнерадостное заведение с подмоченной репутацией, обслуживавшее социальные нужды тех, кто чувствовал себя более комфортно, обделявая свои делишки в мутноватой среде. Проститутки обоих полов, парами и поодиночке, приходили сюда в начале и в конце своей смены, чтобы встретиться со сводниками, торговцами наркотиков и "привилегированными" клиентами. Вышедшие в тираж журналисты занимали шаткий форпост в одном конце бара, откуда они могли запастись все более невероятными сплетнями, — ничего другого им уже не оставалось. В другом конце находилась низкая сцена, где артисты-неудачники восстанавливали равновесие, с помощью которого они собирались пережить свой профессиональный спад. Если артист с треском вылетал из "Нэш Павилион", он отправлялся напрямик на сцену в "Ленту Мебиуса". Сейчас на ней находился мужчина маленького роста, коротконогий, но довольно красивый, как подумалось Табите, машинально оценившей его при входе. На его плече сидел попугай. Он был похож на настоящего. Мужчина исполнял какую-то музыку, но из-за шума ее было трудно расслышать.

Табита подошла к стойке бара. Работала Хейди. — Я ищу человека по имени Трист, — сказала Табита.

— Он ушел, — ответила Хейди.

Табита фыркнула. Ничего другого она и не ожидала. — А где я могу поймать его, Хейди, ты не знаешь?

— Калисто, — сказала Хейди, протирая стойку.

— Черт, — сказала Табита уже мягче. — Он по сети передавал объявление насчет работы. Ты об этом ничего не знаешь?

Хейди покачала головой. Ее глаза, поблескивая, следили за программой кабаре. Мужчина раскинул руки в стороны. Попугай прыгал от одной руки до другой по его плечам.

— А он ничего, правда? — заметила Хейди.

— Я не слышу, — ответила Табита.

— Я не о музыке говорю, — сказала Хейди.

Табита холодно улыбнулась ей. Но все же внимательно оглядела мужчину.

Теперь сквозь дым и искусственный высокотехнологический сумрак она увидела, что он играет на перчатке. Он пел, а, может быть, пел кто-то другой. Табита не видела, как шевелились его губы. Губы были хороши, красиво очерчены, а его глаза были карими и очень круглыми. И все время, пока Табита рассматривала мужчину, где-то в глубине ее сознания вертелась мысль. Двадцать четыре часа. Ублюдки.

Она спросила: — Не знаешь кого-нибудь, кому нужны грузовые перевозки? — Раньше с ней никогда такого не случалось, никто никогда не грозил отнять у нее корабль. Табите не нравилась мысль о том, что Элис попадет в лапы легавых.

— Кого угодно, только не перка, — добавила она.

Отведя глаза от мужчины на сцене, Табита окинула быстрым взглядом игроков. В переднем окне шла какая-то сложная молчаливая игра, где толстые пачки мягких старых банкнот быстрыми движениями переходили из рук в руки. Перевозчик ядов пил из одного кувшина с водоносом. Два игривых трехлетних транта в кремовой коже и солнечных очках пристроились у допотопного музыкального генератора, потягивая лакричный ликер.

— Сейчас никто не работает, — сказала Хейди. — Сейчас карнавал. Дать тебе выпить?

Табита вздохнула: — Пива, — сказала она.

Хейди на одном дыхании выпалила семь наименований.

— Что поближе, — сказала Табита.

Карлос наверняка кого-нибудь знает. Девушка направилась к телефону, находившемуся на ступеньках подвала, под сценой. Проходя мимо, она сообразила, что поет птица. Внешне птица была похожа на попугая, но звуки, которые она издавала, вовсе не походили на голос попугая. Она умела петь. И пела нежным дрожащим голосом о желтой птичке, сидящей высоко на банановом дереве.

Карлос отсутствовал. Табита оставила ему сообщение, сказав, что позвонит попозже, а сама

подумала, что скорее всего не станет этого делать. Она могла с тем же успехом сократить свои потери и улететь на Фобос или в Долговечность, посмотреть, нет ли там чего-нибудь или кого-нибудь, кто не улетел на карнавал.

Табита пила, наблюдая за перчаточником. Он ей даже нравился. Он был загорелым и холеным, с лоснящимися черными волосами. На нем была изящная красно-белая блуза в тонкую полоску, псевдобрюки и сапожки-эспадрильи. Похоже, он был даже талантлив, хотя нервная, пронзительно звучащая перчатка сейчас была уже несколько старомодной, даже в Скиапарелли, где все держалось вечно. Звук был глубоким, электронно-сглаженным и плавным, но сопровождавшее его тремоло было столь прекрасным, что с трудом можно было отличить отдельные ноты. Мелодия стремительно пошла вниз и разделилась на две, создавая гармонию сама с собой. Публика зааплодировала. Мужчина улыбнулся. Птица устроилась на его плече, прижавшись к его щеке с закрытыми глазами, и тоже запела — жутковатую, тихую и проникновенную песню без слов.

Хейди протерла стойку возле локтя Табиты.

— Еще выпьешь? — спросила она.

— О'кей, — сказала Табита, допивая стакан. Еще раз выпить, еще раз попробовать дозвониться Карлосу — и в путь. — Я сейчас вернусь, Хейди, — сказала она и пошла назад к телефону.

Карлоса все еще не было. Его улыбающееся изображение предложило ей назваться и оставить свой номер телефона. Табита стукнула кулаком по стене.

— Гуляешь где-нибудь на вечеринке, да, Карлос? Что ж, надеюсь, ты веселишься, потому что мне совсем не весело.

— Ошиблись номером? — поинтересовался голос у нее над головой.

Табита взглянула вверх. Это был перчаточник со своей птицей, спускавшийся по ступенькам. Они закончили выступление и шли вниз во влажный и убогий подвал, который управляющие отказывались ремонтировать из-за его "классической атмосферы".

— Номер-то правильный, я ошиблась планетой, — сказала Табита.

Он спустился на лестничный пролет и встал позади нее, заглядывая через ее плечо в физиономию Карлоса на маленьком экране. Табита чувствовала запах его птицы. Она и пахла попугаем.

— Этот парень вас кинул? — спросил музыкант. — Не взял вас на вечеринку? Вы ведь только что это сказали, так? Простите, я хочу сказать, что не в моих привычках подслушивать чужие телефонные разговоры — вы понимаете — я просто спускался вниз и не мог...

Птица вытянула шею и неожиданно издала громкий пронзительный крик, похожий на сигнал пожарной тревоги. Табита вздрогнула. Затем вынула свой штепсель из телефонной розетки.

— Замолчи, Тэл! Замолчи сейчас же! Заткнись, сделай милость. А, Тэл? — прикрикнул музыкант, хлопнув птицу своей перчаткой. Та смолкла так же неожиданно, как заорала.

— Это Тэл, — сказал музыкант. — Приношу свои извинения. Артистический темперамент. Очень-очень чувствителен. Здравствуйте, я Марко, Марко Метц. Что? — спросил он, хотя Табита ничего не говорила. — Что? Вы слышали обо мне?

— Нет, — сказала Табита. Вблизи его глаза были еще более сладкими, чем на сцене.

— У вас очень хорошо получается, — сказала она.

— Да, — ответил он. — У меня действительно прекрасно получается. Я хочу сказать, что так оно и есть. Да, я очень хорош. Действительно. Но зачем вам это знать? Вы занятая женщина, я занятой мужчина, это большая система...

В течение всего времени, пока он нес эту бессмыслицу, его глаза скользили вверх и вниз по ее телу.

На это у нее не было времени.

И все же.

— Тэл? — сказала Табита, показывая на попугая.

— Да, правильно.

— Можно его погладить? — спросила она.

Он слегка пожал плечами: — Это ваши пальцы, — сказал он. — Нет, нет, я просто шучу. Конечно. Вот так. Видите?

Марко легко взял руку Табиты в свою. Его рука была теплой и сухой. Он поднял ее пальцы к голове попутая и погладил ими птицу по спине. Тэл изогнулся.

— Откуда он? — спросила Табита.

— Он? Издалека. Вам это даже не произнести. Посмотрите на него, он сам не может этого произнести. Эй, — сказал он, приблизив свое лицо к клюву птицы, — она хочет знать, откуда ты. Видите, даже он не может этого произнести.

— Крем для обуви! — неожиданно пропела птица. — Интриги в кордебалете! Интриги в обуви!

Удивленные, они оба расхохотались.

— Он слегка возбужден, — сказал Марко.

Табита снова погладила птицу по голове: — Ему можно пить?

— Тэлу? Нет.

— А вам?

— Конечно.

— Я буду в баре, — сказала Табита.

— Итак, — спросил он, присоединившись к ней через три минуты уже без птицы, — вы приехали в город на карнавал?

— Нет, я ищу работу. Я только что вернулась с Шатобриана.

— На Поясе? — Марко взглянул на нее уже с уважением, как это бывало со всеми, когда она говорила что-нибудь в этом роде. — Что это была за работа? — поинтересовался он.

— Просто поставка для аптеки. В основном специальные бутылки с вакуумной липкой сывороткой. Ничего интересного.

— Так вы пилот?

— Я пилот.

— Вы всегда работаете на эту аптеку?

— Работать я буду на кого угодно, — сказала она, — если деньги хорошие.

— У вас что, свой корабль?

— Да, у меня свой корабль, — сказала Табита. Сразу было видно, что на него это произвело впечатление. Даже после стольких лет она не могла не испытывать гордости, говоря это совершенно незнакомому человеку. При этом она знала, что будет испытывать значительно меньшую гордость, когда скажет Элис об условиях уплаты штрафа. Табита надеялась, что ей не придется этого делать.

Она взглянула на Марко. Ей захотелось взять его с собой. Захотелось привести его в свою кабину и сорвать с него всю его шикарную одежду:

— Я бы пригласила вас на борт, — сказала Табита, — но я не собираюсь здесь оставаться.

— Очень плохо, — ответил он. — Это было бы дивно. А какой у вас корабль?

Табита уставилась на него.

Она вдруг сообразила, что на самом деле его интересует ее корабль. Она почувствовала себя слегка оскорбленной.

— Просто старое корыто, — ответила Табита.

— Скуттер?

— Нет, баржа.

Вид у Марко сразу стал очень оживленный, словно он рвался поделиться с ней каким-то радостным секретом.

— И он только ваш? Никого больше нет?

— Нет, — ответила она, уязвленная.

— Хотите отвезти меня на Изобилие?

— Вы едете на Изобилие?

— Да.

— Сегодня?

— Нет, нет. Но завтра — первым делом.

Табита изумленно смотрела на него. — Что ж, хорошо! — сказала она. И тут вспомнила о кристалле осевого запора. — Ох, нет, — сказала она. — То есть я хочу сказать — я с удовольствием, только мне нужно еще кое-что.

Он коротко рассмеялся: — О, есть и еще кое-что, — сказал он. — В изобилии. Сколько вам нужно?

Табита пососала губу: — Двести пятьдесят, — сказала она. — Вперед. А потом, черт, не знаю, мне надо ремонтироваться.

— Нет вопросов, — отозвался он.

— Не верю, — сказала Табита. — Вы серьезные.

— Иногда.

Он легко провел ладонью вниз по ее руке.

Прикосновение его было мягким — прикосновение музыканта.

Он спросил: — Хотите пойти на вечеринку?

VII

Они вместе вышли в холодную пыльную ночь.

Хотя парад давно уже кончился, на воде все еще были толпы. Там были дети, боровшиеся на плотках из толстых досок и пластиковых барабанов; парочки в гребных лодках; беспризорные хромающие моторные катера. На площадке лестницы, расположенной ниже “Ленты Мебиуса”, стояли, сидели, бездельничали, спорили и пили по меньшей мере человек двенадцать. К красно-белому столбу была привязана скоростная лодка. Зеленая птица полетела вниз прямо к ней, ее тень была смутной и удваивалась лунами.

Луны освещали пустыню и степь, полярные поселения и каньоны, где вглубь и вширь разливались сонные каналы. Они окрашивали пустыни, заливали пампасы, сияли на стеклянных фермах, бросали отблески на заросшие водорослями озера переплетающихся городов. Они заливали светом арену в Барсуме и серебрили лужайки пригородного Брэдбери. Не делая никаких различий, они освещали мрачные монолитные кварталы старого города и надменные беспорядочные постройки нового, безмолвно наблюдая за тем, как он расползался вширь, за пределы демонтированного купола.

Табита откинулась в лодке, пораженная и ошеломленная своим везением, пока они скользили по грязной воде под ядовитым сиянием видеостены. Марс, как она позже отметит про себя, был забит; туда потекли большие деньги. Прошло всего не-

сколько лет с тех пор, как Скиапарелли был живой панкультурной маткой, космополитическим перекрестком солнечной системы, где все расы, находившиеся под покровительством Капеллы, могли сосуществовать в шумной гармонии либо, торгуясь и споря, следовать через него в караван-сарай на юге. В те дни туристические автобусы оттесняли кайки и грузовые платформы от Аль-Казары; импортные сувениры заполняли полки ломбардов, куда когда-то забредали мучившиеся с похмелья астронавты, сжимая в руках свои конусы и аккордеоны.

Табита любила его и таким, хотя она помнила лучшие дни, не так много лет назад, когда джаз-бэнды в винных погребах звучали так громко, что почти заглушали бешеный стук космических старателей старых времен, игравших в маджонг. Можно было лечь спать в любом месте, где было достаточно тепло, и даже полицейские не стали бы тебя прогонять. Проснувшись с первыми лучами солнца, можно было обнаружить беспризорную ламу, рывшуюся носом в твоём кармане, и группу транков-торговцев хлопьями, налаживавших свой рынок прямо вокруг твоей постели.

Надев башмаки, ты моргал, спотыкался о сук и, стащив по пути чапати у старушек, брел вдоль аркады вслед за запахом жарящихся кофейных зерен. Из окон верхних этажей высовывались люди, чтобы поболтать с соседями, проезжавшими по каналу. Развешанное на веревках, протянутых через сто девяносто девять тихих заводов, их разноцветное белье неподвижно висело в горьком утреннем воздухе. Пока ты пересекал Медный мост, солнце играло на крышах домов, яркое, как масло, в светло-коричневом небе. Тендеры-роботы быстро проносились по воде, что-то бормоча про себя. А дальше, в Садах Хамишавари, вверх взлетали фонтаны.

Для людей, которые, получив власть над пространством, предпочитали перепрыгивать через него, а не болтаться на орбите и что-то там строить, Марс и его стремительно летящие луны были настоящим подарком судьбы. Руки капеллийцев направляли все операции, капеллийская техника создала все постройки, но великий труд по заселению Марса был

осуществлен людьми с его ближайшего соседа — планеты Земля — и во имя этих людей. Их энтузиазм можно было понять. Неожиданно они получили доступ к целой планете; и не просто доступ, а реальную возможность ее освоения: планеты незаселенной, пустынной. Покинутой.

Сейчас, когда Красная Планета буквально наводнена кремневыми моделями и сентиментальными воспроизведениями “античности”, больше как дань моде, а не благодаря археологам, трудно себе это представить, но во времена Большого Скачка единственными следами когда-то гордой расы архитекторов и инженеров были великие каналы.

Несмотря на впечатляющие размеры, каналы были в плачевном состоянии, их воды задыхались от ила, русла были все в трещинах, а берега разрушены веками долгих и трудных марсианских зим. Там, где они исчезали среди растрескавшихся долин и нагромождений огромных валунов на пыльных, покрытых коркой землях, первооткрыватели отступали, признав свое поражение, не в силах разгадать загадки этой дикой страны. Только опытный глаз их капеллийского советника мог определить, где именно в пустыне из базальта и сланца мог находиться скрытый ключ к потерянному миру. Следуя этому указующему персту, они вышли в нетронутую пустыню и стали копать в песке. Тогда и только тогда на свет вновь появились огромные монолитные блоки и плиты старого города.

Они построили купол, чтобы не пропускать пыльные бури и сохранять свежий воздух. Они назвали город Скиапарелли — в честь героя искусства астрономии. Где-то еще измерялись вулканы Тарсиса, осушался Аргирский бассейн, дотошно исследовались целые леса Красных Чашоб. Здесь была гравитация, оставлявшая желать лучшего, здесь был горизонт, настолько низкий, что можно было протянуть руку и дотронуться до него. С помощью примитивных генераторов микроклимата, только появлявшихся на орбитальных заводах Домино Вальпараисо, они разбудили погруженную в дремоту экологию и грубо встряхнули ее. В ржавых дюнах появились первые ростки низкорослого сагуаро. Старатели поплелись назад в города, шумевшие в зеленых оазисах, затем

снова выбрались в пустыню, открыв для себя марсианские морозы.

Годы тянулись долго, компания была разношерстной, и если воздух был неочищенным, то разве это не вносило некоторый привкус опасности во все предприятие? Присутствие капеллийских директоров и полиции эладельди не так подавляло и обескураживало, когда у тебя был шанс погубить себя, если ты рисковал. И тот факт, что большая часть Рио Маас была исследована кораблем пустынь, а не с самолета и вездехода на гусеничном ходу, видимо, имел под собой все ту же основу: это был решительно более опасный путь исследования. Моряков, бросавших вызов внезапным песчаным бурям или опрокидывавшихся на Шее Митридата, спасали редко. Директора советовали этого не делать. Они знали, на что идут", — говорили они, скорбно покачивая огромными головами. На популярной в те времена открытке, привлекавшей эмигрантов, был изображен улыбающийся ребенок в огромных взрослых башмаках, покрытых красным песком. И каким бы сентиментальным он ни казался, этот образ точно передавал опьяняющее чувство, которое испытывало человечество, вступая на путь покорения того, с чем они не могли справиться, — пока.

Ну, а марсиане, эта исчезнувшая раса титанов, что мы можем сказать о них? Даже сегодня — чуть больше, чем может поведать столь красноречивая архитектура Скиапарелли. Они действительно были титанами, судя по их строениям, максимально использовавшим все преимущества непритязательной гравитации. Они были большими и сильными, с далеко идущими планами. Они работали в камне, железе и кирпиче. И хотя естественное освещение определенно не входило в число удобств, занимавших их мысли, в немногих сохранившихся бесформенных ямах, где завывают ветры, остались следы оконных стекол и примитивных, но не столь безуспешных попыток использования стеклобетона.

Что из себя представляли эти строения, до сих пор вызывает сомнения. Они явно не слишком приспособлены для жилья. Как бы ни были они размыты под влиянием крутящихся и замерзающих песков, уничтоживших все следы убранства и мебе-

ли, на их потолках и стенах все же остались знаки: остатки выгравированных, иногда даже инкрустированных прямоугольных символов, в которых многочисленные эксперты безоговорочно признали письмена, хотя их так и не удалось более или менее реально перевести.

Если попробовать воссоздать характер марсиан по порталам кранов, сухим бочкам, подземным темницам и наглухо закрытым склепам, прямым линиям их лестниц, желобов и акведуков, они были серьезными и решительными людьми, обстоятельными во всех своих начинаниях, никогда не сворачивавшими со своего пути и чуждыми легкомыслия. Предполагать что-либо большее было бы фривольностью. Шестьдесят семь разрушенных строений в Долине Барсума, обычно именуемые “монастырями”, могли предназначаться именно для этих целей; с тем же успехом они могли быть армейскими казармами, изоляторами для душевнобольных или жертв чумы, либо лагерями, куда марсиане-горожане выезжали на отдых. Не осталось ни малейших свидетельств ритуального заклания диких зверей на аренах или обычаев принесения в жертву разгневанным богам проворных рабынь.

Что же случилось с марсианами? Куда они исчезли? Если у капеллийских директоров и были какие-либо соображения на этот счет, они их никогда не высказывали. Недовольные на Земле, привязанные к ней по обязанности или из упрямства, бурчали, что Капелла с самого начала знала, что будет обнаружено на Марсе и почему. Некоторые не без злорадства утверждали, что именно Капелла сотворила все это с Марсом, Бог знает сколько эр назад.

И тем не менее, как огромный безмолвный некрополь в сердце бурлящего города, пустые древние бункеры и башни отбрасывают колоссальные, перекрывающие друг друга тени на каменные улицы и быстрые каналы. Мрачное, напоминающее гробницы, их внутреннее убранство без слов рассказывает об исчезнувших архитекторах. В течение некоторого времени здесь в неудобных лагерях обосновались археологи, но потом они перебрались в города, выросшие, как грибы, вокруг развалин. Древний

город был покинут вторично, оставленный на милость романтиков, теоретиков, проезжих и собак. Сюда стали приезжать подростки — снова и снова гонять свои багги по кругу в доках. Когда они выросли, стало модным возвращаться в складские помещения и устраивать там многолюдные вечеринки.

Табита подняла глаза на огромные стены монолитного розового камня, поднимавшиеся вверх на сотни метров и исчезающие в темноте. Между ними, как гигантские автострады, перекидывая мосты через бездны пустого пространства, тянулись прогоны, балки и порталы. Табита могла со всеми удобствами посадить на любой из них Элис, и еще осталось бы место.

Скоростная лодка ровно двигалась между пустыми набережными вдоль гигантских суровых зданий. То там, то здесь вспыхивали огни. Со стоявших у причалов праздничных яхт над краснофиолетовой водой неслась музыка, и раздавались голоса. Хриплый вой двигателя отзывался мертвым пустым эхо.

Они причалили в заводи под небом, черным, как запекавшаяся кровь, и пошли по понтону на бетонированную площадку дока. В темноте бассейн казался тусклой лужей темно-красного вина, в которой, как огромная жемчужина, тонул Деймос. У дока собрались люди, они высыпали из склада, где было полно еды, напитков, свежего воздуха и оглушительно гремела музыка.

VIII

BGK009059 LOG

TXJ. STD

ПЕЧАТЬ

c// basprrr\$TXJ! a222/ In% ter&& &

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? 07.31.33

ГОТОВА.

— Привет, Элис.

— ПРИВЕТ, КАПИТАН. ТЫ СНОВА ПРИШЛА ПОГОВОРИТЬ СО МНОЙ?

— Там, внутри, просто сумасшедший дом.

— Я УЖЕ ВИЖУ. НАДЕЮСЬ, ОНИ НИЧЕГО НЕ ПОЛОМАЮТ.

— Они ломают меня.

— НУ, КОНЕЧНО ЖЕ, НЕТ, КАПИТАН.

— Это вроде как нескончаемая вечеринка у тебя дома.

— ТЫ ЖЕ ЛЮБИШЬ ВЕЧЕРИНКИ.

— Я люблю на них ходить. На вечеринки к другим людям. Сама я их устраивать не люблю. И уж конечно, мне не нравится, когда мне их навязывают.

Впрочем, однажды у меня действительно была хорошая вечеринка. На Равнине Утопии. Когда я получила тебя, я устроила грандиозный сабантуй, чтобы это отметить. Он и вправду хорошо получился. Пришли все: Сэм, Мэй Ли, Мьюни Вега. Фриц Джувенти со "Стойкости Валенсуэлы" в своей треуголке и коротких гетрах — он ничуть не постарел. Кое-кто из девчонок с "ХайБразил" поддразнивали его, но Фриц всегда притворяется, что он просто очарован. Его на мякине не проведешь.

Некоторые из них приехали издалека, даже с Фобоса — те, кого я знала, еще когда вкалывала, чтобы получить белую карточку. Я увидела Доджер Гиллспай — сверкая белками, она требовала сигареты у перепуганной стюардессы межпространственных линий.

— Доджер! — сказала я, обнимая ее. — Я думала, ты на Поясе.

— Я и была там. — ворчливо отозвалась она. — Отказалась от парочки верных дел, чтобы попасть на твой чертов прием с булочками, — пожаловалась она, хотя все это время смотрела на бедную девочку, полузакрыв глаза и вскинув голову так, чтобы в белках отражался свет. Стюардесса послушно протягивала ей пачку сигарет. Доджер, наконец, соизволила взять одну. — Спасибо, милочка, — сказала она и как следует съездила мне по локтю, давая

понять, чтобы я убиралась, впрочем, полушутливо — у Доджер всегда все только наполовину серьезно.

Так что я решила остаться, просто чтобы ее позлить.

Я спросила у ее жертвы: — Вам здесь нравится?

— О, да — ответила та. Она вопросительно посмотрела на Доджер, потом перевела взгляд на меня, но Доджер просто стояла и смотрела на меня, склонив к плечу голову, и ее взгляд говорил: "Чтобы ты сдохла". Никого знакомить она не собиралась.

— Я Табита, — сказала я с обворожительной улыбкой. — Табита Джут.

— Ах, ну тогда это же ваша вечеринка! — пискнула Доджерова стюардесса.

— Вот именно, — ответила я.

Доджер вздохнула и выпустила клуб дыма прямо в нас.

— Так, значит, вы теперь будете летать самостоятельно, — сказала жертва и снова полезла за своими сигаретами. Я позволила ей вытащить их и предложить мне и только тогда покачала головой.

Это все из-за того, что Доджер была рядом. Она на меня плохо влияет.

— Извините, — задохнулась стюардесса. — Я Мойра. Здравствуйте.

— Я в восторге, — пробурчала Доджер.

Мойра смутилась и посмотрела на Доджер. Но в этот момент ей хотелось поговорить со мной.

— Жаль, что у меня нет корабля, — вздохнула она. — Я бы летала с таким удовольствием.

— Но вы же летаете, — заметила я.

Девушка бросила на меня такой взгляд, что сразу стало ясно

— у нее есть характер, просто выучка заставляет ее вести себя, как солдатик. — То есть, вы хотите сказать, что я помогаю старым дамам выпутываться из ремней, — язвительно сказала она. — Я подаю коктейли и улыбаюсь.

— Что ж, когда-то и я этим занималась, — призналась я.

После этого ее уже было не остановить. Подумать только — сначала водить туристов, а кончить тем, что получить собственный корабль!

Я не могла ей сказать, что у нее мало шансов повторить пройденный мною путь. Она бы подумала, что я просто зазналась. Я кончила тем, что оставила ее стоять с разочарованным видом, а Доджер — с видом сардонической благодарности.

— Желаю вам приятно провести время, — сказала я.

Я ушла, чтобы пройтись между гостями. Я и понятия не имела, что пригласила столько народу. Там была даже парочка беспилотников — не знаю, как они ко мне попали — и, похоже, все из салона по найму. Я рисовалась, потому что мне уже не надо было туда ходить. Никаких больше полетов по контракту, когда пилоты-владельцы обращаются с тобой, как с грязью. Никаких больших досок с объявлениями, никакого салона по найму!

— А ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ, КАПИТАН?

— Ну, понимаешь, когда ты впервые приезжаешь на станцию, ты никого не знаешь, так что ты завязан на официальной сети, на досках для приезжих дельцов, на салоне для местной публики. Очень скоро ты понимаешь, что это пустая трата времени. За всем надзирают эладельди, и все равно сведения о стоящей работе передаются по слухам. Но к тому времени, когда ты это выясняешь, ты уже познакомилась с несколькими людьми, и тебе уже не надо больше болтаться в салоне. Что надо делать — так это облюбовать себе уголок в какой-нибудь кантине или гимнастическом зале. Где-нибудь да подвернутся новости. Кое-кто из "стариков" пристроился в полицейских участках и помещениях транспортного контроля. Но если у тебя есть свой корабль и нет аллергии на работу, ты можешь выбирать.

— НО НАМ ВСЕ ЖЕ НЕ ВСЕГДА ТАК ЛЕГКО УДАЕТСЯ НАЙТИ РАБОТУ, НЕ ПРАВДА ЛИ?

— Да. Не всегда. Мы делаем глупые ошибки и кончаем тем, что связываемся с каким-нибудь придурком вроде этого.

— ИЗВИНИ, КАПИТАН. Я НЕ ХОТЕЛА ПРИДИРАТЬСЯ. ПРОДОЛЖАЙ ПРО СВОЮ ВЕЧЕРИНКУ. ПРО СВОЙ НАСТОЯЩИЙ УСПЕХ.

— Это и был успех. За весь вечер ни одной секунды скуки и ни одной фальшивой ноты. Единственный раз все притихли, когда явилась пара патрульных эладельди и стала разнохивать, потому что все сборища на равнине — общественные и частные — находятся в их ведении. Я предложила им выпить, а они просто оскалили зубы из вежливости.

Я заметила альтесеанина, прятавшегося под столом. Я подумала, что он пытается спрятаться от эладельди, но он просто шарил там в поисках каких-нибудь оброненных вещей. Видишь ли, я думала о капитане Фрэнке. Жаль, что я потеряла с ним контакт. Я потеряла контакт со столькими людьми, Элис.

— ЛЮДИ ПРИХОДЯТ И УХОДЯТ.

— Я скажу тебе, кого я увидела в тот вечер из тех, с кем не хотела встречаться. Одна была из компании "ХайБразил" — Вера Шоу, с бритой головой, в тоге, сандалиях и все такое прочее. — Привет, Табита, — сказала она. — Я слышала, сегодня полагается приносить поздравления.

Она произнесла это так, словно я ждала ребенка.

— На твоём месте я бы зарегистрировала её как можно скорее, — сказала Вера. — Убедись, что журнал в порядке.

— Она уже семь лет не летает, — ответила я. — Она была у Сансау. С ней все чисто.

Вера положила руку мне на локоть: — Все равно, Табита, — сказала она, — тебе будет нужно дать эладельди её осмотреть.

— Нет, — сказала я. Ну и зануда, честное слово. — Они везде полезут вплоть до сортира.

Вера наградила меня чопорным взглядом.

— Ты несносна, Табита, — сказала она. — Ты же знаешь, ты должна дать им проверить корабль.

Я уставилась на неё. — Я забыла, — тупо сказала я.

Она могла бы нагрубить мне в ответ, но она выпивала у меня в доме. Я похлопала её по шелковистому плечу.

— Желаю тебе хорошо повеселиться, Вера, — сказала я и попыталась скрыться, но она стала рассказывать мне все, что ей известно о "Коболь-

дах", все что с ней случилось, когда она летала на "Кобольде", что случалось, когда кто-нибудь из ее знакомых летал на них, и вообще все, что происходило с кем угодно, кому приходилось летать на "Кобольдах", независимо от того, была она с ними знакома или нет.

— ЖАЛЬ, ЧТО Я НЕ МОГЛА ЭТОГО СЛЫШАТЬ. Я БЫ ХОТЕЛА ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ВЕРОЙ ШОУ. ОНА ПРОСТО ЗАВОРАЖИВАЕТ.

— Нет. Она зануда. Я терпеть не могу людей вроде Веры. Ну, хорошо, мы всем обязаны Капелле. Но это же не значит, что мы должны все время воскурять фимиам благодарности. Если бы я была капеллийцем, мне бы это даже было не нужно.

— А КАК ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧЕГО БЫ ТЫ ЗАХОТЕЛА, ЕСЛИ БЫ БЫЛА КАПЕЛЛИЙЦЕМ?

— Если бы я была капеллийцем, у меня было бы все, что я захочу, правда?

— КОНЕЧНО, ОНИ ОЖИДАЮТ КАКИХ-ТО ПРОЯВЛЕНИЙ.

— А может, нет. Может, это была ошибка.

— КАПЕЛЛИЙЦЫ НЕ ДОПУСКАЮТ ОШИБОК.

— Ты это уже раньше говорила. Но они же сделали ошибку, дав привод фраскам.

— У ФРАСКОВ БЫЛ СВОЙ ПРИВОД.

— Разве?

— ДА, БЫЛ.

— Откуда ты это знаешь?

— НАВЕРНОЕ, ГДЕ-ТО СЛУЧАЙНО УСЛЫШАЛА.

— Что ж, особой пользы им это не принесло. Пришла Мэй Ли и вызволила меня. Фактически она схватила меня за локоть: — Ну? — спросила она.

— Что "ну"? — в ответ спросила я.

— Привет, Вера, — сказала Мэй Ли, послав ей через мое плечо ледяную улыбку, и, прежде чем Вера успела ответить, продолжала:

— Когда ты собираешься показать нам КОРАБЛЬ? Все просто умирают от желания его увидеть.

— А это правда “Кобольд” Сансау? — спросила Молли. — Один из “Кобольдов” Сансау?

Я хотела поинтересоваться, что она имеет в виду, но Мэй перебила. Она подбивала гостей пойти и проинспектировать приобретение, и все требовали моего внимания.

Мэй Ли и Молли Джейн. Интересно, что с ними стало. Мэй Ли, наверное, все еще там. Сейчас она уже, наверное, заправляет ремонтной мастерской. Или чьим-нибудь флотом. Ты помнишь Мэй Ли, Элис? Она настаивала на том, чтобы тебя полностью проверить прямо на месте.

— Я ПОМНЮ МЭЙ ЛИ. У НЕЕ БЫЛИ ЧУДЕСНЫЕ РУКИ.

— Только не говори мне, что могла чувствовать ее руки.

— КОНЕЧНО, НЕТ. НО Я ИХ ЗАМЕТИЛА. ОНА БЫЛА ОЧЕНЬ ИСКУСНОЙ. ПОД ЕЕ РУКАМИ Я СЕБЯ ЧУВСТВОВАЛА МУЗЫКАЛЬНЫМ ИНСТРУМЕНТОМ.

— Хорошо.

— ИДЕАЛЬНО НАСТРОЕННЫМ.

— Хорошо!

— ИЗВИНИ, КАПИТАН, Я ПРОСТО ПРЕДАВАЛАСЬ ВОСПОМИНАНИЯМ. ТЫ ЖЕ ЗНАЕШЬ, У МЕНЯ И В МЫСЛЯХ НЕ БЫЛО ЖАЛОВАТЬСЯ НА ТВОЙ СТИЛЬ ТЕХОБСЛУЖИВАНИЯ. СЕЙЧАС Я К НЕМУ УЖЕ СОВСЕМ ПРИВЫКЛА.

— Замолчи, пожалуйста.

— ИЗВИНИ.

— Элис, обещаю тебе, в ту же минуту, как мы выберемся из этой передраги, что бы это там ни было, — как только мне заплатят, обещаю тебе хороший капитальный ремонт, расточку, очистку, все работы.

— САМОЕ ГЛАВНОЕ — ОСЕВОЙ ЗАПОР.

— Все, что угодно! Ты получишь все, что угодно. Как только я получу плату.

— НАДЕЮСЬ, ЭТО БУДЕТ ДОСТАТОЧНО СКОРО, КАПИТАН. ДЛЯ МЕНЯ БЫЛО БЫ УЖАСНО ПОДВЕСТИ ТЕБЯ.

IX

Неожиданно в небе расцвел белый огонь — хризантемы на бархате — и превратился черно-красный. Голубые вспышки магнезии спиралью взвились в зябкую ночь. Над всеобщим весельем и суматохой в темпе стаккато трассировали всплески багряного света. На берегу канала толклись маленькие фигурки со столбиками огня, перескакивая из лодки в лодку, ускользящий огонь подхватывал их тени, отбрасывая их в разные стороны, и тени прыгали по стенам зданий, расположенных на другом берегу. Сквозь стекло снизу доносился приглушенный звук рожков и пьяные приветственные возгласы.

Табита Джут стояла, слегка покачиваясь, в окне квартиры Марко Метца в пентхаусе, и смотрела вниз на бранные останки карнавала в Скиапарелли. Неужели они никогда не отправятся по домам спать?

Табита ткнула в силовое поле, препятствовавшее проникновению холода. Поле вяло укусило ее за палец. Окно было от потолка до пола, генераторы поля — безмолвны и невидимы. Играла музыка. Табита попыталась опереться на поле.

— Не надо этого делать, — сказал Марко. — Ты только что сюда пришла.

Он подошел к ней сзади, положил одну руку ей на плечо, вторую — на талию, прижался губами к ее шее.

Табита повернулась и очутилась в его объятиях. Она прильнула губами к его твердым губам, прижалась к его крепко сбитому маленькому телу.

Марко поцеловал ее в щеку и шепнул ей на ухо: — Может быть, тебе лучше снять жакет?

— Может быть, — ответила Табита. Она была совершенно разбита. Казалось, все стремительно несется вперед, и она легко металась во времени, как ригелийская сильфида. Все было таким блестя-

щим, покрытым серебряной пленкой. Она стряхивала звездную пыль со своих ног. Она потянулась к своему великолепному мужчине, но он повел себя очень практично и взял ее сумку — ее сумку.

— Я просто положу ее здесь, — сказал он и отнес ее на столик, представлявший из себя просто низкую длинную плиту из какого-то прозрачного материала. — Слушай, что у тебя там набито, ты специализируешься на поднимании тяжестей?

— Я подбираю вещи, — ответила она, — во время своих странствий. Я подбираю странные вещи, — сказала она, глядя на него. Он стоял совсем близко, так близко, что трудно было смотреть ему в лицо. Табита стала расстегивать пуговицы его рубашки. На нем было термальная майка, Табита нетерпеливо подтянула ее вверх и нагнулась, чтобы поцеловать его широкую смуглую грудь.

— Я тебе не верю, — сказала она.

И почувствовала, как он напрягся. — Что такое? — спросил он. — Ты о чем?

— Я вожу грузовой корабль, — сказала Табита. — Я встречаю многих мужчин. Я встречаю многих женщин. Но ты, ты — межпланетный артист... — это она выговорила очень тщательно, ей становилось трудно говорить — язык не слушался. — Ты, — сказала она, перебирая пальцами густую поросль на его груди, — ты... это место — и ты собираешься нанять меня!

Марко расслабился.

— Ты, — сказал он, легонько целуя ее, — здорово нагрузилась.

— В доску, — ответила Табита. — Это прекрасно. Тебе досталось что-нибудь из этого?

— Из чего?

— Да что там было, — сказала она, — на вечеринке.

Марко коротко рассмеялся. — Что там было, — повторил он. — Что бы там ни было, думаю, мне тоже досталось.

— Это был кристалл, — сказала Табита, — хорошая штука. Она заморгала, глядя на него: — Правда. — Может, он ей не верит.

Табита потянулась к нему. Ее рука прошла сквозь ртутную суспензию, как Элис сквозь отклонение, глянцеви́тую, прохладную и поблескивающую. Он уже снял нижнюю рубашку. Табита взялась за его ремень. Пряжка была модной, сложной, но и она растаяла в ее руках.

Позади Марко Табита заметила какой-то предмет, стоявший в углу. Он был высокий, тонкий и серебристый. Табита решила, что это какая-то антенна; потом поняла, что это пустой насест.

— Где твой дружок? — спросила она.

— Тэл? Где-то здесь. Я думаю, он решил, что нам надо остаться наедине.

Почему-то это невероятно насмешило Табиту. Тактичный попугай! Она хохотала и не могла остановиться. Когда она смеялась, смех выходил из ее рта, как зеркальные пузырьки жидкого кислорода и пятнами расплескивался по радужным стенам, мерцающему потолку, по этому чудесному мужчине, его прекрасным блестящим карим глазам. Она погружала его в волну удовольствия, неужели он этого не понимал?

Табита подумала, что это важно — сказать ему: — Когда я впервые тебя увидела, — заявила она, — я была в такой заднице. Знаешь, что они сказали?

— И что же они сказали?

— Они назвали это нарушением гармоник, — язык у нее снова заплетался, — гармонии между видами, — выговорила она. Говорить было значительно труднее, чем смеяться.

Ей показалось важным сказать ему и об этом.

— Говорить, — сообщила Табита, изящно присев, чтобы снять с него брюки — настоящие псевдобрюки, — не так легко, как смеяться. Произнося это, Табита задумалась. — Только иногда легче, — прибавила она.

Она принялась возиться с его ботинками.

Марко тоже уселся рядом с ней на полу.

Табита улыбнулась. Она ощущала истинное блаженство. Она погладила его сияющее лицо: — Но теперь все в порядке, — сказала она. Музыка парила и покачивалась.

— Все прекрасно, черт побери, — сказал Марко. Он прорычал это, как медведь и оскалил зубы в улыбке, как акула. Он был чудом, настоящим чудом!

Он снял с нее жакет, грязную рубашку. Поцеловал ее соски сквозь ткань тенниски, расстегнул ее башмаки и снял их. Табита сидела на полу, наблюдая, как он снимает башмаки с нее и с себя. Он возился на роскошном толстом ковре, как ребенок, только начинающий ходить, и ей было смешно. Он был обнажен. Он собирался дать ей работу. От улыбки у нее уже отвисала челюсть. Марко вернулся и некоторое время подержал ее в объятиях. Его тело было теплым и гибким, а кожа казалась золотистой в серебристой ряби воздуха. Они вместе справились с ее джинсами.

Вдруг Табита вскочила. Он стояла в одной тенниске, трусиках и носках. Марко по-турецки сидел у ее ног. Табита чувствовала себя подавленной, неизвестно почему.

Табита, Табита, упорно повторяла она про себя. Потом вспомнила.

— Мне нужно взять мое приспособление, — сказала она.

Он протянул руку, погладил ее голень: — Мы можем...

— Нет, — возразила Табита, — я должна вести себя разумно. Разумно!

Она нетвердой походкой подошла к сумке, расстегнула молнию и стала рыться внутри. Вынула какую-то вещь. Это была черная пластиковая коробочка. Какая-то кассета.

Табита ее не помнила. Все остальное содержимое сумки было ей хорошо знакомо, но это — нет.

— Что это?

— Похоже на пленку, — ровным голосом ответил Марко.

Табита взглянула на него, держа кассету в руке: — Я ее не помню.

Мужчина снова улыбался: — Ты сейчас не в том состоянии, чтобы вообще что-нибудь помнить, а, лапочка?

— Но я ее **СОВСЕМ** не помню, — очень серьезно сказала Табита.

Пока она говорила, Марко поднялся и, отвернувшись от нее, быстро прошел через всю комнату — поправить журналы на полке. — Может быть, это одна из тех странных вещиц, что ты подбираешь, — сказал он, повторяя ее собственные слова. — Почему бы тебе не пойти и поставить свою штукуну, пока ты про нее не забыла?

Он был прав. Он был прав. Он был чудесный. Табита положила пленку на стол. — Ванная, — сказала она.

— Вторая дверь налево.

Табита медленно поплелась по коридору. Музыка проводила ее до ванной. Ванная была вся в зеркалах.

Табита села и молча строго обратилась к своему отражению. Ты нарушаешь правила, а, Табита, сказала она. Да, признало отражение. Впрочем, ее это не очень волновало. Он был такой красивый. Сегодня она будет спать в красивом месте, с красивым мужчиной, а утром он собирается заплатить за нее штраф. И купить новый кристалл для Элис.

Правила были таковы. Если она и шла куда-то с кем бы то ни было, особенно с мужчиной, то только на ее условиях. Она никогда не ходила ни к кому, не проверив предварительно, что это за жилище. И никогда никому не доверялась, ОСОБЕННО мужчине, когда не очень контролировала себя.

А сегодня вечером она уже нарушила все эти правила.

Но сегодня был необычный вечер. И Марко не был обычным мужчиной, не тем, к каким она привыкла. Начать с того, что у мужчин, с которыми она обычно встречалась, не было ванн с биде и сидений для унитаза из настоящего земного дерева. Как он мог позволить себе жить в таком месте, если ему приходилось играть в забегаловках вроде "Ленты Мебиуса"? Наверное, потихоньку катится вниз. Но раз ей заплатят, для Табиты этого было достаточно.

На вечеринке она ненадолго потеряла Марко из виду, но к тому времени она была уже слишком пьяна, чтобы об этом беспокоиться. Она танцевала

с палернианцами, со всеми пятью сразу. Они дали ей какой-то потрясающий кристалл Офира, от которого у нее появилось такое ощущение, что она выросла на три метра и все чувства у нее обострились. Именно тогда весь мир стал серебряным. Там был генератор, он выдувал по всему помещению пузыри-голограммы — кадры из старых фильмов, рекламные ролики, случайные лица, пейзажи с других планет. Это напоминало копание в чужих снах. Табита смеялась и прыгала вместе с палернианками, пытаясь поймать пузыри. Потом вернулся Марко. Она поцеловала его.

Рядом с унитазом не было никаких кнопок. Табита тщетно оглядывалась в течение нескольких минут. Когда она отошла от унитаза, он зашумел и сам опорожнился. Табита пожала плечами, подошла к биде, вымылась и вставила крошечное устройство. Ей откуда-то слышался тихий голос — то разговор, то пауза, словно чье-то радио вмешивалось в звуки музыки, но к тому времени, когда она вышла из ванной, звуки прекратились. Свет выключился сам по себе.

— Табита, — позвал голос ее прекрасного мужчины.

Стены коридора куда-то погружались и разверзались. Табита начинала спускаться.

— Ты где? — спросила она.

— Здесь.

Потеряв ориентацию, она попыталась определить, откуда доносится его голос. Пока она искала, вокруг бродила музыка. Наконец, она нашла его. Он стоял в темноте перед окном-картиной, а за его спиной неслышно распускались огни фейерверка. Табита вошла и стала целовать его. В комнате была кровать. Это была спальня.

На столике у кровати стояла фляжка с какой-то жидкостью — текилой или вином, к этому моменту Табита уже с трудом могла что-нибудь различить. Они оба пили из фляжки. Он пил у нее изо рта.

Затем они сняли с нее тенниску. Это был очень сложный и запутанный процесс.

По комнате прыгали отблески фейерверка. По стенам рябью проходили металлические круги.

Табита сказала: — Ты все все уладишь утром?

Прекрасный мужчина целовал ее пупок, проводил губами по верхнему краю трусиков. Он стал целовать низ ее живота, очень нежно, чуть касаясь губами ткани. Он сказал: — Конечно, я все улажу. Я же не могу упустить такой шанс — нанять самую красивую перевозчицу во всей солнечной системе.

Он зубами снял с нее трусики. Кроме всего прочего, он явно был еще и чем-то вроде акробата.

Табита стала ласкать его языком. Казалось, огни фейерверка пульсировали вместе с музыкой, с каждой минутой ее кожа таяла и рождалась заново. Табита уже не знала, где начинался он и кончалась она.

Х

Табита проснулась и тотчас пожалела об этом. Она обнаружила, что спала на спине. У нее было такое ощущение, словно у нее вместо головы мешок с цементом или, по крайней мере, что ее ударили мешком по голове. Все ее полости сосредоточились в одной опухоли между глазами.

— Кхм, — слабо произнесла Табита.

Она была в чужой постели, в чужой комнате. Уже приближался день. По краям серой шторы просачивался слабый оранжевый свет. В углу у окна находилось волокнистое растение, отчаянно тянувшееся из грязного коричневого горшка, словно в поисках воды. Табите было хорошо известно это ощущение.

Она моргнула и сделала попытку сосредоточиться. На стене рядом с растением она с трудом различила неровные нарисованные бледно-золотые спирали. Рядом стояла пустая голубая трубчатая вешалка, голубой трубчатый стул, голубое трубчатое аудиовизуальное устройство.

Табита снова закрыла глаза.

Постель была теплой и исключительно удобной.

Табита повернулась на бок и увидела мужчину. Он крепко спал, повернувшись к ней спиной и тихонько похрапывая. Он был так закутан в пуховое

одеяло, что она могла видеть только макушку его головы.

В одной яркой вспышке звука, света, музыки и стремительного движения Табита мгновенно все вспомнила.

— Гм-м, — сказала она.

Это был возглас, в котором смешались вина, изумление и облегчение.

Табита слегка подвигала губами, чтобы проверить, найдет ли она свой язык. Похоже, что за ночь он застрял где-то в горле.

Ей ужасно хотелось в уборную.

Она осторожно села.

Спустя мгновение, когда в голове у нее немного прояснилось, Табита медленно откинула одеяло. Она заметила, что на ней все еще надеты носки. И запах от нее шел просто ужасный.

Марко Метц продолжал храпеть.

Табита поставила ноги на пол. Зрение ее было затуманено, а рот был словно набит песком. Она впервые задумалась, как это получается, что ее тело одновременно жаждет влаги и отчаянно стремится от нее избавиться.

В ванной она снова встала перед своим отражением. Даже при спущенных шторах были видны темные круги у нее под глазами.

Неряха, сказала она себе. Это было словечко, которое часто употреблял ее отец. Неряха, снова подумала она, успокаиваясь.

Табита сходила в уборную, приняла душ — с настоящей водой. Намыленный и хорошо промытый водой, мир стал выглядеть гораздо лучше. Она подошла к окну и осторожно подняла штору.

Было все еще очень рано. В небесном водовороте черносморочного цвета солнце казалось оранжевым шариком. Внизу около стеклянных колонн на Аллее Масерати валялись тусклые кучи отбросов. Вдали, за крышами домов единственным движущимся объектом на холодной глади Грэнд-канала был одинокий патрульный катер.

Завернувшись в большое зеленое полотенце, Табита вышла из ванной. Она заглянула в спальню. Закутанная в одеяло масса так и не шелохнулась.

Табита бродила по квартире, пока не нашла кухню. Та была просторной и очень-очень белой. Табита подумала, найдется ли в холодильнике какой-нибудь фруктовый сок. Грейпфрутовый, например. Она загадала, чтобы в холодильнике был грейпфрутовый сок.

Но холодильник был пуст. Или все равно что пуст. Там была прозрачная коробка с чем-то густым и коричневым, шоколадной пастой или пюре; засохший анчоус в открытой жестянке в рассоле, застывшем в твердую корку, и что-то размазанное на блюде — когда-то это вполне могло быть соусом песто. Или рвотой попутая, сварливо подумала Табита.

Тэл сидел в гостиной на своем футуристическом насесте.

— Добрый вечер, — поздоровался он.

— Доброе утро, — пробурчала Табита.

— Добрый вечер, — повторил Тэл. Он выглядел, как дерзкий маленький старичок.

На полу была разбросана одежда. Кое-что из нее принадлежало Табите. Она подняла свои вещи и надела их. Попутай серьезно наблюдал за тем, как она одевалась. — Нечего смотреть на меня, Тэл. — Но он не перестал. Табита почувствовала себя несколько неловко, когда ее изучала птица.

Затем она стала искать свою сумку и нашла ее на низком длинном столике. Она подумала, что где-то там должна находиться ее зубная щетка и стала перерывать сумку в ее поисках. Щетку Табита не нашла, зато обнаружила погребенную на самом дне кассету в коробке.

Табита вытащила кассету и стала ее разглядывать. Она смутно припомнила, что вчера вечером доставала кассету из сумки, но не помнила, чтобы клала ее назад. Что бы это ни было, Табита вообще ничего не могла о ней вспомнить. Кассета была простая, черная: без этикетки, даже без фирменного знака. Табита недоумевала, где она подобрала ее, и кто ее потерял.

Рядом с полками для пленок в пыльном аудиовизуальном устройстве находился считывающий аппарат. Табита подошла и включила его.

— Печальная история обо всех заблудших! — неожиданно взвыл Тэл.

Табита чуть не выскочила из собственной кожи. — Господи, птичка, не надо так делать, — пробормотала она. Тэл уже начинал действовать ей на нервы.

Табита вставила в аппарат неопознанную пленку.

Однако то, что зазвучало из динамиков, ничего ей не сказало: мягкий океан шипения, намеков на ультразвук и постоянный, упорный треск. Это настолько приближалось к нулю, что Табита засомневалась, правильно ли вставила пленку. Она нагнулась, чтобы убедиться, что пленка крутится и проверить регулировку усилителей.

Марко протянул руку через плечо Табиты и дважды нажал "стоп".

Кассета выскочила.

Он приподнял Табиту за локти и развернул прочь от аудиовизуального устройства.

Марко был небрит, на нем был ветхий банный халат, из которого торчали нитки. Его большие карие глаза были тусклы и невыразительны. От него пахло теплом и сном.

Табита шагнула в его объятия и поцеловала его. — На ней ничего нет, — сказала она.

Он снова протянул руку через плечо Табиты, вынул пленку из АВ и сунул ее в коробку. — Ты хочешь музыку, я тебе сейчас что-нибудь найду, — быстро сказал он, отворачиваясь от нее. Затем достал с полки одну из пленок и вставил ее.

Она началась с середины какой-то пьесы, чего-то пустого, гладко отшлифованного, вливавшегося в себя все нараставшим звуком. Музыка была спокойной и вполне приятной.

— Это ты? — спросила Табита.

— Это? — сказал Марко, бросив взгляд на только что поставленную пленку. — Да.

Он бросил таинственную пленку на стол рядом с сумкой Табиты.

— Доброе утро, Тэл, — сказал он, подошел и приласкал птицу, а та зачирикала, запищала и ущипнула его за палец.

— Я чувствую себя ужасно, — сказала Табита.
— А ты — нет?

— Конечно, — небрежно бросил он. — Хочешь кофе? Я принесу.

Он принес кофе и, кроме того, побрился и переоделся в рубашку под горло и вчерашние брюки.

— Мне надо лететь на Изобилие, — сказал он, — забрать остальных из нашей труппы и все наше оборудование. — Он сидел на кушетке напротив Табиты, вытянув руку вдоль спинки. — Мы там сегодня играем. Потом ты можешь отвезти нас к месту нашего следующего ангажемента.

— А где ваш следующий ангажемент? — спросила Табита.

— На Титане, — ответил Марко. Он выпил свой кофе.

— Сколько вас всего?

— Я. Тэл. Еще другая пара. Скажем, всего пятеро. Ну, может, четверо, Тэл не считается.

Попугай, услышав свое имя, издал протяжный крик.

— Странно, — сказала Табита. — Он похож на обыкновенного попугая.

— Ну, он и есть попугай, что-то вроде попугая. Он с Альтесеи, с планеты где-то в тех местах. Я его выиграл в покер, научил петь. Прodelывать фокусы. Космоса он не любит, правда, дружок?

— Банановое дерево! — зачирикал Тэл. — Шрити наогар domestика! В Монгу-тауне, откуда я родом, высоко на банановом дереве жила-была веселая девица!

— Тэл, заткнись! — резко прикрикнул на него Марко.

Птица затихла, что-то бормоча.

— Он терпеть не может путешествий, — сообщил Марко. — У него есть ящик, в котором ему приходится ездить. Он где-то здесь.

Марко небрежно огляделся.

— Итак, — сказал он, — ты готова к этому?

Табита кивнула: — Но нам нужен новый кристалл осевого запора, — сообщила она ему.

- Нам? Кому это “нам”, я думал, ты одна?
- Я хочу сказать, он нужен Элис.
- Кто такая Элис?
- Мой корабль. Ей нужен новый кристалл.
- Мы его найдем. На Изобилии.

Табита задумалась. Ей эта мысль не понравилась. С Изобилием всегда были одни неприятности. И Титан находился в стороне от ее путей, вряд ли она сможет рассчитывать на обратный груз. Но Титан был далеко. А Марко — здесь, рядом. И у него были деньги.

Табита прочистила горло: — Ладно, придется рискнуть на Изобилии. Но мне нужно двести пятьдесят вперед. — Она взглянула на часы. — Чтобы заплатить штраф.

Марко сидел очень неподвижно: — Какой штраф?

- Я тебе разве не говорила?

Табита рассказала ему о своем приключении. Он расхохотался. Он все смеялся и не мог остановиться.

- Это не так уж смешно.

- Еще как! Этот малыш, летящий по воздуху...

Табита отпила кофе: — Дорогостоящая шуточка, — сказала она.

- Так, посмотрим. Двести пятьдесят.

— Триста с портовым налогом. Триста семьдесят пять с топливом.

— Черт, это мы можем покрыть. Мы можем сделать это для тебя.

Табита почувствовала облегчение. Она терпеть не могла торговаться. Похоже, она никогда не умела выторговывать что-то у других.

- Ну, и сколько же стоит этот кристалл?

Табита сказала Марко цену, которую назвал ей Карлос.

Марко и глазом не моргнул. Табита подумала, что, возможно, она ошибалась насчет того, сколько платят за игру в “Ленте Мебиуса”.

Марко сказал: — Предположим, мы оплатим штраф и кристалл, а ты отвезешь нас на Титан.

- У тебя есть такая сумма?

— Конечно. Конечно, есть. Вернее, есть у Ханны.

— А кто это — Ханна? — спросила Табита, слыша в своем голосе резкие нотки, которые ей не понравились.

— Наш менеджер, — ответил Марко. — Это ее квартира.

— Она здесь живет? — Табита не верила собственным ушам. Несмотря на мебель и все удобства, пленки на полках, вид у квартиры был запущенный. Все вещи казались заброшенными или оставленными проездом. Здесь не было следов индивидуальности жильца, на которой бы все держалось.

— Нет. Нет. Я отвезу тебя с ней познакомиться. Тебе понравится Ханна.

— Она живет на Титане?

— На Титане? Нет.

— Ах, так, значит, она живет на Изобилии?

— Нет, она не то чтобы там живет, — ответил Марко, — она вроде как — ведет дела оттуда.

Иногда он умел на редкость ловко уклоняться. Табита решила, что это из-за того, что он популярен — или был популярен — и оберегает свою личную жизнь. Что ж, она совсем не была популярна и тоже оберегала свою личную жизнь. Она ничего не имела против того, чтобы отвезти его на Изобилие, расстояние было ничтожным. Это могло быть даже забавно. Зато она совсем не была уверена, что сможет справиться с ним и командой незнакомцев на протяжении всего пути на Титан, сквозь глубины гиперпространства, когда некуда деваться от своих спутников.

Табита сдалась. Может, она сумеет изменить договоренность, когда они прибудут на Изобилие, и она получит кристалл.

Она поднялась и подошла к телефону.

— Кому ты звонишь? — спросил Марко.

— В полицию, — ответила Табита. — Чтобы мы могли заплатить штраф и отправиться в путь.

— О, — сказал он. В его голосе не слышалось энтузиазма.

Табита помедлила, держа телефон в руке: — Все в порядке?

— Конечно, — сказал он. — Конечно. Конечно.

XI

BGK009059

TXJ. STD

ПЕЧАТЬ

/! B* [NXO] \$! ^rT: /9/C%. 222m

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? 07.07.52

ГОТОВА.

— Я тебе когда-нибудь рассказывала про Реллу, Элис?

— НЕТ, КАПИТАН. ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, Я НЕ ПОМНЮ.

— Она была довольно важной личностью, в своем роде.

Думаю, ей было за пятьдесят. Она была примерно моего роста, только крупная. Здоровая. У нее были ужасные зубы, с черными пломбами, и длинные, похожие на крысиные хвосты, волосы, которые всегда выглядели так, словно она только что сделала перманент. У нее было множество колец на обеих руках, и она всегда носила комбинезоны. Она говорила — когда носишь комбинезон, тебя не замечают.

Релла жила в складской комнатке под транспортной станцией Посейдон. То есть, я хочу сказать — иногда. Это была ее база. Именно там я ее представляю, когда думаю о ней, хотя сначала она меня туда не приводила. Впервые я увидела ее на платформе. Мне было двенадцать или тринадцать, я возвращалась из лабораторий в Менелае, после какой-то работы. Релла копалась в мусорных баках.

Увидев меня, она остановилась. Она сказала: — На что это ты уставилась? Она терпеть не могла, чтобы на нее смотрели, когда она рылась в баках. Она никогда не признавалась, что занимается этим, хотя проделывала это постоянно.

Это несправедливо. Релла могла находить себе работу, когда хотела. Не раз она была уборщицей и работала в гидоропонах и на кухнях. Но она никогда

не могла сосредоточиться на работе. И рано или поздно кончалось тем, что она с невинным видом фланировала вокруг баков.

— На что это ты уставилась? — спросила Релла. У нее был жалобный, сорванный, прокуренный голос, проникавший прямо мне в душу. Не знаю, почему она обратилась ко мне, что было во мне такого особенного, почему она не проигнорировала меня, как всех остальных. На станции был полный транспорт народу, возвращавшегося с ранней смены. Думаю, я была единственной, кто задержался, чтобы посмотреть на нее, вместо того, чтобы пройти мимо, словно ее и не было.

В тот первый раз я пошла дальше. Я смутилась.

Релла крикнула мне вслед: — Тебе что, кошка язык откусила?

Сначала я не поняла, что она хочет сказать.

— Я НЕ СОМНЕВАЮСЬ, ЧТО НА ЛУНЕ КОШЕК БЫЛО НЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ СОБАК.

— Я никогда не видела ни одной. Но после того раза я постоянно видела Реллу, в самых разных местах. Она все время переезжала. Заставляла их гадать. Им всем приходилось гадать. Если бы они ее поймали, они упрятали бы ее в Имбриум или еще куда-нибудь. В какое-нибудь заведение. Она и раньше бывала в подобных местах. Для нее это было все равно что смерть. В конечном итоге их, наверное, было много — таких, как она, — кого ловили.

Когда бы я ни встречала Реллу, она всегда улыбалась мне. Это выглядело так, словно она перепутала меня с кем-то — с кемто важным. Однажды мне полчаса пришлось ждать транспорта. Релла нетвердым шагом подошла ко мне. Она была пьяна.

— У меня есть бумаги, — заверила она меня. — Я тебе покажу.

По правде говоря, мне не очень хотелось об этом знать.

— Я не ношу их с собой, — продолжала Релла. — Никогда не знаешь, кто подсматривает. Ублюдки.

Дело было в том, что у нее действительно были бумаги: сертификат о постоянном местожительстве, чек служебной категории и всякое такое. У половины

их не было, они с самого начала жили здесь нелегально и работали на темной стороне системы, на таких рабочих местах, где больше никто работать не хотел. Но Релла была гражданкой Луны. Она действительно показала мне бумаги, только позже. Они были у нее спрятаны в коробке в складской комнатке. Релла заставила меня пообещать, что я их уничтожу, "если со мной что-нибудь случится", как сказала она. В другие разы она просила меня навсегда сохранить их, чтобы они напоминали мне о ней, и помолиться. Правда, она не совсем ясно представляла, кому я должна молиться. У нее было много времени для религии, пророчеств, поисков своей звезды. Она все принимала близко к сердцу. Не знаю, понимала ли она что-нибудь в этом.

"Я не на своем месте" — эти слова она часто повторяла. При этом она не имела в виду: как некоторые люди, у которых нет места в обществе, и они просто болтаются.

— КАК ДАННЫЕ, КОТОРЫЕ В ФАЙЛЕ НЕ НА МЕСТЕ.

— Именно такой она и была. Но она имела в виду — в широком масштабе. В космическом масштабе. Мы все были потерянными; но в один прекрасный день нас всех спасут. В один прекрасный день мы все поднимемся к солнцу.

"Там будут все, — сказала мне Релла. — И ты. Ты одна из нас. Ты этого не знаешь, но это так". А в другие дни она говорила: "Ты бы не поняла" И она бросала на меня тот же взгляд, как тогда, в первый раз, — наполовину осторожный, наполовину вызывающий, словно хотела скрыть от меня какую-то тайну.

Бог свидетель, она рассказывала мне эту тайну много раз.

"Здесь не мой дом, — говорила она. — Ни здесь, ни на Земле. В один прекрасный день я поеду домой. За мной придет корабль".

Я прямо вижу ее сейчас, сидящую на полке в складской комнатке в окружении бутылок с моющими средствами, показывающую на свою коробку.

"Это не я, — говорила она. — Женщина в этих бумагах" Иногда это сбивало с толку, когда она говорила про бумаги. Иногда она имела в виду

документы, доказывавшие ее гражданство, иногда — другие, доказывавшие обратное. Во всяком случае, так она думала.

У нее были карты. Одна из них была начерчена на старом конверте, еще бумажном. Может, она начертила ее сама в молодости, а потом забыла. А может, нашла в мусорном баке. Как бы то ни было, это были всего лишь шесть точек и соединявшие их линии. У пяти точек были названия. Иногда Релла говорила, что это звезды, иногда — что названия городов. Это было явно не на Луне и вообще ни в одном месте из тех, о которых я слыхала, — ни тогда, ни потом. Релла показывала на шестую точку и серьезно говорила: — “Это здесь” И указывала на пол, чтобы убедиться, что я поняла”. Планетаторьяма”, — говорила она. — “Вавилон. Майя”.

Но и по этому поводу она тоже постоянно меняла свое мнение. Иногда шестой точкой была ее звезда, та, куда она собиралась уехать домой, когда за ней придет корабль.

А однажды у нее появилась та, другая карта, и я не знаю где она ее достала и что с ней случилось потом. Релла показала мне ее только один раз, а потом, когда бы я о ней ни упомянула, она не знала, о чем я говорю. Карта была сделана из какого-то необыкновенно жесткого, но невероятно тонкого материала. Если бы не кромка, ее вообще не было бы видно. Я хочу сказать, что я никогда и нигде не видела ничего подобного.

Так вот, карта была прозрачной, с маленькими черными кружками, казалось, они прыгают у тебя перед глазами взад-вперед. Если сосредоточиться, можно было выстроить их в одну линию, в три измерения; а потом они все смешивались и снова становились прыгающими точками. И над ними было полно крошечных надписей, сделанных каким-то инопланетным алфавитом. Релла говорила, что это карта. Насколько я могу судить, это могло быть чем-нибудь вроде теста окулиста или детской загадки.

“Не клади ее, — предупреждала Релла. — Ты потом не сможешь ее поднять”. Она смеялась. В тот день она была в хорошем настроении.

Релла сказала мне, что я была единственным человеком, кому она могла доверять, хотя я часто видела ее с другими людьми — "людьми без места", я думаю. Чаще всего с женщиной, по-настоящему белой, в темных очках. Женщина была старше меня раза в два и примерно в два раза младше Реллы. Когда я видела их вместе, Релла делала вид, что не знает меня. Она смотрела прямо сквозь меня.

Релла часто рассказывала мне истории про разные места, где она бывала, только иногда я думала, что она имела в виду себя, а оказывалось, что она говорит про свою мать. А иногда вообще про свою БАБУШКУ.

— А ЧТО ОНИ ДЕЛАЛИ?

— О, они странствовали по всей Земле, насколько я могу судить, пешком проходили по огромным горным массивам и колоссальным великим пустыням, где нет ничего живого. Я уже ничего не помню, но я обычно сидела на клети, слушала ее рассказы и думала о свободе — знаешь, о всяких глупостях, про которые думаешь, пока ты ребенок.

— НЕ СОВСЕМ. НЕТ.

— Что ж, думаешь. Мы думаем. Я считала, Релла замечательная. Иногда я приносила ей еду и вещи. Таскала маленькие суммы денег, чтобы она могла купить себе выпивку. Я думала, что, помогая Релле, делаю что-то важное. Однажды мне надо было идти в клинику, но я наврала насчет назначенного времени, чтобы не проходить контроль одежды, так что у меня образовался целый час свободного времени. Я не хотела, чтобы кто-нибудь видел меня, и пошла повидаться с Реллой, но ее не было на месте.

Я побрела назад по вестибюлю станции. Я подходила к экранам посмотреть, не идет ли где-нибудь кино. Там были эти двое мужчин, они разговаривали, и один из них рассказывал, что в Безмятежности была какая-то неприятность, какая-то проблема с кораблем, пытавшимся приземлиться без регистрации элადельди.

— Сборная солянка, — говорил мужчина, — кусочки и частицы неизвестно откуда. Все держится на веревочках и честном слове, судя по тому, как он выглядит.

Я слушала только от скуки. Я думала о чем-то другом. Я нашла фильм в одном из местечек далеко от центра. Когда подошел транспорт, я села в него.

А потом, когда двери уже закрывались, я вынырнула назад на платформу. Все уставились на меня, но мне было все равно. Я помчалась к лестнице и вниз, в подвал, в пустую складскую комнатку. Я направилась прямо к коробке Реллы. Она была пуста. Больше я никогда не видела Реллу. И никогда не видела ту, другую женщину. А когда я приехала в клинику, там был полный бедлам, потому что половина персонала исчезла — ушла, не сказав ни слова.

XII

Переговариваясь, Табита Джут и Марко Метц добрались на лифте до уровня улицы. Они вышли в налитый кровью день Скиапарелли.

Едва рассвело. Вокруг никого не было. Мимо проплыл “Скараб Майнор”, он чистил и промывал сточные канавы. Башмаки Табиты скрипели по песчаному тротуару. Холодный воздух понемногу освежал голову Табиты. Вчера она позволила себе потерять над собой контроль, но хуже ей от этого не стало, правда? Нет. Это был дух карнавала, так?

Расслабься, говорила она себе. Перестань беспокоиться.

Еще безлюдные улицы заполняли кучи мусора. Она отвезла их коротким путем на канал Вайнбаум. По мутной воде медленно двигались коричневые баржи. На берегах за столиками усатые владельцы пристаней со скучающим видом ели суп из дымящихся мисок. Альтесеане-уборщики улиц собирали в кучи мусор длинными граблями.

Вид у всех был как с похмелья. Небо стало полосатым, воздух — грязным, в нем было слишком много серы.

Они поймали воздушное такси до порта — за Скиапарелли, на Грэйбен Роуд, за Пальцами Дьявола, этими колоннами из скал, пунцовых и светло-вишневых. В определенном освещении они казались раскаленными, расплавленными. При полном Деймо-

се они смотрятся как огромная красная плесень или еще хуже. В это утро, проглядывая сквозь желтую дымку, они могли показаться обветренными шпилями затерянного кафедрального собора, погребенного под вечными песками. Во всяком случае, так сказал Марко и потом долго распространялся по поводу своей идеи о том, чтобы поставить там представление, под настроение *a'son et lumiere**.

— Давай, расскажи мне о своей группе, — попросила Табита.

— Гм-м, ты с ними познакомишься.

Раздражаясь, она продолжала настаивать: — Кто они?

Избегая ее взгляда Марко подвинулся на сидении, потирая стекло суставом указательного пальца. — Ты с ним поладишь, — пообещал он.

Форсировать события ей не хотелось, а сам он больше ничего не сказал.

Табита не любила, когда ей говорили “нет” или вообще ничего не говорили. Она подавила раздражение. Он явно привык поступать по-своему. Ладно, она будей с этим мириться до тех пор, пока они не попадут на борт. Там все будет по-другому. И однако он действительно принимает все как должное. Табите не понравилось, когда выяснилось, что кредитная микросхема, необходимая для того, чтобы уплатить ее штраф, оказалась у его товарищей на Изобилии. — Видишь ли, я люблю путешествовать налегке, — заявил Марко. — Но это не проблема. Мы переведем деньги по телефону, как только попадем на Изобилие. Первым делом. Обещаю тебе.

Он тогда поцеловал ее и стал ласкать ее грудь. Затем натянул довольно потрепанный пиджак из аэрированной кожи и вышел из квартиры, перекинув ящик с Тэлом через одно плечо и спортивную сумку — через другое.

Табита надеялась, что не совершила ошибки.

В особенности, взяв людей на борт своего корабля.

Не то чтобы “Элис Лиддел” была как-то особенно ранима или щепетильна. Как и все суда ее

* Под светомузыку (франц.)

линии, она была рабочим кораблем. Разумеется, у нее были свои причуды: на ней стоял капеллийский привод, как у всех, а в них никто не разбирался. Только сам электронный мозг помощью какого-то загадочного и запутанного кода, запрятанного где-то глубоко в программе, мог управлять капеллийским приводом.

Все это было совершенной правдой, когда Табита Джут встретила с Марко Метцем в Скиапарелли, так же, как и во времена Большого Скачка, задолго до ее рождения. Никто так и не продвинулся в исследовании их действия, этих двигателей, которые Капелла так щедро раздавала. Капеллийцы не запрещали исследований, во всяком случае, открыто; они просто заверяли человечество, что для него, для его слабых мозгов, механизм гиперпространственного черчения в перспективе непостижим. Те же, кто упорствовал, открывали для себя обескураживающее свойство привода взрываться или таять при малейшем прикосновении отвертки. Если и удавалось вскрыть какой-нибудь из них, оказывалось, что он полон сухих листьев.

Люди по природе своей существа любознательные. Далеко не всех удовлетворяла роль непросвещенных, облагодетельствованных более высокой технологией. Но даже тем, кто пытался мыслить самостоятельно, пришлось отступить, признав свое поражение. Асы-программисты секретных объектов для жестоких компаний типа лаборатории "Фруин-Мейсанг-Тобермори" были увезены среди ночи машинами скорой помощи без опознавательных знаков, свалившись с загадочными новыми умозрительными заболеваниями и дисфункциями, связанными с познанием. Некоторые благодарные и безответственные сплетники пытались возложить вину за эти скорые исчезновения на эладельди, что было совершенно бессмысленно. Всем было хорошо известно, что эладельди никогда не занимаются медицинскими проблемами.

Поскольку не было понимания, распространялись суеверия. И как распространялись! Сколько раз Табите приходилось слышать случайный разговор пилотов в каком-нибудь общежитии или в станционном баре о том, как они обнаружили, что их судно

взяло курс, которым они и не думали идти да и вообще никогда не ходили. Курс, которым оно, тем не менее, доставило их к месту назначения в целости и сохранности и к тому же вовремя, избежав, как после выяснилось, совершенно непредвиденных хлопот или задержки. В скольких кораблях появились привидения, механизмы-полтергейсты в машинном отделении; голоса там, где их раньше не было! И сколько раз, когда люди вторично заходили в то же место, эти явления исчезали так же внезапно, как появлялись! “ Это так же верно, как то, что я сижу здесь и все это вам рассказываю, ” — настаивала Доджер Гиллспай, которой никогда не были свойственны фантазии или неожиданные галлюцинации, — “электрическая голубая колонна длиной с мою руку свернулась вокруг реактора! А когда я пришла назад со сварочным аппаратом, этого ублюдка и след простыл. Только хвост какой-ли липкой голубой гадости по всей решетке. Это так же верно, как то, что я здесь сижу”, — сказала она, допивая свою пинту, — так же верно, что твоя очередь ставить, девушка”.

Семена этой новой космической мифологии были посеяны давно, во времена Большого Скачка, огромным количеством внеземных рас, которые стали неожиданно появляться в системе на судах, столь же разнообразных по размеру и форме, сколь и их владельцы. Теперьто мы уже привыкли к таким вещам: вращающимся отделанными драгоценностями диадемам Ригеля; квази-органическим моделям фрасков, отдаленно напоминающим коконы, созданные насекомыми; палернианским попрыгунчикам, несколько не соответствующим своему названию, скорее похожим на связку сосисок. Но подумать только, в какое восхищение они пришли, впервые бросив взгляд на грандиозные космические постройки эладельди, или на сияющую, высотой в километр, иглу веспанского Омикрона.

Обо всем этом ходили теории, некоторые явно теологического свойства. Свидетели Всеобщего Слияния составили каталог всех этих кораблей, которые, как считалось, принадлежали расам, находившимся под покровительством Капеллы. Расположив их в нишах по степени большего или меньшего

благоприятствования на каббалистическом дереве, они заявили о том, что нашли некий принцип метаморфозы. Человеческий корабль, пророчествовали Свидетели, тоже пройдет все эти формы на пути к наиболее совершенному, трансцендентальному космолету. В день, когда он достигнет совершенства, несколько эр спустя, тайна капеллийского двигателя будет, наконец, разгадана, и невидимый барьер вокруг орбиты Плутона рассеется. В этот же день, утверждала одна из ересей, человек тоже завершит свою эволюцию, и все люди станут капеллийцами. Пророчество Всеобщего Слияния свершится, и инопланетяне перестанут быть инопланетянами.

Сколько правды было во всех этих мифах, вы знаете так же хорошо, как и я. Конечно, Свидетели опирались на тот факт, что, постоянно совершая прыжки в сверхпространство и назад, даже такие фундаментальные корабли, как “Берген Кобольд”, каждый раз слегка меняются. Составляющие их частицы, будучи повреждены, никогда не восстанавливаются точно в прежнем виде. Это бы означало хотеть слишком многого от законов сохранения. Иногда пилоты замечают эти абберрации, иногда — нет; потому что в конечном итоге их собственные частицы тоже транссубстантивируются.

Что касается эволюции человека, то тут я знаю ровно то, что и так очевидно просто при взгляде на меня. Но я знала “Элис Лиддел” — кто мог знать ее лучше? — и я хорошо помню. Я знала ее очень близко с самого начала — с третьего года Большого Скачка, когда она была создана и приняла крещение. Ибо она была старым кораблем, когда Табита Джут впервые увидела ее, когда стащила с нее просмоленный брезент в высокой траве на том заброшенном винограднике. Бронзовое покрытие “Элис” было исцарапано и потеряло цвет от ожогов космического холода. Ее батареи были разряжены, гидравлика высохла, и в ней было полно паутины. Она уже прошла стерилизацию и была настолько инертна, насколько вообще может быть инертен корабль; а мы уже предположили, что совсем инертным он быть все-таки не может. Люди верили (простите мне — это в последний раз), что если привести в действие капеллийский привод, то дез-

активировать его полностью уже невозможно до тех пор, пока он не будет разрушен или физически уничтожен. А я, где же была я все эти годы, когда бурундуки прыгали через шасси повидавшего виды маленького “Кобольда”? Я спала.

Откровенно говоря, корабль, носивший имя “Лиддел”, был примитивным. Он был низким и неуклюжим. Я запомнила, что он был тесным. В кабине помещались двое: пилот и второй пилот, каждый в стандартных ремнях для невесомости. На корме находились две маленькие отдельные кабинки со скромным личным запасом, маленький камбуз и санузел. Размеры корабля составляли до двадцати пяти метров от носа до хвоста и чуть больше половины от одного кончика приземистого крыла до другого. Номер — BGK009059 — указывал на то, что корабль был одним из первых на линии “Берген К.” — Кобольдов, бороздивших космические просторы солнечной системы, отвозя то одно, то другое в различные места, в течение почти пятидесяти лет.

“Элис” была создана для работы и на века. В ее центральной части помещались до 250 кубометров отдельных товаров, или туда можно было поместить любой из семнадцати видов контейнеров. Ее четыре погрузочных экстензора и четыре робота-грузчика на время полета устанавливались в двойной стене корпуса. У нее было шестнадцать направляющих плазменных ракетных двигателей, по четыре на каждую ось, и три огромных фиксированных “раундмаунта”. На ней были всюду понатыканы сканнеры, их было больше, чем на стандартных “Бергенах”. Ее солнечные батареи были также усовершенствованы, так, словно те, кто вводил ее в строй, ждали от нее большего, чем ее создатели. И все неприятности, которые она доставила своему последнему пилоту, произошли главным образом из-за неблагоприятных условий и всех этих лет полнейшего небрежения, а не в силу каких-то дефектов в ее конструкции. Кроме того, у Табиты никогда не доходили руки, чтобы провести техобслуживание так, как она собиралась.

Назовите это плодом воображения, если хотите, но про себя я всегда считала, что у них было много общего — у “Элис Лиддел” и ее капитана Табиты

Джут. Обе были маленькие, крепкие и сильные. Обе были сделаны из самого обычного, будничного материала, и все же в них жил дух авантюризма, а под непритязательной внешностью скрывались поразительные ресурсы.

А может быть, это просто мудрость задним числом, розовый свет сентиментальности, отбрасываемый на эту сцену ностальгией. Представьте себе их — Табиту Джут и Марко Метца, как в этот холодный вечер они идут по бетонированной площадке перед ангарами в порту Скиапарелли, чтобы подняться на борт еще не совсем восстановленной Элис и взять старт в марсианское небо — в полет, который должен привести их на Изобилие, — и много-много дальше.

**ЗАТЕРЯННЫЕ В
ПЕЩЕРАХ
ИЗОБИЛИЯ**

XIII

— Можешь занять эту каюту, — сказала Табита, открывая дверь. — Я вытащу отсюда всю эту дрянь.

Можно подумать, он раньше никогда не видел Кобольда: — Но это же потрясающе! Просто потрясающе! Какой корабль! — Он обнял ее сзади. — Я хочу лететь впереди, рядом с тобой.

— Нет, — сказала Табита. — Я никого не пускаю в кабину пилота. — Она заглянула в его большие карие глаза. — Извини.

— Что это? — спросил Марко. — Меры безопасности?

— Ну, да, — ответила она.

— Не верю, — заявил он, крепко прижимая ее к себе и откидываясь, чтобы взглянуть на нее. — Ты хочешь сказать, что такая женщина, как ты, действительно подчиняется этой ерунде?

Табита отвернулась и стала возиться с дверью пассажирской каюты, застрявшей на полпути: — Я не люблю, чтобы в кабине сидел кто-то еще, когда я веду корабль, — сказала она, — вот и все.

Марко смягчился: — Что ж, хорошо, — сказал он. Его руки скользили по ее телу. Он ткнулся носом к ее уху: — Мне будет не хватать тебя. Всю дорогу до Изобилия... сколько это — три, четыре часа условно?

— Пять, — ответила Табита, освобождаясь, — я никуда не убегу. С таким-то кристаллом. И еще с пассажиром впридачу.

— Пять часов! — воскликнул Марко. — И что же мне делать все это время без тебя?

Табиту это привело в раздражение и одновременно позабавило:

— Не знаю! Поупражняйся со своей перчаткой. Поболтай с Тэлом.

— Он вырубился, — сказал Марко. Тэл лежал в проходе за его спиной в своем белом фарфоровом ящике для путешествий. На таможене эдадельди поджали губы при виде усыпленного попугая, но все процедуры были соблюдены, и Марко протолкнул их через таможеню: — Он немного поспит. Терпеть не может летать.

Руки Марко снова потянулись к бедрам Табиты. Он бросил взгляд через ее плечо: — Там много всего напихано, — заявил он.

Табита налегла на дверь. Дверь не поддавалась: — Это просто мусор, — сказала девушка. — Я его уберу. — Но ее решимость таяла. Там было столько всего. Запасные комбинезоны, брошенные упаковки, надувной спасательный плот, большая часть деталей подержанного робота для камбуза, купленного ею по дешевке, — так и не дошли руки собрать его... Она так и оставила все это парить в свободном полете, большей частью незакрепленным. — У меня здесь некоторое время никого не было, — сказала Табита, наполовину извиняясь, — он просто накапливается.

— Никогда не знаешь и половины своих вещей, до тех пор, пока тебе не надо что-то с ними делать, — приветливо отозвался он.

Табита снова налегла на дверь. Раздался грохот — там, внутри что-то свалилось на пол.

— Давай, — спокойно сказал Марко.

— Не подгоняй меня, — ответила Табита. Но она уже сдавалась.

То, что он только что сказал, напомнило ей историю с той пленкой. Может, это просто одна из тех вещей, которые случаются, или думаешь, что случилось, когда ты вдребезги пьяна и полусонная. Но Табита продолжала все время об этом думать.

Она отвернувшись от двери и в нерешительности остановилась перед дверью своей собственной каюты. Рассуждая логически, она могла поместить его там. Как бы она ни устала и ни мучилась с похмелья, в течение последующих пяти часов спать ей не придется, пока они не доберутся до Изобилия.

— Табита. Расслабься, — сказал Марко, снова притягивая ее к себе в узком проходе. — Посмотри на себя, ты так напряжена. Как ты вообще сможешь вести корабль, если так себя заводишь? — Он стал массировать ей плечи.

В следующую минуту она уже целовала его.

Эта была редкая возможность — целоваться с восхитительным мужчиной на борту своего корабля. Почему бы ей не воспользоваться? Очень скоро это удовольствие закончится, так всегда бывало.

— О'кей, — сказал он рассудительным тоном, когда они спустились на грешную землю. — Ты не собираешься показать мне все остальное?

Кормовой шлюз трюма был не заперт. Марко поднял ящик с Тэлом. Табита взяла его за руку и повела внутрь.

— О, да! Это здорово! — объявил он, ставя ящик на пол. — Просто здорово. — Его голос эхом отзывался в пустоте.

Его вид, когда он стоял, засунув руки в задние карманы брюк, с улыбкой на лице, можно было назвать только видом триумфатора. Табите это было приятно: он восхищался ее кораблем. Но у нее снова возникли сомнения: — Сколько груза мы берем?

— О, мы поместимся, нет вопросов.

Он по-настоящему разглядывал помещение. Он посмотрел на роботов-грузчиков, засунутых в свою конуру, обследовал воздух и электросоединения, шлюзы с обеих сторон, систему внутреннего управления дверьми и крышей. Он забрался вверх по узкому мостику и исследовал крышу, потом стал расхаживать, рассматривая пустое помещение и хмыкая со знанием дела: — Гм. О'кей. О'кей. — Затем залез вверх по стропе и стал раскачиваться своим мускулистым телом на толстом конце одного из погрузочных экстензоров.

Табита стояла внизу, скрестив руки на груди и наблюдая за ним: — А на одной руке можешь?

— Конечно, — сказал он. Но не смог. Он приземлился на ноги. — Гравитация немного не та, — сообщил он ей, потирая руки. — Но я могу над этим поработать. Сделать из этого номер. А здесь что?

И открыл бак, на котором большими красными буквами было написано: "НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС ПРОДОВОЛЬСТВИЯ".

Ему под ноги посыпались: большой пакет со стиральным порошком, старый микрофон с гибким шнуром, громоздкий и конусообразный, полиэтиленовый пакет с трубчатыми бинтами, герметический пистолет и коробочка с изюмом.

— С ним всегда так, — сказала Табита. Она опустилась на колени, запихнула все назад в бак и поспешно закрыла крышку.

— Зато теперь, если мне понадобится изюм, я знаю, где искать, — сказал Марко.

— На здоровье, — ответила Табита. Она стояла на коленях и терла ладонью о ладонь. Марко нагнулся и поцеловал ее в губы.

— А сейчас я голоден, — заявил он.

Табита резко поднялась и встала так, чтобы ему было неудобно ее обнять. Она чуть приоткрыла крышку бака, выудила изюм и сунула коробку ему в руки: — Держи, — сказала она.

Но Марко не взял изюм, он продолжал смотреть ей в глаза: — Я хочу вовсе не изюма, — тихонько произнес он.

— Я думала, ты торопишься, — сказала Табита.

— Тороплюсь, тороплюсь, — ответил он, пытаясь схватить ее в объятия.

Табита уперлась коробкой ему в грудь: — Потом, — сказала она, проявляя твердость по отношению к себе и к нему, — надо идти.

— Пошли, — отозвался Марко.

Он поднял Тэла. Когда они покидали корму, Табита открыла коробку и сунула в рот горсть изюма.

— Хочешь? — спросила она с набитым ртом.

— А, нет.

— О'кей.

Этот день и вправду был какой-то ненормальный. Все как-то накапливалось. Быть обязанной этому человеку. Необходимость лететь на Изобилие. С неисправным кристаллом осевого запора, состояние которого продолжало ухудшаться. Полиция с этим

ее делом. У нее будут крупные неприятности, если она не уложится в двадцать четыре часа.

И у Элис тоже.

Казалось, он почувствовал ее состояние и чуть отодвинулся, когда они шли через передний отсек и поднимались по ступенькам в кабину пилота.

— Не волнуйся, — сказал Марко, — мы все уладим. Ты только доставь нас на место. Мы переведем деньги по телефону, первым делом. Приоритетная важность. Ты сможешь познакомиться с ребятами, посмотреть шоу, мы пообедаем, пару раз выпьем, хорошенько выспимся, а завтра мы достанем тебе твой кристалл. Ты знаешь там кого-нибудь, кто занимается этими делами?

— Нет, — сказала Табита. Она практически не знала никого, кто бы работал на Изобилии, и не доверяла никому, кто бы стал там работать. В тех случаях, когда ей приходилось доставлять туда что-либо или забирать оттуда, она приезжала и уезжала как можно скорее.

Табита ступила на верхнюю палубу, Марко следовал за ней по пятам. Все-таки все вышло, как он хотел. Решение было принято, и ее чувства взяли верх. Она была явно не на высоте. Когда случались такие вещи, все летело в тартарары.

Они установили ящик с Тэлом позади своих сидений. Марко и слышать не хотел о том, чтобы оставить его в пассажирской каюте. Ему надо было, чтобы ящик все время стоял рядом с ним, чтобы он мог постоянно следить за приборами-индикаторами признаков жизни. У Табиты мелькнула мысль о правилах перевозки животных. Она натянула на ящик сетку и пристегнула ее.

— Тебе не мешают все эти штуки?

— Да нет, в общем.

Сеть на что-то наткнулась. Табита пошарила между ногами и вытащила засохшую дыню. — А я-то думала, куда она делась, — сказала она.

Табита уселась в свое кресло, подтянула к себе панель приборов и включила компьютер, оставив его немым. Она терпеть не могла, чтобы кто-нибудь подслушивал, как она разговаривает с Элис.

“ВНИМАНИЕ”, — сообщил экран. Он вспыхнул ей в лицо схемой, повернул ее на 180 градусов,

загудел и включился. На экране вспыхивал и гас большой голубой бриллиант. "ДЕФЕКТ КРИСТАЛЛА ОСЕВОГО ЗАПORA", — сообщал он. "ВЕРОЯТНОСТЬ АВАРИИ — 43.29%".

Табита нажала ручную перезагрузку.

Она откинула манжету, проверяя свой монитор, и заговорила в микрофон: — Bravo Гольф Канзас ноль-ноль-девять-ноль-пять-девять — диспетчеру.

Марко стоял рядом с ней в узком проходе между креслами. Он протянул руку над пультом и стер немного пыли с ветрового стекла. Снаружи лежала бесконечная предангарная площадь космопорта Скиапарелли, бурая и обожженная.

— Диспетчер — Bravo Гольф Канзасу ноль-ноль-девять-ноль-пять-девять. Ваш номер стоянки, пожалуйста.

— Черт, — сказала Табита. Она стала рыться в ворохе карточек, засунутых за герметическую раму стекла.

— Повторяю, ваш номер стоянки, пожалуйста, Bravo Гольф Канзас ноль — ...

— Минутку, — сказала Табита. Она раскладывала карточки. Она бросила взгляд на Марко. — Он где-то здесь.

Марко сочувственно кивнул, держа руки в карманах.

— Многовато карточек, — заметил он.

— Он должен быть у вас в журнале, — сказал диспетчер.

— Нет, — ответила Табита. — Я его не занесла. — Она закусил губу, наугад взяла одну из карточек, бросила на нее взгляд, скомкала и швырнула в мусорный контейнер, стоявший у ее левого колена.

— Процедура требует, чтобы номер стоянки был занесен в судовой журнал по прибытии, Bravo Гольф Ка...

— Он где-то здесь, — перебила Табита.

— Подождите, пожалуйста, Bravo Гольф Канзас ноль-ноль-девять-ноль-пять-девять, — сухо сказал диспетчер.

— Спасибо, — одним губами выговорила Табита и скорчила гримасу микрофону.

Затем указала на кресло второго пилота. — Забирайся, — сказала она. Затем нажала кнопку. Кабину залил красный свет, и раздался высокий жужжащий звук.

— Bravo Гольф Канзас ноль-ноль-девять-ноль-пять-девять, Джут, Табита, капитан?

— Да.

— Ваш номер стоянки — Танго Танго один-пять.

— Хорошо.

— На будущее во время визитов в порты этой или любой другой системы, пожалуйста, заносите ваш номер в память судового журнала по прибытии.

— Хорошо. — Она обследовала линию огней, нажала еще три кнопки. Над жужжанием закружился вой. Свет погас, затем вспыхнул снова.

— Я могу теперь стартовать?

— Вы подали заявку о вылете?

— Изобилие, пассажирский рейс.

— Вы подали уведомление об этой заявке, капитан Джут?

— Послушайте, я всего лишь лечу на Изобилие, а не на Харон или еще куда-нибудь!

— Каков маршрут вашего полета, Bravo Гольф Канзас ноль-ноль-девять-ноль-пять-девять?

Табита откинулась в кресле и стала нараспев произносить координаты, потом повернулась к приборной доске сбоку и дала еще координаты, считывая их с экрана.

Диспетчер в точности повторил все данные, а в это время под полом начался тихий, медленный, приглушенный стук. Температура в кабине пилота стала повышаться. Табита ударила по ряду красных кнопок. Все, кроме одной, стали зелеными.

Табита ткнула красную кнопку. Затем с силой нажала ее.

Кнопка мигнула зеленым, затем опять стала красной.

Табита стукнула по ней ребром ладони.

Корабль трясся, стук участился.

— Вы можете стартовать, Bravo Гольф Канзас ноль-ноль-девять-ноль-пять-девять.

Снаружи взвился вверх ослепительный белый свет, потом он пронесся наискосок и вернулся назад, начертив на бетоне вокруг них квадрат.

— Не включайте двигатели, пока...

Табита притронулась к клавише, и все потонуло в грохоте.

Вне мягких, плавающих полей, окружавших кресла Табиты и Марко, все стонало и гнулось. Все экраны шипели. По приборной панели вверх-вниз пробегали всплески света.

Грохот нарастал.

“Элис Лиддел” задрожала. Потом завибрировала. Она оторвала три ноги от поверхности, затем снова опустила. В кабине было жарко. Снаружи все было окутано дымом, кроме светящегося квадрата, ставшего теперь зеленым.

Они качались, шатались, а потом что-то схватило их, и они взвились вверх, в небо.

Под ними исчезал порт Скиапарелли, уменьшались грузовики, грузовые платформы с кислородом; ангары, блочные дома и мосты уменьшались до размеров модели, миниатюры, затем — сложной геометрической диаграммы, поглощенной красными туманами Марса. Дальше они могли видеть город, бурливший уже без них. От каналов отражался солнечный свет.

А грохот все продолжался, все сотрясал их. Вокруг корпуса корабля молниями извивались электрические разряды, катализируя хрупкий воздух. Раздался свист на высокой частоте и страшный шум, словно рвалась ткань неба. Он все звучал и звучал.

А потом шум и тряска стали стихать, и очертания Марса стали удаляться и помчались прочь под ними, как волна откатывается от песка, и уже ни под ними, ни над ними, ни вокруг не было ничего, кроме синевы и какого-то непрекращающегося шипения.

Первым в следующий момент включилось радио. Корабль наполнился голосами, информировавшими, дававшими инструкции, просившими, объявлявшими, подтверждавшими. Статика смешала их все, сделав нечленораздельными. На экранах рывками сменялись изображения — страница за страницей. Вокруг пульта плавно двигались муаровые схемы. Снова

начался стук, громкий, настойчивый и неровный. Все вещи, запрятанные под сетку, тряслись и двигались.

Затем потревоженные карточки вылетели из-за рамы лобового стекла и поднялись в воздух перед их лицами, словно стая бумажных рыбок на мелко-воде.

— Ах, ты, черт, — сказала Табита.

Марко Метц расхохотался. Выскользнув из своего кресла, он стал ловить кружившие в воздухе кусочки бумаги.

XIV

Они были в сотне тысяч километров от Скиапарелли. Сотни ты сяч звезд озаряли вечность космоса ровным холодным светом. Движение было не интенсивным: голубое мерцание мичамского магнетопоезда по маршруту Фобос-Византия, маленький старый “Фарго”, скользящий вниз из Долговечности к Серебряному Берегу, везя свежие овощи марсианам.

Элис шла ровно. Табита включила проверку осевой системы. Прислушалась к звуку моторов. Все было в порядке. Экран сообщил: “ВЕРОЯТНОСТЬ АВАРИИ — 44.49% ”. — Принято, — откликнулась Табита.

Марко не мог усидеть на месте. Он снова отстегнул ремни и стал плавать по кабине, подбирая кружившие предметы. Он проверил, как там Тэл, — тот все еще крепко спал. Он обследовал кучу вещей, сваленных под сетью. Отыскал скомканную джинсовую тряпку и стал протирать ею все подряд.

— Не надо, Марко, — попросила Табита.

— Не волнуйся, не волнуйся, — ответил он, вытирая экраны сканнеров. Разница была потрясающей. Десятикратно усиленная, дуга галактики осветила кабину — серебристая вуаль в пустоте.

— Ты только посмотри на это, — сказал Марко. — Яблоня.

— Что?

— Яблоня, — повторил он. — Разве ты не так ее называешь? Я думал, все астронавты ее так зовут.

— Я — нет, — ответила Табита. — И никогда не слышала такого названия.

— Так ее и зовут, — объявил Марко.

— А почему яблоня?

— Не знаю. Потому что нам не дано вкушать ее плодов, наверно.

Табита задумалась.

— Это из христианства, да? Ты ведь не христианин?

— Нет, — ответил Марко. — Я блудник.

— Ну, вот, — сказала Табита, — во что я влипла. — Марко плавал позади ее кресла, пытаясь через отверстия поцеловать ее в затылок. — Марко, — предостерегающим тоном сказала Табита.

— Что? Тебе что-нибудь нужно? Чего ты хочешь?

Теперь он висел вверх ногами и, протянув руку между ремнями, поглаживал ее по спине. Табита резко откинулась назад, отталкивая его. Ремни sprужинили. — Я тут на работе, — заявила она.

— Что? — спросил Марко, дразня ее. Он проплыл под Табитой и вынырнул у нее между ногами. — Что ты такого делаешь, что это старое корыто не может сделать само?

Глаза Табиты сверкнули: — Не смей оскорблять мой корабль, — сказала она.

— О'кей, прости, прости, дорогая старушка, — он протянул руку и похлопал по корпусу корабля. — Не обижайтесь, леди.

На пульте вспыхивали и гасли цветные огни — красные, голубые, зеленые. Дисплеи покрывались завитками, перекрывались, мигали, таяли, коалесцировали. Меньше чем за долю секунды Элис произвела легкую коррекцию курса.

А снаружи все так же простирался космос. Он был так необъятен, что казалось — они совсем не движутся.

— Ну, так просвети меня, — сказал Марко, — я всего лишь невежественный музыкант. Чем ты сейчас занята? Я не вижу, чтобы ты что-нибудь делала. Что такое жизненно важное ты делаешь теперь?

Я не обязана ему отвечать, подумала Табита. Но все же ответила. — Везу тебя на танцульку, — деловым тоном сказала она и, нахмурившись, склонилась над мезоскопом.

Этого, разумеется, оказалось для него недостаточным. — Нет, нет, — сказал он, проплывая назад в свое кресло и усаживаясь в нем, скрестив ноги и сложив руки на груди с видом инквизитора: — Это же делает корабль, верно? Вот эта маленькая Элис. А что делаешь ты?

Теперь Табита обернулась к нему: — Я часть этого корабля, — заявила она. — Та часть, которая принимает решения. — Она похлопала по своим выцветшим погонам. — Капитан.

— А я-то думал, у них есть свои мозги, разве нет? — настаивал Марко. — У них есть маленький мозг, который ты втыкаешь в компьютер, и он управляет двигателем, моторами, сортиром и всем остальным. Разве не так? Или эта посудина такая допотопная, прости меня, находится в столь почтенном возрасте, что у нее их нет?

— Она все может делать сама, — сказала Табита. — Она может делать все, но не может решать, что надо делать. — Она оглядела кабину. Ее взгляд упал на маленький дорожный ящик, легонько подпрыгивавший под сетью: — Это как ты и Тэл. Он может петь, но ты говоришь ему, что надо петь дальше.

Это понравилось Марко: — Правильно! Правильно! Очень умный ответ, — сказал он с восхищением.

Не такой уж и умный, подумала Табита, бросая взгляд на Марко. Он, может, и красив, но, видно, не слишком сообразителен.

— Ты очень умная перевозчица, ты знаешь об этом? — продолжал Марко. — Ты слишком хороша для такой работы. Как бы тебе понравилось быть импресарио крупнейшей межпланетной труппы кабаре?

— Нет, спасибо, — пробормотала Табита, подсоединяя командный провод.

— Правда, — сказал Марко. — Я серьезно. Ты слишком умна, чтобы быть водителем грузовика. Держу пари, ты можешь вести эту штуковину с

закрытыми глазами. Держу пари, ты можешь вести ее одним мизинцем.

Он снова выпрыгнул из кресла.

— Держу пари, ты можешь вести ее со своей постели.

— Марко, не надо, — сказала Табита. — Не надо все портить. Почему бы тебе не посмотреть фильм или еще что-нибудь?

Он плавал в воздухе совсем рядом с ней, не отодвигаясь ни на сантиметр: — Я лучше посмотрю на тебя...

— Если ты не можешь держать руки при себе, займись чем-нибудь полезным. Реконструируй вон тот наружный паралакс-фибриллятор.

Он поискал в беспорядке на верху пульта: — Этот?

— Нет, вон там. С гармоникой в отверстии.

— О! О, конечно. Наружный паралакс-фибриллятор. Правильно.

Марко вытащил его и стал рассматривать.

— Он заглох на сети до десяти.

— Одиннадцати, — сказал Марко, быстро нажимая кнопку туда-сюда.

— Ну, сколько там.

— Ты сама можешь их ремонтировать, без проблем, — сказал он. Все, что тебе надо сделать, — это вынуть детальку средней дальности.

— Я уже это сделала, — отозвалась она.

— Ну, тогда тебе надо его байпасировать. Это просто. Ты можешь попросить кого-нибудь сделать это для тебя.

— Я вроде просила тебя.

Он отпарировал: — Это может сделать для тебя кто угодно.

— Ты можешь?

— Конечно.

— Ты когда-нибудь это проделывал?

Он поколебался: — Нет. Вообще-то я никогда этого не делал, по крайней мере, сам.

— А я делала, — сказала Табита. — Поэтому я и хочу, чтобы это сделал кто-нибудь другой.

Марко открыл рот, чтобы ответить. — Ш-ш-ш, — сказала Табита. Ей послышался какой-то шум. Она было вызвала еще раз проверку осевой системы, потом отменила приказ. Она просто нервничала.

Мимо пронеслись еще пять тысяч километров пустоты. Земля и ее спутники были далеко впереди — крохотная сияющая точка, почти неотличимая от других сияющих точек.

Табита потянулась и зевнула.

Марко тут же принялся за свое: — Ну, похоже, ничего особенного не происходит, — начал он.

— Марко, — сказала Табита.

— Нет, нет, — отозвался Марко, — я просто хотел спросить, ты играешь на этой гармонике?

— Да, — ответила она, — очень плохо. Она уже давно не играла. На самом деле она уже забыла, что положила туда гармонику.

— Я тебе не верю, — объявил Марко.

Табита посмотрела на него: — Чему ты не веришь — тому, что я умею играть или тому, что играю плохо? — Она снова отвернулась. — Впрочем, ты прав, — сказала она. — Иногда я тоже не могу поверить, насколько плохо я играю.

— Сыграй что-нибудь.

— Нет.

— Давай, ты же можешь. Ты ведь не так страшно занята, чтобы быть не в состоянии выдуть пару строк из “Кейси Джонса”, верно?

— Какого Кейси? — спросила Табита. Но все же протянула руку: — Давай сюда.

Марко медленно подтолкнул гармонику по направлению к ней по воздуху.

Табита поймала ее. — Я тебя предупредила, — заметила она.

Она сыграла Марко песенку про виски, которой научила ее тетушка Мюриэл на Интегри-ти II. Песенка далась ей с некоторым трудом. Марко вежливо слушал.

— Не так уж плохо, — заметил он, когда песня кончилась.

— Очень плохо, — сказала Табита. — Очень-очень плохо. Мне надо больше упражняться.

— Возможно, — он пожал плечами. — Время у тебя есть.

— Да, — Табита снова сосредоточила свое внимание на пульте. — Я, наверное, и так слишком много упражнялась, — сказала она. — Я просто-таки самый лучший плохой исполнитель на гармонике. — Она снова бросила взгляд на Марко. — В этот раз получилось даже хуже, чем обычно, — добавила она. — Обычно у меня не бывает слушателей.

— Правда?

— Я же тебе говорила. Я никогда никому не разрешаю лететь в кабине пилота.

Марко поиграл резиновой губкой, пролетавшей мимо, сделав попытку заставить ее крутиться в воздухе перед его носом.

— Сыграй еще что-нибудь на своем губном органе, — сказал он.

— Нет, — ответила Табита.

— Я хочу поиграть на твоём губном органе.

Табита пропустила это заявление мимо ушей.

— И на твоём другом...

— Вот, — Табита перебросила ему гармонику.

Марко взял ее и стал наигрывать что-то нежное и печальное, жалобную и меланхоличную мелодию, поднимавшуюся вверх на каждой третьей строфе, словно в попытке стряхнуть свою тоску, освободиться и улететь; но на третьей строфе она снова сворачивалась и падала: иногда неохотно, но всегда покорно, точно знала, что упадет, так, словно поднималась и падала столетиями. И все же, когда подходила третья строфа, мелодия, казалось, собиралась и обретала энергию заново, и, казалось, на каждой новой строфе она уже падала не так низко, и Табита против воли зачарованно следила за игрой этого симпатичного мужчины, раздумывая, чем он завершит мелодию, как он сможет вообще преодолеть диссонанс между рывками вверх и вниз, пока не поняла, что мелодия уже кончилась тихим ритмичным ручейком, избежавшим вверх, вниз, затем исчезнувшим с легким мерцанием.

— О, это было прекрасно, — сказала она.

Марко улыбнулся. Его чудесные глаза смотрели спокойно, почти робко, совсем не так, как прежде.

Табита отбросила назад ремни безопасности, поднялась над ним, схватила его за руку и подняла вверх.

Он воспользовался моментом, чтобы сунуть гармонику назад, туда, где нашел ее, в отверстие испорченного фибриллятора. Затем круто развернулся и поцеловал ее.

— А как насчет Тэла? — спросила Табита.

— С ним все будет в порядке. — Марко показал на зеленые кнопки на ящике. Они ровно пульсировали.

Они спустились по проходу вокруг люка в капитанскую каюту и оставили дверь открытой.

Зацепившись ногой за одну из петель в углах корпуса, они раздели друг друга. Их одежда повисла и плавала в воздухе. Обувь описывала неровные круги вокруг их обладателей. Из самых неожиданных уголков поднялось нижнее белье, сталкиваясь на пути с извивавшимися, как змеи, носками.

Высвободив ногу, Табита легко опустилась на Марко. Ее руки оказались на его бедрах. Он широко расставил ноги, и девушка мягко скользнула между ними. Марко начал кружиться, потянулся к Табите, медленно извивавшейся под ним. Его руки соскользнули с ее груди, так, словно она была смазана жиром. Он перевернулся в воздухе, снова оказался лицом к лицу с Табитой и, подогнув под себя ноги, лег навзничь на пустоту, прижав пятки к ягодицам и широко расставив колени. Он тяжело дышал от возбуждения, рот и глаза его были широко открыты, взгляд был диким. Он зарылся ртом в волосы Табиты.

Девушка пропустила левую ногу под его рукой, правое бедро ее скользнуло вдоль его живота. Нежные руки Марко ласкали бока Табиты — руки музыканта. Она перекувырнулась у него на коленях, слегка оттолкнулась от стены каюты, медленно вернулась, вытянув вперед ноги, оказалась на нем верхом, и они слились. Затем они закружились, переворачиваясь вверх ногами, вращаясь вокруг своего теплого, влажного общего центра. Марко судорожно вздохнул и застонал.

Все это время Табита вполуха прислушивалась к глубокому медленному пульсированию моторов, к гулу и потрескиванию летящей "Элис Лиддел", раздававшемуся на заднем плане. Она прислушивалась в ожидании нового шума, того, который, как показалось ей, слышался на пути с Шатобриана: неровному постукиванию кристалла осевого запора, подпрыгивавшего в гнезде.

Шум раздался неожиданно. Но это был не кристалл. Это был звук гармоники, наигрывавшей песенку ее тетушки Мюриэл.

Табита в ужасе уставилась на Марко.

Звук приближался по проходу. Но это была не ее гармоника, это был более высокий, пискливый звук, словно через крошечный динамик проигрывали плохую запись.

Табита забилась, освобождаясь из объятий Марко, пытаясь за что-нибудь ухватиться, чтобы найти опору.

Через открытую дверь, весело чирикаая, прошествовал внутрь попугай Марко. Звуки, которые он издавал, были как две капли воды похожи на звуки маленькой гармоники.

— О, Господи, он выбрался из ящика, — взволнованно воскликнула Табита.

— Наверное, ему стало скучно, — сказал Марко.

— Что?

— Бути, моя пылкая крошка, — распевал попугай, — я прыгну тебя к стене!

Он склонил голову набок и злорадно воззрился на них одним черным глазом.

Он злобно ухмылялся.

— ГОСПОДИ ИИСУСЕ, ДА ОН — РАЗУМНОЕ СУЩЕСТВО!

— Да, думаю, что так, — сказал Марко, — то есть смотря что понимать...

— Пошел вон! — крикнула Табита вторгшемуся незваным внеземлянину. — Убирайся из моей каюты!

Она схватила проплывавшую мимо рубашку и тщетно попыталась запустить ей в птицу. Попугай увернулся от этого медлительного снаряда, сделав аккуратненький поворот на три четверти.

— Трусливая салями! — заголосил он, повиснув вверх ногами.

Табита конвульсивным рывком высвободилась из объятий Марко, и тот, расставив ноги, налетел прямо на иллюминатор. Девушка в ярости сверкнула на него глазами: — **СКАЖИ ЧТО-НИБУДЬ!**

— Ладно, Тэл, иди отсюда, — сказал Марко нейтральным тоном. — Она тебе не Саския. Ей это не нравится.

Большая зеленая птица перевернулась и непри-
нужденно выплыла задом из каюты.

— Салями министроне, — донесся из прохода ее злорадный голос, — а в кувшине — виски...

Марко почесал себе живот: — Тэбби. Я очень сожалею. Правда.

— **НЕ СМЕЙ НАЗЫВАТЬ МЕНЯ ТЭББИ.** Никто **НИКОГДА** не зовет меня Тэбби.

— Извини!

— Что — он — такое?

— Попутай. Подобие попугая. Я тебе уже говорил.

— Черт побери, Марко, он разумный!

Он пожал плечами в воздухе: — Ну, конечно. Обычного попугая нельзя заставить проделывать все эти штуки. Я думал, он тебе нравится. На самом деле он умница. Когда ты узнаешь его получше...

— Я не хочу узнавать его получше.

— Послушай, он же не хотел ничего такого. Ему просто одиноко. Тебе бы тоже стало одиноко, если бы тебе часами пришлось сидеть засунутой в этот маленький ящик. Иди сюда, Табита, я извиняюсь, правда.

Но Табита пристроилась на корточках в углу потолка, пристегивая ручной монитор и яростно натягивая на себя тенниску.

— А кто такая Саския? — поинтересовалась она.

XV

Человеческий дух — понятие весьма растяжимое, если дать ему возможность дешево и без труда путешествовать, гибкую собственность и законы по планированию, а также благоприятные налоговые

льготы. Но кроме того, человек — стадное животное. В первые дни Космического Рывка не было никаких причин строиться за сотни миллионов километров от человеческого жилья. Практически весь Марс был в распоряжении, если не бояться климата, и любой человек мог создать туннель отвлечения.

Вот почему к моменту начала нашей истории уже существовало скопление примерно из двухсот человек — обитателей спутников, включая шестьдесят туннелей, четырнадцать платформ, семь колес, шестнадцать разных образований, не поддающихся классификации, в состав которых входили казино на обездвиженных системных звездолетах, старых “гробах” и постоянных “случайных средствах” и три зиккурата* эладельди — все на орбите Земли, не считая бедной заброшенной Луны.

Для людей умных, людей проницательных беспорядок и сумятица, по-видимому, стали невыносимыми. Они последовали за горнодобывающими левифанами на пояс астероидов, а вскоре после этого, когда карты Пояса испещрили частные линии, — дальше на Сатурн, где имелись реальные возможности для развития. В кольцах волноваться можно было только за отшельников.

Как только деловая активность ушла с Земли, части Сплетения остались без дела. Процветающие проекты умерли, оставив решетки из неполированной стали и туманности из заклепок, бесцельно крутившиеся по “поднебесью”. Статус этих и других орбитальных станций стал очень неустойчивым, как в юридической фикции, так и на самом деле. Они быстро переходили из рук в руки: создавалось впечатление, что чуть ли не каждый день.

Те, кто был прикован к Земле, отпускали пренебрежительные шуточки насчет пустых консервных банок и поворачивались спиной к хрупкому, сияющему ожерелью ночи. Дух экспансионизма был неустрашим. Скваттеры, беглецы и отбросы из сети перебрались в заброшенные корпуса. Там они и жили, как пауки, цепляясь, по углам.

Что и приводит нас к Изобилию.

* Культовые башни в архитектуре Древней Месопотамии

С сожалением надо сказать, что, когда Табита прибыла туда, это место было не в лучшем виде. “Неряшливое” — вот слово, которое приходит на ум. Поскольку оно имело стратегическое значение только для расы, установившей его на орбите, его пустая оболочка рассматривалась как гротескный раритет, титаническая причуда. Его обитатели постоянно обновлялись, и зачастую это были предприятия, находившиеся на грани или катившиеся под откос, совершенно равнодушные к решительно нечеловеческому окружению. Для некоторых из них оно было явно предпочтительным.

Изобилие было создано фрасками, причем, насколько я смогла раскопать, они не называли его ни этим, ни каким-либо другим именем. Оно было, как знала Табита, основным следом краткого пребывания этой поверженной расы в солнечной системе. Фраски прибыли по горячим следам капеллийцев, скользнув за ними в щель до того, как великая дверь пространства смогла захлопнуться. На взгляд человека, это были самые странные из вновь прибывших в те дни. Они напоминали величественные ходячие насекомообразные пучки осоки. Они открывали рот и шипели.

Нашелся кое-кто, кто их понял. И в самом деле, сила, с которой они сумели оживить целые регионы Центральной Африки и части Южной Америки, была поистине замечательной. Возродились культы, возобновились свирепые полночные дуэли. Целые армии дезертировали и исчезали; некоторые говорили — чтобы надрываться, как рабы, сначала в обреченной попытке построить площадку на Венере, а затем — на самой чудовищной из когда-либо существовавших орбитальных станций.

Фраски — раса агрессоров, эксплуататоров и работников. Их выдающаяся цивилизация на три четверти состоит из мужчин. Эти три четверти из поколения в поколении до смерти изнуряют себя работой по повелению четверти женского населения, более разумной, но ничуть не менее свирепой, доминирующей над ними силой непостижимой общественной мистификации импульса. В центре их улья восседает королева, отдающая свои непримиримые приказания через туннели лабиринта. Убрать ее — и все общество перестанет функционировать. Под

руководством Королевы Изобилия мужские особи неустанно трудились над высокой вращающейся конструкцией, кристаллизуя ее ткань, казалось, прямо из редких частиц подлунного космоса.

Считалось, что фраски как-то вписываются в капеллийскую схему, — что это еще одна раса, находящаяся под их покровительством, каковыми, по всей видимости, были транты и эладельди, хотя фраски казались более предприимчивыми и самодостаточными, чем большинство других. Что бы там ни было, но они действительно строили это.

Первым из кораблей нашей системы, который увидели входящим в огромные доки, составлявшие нижние уровни завершенной станции, был “Сераф Кайса”. Через два дня, вопреки умозаклечениям циников, его увидели покидающим станцию. Постгуманоидные супрематисты — серафимы — открыто объявили о некотором чувстве товарищества по отношению к этим пришельцам-автократам. Вскоре после этого на Земле стали появляться представители человеческой расы, как лично, так и на экране, описывая щедрые дары, принесенные фрасками в систему, особо отмечая их передовые крионные устройства.

Некоторые сомневались из-за полу-евангелистского тона рекламы, другие — из-за отсутствия пиетета, а точнее — ссылки на Капеллу. Было ли это предложением, которое Земля могла принять? Были ли они все еще свободны? Затем в поле зрения появились первые человеческие суда, подхватившие инициативу “Сераф Кайсы”. А после этого их было уже не остановить. Они прилетали из швейцарских клиник и частных санаториев, стремясь стать замороженными. Представители наций и организаций, раньше сохранявших нейтралитет, теперь присоединились к этой толпе, болтая о дружеских отношениях и взаимной выгоде. Они считали, что их лидеры могут узнать от фрасков двойную тайну: социального контроля и личного бессмертия — ценное содействие для мирного и эффективного управления.

Зачем одним надо управлять другими, остается для меня загадкой. Мне это кажется утомительной и неблагодарной задачей. Достаточно сложно уже присматривать за неодушевленными предметами. Мо-

гу только предположить, что человеческими существами, рождающимися голыми, мягкими и привязанными к сиюминутной окружающей среде, ограниченной и требующей выносливости, движет некое стремление к самовозвеличивающей мести.

Фраски, однако, не столь уж хрупки. Только Богу известно, чем они живут и почему решили, что им все это сойдет с рук. Это данные, погребенные столь глубоко, что даже я не смогла до них докопаться.

Как бы там ни было, на Изобилии все шло успешно. И тут в один прекрасный день заговорила Капелла. Фраски были объявлены РАСОЙ НОН-ГРАТА. Вести какие-либо дела с ними запрещалось. Их лучшие представители были отстранены и внезапно, без объяснений, заменены новыми, которые, постоянно улыбаясь, делали противоречивые заявления и время от времени к чему-нибудь призывали. Напряжение проступало сквозь их загар. Некоторые из них были явно уже заморожены. Они призывали к лояльности по отношению к великодушным и нетребовательным фраскам и отрицали авторитет Капеллы.

Архивы того времени фрагментарны и запутанны. Судя по всему, на станции царило смятение. Было много общего треска, в эфире создавались необычные возмущения. Странные резкие, словно издаваемые циркулярной пилой, звуки вгрызались в пустоту на многие сотни километров вокруг. Служащие с Земли, все еще пользовавшиеся свободой передвижения, сбежали, само собой, прихватив все, на что могли наложить лапу. Огромные причалы для судов опустели. Агенты и послы покинули станцию на шаттле, лихорадочно замечая следы. Крионные системы чуть не разрушили, когда своды стала осаждать публика, требуя назад родителей и президентов.

Наконец, в разгар хаоса, с большими церемониями, демонстрируя свое техническое превосходство, прибыл капеллийский системный корабль, чтобы потребовать немедленного отбытия фрасков. Те отказались. Капеллийцы склонили свои огромные головы в знак скорби и истребили фрасков.

Истребление было коротким и страшным. Фраски, казавшиеся такими сухими и неуязвимыми, корчились и сгорали от малейшего жеста капеллийцев. Доки для звездолетов на Изолибии превратились в

ад. И сегодня там везде можно увидеть обугленные следы. Эладельди прочесывали туннели, поджигая все, что двигалось. В воздухе постоянно пахло гарью.

Были созданы специальные истребители, и люди подрядились пилотировать их, чтобы уничтожить остатки расы. Фраски не ушли далеко от своего улья — это было не в их правилах. Тем не менее, им удалось собрать флот и дать два последних боя, предпочитая поражению полное уничтожение.

Их желание осуществилось.

Теперь, объявил капеллийский представитель одновременно по всем каналам и сетям системы, можно раскрыть коварный замысел фрасков. Восстания в Африке были только репетицией. Фраски замыслили разжечь гражданскую войну в системе, натравив один мир на другой. Из своей орбитальной крепости, превращенной в улей, они собирались делать вылазки против всех, кто остался в живых, и съест их живьем. Такова была ужасная, кровавая стратегия, с помощью которой они установили контроль над своей родной системой. Капеллийцы, будучи, как всегда, снисходительными, доверяли им в нашей системе до тех пор, пока не стало явно, что фраски собираются проделать все тот же жуткий номер.

Только отвага человеческой расы, заявил представитель, победила сегодня. И в награду освобожденная оболочка Изобилия, крупнейшей из орбитальных станций, была передана Земле. Капелла просто согласилась, и то по ходатайству, обеспечить комитет управления. Как после выяснилось, они уже некоторое время готовили такой комитет.

В новом Совете было семь членов. Все они были людьми: среди них не было даже ни одного эладельди. Это был знак доверия или, как бурчали вездесущие циники, презрения.

Станцию назвали Изобилием. Она должна была стать сочетанием налогового рая, станции обслуживания и пристанища для пограничного бизнеса. И если вскоре обнаружилось, что границы бизнеса весьма сомнительны, а услуги предоставлялись изпод полы, что не совсем соответствовало первоначальному плану, то чего еще можно ожидать от

предприятия, предоставленного самому себе и лишённого надзора Капеллы.

Морозильники снова на Изобилии снова заполнились, и коммерческий сектор этого муравейника снова стал процветать, хотя под многочисленными крышами, построенными в виде огромных бронированных плит, многие другие участки тонули во тьме, и единственным светом в них было мертво-зеленоватое мерцание фосфоресцирующих растений, покрывавших стены.

Вскоре наиболее доходным занятием возрожденной станции стала стоянка для внеземных авантюристов. Группы туристов, сторонников выживания и экстремистских парамилитаристов на службе за хорошую плату и без всякой ответственности выпускались в ее зловещие и неверные коридоры. А внизу звездолетные доки — огромный шельф, простирающийся в оба конца под куполообразной надстройкой, стали привлекать суда, предпочитающие не посещать более освещенные и более респектабельные причалы.

А теперь представьте себе Изобилие, когда туда прибыла “Элис Лиддел”, везя двух артистов кабаре. Это был гигантский парализованный космический обитатель под маской ложного возрождения. Модификация его была частичной, в некоторых местах — так просто безуспешной. В тених прятались странные существа и устройства. Кто знал, какие процессы дремали там, какие ловушки, какие таинственные и свирепые рефлексy могли сработать при проникновении в проходы и ячейки, отгороженные их строителями? Фраски не оставили ни руководств, ни планов, которые можно было прочесть. Все, что уютно могло произойти прямо за следующим поворотом.

А Изобилие сплошь состоит из поворотов. Там нет ни одного прямого угла. Овальная по плану, вся станция создана из слоистой субстанции, больше всего напоминающей рог. Рябая гладь всех ее поверхностей усиливает впечатление, что Изобилие — это нечто органическое, нечто такое, что было рождено, а не построено.

— Оно похоже на гигантскую черепаху, — сказал Марко Метц. — Как ты думаешь? На большой уродливый черепаший панцирь.

Табиту тоже поразило это сходство, но она не ответила. Она не собиралась признавать за ним ни этого, ни чего-либо еще. Если Изобилие было гигантской спящей космической черепахой, она в любой момент могла вытянуть свою гигантскую голову и проглотить саму Табиту, Элис и все остальное. Табита не хотела быть здесь. Она намеревалась быстренько отделаться от Марко и его маленького пситтакозного* дружка. В глубине ее сознания все ныл пугающий голос. Ошибка, Табита, ошибка, ошибка, ошибка. Она игнорировала этот голос, потому что ей должны были заплатить. **ВЕРОЯТНОСТЬ АВАРИИ — 50%**, сказал голос. Она не обращала на него внимания, поскольку ей надо было ввести корабль в черный рот панциря и прямо в глотку. Если раньше она притворялась занятой, то теперь она была занята по-настоящему.

Вокруг нее открывались огромные скругленные губы станции. Между ними рябил и раздвигался силовой занавес.

Как лист, затянутый в темную канаву, “Элис Лиддел” выплыла из пустоты и вошла в мир теней. На полу пещеры были установлены громадные батареи прожекторов, но они почти не рассеивали тьму. Быстро затормозив, Табита летела над слабо освещенным индустриальным пейзажем, черным, как воды Стикса и мрачным, как пол какой-нибудь мастерской в аду. По серпантину вспомогательных линий сновали туда-сюда похожие на насекомых сервисные машины, а грязные роботы и живые механики выползали из полуразобранных кораблей.

И здесь, подумала Табита, мне придется дать им поставить Элис новый кристалл. Она отбросила эту мысль вместе с другими неприятными мыслями, не оставлявшими ее, и полетела дальше.

Теперь они находились между ярусами доков, огромных потемневших утесов открытых ангаров, где можно поставить пятьсот кораблей среднего размера, по пяти в ряд. Табита видела, что многие ангары пусты или заполнены оборудованием и обломками механизмов, уже переставшими быть кораблями, если они вообще когда-нибудь ими были. Но там

* Пситтакоз — попугайная болезнь

были и корабли: скауты, чартерные суда, туристские шаттлы. Там были и баржи. Пока Марко по радио сообщал о своем прибытии полудюжине людей, Табита повела Элис вдоль долины, мимо фаэтона какого-то сенатора с Земли, прибывшего нанести визит инкогнито в местные бордели, и последней модели "Фреймахер Чаризмы" с одним сломанным колесом, наполовину погребенной под чьим-то развалившимся грузом.

Верхний ярус ангаров тонул во тьме. Неожиданно засветился навигационный сигнальный огонь — только у одной платформы.

— Туда? — спросила Табита.

— Туда, — отозвался Марко.

Табита выровняла корабль, погасила инерцию и дала задний ход. Осторожно она поставила Элис на платформу к сигнальной башне.

Она почти не различала фигуры двоих встречавших; но они были там — у кормовых сканнеров. Синий свет стер все человеческое с их лиц. Они казались призрачными и мрачными. Одна из фигур помахала рукой.

— Кто они? — спросила Табита, ведя корабль вниз по инерции. Из-за шума она едва расслышала ответ Марко.

— Это Близнецы, — сказал он.

XVI

BGK009059 LOG

TXJ. STD

ПЕЧАТЬ

2 — 22] AE j]]
&&&&&&&Aozu'o'n"o""u]]] &a &a 7 e&N []] XO:]]

oearps egarps fn fnn fnnn OE]]] o't'009059j. lax~

@@/9/C]]] 222m&&&&&&& &?: t — /

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? 15.31.22

ГОТОВА.

— Сегодня утром Саския спросила меня, к какому знаку я принадлежу. Я сначала не поняла, о чем она.

— А ЧТО ОНА ИМЕЛА В ВИДУ, КАПИТАН? ЭТО ЧТО-НИБУДЬ ПО ПОВОДУ МОЕЙ РЕГИСТРАЦИИ?

— Нет, это астрология. Знаешь, Стрелец, Дева и все такое. Гороскопы по сети. Двенадцатая часть людей в пространстве Земли найдут новую любовь в четверг. Моя тетушка Мюриэл верит в это. Судьба по звездам. Бог знает, как они все это разрабатывают, если ты родился на Марсе.

Но это напомнило мне того типа, которого я встретила однажды в порту. Нью-Малибу. Или где-то в этом роде. Космические серфинисты скользили по серебристой парче. Скучающие престарелые дамы со свисающими на плечи пучками волос, нашептывавшие льстивые или злобные сплетни друг другу в идеально очерченные уши. Люльки у баров, украшенные полосатым, как шкура зебры, мехом трантов.

— А ЧТО МЫ ТАМ ДЕЛАЛИ?

— Доставляли обувь. По-моему, на высоком каблуке и на платформе. Как раз такие, что подходят к этим костюмам из рельефного трикотажа с прозрачными трубками и вольфрамовыми фигурами. Тряпки для вакуумных вечеринок.

— ЧИСТЕЙШАЯ ЗАВИСТЬ.

— Что? Это у меня?

— Я ПОЛАГАЮ, ДА.

— Ох, ладно тебе, Элис.

— ПОТОМУ ЧТО ТЕБЯ НИКОГДА НЕ ПРИГЛАШАЛИ.

— На вак-вечеринку? Ты просто шутишь. Я тут работаю.

— НО, НАСКОЛЬКО Я ПОНИМАЮ, ЭТО БЛЕСТЯЩИЕ СОБРАНИЯ.

— Элис, ты говоришь с женщиной, видевшей скипфест на "Октябрьском Вороне". Вот это действительно было блестяще. НьюМалибу — просто развлекательная подделка. Маета из-за денег.

— РАССКАЖИ МНЕ О СКИПФЕСТЕ.

— М-м, как-нибудь в другой раз. Я просто думала о том человеке...

— А-А.

— Да нет, это не тот тип. Голова-штепсель. Типичный представитель Священной Гробницы Расширенной Невросферы.

У них есть правило, если ты прибываешь на Малибу, — обычная вещь. Тебе приходится тратить часть жалованья прямо на месте. Это чистые деньги, вот что. Живые деньги. Левая рука платит правой.

Так что я была в порту, бегала повсюду и пыталась выудить карточку из автоматов, а ни один из них не работал. Я вставляла свое удостоверение личности и кредитную карточку, а экран говорил...

— ПОДОЖДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

— Правильно. И я ждала, ждала, ждала, а потом он говорил...

— НЕДОСТАТОЧНО СРЕДСТВ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИИ.

— Ага, вот и нет. До этого он так и не дошел.

— ПРОСИМ ВАС ОБРАТИТЬСЯ В ОТДЕЛ ЛИЧНЫХ ЗАПРОСОВ. СЛУЖАЩИЙ БУДЕТ РАД ПОМОЧЬ ВАМ В ПРОВЕДЕНИИ ВАШЕЙ ОПЕРАЦИИ.

— И...

— НИКАКОГО СЛУЖАЩЕГО НИГДЕ НЕ БЫЛО ВИДНО.

— Ты что-то сегодня очень разговорчива, Элис.

— ИЗВИНИ, КАПИТАН.

— Я тебе уже рассказывала эту историю?

— О, ВОЗМОЖНО. НО РАССКАЖИ СНОВА.

— Нет, какой смысл? Ты, должно быть, помнишь ее лучше меня, то есть — все, что я говорила. У тебя она, наверное, где-нибудь записана, да?

— Я НЕ ПОМНЮ, КАПИТАН.

— Нет уж, продолжай.

— НО ЭТО ПРАВДА. Я НЕ ПОМНЮ. ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ ПОМНЮ.

— Но ты могла бы ее найти.

— ДА, ЕСЛИ БЫ ТЫ МНЕ ВЕЛЕЛА, КОНЕЧНО, МОГЛА БЫ. НО, МОЖЕТ, ТЫ ЛУЧШЕ РАССКАЖЕШЬ ЕЩЕ РАЗ?

— Хорошо. Это немного бессмысленно, вот и все.

— НИКОЛЬКО. КОГДА РАССКАЗЫВАЮТ ВО ВТОРОЙ РАЗ, НИКОГДА НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ ОДИНАКОВО.

— Значит, ты меня проверяешь?

— У ТЕБЯ ТАКОЕ ЧУВСТВО, СЛОВНО ТЕБЯ ПРЕСЛЕДУЮТ.

— Я жалею, что вообще во все это ввязалась. Если бы я повернулась и вышла из "Ленты Мебиуса", ничего такого бы не случилось. Нашла бы себе какую-нибудь нудную обычную работу, заплатила бы полицейским, у тебя был бы новый кристалл, а я никогда бы не встретила Марко и его приятелей и была бы гораздо счастливее теперь.

— НЬЮ-МАЛИБУ. ПОРТ. ЛОЩЕННЫЕ ТУРИСТЫ В БЕЛОМ И ЭКИПАЖИ РОБОТОВ, СНУЮЩИЕ ТУДА-СЮДА, ЗАНИМАЯСЬ ГОСТИНИЧНЫМ БИЗНЕСОМ. ТАБИТА ДЖУТ ПЫТАЕТСЯ ДОБИТЬСЯ КАКОГО-НИБУДЬ ТОЛКУ ОТ КРЕДИТНОГО АВТОМАТА. ВЕРНЕЕ, ОТ ЦЕЛОГО РЯДА АВТОМАТОВ. НИ ОДИН НЕ РАБОТАЕТ.

ЧТО ПРОИСХОДИТ ДАЛЬШЕ, КАПИТАН?

— Табита Джут слышит голос за спиной.

— И-и-з-з-вините меня, — говорит он. — А-а-а. А-а-а-а.

Табита Джут оборачивается. Позади нее стоит молодой человек с трубкой в носу. Его глаза налиты кровью. Его зубы испорчены. Но его имплантанты чистые — чистые и сверкающие.

Замечательно, думает Табита. Голова-штепсель.

На "штепселе" нет космического одеяния из серебряной парчи. Он не носит башмаков на платформе. На нем надет прозрачный голубой пластиковый кагуляр — плащ с глухим капюшоном, в котором сделаны прорезы для рта и глаз. Капюшон поднят.

— У-у-у в-в-ас есть контакт? — спрашивает он.

Чудесно, думает Табита. Штепсель-евангелист. Заика-штепсель-евангелист. Откуда они только берутся?

— ТЫ СОВСЕМ НЕ В ВОСТОРГЕ ОТ СВЯЩЕННОЙ ГРОБНИЦЫ РАСШИРЕННОЙ НЕВРОСФЕРЫ.

— Да.

— ИЗ-ЗА ТВОЕЙ СЕСТРЫ.

— Да.

— ЭНДЖИ.

— Да.

— ЭНДЖИ УЕХАЛА, ЧТОБЫ СТАТЬ ГОЛОВОЙ-ШТЕПСЕЛЕМ.

— Ты все хорошо запомнила.

— СПАСИБО, КАПИТАН. Я ОЧЕНЬ СТАРАЮСЬ.

— Вот и он старался.

Он все бубнил про то, что он В ОДНОМ РЯДУ СО ВСЕМИ, что он В ИНТЕРФЕЙСЕ. Все это время он поглаживал корпус автомата, в котором я застряла. "Б-больше н-никогда н-не б-будет необходимости в т-том, чт-т-обы т-тебя н-е-е понимала м-м-а-ашина".

— ПОЧЕМУ ТЫ ОТ НЕГО НЕ ИЗБАВИЛАСЬ, КАПИТАН?

— Потому что я с придурью.

— НЕТ, ЭТО НЕПРАВДА.

— Правда. Мне стало его жаль.

— ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ОН ЗАИКАЕТСЯ?

— Из-за Энджи. Я безнадежная дура во всем, что касается "штепселей". Я всегда даю им деньги. Особенно, если это женщины. Я всегда думаю, что это могла бы быть она.

— ЭТО МАЛОВЕРОЯТНО.

— Не в этом дело.

У него была совершенно поразительная голова. Она была в форме шлема — такой, какой, кажется, должна быть голова полицейского, когда он снимает шлем. И челюсть у него тоже была под стать голове, огромная плита, а не челюсть. На самом деле у него все лицо было как плита, словно что-то опустилось на него — всемогущая длань — и сплющило. Практически оно вдавилось в области носа. Там, где проходила трубка, был желоб, он шел вверх, начинаясь под его ухом, через всю щеку.

— Нам надо правильно с ними обращаться, — сказал он, поглаживая автомат. Как он при этом заикался, это еще нужно представить. — Надо почувствовать, что они хотят нам сказать.

Я сказала: — Я знаю, что он хочет мне сказать. Он хочет сказать, чтобы я убиралась.

Он не согласился. Он засмеялся — тихим высоким визгливым смехом, как смеются люди, когда ребенок делает забавную ошибку.

— Нет, нет, — сказал он. — Он говорит вам, что не понимает вас. Вы его сбиваете.

Я сказала: — Что значит "сбиваю"? Я отвечаю на его вопросы. Я дала ему всю информацию, которую он от меня требовал, так что пусть теперь выдаст мне мои деньги.

— Но вы открыли себя для него? — с улыбкой спросил "штепсель". — Вы действительно открыли свое сердце и разум и попросили его войти?

Я посмотрела на его имплантаты. Следы шрамов были старыми и затянулись. По-видимому, когда-то в них попала сильная инфекция. Но из-за полировки на зрачках они выглядели как новые.

А, к черту. Я сказала: — Покажите.

Я знала, что мне это будет противно.

Его взгляд устремился поверх меня. Его правая рука поднялась, словно ее тянули на веревочке. Пальцы прижались к виску. Остальная часть его тела не двигалась вообще.

Он стал что-то бормотать в нос.

Затем отнял от виска кончик пальца.

Другой рукой он продолжал поглаживать корпус автомата, потирая и похлопывая его. И продолжал бубнить. Он пел кредитному автомату.

Какие-то ребятишки, проходившие мимо, закричали: — Эй, посмотри на него! — Они остановились и уставились на "штепселя". Потом захихикали.

Рядом с баром у воды была служащая из полиции — человек. Она старалась разговаривать обслуживавшего ее мальчика. Заметив детей и "штепселя", она стала присматриваться.

— Ладно, — сказала я ему. — Хватит.

Полицейская подтянула брюки и неторопливо приблизилась.

Я испугалась за "штепселя". Я, конечно, хотела от него отделаться, но не сдавать же его полиции. — ПРЕКРАТИТЕ, — негромко сказала я.

Полицейская подошла совсем близко. Она проверила нас по своему монитору, считывая мои данные.

Она спросила: — Он пристает к вам, капитан?

— Нет, — ответила я, — все в порядке. Это личное дело. Спасибо.

Полицейская окинула меня тяжелым взглядом и отошла.

Я попыталась уйти. Думала, он оставит машину в покое и последует за мной. Мне казалось, это первое правило всех евангелистов: НЕ ОТПУСКАЙ.

Но он весь ушел в машину, в сеть. Он вел диалог с машиной. Он был далеко.

— Как вас зовут? — спросил он.

Я вернулась. — Джут, — сказала я. И подумала, а ведь у него действительно может что-то получиться.

Полицейская все еще следила за нами. Я пыталась сделать вид, что все это абсолютно нормально, что я просто попросила его сделать за меня запись. Словно он был клерком, с радостью помогавшим мне совершать операцию.

“Штепсель” был явно счастлив. Я перегнулась через его плечо, загораживая его от полицейской. От него пахло паянием и вазелином. Я сказала ему свое имя и все номера. Он тихонько бубнил, нажимая каждую клавишу. Я сказала ему номер моей кредитной карточки. Саму карточку я ему не дала.

— Дайте мне карточку, — сказал он, протягивая руку.

Я протянула руку мимо него и вставила карточку сама.

Он мягко улыбнулся: — Нет, нет, — сказал он.

И прежде чем я смогла его остановить, вынул карточку из автомата, откинул левую манжету и прижал карточку к запястью.

— Ох, сказал он. — Ох, Т-табита.

Он оскалил свои жуткие зубы.

— Теперь я вас знаю, — проворковал он, — я с-столько про вас знаю.

Он считывал мои данные, а он проходили через него во вход автомата. Я чувствовала, как он копается в моем прошлом. — А ну, убирайтесь из моих файлов, — объявила я.

— Открой свое сердце, — произнес он. Он говорил шепотом. — Открой свой ра-аз-зум.

— Отдайте мне это, — потребовала я и выхватила у него карточку. Она отцепилась от его запястья с легким магнитным усилием. Я засунула карточку назад в карман.

— Но ты прекрасна, — сказал он. — Внутри. Ты по-настоящему слилась.

Он глазел на меня с глупо-блаженным видом, его огромная челюсть отвисла, как крышка люка. И вдруг я перестала ему верить. Я не верила, что он

что-то прочел по моей карточке. Это была обычная процедура, трюк, который он проделывал с каждым простофилей, чтобы убедить его, что нечто действительно происходит, если ты "в интерфейсе". — Ну, хорошо, — сказала я. — Какой у меня знак?

— Знак? — переспросил "штепсель".

Тогда я убедилась, что он не знает. Я стала настаивать: — По звездам, — сказала я.

Он вынул палец из машины и ухмыльнулся желобом, который был у него вместо рта. — Мы теперь все под знаком Капеллы, Табита, — мягко сказал он.

— С-спа-асибо за ва-аше д-дарение, — сказал он. И поплелся прочь.

— Эй, — позвала я. — Эй, вернитесь!

Он не вернулся.

Я круто развернулась, ища полицейскую.

Она ушла.

Мальчик у бара смеялся надо мной.

— ТЫ НЕ СТАЛА ГНАТЬСЯ ЗА ЭТИМ ЧЕЛОВЕКОМ, КАПИТАН?

— Нет, я дала ему уйти.

— НО ПОЧЕМУ?

— Потому что он был голова-штепсель. Из-за Энджи.

XVII

А потом, конечно, заявили перки и толпой повалили в ангар, где, тикая и клубясь паром, остывала Элис.

Табита увидела их через лобовое стекло: черные силуэты на пурпурном фоне, карабкающиеся в ангар и с чириканьем цепляющиеся за бугристые бурые стены. Их плоские маленькие головки качались из стороны в сторону, глаза сверкали синим в резком свете сигнальной башни.

Первой мыслью Табиты было: они пришли за мной.

Потом она вспомнила про рэкет, которым они занимались здесь, в космических доках Изобилия.

Табита включила наружное освещение, заполнив причал мертвенно-бледным светом. При виде того,

как вздрогнули и замигали перки, она ощутила что-то вроде мстительного удовлетворения.

Девушка проверила сканеры. Таинственных Блинецов нигде не было видно.

Табита повернулась к Марко, вынимавшего Тэла из его ящика.

— Они требуют денег, — сообщила она.

— Знаю, — отозвался Марко. Он посадил маленького зеленого внеземлянина на плечо и оперся на пульт, рассматривая перков. Что-то, казалось, заинтересовало его: — Посмотри-ка.

Перки забирались во вспомогательные бункеры стоянки и возились в них. Они хватались за линию электроснабжения, шланги для кислорода и мусора. Другие уже копошились под шасси Элис, нацеливаясь на входы.

У Табиты появилось мощное желание включить и направить на них огнетушители.

— Ладно, давай быстрее, — сказала она. Потом взглянула на часы. Оставалось как раз чуть меньше четырех часов, чтобы переслать деньги и снять ее с крючка. Снять с крючка Элис.

Табита так и не сказала Элис, что она на крючке.

Теперь здесь собрались уже две банды перков, каждая по десять-двенадцать особей. Они выглядели бедными и больными. Некоторые из них линяли. На них не было уличных регалий — не то, что у перков в Скиапарелли. Они были одеты в грязные комбинезоны и шапочки с защитными масками, сквозь которые обе банды разглядывали друг друга. Компания, державшая шланги, оставалась на заднем плане. Вторая сбилась в крут рядом с кораблем.

Обе шайки были очень похожи на две семьи. В центре каждой стояли один-два взрослых, направляя операции; пожилые особи, сгорбленные и сидящие, кружили на периферии; а между ними находились тетушки, дядюшки, кузены и всевозможные отпрыски, вопившие и лапавшие друг друга. Одни молодые особи подстрекали других дотронуться до горячего корабля. Раздался приглушенный писк: кто-то отважился на это, или его оттолкнули. Пожилые сновали взад-вперед, раздавая тумаки направо и налево: — Чи-и-и! Чи-и-и!

— Они всегда так делают, — пояснил Марко. — Приходится платить одной банде, чтобы освободить себе путь. Потом приходится платить другой, чтобы удрать.

Кабина Элис стала покрываться паром. Табита провела рукой по конденсату, сгущавшемуся на лобовом стекле, — получился полумесяц.

— Тогда давай, — сказала она.

— Сию минуту, сию минуту. Потрясающе, правда? Такая драма, — со смешком отозвался Марко.

Табита не ответила. Ей все это было отвратительно; она ненавидела всех перков сейчас и возненавидела их навеки. Она не успокоится, пока этих маленьких уродов не отправят прямо сквозь пустоту в участок Мирабо. В то же время она не слишком рвалась подняться под этот веселый купол, зловеще распростершийся над их головами.

Напомню, что Табита Джут никогда еще не бывала на других ярусах Изобилия. Она всегда предпочитала принимать на веру его репутацию, которая, как я уже говорила, была не блестящей. Изобилие считалось опасным местом, где тебя могли быстренько ограбить, изнасиловать или неожиданно уничтожить. Местом, где чужие люди могли потребовать с тебя грабительскую сумму за такие вещи, которые ты бы в жизни не пожелал для себя сделать. Нет, с капитана Табиты Джут вполне довольно было доков. Самое худшее, что с тобой могло случиться здесь, — это внезапное, странное, скользящее движение среди теней, где за минуту до этого не было ничего, ненормальные веспанские механики со своими историями о сказочных сокровищах фрасков, оставленных на стоянке совсем рядом, где-то прямо за следующим поворотом, банды вымогателей-перков...

Перки, сторожившие выходы, стали дергаться. Они скреблись по воздушным шлюзам: — Чи-и-и!

Этот крик, видимо, растревожил Тэла. Он издал задумчивый звук, напоминавший отдаленный сигнал охотничьего рога. Затем поднял одну лапу и согнул ее.

— Нет, я думаю, это здорово, — сказал Марко. — Племенной инстинкт. Как в футболе.

— Бритвы! — тут же загорланил Тэл. — Бритвенный пеммикан!

— Остынь, Тэл, — сказал Марко. — Я пошел. Я этим займусь.

Он протянул руку Табите: — Возьми-ка его на минутку.

Прежде чем Табита успела согласиться или отказаться, кто-то еще решил приступить к действиям.

Он явился, катясь, как шар, из ниоткуда, из пустоты позади корабля. Он был бос, на нем была синяя, усыпанная блестками пижама. Он, кувыркаясь, пронесся над караулом перков и врезался в команду зацепившихся за корабль, разбрасывая их в стороны, как кегли.

— О Боже, Тэл, — сказал Марко, — Близнецам не терпится.

Тэл издал карканье, совершенно ничем не напоминавшее крик попугая, и, взлетев на монитор, устроился на нем, как на насесте.

— Прекрасно, — сказала Табита. — Блестяще. Давайте устроим здесь драку. Замечательный план.

Живой шар для боулинга (если он вообще был человеком) поднялся и отряхнулся. Три цеплявшихся за него перка отлетели в стороны.

Табита, на которую против воли все это производило впечатление, внимательно разглядывала его. Он был высокий и тощий, с высоким голым лбом и гривой длинных волос, струившихся до середины его спины. Его глаза были глубоко посажены, нос тонкий и прямой, рот узкий и приоткрытый. Его руки и ноги были необыкновенно длинные и гибкие. Он размахивал ими, как ветряная мельница, в самых немислимых направлениях, сбивая перков, как только они поднимались на ноги.

Но их было двадцать (если не двадцать четыре), и теперь они все поднимались на ноги.

Табита посмотрела на Марко. Он стоял, облокотившись на пульт, на его лице была широкая улыбка.

Худой человек что-то крикнул, что именно — Табита не разобрала. И когда маленькие грызуны разом накинулись на него, он выбросил руку назад, драматическим жестом указывая в глубь стоянки.

Тэл издал пронзительный свист: — Ма-а-арципан! — завизжал он.

Табита содрогнулась. Она уже наполовину решила засунуть его назад в ящик и сесть на крышку.

Ее внимание привлекло движение на кормовых сканнерах. На секунду она была сбита с толку: она решила, что это тощий, и не могла понять, каким образом он очутился позади них. Но это была другая тоненькая фигурка — женщина, взбиравшаяся на левое крыло, с него — на раскаленный корпус, и мчавшаяся по изгибу широкими, легкими скачками, выбросив вперед руку и показывая указательным пальцем и мизинцем на толпу, пытавшуюся повалить мужчину.

Над ними в воздух взмыло пламя и обрушилось вниз на перков. Раздались пронзительные вопли и завывания, лихорадочно заметались маленькие фигурки, пихаясь и отталкивая друг друга и сбивая пламя с тлевшей одежды и обожженных перьев.

Ошеломленная вспышкой, Табита неожиданно увидела лицо женщины — оно было очень близко и перевернуто. Женщина распростерлась на ветровом стекле, ни за что не держась и пристально глядя на них. Ее лицо было лицом мужчины, тонким, как лезвие бритвы, с голым лбом. Ее козлиную верхнюю губу оттеняла тонкая ниточка усов. Женщина улыбнулась и подмигнула Марко — все это за долю секунды, прошедшую между вспышкой пламени и мгновением, когда, широко раскинув руки и ноги, она ринулась вниз на визжавших перков.

— Сникс! — издал горловой звук Тэл.

Перки убегали из ангара, прыгая и исчезая из виду, — туда, откуда появились. Марко захлопал в ладоши.

Табита огляделась в посках мужчины. Тот снова исчез. Она увидела женщину — мелькнул голубой отблеск на сканнере левого борта — и пропал.

— Это было глупо, черт побери, — сказала она.

— Они победили! — торжествующе закричал Марко и потянулся к Табите.

Она позволила ему обнять себя и легонько поцеловала его.

— Давай двигайся, — сказала Табита. И показала на часы.

— Ты разве не идешь?

— Нет, — с этой-то бандой, жаждущей моей крови. С меня хватило их в Скиапарелли, помнишь?

Он отмел ее слова резким жестом: — Это уже в прошлом, — заявил он. — НАС они больше не беспокоят.

— Они будут искать тебя, — сказала Табита. — Там, наверху.

Она подняла глаза к невесомым тоннам, этажами возвышавшимся над их головами.

Марко взял ее за руку. Заглянул ей в глаза.

— Послушай, Табита, — сказал он.

Она отняла руку: — Ты просто принеси мне ту микросхему, Марко, — сказала она. — А там посмотрим.

— Эй, — мягко сказал Марко, — нечего бояться. Я позабочусь о тебе. Ты же знаешь. Разве я не заботился о тебе все это время?

Табита проигнорировала его слова и отвернулась, чтобы посмотреть в ветровое стекло. Брошенные крюки валялись на заляпанном полу, как притаившиеся змеи.

— Иди, — сказала Табита. — Иди и доставай деньги. Я остаюсь.

— Но Табита, милочка...

— Не называй меня милочкой.

Она взглянула на Марко. Его глаза были огромными, карими, умоляющими, красивыми.

— Пока ты ходишь, я сделаю несколько звонков и узнаю, можно ли достать кристалл, — твердо сказала Табита. — А потом я собираюсь поспать. Я совершенно измотана.

— Послушай, — сказал Марко. — Послушай. Ты будешь гораздо лучше спать в отеле. Правильно? Мы устроим тебя в лучшую гостиницу на станции. В отдельный номер. Ты примешь душ, выпьешь пару рюмок, и тебе станет лучше. Раскрепостись. Расслабься немного. Ты же знаешь, как тебе надо расслабиться. А после этого — шоу!

— Все шоу, какие я хотела, я уже видела, — заявила Табита.

Неожиданно из монитора, находившегося на носу по правому борту, раздался голос:

— ПОЙДЕМ, КАПИТАН. НЕ БУДЬ ТАКОЙ НЕЛЮБЕЗНОЙ.

— ТЫ ЖЕ НАША ГОСТЬЯ, — сказал тот же голос из монитора, расположенного с другой стороны.

— Что? — спросила Табита. — Кто это сделал? Ее голос гулко отдавался эхом в ангаре.

Табита бросилась к пульту управления. Испуганный Тэл взлетел со своего места и пронесся прямо мимо ее головы, свернув в последний момент и задев ее лицо крылом. Ударив по воздуху в том месте, где только что находилась птица, Табита стукнула по кнопкам, вырубив усилитель, неожиданно включившийся сам по себе необъяснимым образом.

— Кто это был? Ты? — набросилась Табита на Тэла, который даже близко не подлетал к выключателю.

Мониторы тихонько зашипели.

— Ну-ну, дружок, — Марко спускался по ступенькам к шлюзу. Тэл занял свое место на его плече. Марко поглаживал его в том месте, где полагалось находиться подбородку, и что-то тихонько говорил ему в утешение.

По мере того, как соединялись линии, мигали электрические огоньки. Из вентиляторов в кабину проникал легкий ветерок.

Табита снова круто развернулась к мониторам.

Прожекторы освещали заляпанные бурые стены ангара, грязный пол, крышу. На экранах не было ничего, кроме голубого сияния сигнальной башни и большой неопрятной кучи пакетов и ящиков, сваленных у двери лифта. Все шланги были подключены. Нигде никого не было видно.

Табита быстро поднялась. Она промчалась вниз по ступенькам и рванулась мимо Марко в люк.

Она рывком открыла внешнюю дверь и выглянула за борт корабля.

Вокруг нее плескался фальшивый зефир искусственного воздуха, тяжелого от прогорклого жира и цинка.

— Кто там? Выходите!

За спиной Табиты, в кабине пилота, что-то подозрительно шевельнулось — намек на движение, нет, даже не это: что-то вроде паузы в тишине, где мог прозвучать шепот, если бы кто-то шептал.

Табита выпрыгнула из шлюза назад, к подножию ступенек.

В ее кресле сидела женщина с усами. Напротив нее был мужчина — в кресле второго пилота. Ремни были пристегнуты, головные телефоны надеты и подсоединены к консоли.

Если не считать усов, их лица были идентичны.

Они поклонились: — Саския и Могул Зодиак, — хором объявили они.

— Близнецы, — сказал Марко.

XVIII

— Хорошо, — сказала Табита. — Вон. Все вон отсюда.

— Ей это не понравилось, — сказал Могул.

— Это сразу можно сказать, — заметила его сестра. Она с увлечением играла с засохшей дыней, каким-то образом попавшей к ней в руки. Она подбрасывала дыню и ловила ее, когда та медленно опускалась вниз. — Хотите, мы съедем ее за вас?

— Что? — спросила Табита. — Нет. Положите ее. Я хочу, чтобы вы убрались отсюда, все. Я хочу, чтобы все покинули мой корабль.

Марко обнял ее одной рукой. Табита оттолкнула ее. — Ну, Табита, — сказал он. — Не будь такой. Разве это было не здорово? Это ведь было великолепное шоу, правда? Они потрясающие, правда?

— Я тебе уже сказала, какой расклад, Марко, — ответила Табита. — Давай. Иди отсюда.

— Табита, поверь мне. Это была ерунда. Ерунда по сравнению с тем, что ты можешь увидеть сегодня вечером. — Он хлопнул в ладоши, сжал руки и с сияющим видом оглядел переполненную кабину.

— Я ничего смотреть не собираюсь, — сказала Табита. — Я собираюсь спать. Мне еще долго вести корабль.

— Мы можем помочь тебе в этом, — сказал Марко.

— Нет, не можете, — ответила Табита (он уже начинал раздражать ее). — Вот что ты можешь сделать, — это пойти и достать ДЕНЬГИ. Время выходит. И тебе надо готовиться к шоу. Так что теперь я хочу, чтобы ты и вся ваша шкатулка с фокусами убирались с моего корабля и с моего пути. Иди. Ступай отсюда.

Близнецы выскользнули из кресел и, кувyrкаясь, легко спустились по ступенькам.

— Шкатулка с фокусами? — сказала Саския. — Что это значит — наша шкатулка с фокусами? — Голос у нее был обиженный.

Ее брат успокаивающее похлопал ее по руке: — Я думаю, капитан просто немного нервничает, — сказал он. — Немножко испугалась. Проходя мимо Табиты, он улыбнулся ей.

— Она сказала “шкатулка с фокусами”, — пожаловалась Саския, следуя за ним.

— Отдай мне это, — сказала Табита, выхватывая у Саскии дыню, которую та катала по руке, медленно двигая ее от плеча к запястью и назад.

Они прошли через люк и легко скатились на пол вперед ногами.

Захлопали крылья, и Тэл неожиданно опустился на плечо Табиты.

— Прощай, — завопил он.

Это слово труднее всего сказать,

Это песня, которую трудно пропеть...

— Марко, заberi его.

— Сюда, Тэл, — сказал Марко, щелкая пальцами.

— Не могу поверить, — с силой добавил он, когда птица перелетела на его плечо. — Ты не пойдешь со мной? Неужели ты не знаешь, как сильно ты мне нужна? Не знаешь, что ты значишь для меня?

— У меня начинает складываться довольно четкое представление об этом, — сказала Табита.

— Послушай. Я знаю, что далек от совершенства, — сказал он. Я артист. Мы все артисты. Ты должна

понять. Ты не можешь ждать от нас, чтобы мы были похожи на других людей. Радость моя, я же не говорю, что это будет легко.

— Я говорю, — сказала Табита. Она протянула руку. — Микросхему, — сказала она.

Близнецы добрались до дверей и вызвали лифт.

— Нет, — сказал Марко.

Табита уставилась на него с открытым ртом.

Марко поднял попутая со своего плеча и отправил его через шлюз.

— Лети, Тэл. Отправляйся к остальным. Нам надо выяснить этот вопрос, — сказал он, пристально глядя на Табиту.

Табита оскалила зубы и сжала кулаки: — Нечего выяснять, Марко.

— Я никуда не пойду, — заявил он.

— Если ты не достанешь денег, ищи себе другой корабль, — свирепо напомнила она.

— Я не могу тебя оставить, — сказал Марко. — Ты ведь собираешься удрать, правда? Как только двери лифта закроются, ты тут же улетишь отсюда.

— Я НИКУДА не полечу, — закричала она, — пока не получу...

С дальнего конца причала раздался вопль и улюлюканье.

Табита и Марко бросились к двери.

Близнецы стояли по обе стороны лифта, в одинаковых позах, пытаясь держать его двери закрытыми. В дверях была крохотная щелочка.

Несколько перков старались проникнуть в эту щелку.

— Чи-и-и! — орали они. — Чи-и-и-чи-и-и-ии-и!

Один перк прорвался внутрь из лифта; за ним — другой. Уже показался третий.

Первый перк бросился на Могула.

Тэл накинулся на второго, растопырив когти и нанося удары клювом.

Зацепившись за дверь ногой, Могул сильно ударил другого перка. Он попал перку в горло. Тот, извиваясь, упал на пол.

Перк Тэла издавал пронзительные вопли.

Раздался звук глухого удара. Это Саския бросила чем-то в третьего перка и попала ему в голову. Он камнем свалился на пол. Саския с шумом захлопнула двери лифта, а Могул в это время ударил по рычагу управления, чтобы отправить лифт.

Саския нагнулась и подняла свой снаряд, затем Близнецы стремительно вбежали назад на судно. Тэл бросил свою обмякшую жертву и полетел прямо над их головами в шлюз.

— Похоже, что мы все остаемся, — заметил Марко.

Саския и Могул прыгнули на борт. Они тяжело дышали.

— Я вас предупреждала, — сказала Табита.

Пока Могул закрывал дверь, Саския сунула свою ношу в руки Табиты. Это оказалась все та же дыня, вернее, то, что от нее осталось. — Я уже не хочу это есть, — сказала она.

— О'кей, — Марко вдруг стал очень серьезен. — Есть здесь еще один выход отсюда?

Табита показала большим пальцем в направлении разверстой пасти ангара.

— Можешь вскарабкаться, — сказала она.

— Правильно, — отозвался Марко.

— Они тоже могут, — сказала Табита.

Ее все это позабавило. Она чувствовала себя отомщенной. Ее планы не изменились. И у нее как раз появилась идея, которая могла заставить их всех двигаться.

Забравшись наверх, в кабину пилота, Табита выбросила дыню в мусорный отсек и вытерла руки. Затем откинула свое кресло и уселась в него.

Она бросила взгляд на часы и тут же отвела глаза. Три часа. Едва-едва.

Марко вошел без приглашения и встал рядом. Не обращая на него внимания, Табита нажала кнопку на пульте и передала серию команд. Затем откинулась назад, сложив руки.

На верху “Элис Лиддел” заливающий свет стал вращаться и превратился в свет прожектора: два широких луча, сиявших на крыше причала и освещавших темные стоянки позади него. Там были две

черных металлических полосы — два рельса, косо уходивших вверх из ангара и исчезающих в темноте.

— Это прямо вверх по вашей улице, — сказала Табита.

Снаружи, в темноте, что-то двигалось.

Все набились в кабину пилота и уставились в лобовое стекло. Марко стоял позади Табиты, сцепив пальцы в ремнях над ее головой. Тэл цеплялся за ремни кресла второго пилота, где сидели Могул и Саския, беззастенчиво прижавшись друг к другу и серьезно глядя вверх, как двое котят.

Скользя по рельсам, на них надвигалась огромная темная масса. Она была неуклюжая и закругленная, огромный узел, свисающий с некоего подобия тележки на колесах.

Когда масса появилась в ангаре, устройство слежения щелкнуло и стало вращаться. Разматывая канаты, оно стало опускать узел.

На пути вниз узел развернулся, расправив крылья вправо и влево. Ткань, из которой он был сделан, двигалась на свету, переплетаясь, скользили шнуры, и свет струился сквозь них и между ними. Это была сеть.

Затем раздался звук механизма, начавшего работать позади них. Все обернулись, кроме Табиты, продолжавшей следить за спуском сети по носовому монитору с выражением удовлетворения на лице. Ее пассажиры заторопились к пустому трюму, в то время, как крыша Элис ракалавалась надвое.

По всей ее длине протянулась ниточка голубого света, затем она стала шире, шире, и две половинки крыши раздвинулись, мягко скользнув внутрь стенок. Огромная сеть ровно опустилась через разрыв между свернутыми грузовыми экстензорами. Ее блоки жалобно стнали.

Тэл, спасаясь, вылетел в проход, а Марко и Близнецы поспешно попятились, уступая дорогу. Табита повесила на плечо сумку и небрежно вышла из кабины, даже мельком не взглянув на огромные канаты, стремительно скользившие вниз, к ее голове.

Это было ее шоу.

Табита лениво прошла в конец трюма, где открыла панель управления и нажала несколько

кнопок. Затем обернулась. Кончик сети опустился вниз, мягко, с глухим стуком ударившись о палубу, свернувшись в нескольких сантиметрах перед ее ногами, и все механизмы остановились.

Рядом с Табитой Марко сжимал свой дорожный баул, с некоторой тревогой рассматривая развернутую сеть: — Ты хочешь, чтобы мы поднялись наверх в этой штуке?

— Ну, что ты, есть же еще лифт, — отозвалась Табита. — Его можно вернуть в одну минуту.

— Нет, нет, это замечательно, — с беспокойством сказал Марко. — Правда.

Близнецы подошли и стали исследовать сеть. Саския кончиком пальца попробовала шнуры. — Похоже на аварийную сеть, — с отвращением сказала она.

— Наверное, сейчас следует быть более гибкими сейчас, — медленно произнес ее брат, — мы, по-видимому, в отчаянном положении.

— Но мы НИКОГДА... — начала Саския.

— Не волнуйся, — злорадно сказала Табита, — в дырки ты не провалишься.

Саския уставилась на нее. Табита отвернулась и нажала клавишу подъема. Над их головами снова раздался гул механизмов.

— Тебе лучше поторопиться, Марко, — сказала Табита. — У тебя осталось всего три часа, чтобы вернуться с деньгами.

Саския тонко пожала плечами, и они с Могулом, сделав сальто, один за другим легко прыгнули в сеть.

— Где кончается эта штука? — спросил Марко.

— На складах, куда производят поставки, — четко ответила Табита. Она радовалась, что снова обрела контроль над ситуацией.

Подъемные канаты натянулись. Тэл летал между ними, над поднимающимися концами сети, и кружился высоко вверху. — Марципан! — кричал он. — Самая лучшая обувь!

— Все на борт, — скомандовала Табита.

У ее ног край сети стал отрываться от пола.

Марко обернулся, в его глазах была странная настойчивость. Он неожиданно обнял Табиту, прижав ее руки к бокам. И яростно поцеловал.

— М-м-м-ф...

Он сбил ее с ног.

— М-м-м-о-о! — закричала Табита, в то время, как их губы раскрылись. Она падала на палубу, и он падал вместе с ней, все еще крепко сжимая ее в объятиях.

Поднимавшаяся сеть спутала ноги Табите. Они вместе грохнулись в нее. Сеть уже поднялась с палубы и мягко несла их вверх.

Запутавшись в сети, Табита задохнулась, и из ее груди вырвался жуткий полузадушенный вопль. Она уперлась щекой в сеть. Сумка врезалась ей в ребра. Марко лежал на ней. А Близнецы — поверх Марко. Табита несвязно кричала.

Близнецы взобрались по канатам, и давление ослабло. Марко все еще лежал на Табите. Маслянистые шнуры врезались в ее тело со всех сторон. Все, что она могла видеть одним глазом, — была крыша ее корабля, “Элис Лиддел”, разверстая под ними. Из трюма выплыло что-то зеленое. Это был Тэл.

Марко удалось высвободить руки, и он старался встать на колени. Сеть покачнулась, он споткнулся и сильно ударил коленом в копчик Табиты.

— У-у-у!

Тут он поднялся, отодвинувшись от Табиты, и она сумела, цепляясь за сеть, принять неуклюжую позу.

Теперь они выползали из ангара. По мере того, как угасала сигнальная башня, замирало и голубое сияние.

— Ух! — сказала Табита. — Ух!

— Ты в порядке? — тревожно спросил Марко. — Табита! Ты в порядке?

Она наградила его хорошим тумаком. При этом ее рука зацепилась за сеть, и удар пришелся ему в висок. Неожиданно ее нога провалилась сквозь сеть. Она свалилась набок, бессвязно крича от ярости.

Тем временем они вплыли в мерцающую темноту пещеры дока. Над головами Табиты и Марко в

изящных позах водных спортсменов, закрепившись ногами в ячейках сети, висели на канатах Близнецы. Пол доков уходил у них под ногами, тускло поблескивали огни разметки трассы, в темноте внезапно появлялись вспышки неяркого пламени.

Табита с трудом поднялась на ноги и заорала на Марко: — Ты!...

— Я знаю, — сказал он. — Прости меня. Мне, правда, очень-очень жаль. Скажи мне, что у тебя все в порядке.

— В порядке? — выкрикнула она ему в лицо.
— В ПОРЯДКЕ?

Сеть мягко пронесла их вверх сквозь продолговатый портал, отделанный неправильной формы, неряшливо смотрешней плиткой, в помещение вокзала, утопавшего в резком янтарном свете. Здесь радиусами разбегались двадцать дорожек. На их дорожке из будки с подозрительным видом появилась женщина-оператор, наблюдая за их прибытием. Из ее черепа торчали цветные провода. Вокруг нее собралась целая группа грузовых роботов.

Перков вроде бы нигде не было видно.

Прежде чем сеть остановилась, Близнецы вскочили и выпрыгнули из нее, встав по бокам женщины.

Они с помпой приветствовали ее.

— Потрясающие Близнецы Зодиак, мадам.

— С нашими наилучшими пожеланиями.

— Два билета на наше сегодняшнее представление.

Женщина затеребила пальцами электрод в своем слуховом центре. Что-то оттуда раздавалось. Она не сделала попытки взять предложенные билеты. Саския — или, может быть, Могул? — сунула их в нагрудный карман ее комбинезона.

— Сад Меркурия.

— В восемь!

И они колесом прошли мимо нее.

— Подождите минутку! — крикнула им вслед женщина.

Близнецы остановились и обернулись.

— Портовый налог, — сказала она, медленно и сурово. — Разрешение на въезд. Паспорт. Регистрация судна.

Сеть, наконец, отпустила Табиту, и она наблюдала, как Могул Зодиак проделывал пассы в воздухе перед глазами оператора.

— Думаю, вы найдете их в порядке, — сказал он, показывая ей свою руку.

Его ладонь была пуста.

XIX

Марко устроил целое представление, помогая Табите выбраться из сети. Она вырывалась от него. Тогда он придвинулся совсем близко.

— Спокойно, — тихонько произнес он. — Мы уже почти вышли отсюда.

— Отстань от меня! — крикнула она. Оператор повернула голову, глядя на них стеклянным взором. Все ее роботы, подражая ей, обернулись тоже.

— Моя сестра, — пояснил Марко, глупо ухмыляясь и крепко обнимая Табиту. — Умствующая Мариголд. Она плохо переносит космические путешествия. Пойдем, сестричка, теперь ты в безопасности.

Табита яростно отпихнула его. Сейчас она ему даст, даже если они снова закатают ее в тюрьму. Ее руку остановила единственная мысль. Женщина пристально смотрела на них, и Табита не знала, кто сейчас смотрит ее глазами. Ей больше не нужны были неприятности.

Табита знала, что не отделается от полиции простым штрафом. Она слышала, что полицейские на Изобилии не дают себе труда даже бросить человека в каталажку. Ходили слухи, что они просто раздевают его и отправляют напрямик в зону заключений. А потом удаляются.

Табита снова повесила на плечо сумку. Марко снова надвигался на нее: — Хочешь получить свои деньги? — шепнул он. — Тогда лучше держись меня.

— Мне необходимо видеть ваше разрешение на въезд, — упрямо повторила оператор. — Паспорт. Регистрацию судна. Код квитанции об уплате портового налога.

Табита издала рычание. Она вытащила свое удостоверение и приложила его к своим капитанским погонам: — Я перевозчица грузов, водитель и владелец, мой корабль там, внизу, — сказала она, жестом указав вниз, в сторону набережной. Затем сунула под нос женщине свой ручной монитор: — Видите? BGK009059.

— А мое удостоверение у них, — сказал Марко, показывая пальцем. Оператор обернулась посмотреть. Тэл и Близнецы Зодиак уже скрылись из виду, пройдя вдоль набережной, между штабелями плотов и барабанов.

— О, — неуверенно произнесла оператор, — О'кей.

Ее глаза были налиты кровью, в них было смятение.

Марко схватил Табиту в охапку и энергично потащил ее прочь с набережной. — Непременно приходите на представление! — обернувшись, крикнул он и жизнерадостно помахал рукой.

— Я возвращаюсь, — настаивала Табита.

— Времени нет, — ответил он, загораживая ей дорогу.

— Мне нужно закрыть крышу, — сказала Табита. — Ты что, хочешь, чтобы ее кто-нибудь утнал? Не забудь, Марко, мы на Изобилии.

Он заключил ее в объятия. — Отпусти сейчас же! — заявила Табита. Но он не отпускал.

— Отстань, Марко! — она локтем ударила его под ребро.

К несчастью, в это время на набережной, небрежно прогуливаясь, появился полицейский.

Он двигался механически, вприпрыжку, на ногах, снабженных гидравлическими приводами. Его голова вертелась туда-сюда. И тут его взгляд упал на Табиту, боровшуюся с Марко. Полицейский сканировал их единственным, как у циклопа, глазом. Его лицо ничего не выражало. При нем была пара пистолетов.

— Какие-нибудь проблемы? — хрипло спросил полицейский. Его рот был набит нержавеющей сталью.

— Нет, — поспешно сказала Табита, — нет, никаких. Спасибо.

Полицейский спросил: — Вам требуется лицензия на дуэль?

— Лицензия на что? — переспросила ошеломленная Табита. Марко смотрел в сторону.

— Лицензия на дуэль, — отозвался полицейский. — Вы его били. Чтобы бить его, вам требуется лицензия на дуэль. Это здесь, в этом секторе. Это на складе сектора 4.

— У нас просто небольшое семейное недоразумение, — сказал Марко.

— Моя сестра, Умствующая Мариголд, — Табита лягнула его в лодыжку. — Мы торопимся, — сказал Марко, — спасибо, большое вам спасибо.

Они сделали поспешную попытку пройти.

Полицейский загородил им дорогу. Пока он производил подсчеты, его маска мерцала. — Лицензия на дуэль стоит десять скутари, — заявил он.

И пожевал губу, влажную и ржавую.

— Нам не нужна лицензия, — громко и отчетливо сказала Табита. — Хорошо?

Полицейский пожал плечами, и его плечевые сервоприводы застонали. У него явно были проблемы с мозгами. Это был киборг низшего класса, разового использования.

— Я должен взять с вас плату за вызов, — сообщил он.

— Мы вас не вызывали! — запротестовала Табита.

Но спорить было бессмысленно. — Это будет стоить два-семьдесят пять, — сказал полицейский, — за вызов.

Марко порылся в кармане в поисках своей кредитной карточки-микросхемы: — О'кей, о'кей, — сказал он. — Держите.

Голова полицейского задвигалась вправо и влево, сканируя их обоих.

— Маленькое семейное недоразумение, — продолжал Марко, беря полицейского за локоть и вставляя микросхему. — Что поделаешь, это шоу-бизнес! И раз уж я об этом заговорил, надеюсь, вы примете эти два пригласительных билета на наше представление сегодня вечером в Саду Меркурия.

— Дарения с благодарностью принимаются, — монотонным голосом сказал полицейский.

С билетами, пристегнутыми к табличке данных на груди, полицейский развернулся и легко покати́л дальше.

Марко схватил Табиту за руки: — Ты не должна делать такие вещи, — настойчиво прошептал он. — Особенно здесь. Я не всегда буду рядом, чтобы тебя вытаскивать.

Табита упрямо сжала губы: — Я пойду и запру свой корабль, — заявила она.

— Да ничего с ней не случится, — беспечно сказал Марко. Кредитная карточка мерцала в его пальцах.

— Сколько у тебя на этой карточке, Марко?

— Я тебе уже сказал. Не хватает.

С минуту они постояли, пристально глядя друг на друга.

— А где необходимая?

— У Ханны. Ты собираешься идти и получить ее? Я именно туда и направляюсь, — сказал он совершенно разумным тоном.

Табита с шумом выдохнула воздух и стиснула зубы.

— О'кей, — на ходу сказал Марко, выказывая все признаки сожаления, — значит, ты мне не доверяешь. Я не могу иметь с тобой дело, раз ты мне не доверяешь. Пойдем, познакомишься с Ханной, и она отдаст деньги прямо тебе в руки. Потом можешь сразу возвращаться на корабль, если хочешь. Это все, что я могу сказать.

Неизвестно откуда взявшийся Тэл пролетел по пыльному янтарному воздуху и уселся на плечо Марко.

— Марко, — позвал чей-то голос.

— Марко, — прозвучал тот же голос из другого места.

— Ханна ждет, Марко.

— Поспеши, Марко.

Появился один из Близнецов, лениво спускаясь по стропилам с каких-то лесов.

Марко сверился со своими часами. — Лучше возьмем такси, — сказал он.

Пока он произносил эти слова, появилось такси — маленький дешевый мрачный робот. Сзади у него восседал второй Близнец. Такси остановилось у лесов. Первый Близнец быстро скользнул по горизонтальной балке и аккуратно прыгнул в такси.

— Поспеши, Марко, — хором пропели Близнецы.

Если ей придется везти их всех на Титан, от этих двоих у нее мурашки будут бегать по коже. Следуя за Марко в такси, Табита решила посмотреть, не сможет ли она лучше договориться с этой Ханной Су. Она убедит ее, что Элис — не тот корабль, который нужен самой труппе, возьмет только их снаряжение и таким образом получит деньги. Или она может затянуть ремонт до тех пор, пока не будет уже слишком поздно, и им придется искать другой корабль. Тогда она останется должна Ханне, но с этим она разберется потом, когда они уже отчалият. Если Ханна — их менеджер, могут найтись другие дела, которые Табита сможет для нее сделать. Что-нибудь без опасных музыкантов и ненормальных акробатов.

Табита сидела рядом с Марко, лицом к Близнецам. Тэл прыгал по полу среди окурков и обертков от креветочных палочек. Когда такси тронулось с места, увозя их прочь от грузового вокзала в туннели Изобилия, у них под ногами покатились пустая банка из-под какого-то напитка.

Поток воздуха развевал их волосы. Над головами мелькали легкие стержни. Табита бросила взгляд на Близнецов Зодиак, сидевших в обнимку неподвижно, как два манекена. Они действительно были совершенно одинаковыми. Идентичные разнополые близнецы — это ведь невозможно, правда? Табите стало интересно, с чьими же генами здесь пытались халтурить.

Она оперлась на ручку кресла, стараясь не думать о времени и наблюдая, как мимо проносится мрачный пейзаж. Стены в большинстве своем были грязно-бурыми, в пятнах от дыма или воды, и крошились в тех местах, где была установлена временная проводка, воздухо — или мусоропроводы. Туннель загибался вправо и влево, скругляя углы, то взбираясь вверх, то ныряя без всякой логики или предупреждения, а потолок то поднимался, то устрашающе падал. Иногда они пересекали другие

туннели, где тоже неслись транспортные средства. Создавалось впечатление, что никакой системы сигнализации или регулирования транспорта здесь не было.

Такси стрелой промчалось под уклон в главную аллею и замедлило ход, пробираясь между посетителями, бродившими среди маленьких лавок торговцев оружием и сувенирных магазинчиков. Здесь доминировали скидки и низкие цены. Улицу заполняли вешалки с бронежилетами и шатающиеся башни из “наборов инструментов”, порнографические блоки. В воздухе стоял смешанный запах чего-то, жаренного со специями, сахара и бездымного пороха. Кто-то заорал и швырнул в такси жестянку, ударившуюся о его задний бампер.

Неожиданно Саския заговорила. Табита, невольно обернувшись, поняла, что это Саския, по ее усам.

— Я проголодалась, — сказала она.

Голос, принадлежавший обоим Близнецам, был низким и хрипловатым — теплый поток с руслом из согласных, твердых, как камни. Английский явно не был их первым языком. Табита подумала, а, может, они инопланетяне — какой-нибудь неизвестный и незарегистрированный вид.

— Я могла бы съесть целую лошадь, — сказала Саския.

Она оглядела освещенные причалы, словно ожидая, что, как по мановению руки, сейчас появится лошадь. — Я такая голодная, что могу съесть червяка или муху, — с ударением сказала Саския и засмеялась. — И хрустящих маленьких коричневых жучков. — Она погладила брата по голове. — А ты разве не хочешь есть?

— Голод заставляет нас быть начеку, — ответил ее брат. Его голос звучал медленно и отчужденно.

— Глупости, — заявила Саския. — Голод заставляет тебя быть просто голодным, вот и все. — Она ткнула Тэла кончиком башмака, вымещая на нем недовольство. Тот клюнул ее башмак.

Такси свернуло и въехало в ухабистую аллею. Верхние помещения, выпиравшие под немыслимыми, неровными углами из ярусов стен, населяли астрологи самого разного толка, школы карточного искусства и малоизвестные терапевты. Канавы и пещеры

внизу были разделены коврами и занавесками. Внутри полуразвалившихся зданий в альковах, под висячими аудио/видео-экранами, теснились люди: они курили кальян, пили пиво и спорили. Из другой аллеи, где-то поблизости, раздались повышенные голоса, автоматная очередь, чей-то крик. Никто не обратил на это внимания.

Через каждые несколько метров, по мере того, как такси виляло то в одну сторону, то в другую, чтобы объехать основание холодной, скользкой колонны или трещинув полу, Табите удавалось на мгновение заглянуть в черные дыры над искусственными перегородками и вызывающими вывесками и в темные пространства за ними. И она поняла, что обитаемая внутренняя часть Изобилия похожа на гигантскую губку, а его строения втиснуты в темные, напоминающие ячейки, отверстия, заполненные мусором, медленно покрывающимся плесенью, гниющими грибами, забытыми телами.

Марко опустил руку на плечо Табиты, и она подскочила.

— Посмотри-ка, — сказал он. Мимо шла женщина в противогазе и черном блестящем неглиже, ведя на цепочке мужчину и неся розовое мороженое. Марко расхохотался: — Сумасшедшее местечко, — сказал он.

Табита стряхнула его руку.

— Э-э-э, — обиженно протянул он.

Табита резко похлопала ладонями по воздуху между ними: — Прочь руки, — сказала она.

Один из Близнецов хихикнул.

— Не раздражай пилота, Марко.

Следующая пещера была темнее. Из подвалов, закрытых кожаными занавесями, гремел тяжелый рок. Здесь стоял сильнейший запах аммиака и благовоний, к которому примешивались запахи кислого вина и грязной плоти. На балконах сидели шлюхи, они пили и смотрели вниз на улицу. Кучами валялись мешки с отбросами — казалось, они вот-вот лопнут.

Такси влетело в новый узкий туннель. Пол под ними загрохотал. В отверстиях, покрытых проволоочной сеткой, открывалась темная бездна. Далеко внизу Табита увидела крошечные мосты и длинные

тонкие лестницы, соединявшие короткие, похожие на паутину, выступы, врезавшиеся в пустоту, как сгустки застывшей каши.

Марко повернулся на сидении, глядя назад, в пещеру, которую они только что покинули.

— Мы же едем не туда, — сказал он. — Ведь так?

Табита бросила взгляд на него, затем на Близнецов, но они ничего не ответили. Они улыбались таинственной улыбкой.

Табите захотелось перервать им глотку.

Тэл, отреагировав на резкие нотки в голосе Марко, издал громкий крик и взлетел к нему на колено. Поднимаясь, Марко быстро отбросил его в сторону. Обретя равновесие, Тэл вспрыгнул на ногу Табите. — Убирайся! — крикнула она, изо всех сил ударив его.

Внеземная птица легко увернулась от удара.

Марко стоял на коленях на сидении, поворачиваясь, чтобы проверить панель управления. — Кто программировал эту штуку?

Близнецы весело смотрели в глаза друг другу.

— Что вы наделали? — набросилась на них Табита.

— Ничего, — хором ответили они.

— Совсем ничего, капитан, — сказал Могул.

Они двигались слишком быстро, чтобы можно было выпрыгнуть.

Табита поднялась и оттолкнула Марко, чтобы самой посмотреть на панель приборов. На них не было никаких указаний, и панель была ей совершенно незнакома. Табита вытащила перочинный нож и стала бить им по панели, надеясь повредить какое-нибудь жизненно важное соединение.

Время шло, а она все удалялась в неизведанные глубины Изобилия.

Элис, пообещала она, как только я из этого выберусь, я тебя отремонтирую. Ты у меня станешь как новенькая, пообещала она. Только не забирайте мой корабль. Пожалуйста, не забирайте мой корабль. Если у меня отберут корабль, я кого-нибудь убью.

Ничто из того, что она повредила, не сработало. Маленькая машина мчалась дальше в злоеший лабиринт.

Казалось, чем ниже они спускались, тем становилось холоднее. Туннели были все более мрачными, освещение шло только от случайно попадавших пучковых труб, неуклюже свисавших из дыр в потолке в каком-нибудь полуметре над их головами. Такси со свистом проносилось от одной лужицы бледного, путающего света до другой, переваливаясь через большие бурые выпуклости, вздувавшиеся, как пузыри, на дороге. А потом дорога вообще кончилась, и пол под ними резко ушел вниз.

Близнецы пронзительно вскрикнули. Табита вонзила нож под большой пучок проводов и сделала выемку.

Такси резко остановилось, и его фары осветили длинный склон каменистой осыпи.

Обломки щебня скользили, бились и со стуком падали вниз, в темноту и безмолвие.

Табита выскочила из такси, Марко — сразу следом за ней.

— Где мы, черт побери? — резко спросила Табита. Ее голос гулко отзывался эхом от далеких стен.

Марко стоял, уперев руки в бока, и оглядывался в пропахшей плесенью темноте.

Он покачал головой: — Вот дерьмо, — негромко пробормотал он и усмехнулся.

Табита, тяжело дыша и чувствуя себя так, словно крыша вот-вот обвалится ей на голову, рылась в сумке в поисках фонаря. Саския и Могул стояли прямо позади нее, крепко обнявшись и перешептываясь.

Фонарь Табита не нашла. В свете ламп над головой она огляделась. И сглотнула.

Они находились в широкой, низкой пещере, где по стенам бежали ручьи желтой жидкости. Дна каменистого склона Табита не видела. Казалось, он продолжался вечно.

Табита почти решила рискнуть. Путь вниз в любом месте на Изобилии должен вести к докам. Туда, где была Элис. Куда-нибудь.

Тэл неожиданно издал крик, похожий на звук жестяного тромбона, и взлетел, направляясь назад, вверх по дороге. — Он нашел путь, — сказал Марко, — следуйте за этим парнем.

И улыбнулся Табите.

В ответ она нахмурилась.

Тэл негромко затрубил издали. И они стали карабкаться вверх на его голос.

Они взбирались уже несколько минут, и пол пещеры крошился у них под ногами. Табита и Марко шли впереди, Близнецы следовали за ними, лениво перепрыгивая с кочки на кочку.

— Мне, правда, очень-очень жаль. Извини меня, — серьезно сказал Марко. — Эти маленькие машинки всю дорогу ломаются. Они их просто не чинят.

— Мы сюда приехали не этим путем, — сказала Табита.

— Тэл знает, куда летит, — отозвался Марко. Голос его звучал убежденно, и Табита решила ему поверить. Света впереди хватало ровно на столько, чтобы показать им, что они входят в новый туннель.

Неожиданно им в глаза ударил резкий свет прожектора.

Вскинув руку, Табита сумела разглядеть фигуру, поднимавшуюся вверх прямо у их ног. Фигура поднималась очень высоко.

Прозвенел механический окрик: — СТОЙ!

Спотыкаясь, они попятились, натываясь друг на друга, и, сгрудившись, остановились перед входом в туннель. Вход был загорожен воротами в черно-белую полосу. Когда прожектор повернулся, Табита заметила, что охранник был трехметровым роботом, покрытым шипами. Тэл сидел на воротах лицом к ним.

— СООБЩИТЕ, ПО КАКОМУ ВЫ ДЕЛУ, — скомандовал робот. Позади его на воротах висело большое белое объявление на семи языках. “НЕ-ВОССТАНОВЛЕННАЯ ЗОНА”, — прочитала Табита. — “АДМИНИСТРАЦИЯ СТАНЦИИ НЕ НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЦ, ПЕРЕСЕКАЮЩИХ ЭТУ ЧЕРТУ, ИЛИ ЗА СОХРАННОСТЬ ИХ СОБСТВЕННОСТИ”. Потом свет прожектора снова ослепил ее.

Марко выпрямился и храбро заговорил прямо в луч света: — Мы, — торжественно провозгласил он, — “Контрабанда”.

В ту же минуту раздалось громкое щелканье и жужжание приводимого в боевую готовность автоматического оружия.

— Боже мой, — нежным голосом сказала Саския и рассмеялась.

XX

BGK009059

TXJ. STD

ПЕЧАТЬ

[f* ~ NI] ~ BBV/9/C] 222m

[f* ~ NI] ~ BBV/9/C] 222m

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? 19.06.31

ГОТОВА

— Я думала о моей тетушке Мюриэл.

— И ЧТО ЖЕ НАСЧЕТ НЕЕ, КАПИТАН?

— У нее замечательный смех. Моя тетушка Мюриэл, когда смеется, откидывает назад голову и широко открывает рот. Кажется, словно она хочет откусить кусок воздуха. Когда она смеется, она издает глубокие горловые звуки, как большой младенец, а потом раздается “ха-ха-ха” — смех, который идет как бы из живота.

А живот у нее изрядный, у тетушки Мюриэл. Она начала толстеть уже тогда, когда я жила у нее, так что сейчас она, наверное, огромная. В одежде она тоже довольно небрежна, она может целый день ходить по ферме в одной ночной рубашке или даже меньше — в старой заношенной кофте и трусиках, с торчащим животом. Она всегда говорила: “Черт, Тэбс, могут смотреть хоть все время, если хочется. А им хочется”. И она показывала вверх, в воздух, где на своих глайдерах, похожих на маленькие заостренные цветочные лепестки в небе, молниями летали Комары.

Только вот неба там нет. Во всяком случае, не на Интегриги II.

— ЭТО БЫЛ ТВОЙ СЛЕДУЮЩИЙ ДОМ ПОСЛЕ ЛУНЫ, КАПИТАН?

— М-м. Один из них. Мне было шестнадцать или семнадцать. Мама нашла работу, она была веретенщицей. Мы получили квартиру в городе — полно места, и нечего туда поставить. Мама работала целый день и половину ночи, а остальную половину спала как убитая. Мне было нечего делать, я была слишком молода, чтобы получить разрешение на работу, а мама решила, что мы не будем начинать с нарушения закона, как только прибыли, так что она позвонила тетушке Мюриэл, и тетушка Мюриэл сказала — почему бы и нет. Когда она приехала за мной, у нее был такой вид, словно она действительно рада тому, что я буду на нее работать. Меня это не убедило.

— ПОЧЕМУ НЕТ?

— Судя по всему, это была скука смертная. Так оно и оказалось.

Мне казалось, тетушка Мюриэл была чем-то из другого времени. Эту женщину я никогда раньше не видела, она была темнее меня, темнее мамы, моего роста, но в четыре раза шире меня во всех направлениях. Волосы у нее висели, точно огромная лохматая грива, и выглядели так, словно тетушка сама стригла ее раз в году, в ушах у нее болтались большие деревянные серьги, платье было длинным, до пола, все в вышивке, а ноги были втиснуты в уродливые туфли, сделанные из кожи. Это она нам сказала. Она хотела, чтобы мы ими полюбовались, потому что это был для нее великий день. Тетушка Мюриэл нарядилась, чтобы приехать в город и встретиться со своей сестрой и ее ребенком.

— А КАК ТЫ ВЫГЛЯДЕЛА, КАПИТАН?

— Я? Я тогда выглядела ужасно. На мне были облегающие брюки ядовито-зеленого цвета, а волосы были подстрижены треугольником. Когда я увидела тетушку Мюриэл, я подумала, если, работая на ферме, ты кончаешь вот так, лучше я останусь в городе и стану недоразвитым подростком. Но это зависело не от меня.

Ферма находилась на краю земли, до нее надо было ехать вдоль всей трубы. Каждый день туда

кататься было слишком далеко, поэтому я приезжала на неделю и возвращалась домой, в квартиру, только на уикэнд. У тетушки были кабачки, земляные орехи и ряды бобов на нейлоновых линиях. Я ей была нужна для того, чтобы полоть сорняки.

— РАЗВЕ ОНА НЕ МОГЛА НАНЯТЬ РОБОТА?

— Тетушка Мюриэл не доверяет роботам. Она вообще не слишком любит машины. У тетушки Мюриэл старомодные идеи насчет того, что "естественно" — все должно быть "натуральным". Это довольно глупо, если учитывать, где она живет. Как бы там ни было, она была вполне довольна сорняками и склеенными фильтрами, но еще больше она была довольна тем, что я полола ей сорняки и отклеивала фильтры, а она в это время сидела полуголая на допотопном натуральном стальном трубчатом стуле, прислоненном двумя ножками к натуральной стене из "дсп" ее натуральной фермы модуля А, играя на своей покореженной старой гитаре.

Иногда я просыпалась среди ночи, слыша музыку во сне, и выглядывала из окна своей спальни, и она, конечно, была там, бренчала на гитаре и пела о местах, которых никогда не видела и вряд ли когда-нибудь увидит, о реках, горах и островах под солнцем. Иногда я вставала, спускалась и садилась с ней рядом, глядя вверх на Луну, сиявшую сквозь стекло, и думала, что, по крайней мере, я в этом не участвую. Потом я смотрела на поля бобов, глянце-витых в лунном свете, далеко тянувшихся и блестящих. Они напоминали мне половой член.

— ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ. А ОСТАЛЬНЫЕ ТОЖЕ ИХ ТАК ВОСПРИНИМАЛИ?

— Если они были шестнадцатилетними девицами, — да. Многие вещи напоминали половой член, когда мне было шестнадцать. Знаешь, Элис, я была грубой маленькой девчонкой. Я не получала особого удовольствия от прополки и таскания ирригационных матов, укладывая их назад, потом снова поднимая.

Так что я была начеку.

Интегриги II — это ужасная грязь. Можно класть сколько угодно проволочных сеток, они все равно засорятся, — столько дерьма в этой системе. Вместо того, чтобы что-нибудь предпринять, Совет предпочитает платить фермерам субсидию, чтобы они филь-

тровали воду. Тетушка Мэриэл покупает самую дешевую сетку, а остальную часть субсидии тратит на красное вино. Я однажды с ней крупно поругалась. Я и раньше несколько раз с ней ругалась, но на этот раз я сказала ей, почему бы не вылезти и не потаскать вместе со мной эти чертовы ирригационные маты, а она просто хлопнула себя по животу и сказала, что слишком толста, чтобы наклоняться. А потом она засмеялась.

Если вести дела на ферме по методу тетушки Мюриэл, приходится много наклоняться. Я стояла в поле, по колено в вонючих красных гранулах, и смотрела вверх, давая отдых моей болевшей спине и наблюдая, как летают Комары.

Где-то поблизости была база Комаров, на Краю. Иногда я следила, как их воздушные змеи спускаются вниз, на поля, над головой, до тех пор, пока они не исчезали из виду, задолго до того, как они достигали верхушек деревьев. Впрочем, часто это проделывать нельзя — из-за смога. Даже в ясный день в деревне можно смотреть вдоль трубы от тетушки Мюриэл и не видеть города из-за смога. Держать окна чистыми на ИнтегриITI II — тяжелая работа.

По уикэндам мама спала. Я нашла общество себе подобных. Местные уличные ребята были подонками. Они называли себя Отверженными, и были очень щепетильны насчет социального статуса. Там была девочка по имени Кармен, она была королевой Отверженных, и она просто позволяла мне болтаться вместе с ними, чтобы она могла шпынять меня за то, что я лунянка. Мне приходилось делать некоторые идиотские вещи, чтобы привлечь их внимание. Там был мальчик по имени Мюррей, это был тот еще тип. Он был действительно недоразвитый подросток, этот Мюррей. Он был опасен. Ну, нам просто нравилось так думать. Я обнаружила, что даже Кармен боится Мюррея. Так что я стала ходить с Мюрреем.

— А КУДА ТЫ С НИМ ХОДИЛА?

— В маленькие залы. В пустые аллеи. В места, которые вышли не совсем такими, какими их запланировали дизайнеры, в места, где дети разгуливают по городу, где они создают свою версию города. Мы нашли кое-какие занятия для себя, Мюррей и я.

Я знала, что это не будет долго продолжаться. Я просто убивала время. А Мюррей был психом. Большую часть времени он мне даже не нравился. Было ясно, что в один прекрасный день Мюррей причинит кому-нибудь серьезный вред, может быть, даже не заметив этого. Я не хотела, чтобы кем-нибудь оказалась я.

Иногда по ночам на ферме я сидела в траве с тетушкой Мюриэл и ее гитарой. Это тетушка Мюриэл научила меня играть на гармонике.

— ЗНАЧИТ, С ТОГО ВРЕМЕНИ ВСЕ ЖЕ ОСТАЛОСЬ ЧТО-ТО ХОРОШЕЕ.

— Ты серьезно так думаешь?

— ТЕБЕ ЖЕ ЭТО НРАВИТСЯ.

— Нравится, когда перестаю играть.

— ТЫ НИКОГДА НЕ БЫЛА ТАКОЙ САМОКРИТИЧНОЙ, КАПИТАН.

— Это все нынешняя поездка. Я все время себя виню. Постоянно спрашиваю себя, как я могла позволить втянуть себя в это.

— НАМ НУЖНЫ ДЕНЬГИ.

— Это точно.

— И ТЕБЯ ПРИВЛЕК МАРКО МЕТЦ.

— Когда дело доходит до этого, я в точности как моя мама. Вот почему я всегда восхищалась тетушкой Мюриэл, хотя и довольно сдержанно. Я думала, что должна всерьез попробовать стать такой, как она, — она всегда была такая довольная, ничто ее никогда не беспокоило. Пойми, я не хотела быть фермером, но и не желала быть, как мама, привязанной к беспомощному мужчине, стараться содержать его и меня, — когда приходится постоянно крутиться, чтобы не утонуть. Я представляла себя на корпоративном астероиде, связавшей свою жизнь с кем-нибудь, кто будет меня лелеять и покупать мне все, что я захочу. У Кармен и ее команды были такие же мысли, хотя они и держались так, словно собирались навсегда остаться плохими девчонками.

Я думала, если я собираюсь найти себе перспективного мужа, может, следует начинать прямо сейчас. Я не становилась моложе. И к тому же знала, где искать.

Я тебе говорила, что ферма была расположена поблизости от одного из Краев. На самом деле до

эскалатора было всего пятнадцать минут на велосипеде. Можно было доехать до конечных точек аллеи и смотреть вдоль двенадцатого, наблюдая, как солнце освещает грязь. Край был тем местом, где Отверженные ни за что бы не появились, — скорее умрут, поэтому, когда у меня было честолобивое, светское настроение, Край казался все более привлекательным. Как бы так ни было, мне там нравилось. Гравитация там была ниже, и я чувствовала себя как дома. И потом, там были мальчики.

— ТАК, ЗНАЧИТ, КОМАРЫ — МАЛЬЧИКИ.

— Да. Они полицейские кадеты, вот кто. Они носят униформу. Очень сексуальную. Синевато-серые, как грифельная доска, облегающие костюмы и блестящие черные знаки различия. Ботинки сверкают. Под стать глайдерам. Ни один Комар в жизни не назовет свой глайдер воздушным змеем, особенно, когда он в форме. Их можно было увидеть то там, то здесь в городе, когда они кружили поблизости во время ралли или демонстрировали боевой порядок в парках. Там, наверху, на базе, было местечко неподалеку от офиса, где производили набор, с сидениями и игровым экраном; там можно было стоять и наблюдать, как они проводят тренировочные полеты, — без всякой помощи. Они летали через трубу, презрев градиенты силы тяжести и создавая впечатление, что все это очень легко. Когда я впервые увидела их, я пожалела, что я не Комар. Кармен была бы очень рада об этом узнать.

Кармен в два счета расправилась бы и с Майклом. Майкл — это был мой секрет. Он был моим сияющим рыцарем. Он был абсолютно белым, первым по-настоящему белым из всех, кто у меня когда-либо был. У Майкла были длинные ресницы и веснушки, убегавшие вниз по шее под форму. Майкл был на службе у сообщества. Я знала, что когда придет время, он возьмет меня с собой на астероид, и мы сможем служить сообществу вместе.

Я разрешала ему настраивать для меня игровой экран и показывать мне виды. Майкл всегда стоял очень близко, но не прикасался ко мне. Я так и не сказала ему, какая из ферм — тетушки Мюриэл, хотя тетушка все про него знала. Маме она не рассказывала. Ей было все равно, где я болтаюсь, если не предполагалось, что в это время я должна работать. Бродить — это было естественно для девушки. К

ней все время приходили мужчины. Правда, на Майкла они были непохожи. У меня была мысль, что тетюшка Мюриэл не была бы столь терпимой по отношению к Майклу, если бы с ним познакомилась. Майкл был не очень-то натуральным.

Вся беда была в том, что Отверженные тоже узнали о нем.

Кармен подумала, что это здорово. Она рассказала Мюррею, и Мюррей взбесился. Не потому, что я ходила с другим парнем, а из-за того, что этот парень оказался Комаром. Он воспринял это как личное оскорбление. Я сказала ему, что не спала с Майклом, потому что для Мюррея это было самое важное, единственное, в чем он видел смысл. Так что с ним мы этим занимались. "Я действительно с ним не спала", — сказала я Мюррею. Так оно и было в действительности. Майкл хотел, но я держала его на расстоянии. "Я хочу, чтобы он дал мне покататься на своем воздушном змее", — сказала я Мюррею.

Он хорошо над этим посмеялся. Он думал, это исключительно хорошая мысль, исключительно забавная. Он сказал, что Майкл этого ни за что бы не сделал. "Долг прежде девушек", — сказал он. — "Это девиз Комаров, вот что". Он даже заключил со мной пари. Так что все остались довольны.

Знаешь, Элис, я на самом деле не думала об этом — ну, насчет змея, до тех пор, пока не открыла рот и не услышала, как я об этом говорю. Но идея была хорошая, что бы там Мюррей ни говорил. Майкл уже начал мне немножко надоедать. Я уже пришла к выводу, что его воздушный змей — это самое лучшее, что в нем было. Так что в мой следующий выходной я назначила ему свидание на базе, и заявила Мюррею, что все произойдет именно в этот в день. Вот такая я была нахалка.

На базе было пусто. Майкл был в форме. Я повела его в ангар, где стояли змеи, и погладила его форму. Я поцеловала его погонны. Потом я выяснила, насколько далеко идут его веснушки. Я его так накрутила, что он готов был пообещать мне все, что угодно, только бы я позволила ему это сделать. Он все так и видел на самом деле, это было то, что он хотел сделать с девушкой, но ему надо было найти девушку, которая позволила бы ему это сделать. Но я оказалась недостаточно сообрази-

тельной, Элис, потому что позволила ему сделать это до того, а не после.

— КОНЕЧНО, ПОСЛЕДНЕЕ БЫЛО БЫ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЕ.

— Ты-то откуда знаешь?

— Я ХОЧУ СКАЗАТЬ, ЕСЛИ ТЫ НЕ СОБИРАЛАСЬ ПОЛУЧИТЬ ОТ ЭТОГО УДОВОЛЬСТВИЕ.

— А ведь ты права. Да уж, когда он завелся, я поняла, почему раньше держала его на расстоянии. Не просто из-за змея, а потому что это было то еще мероприятие. От него на самом деле не было толку. Не то, что с Мюрреем, который был просто бешеным во всех отношениях. Единственная проблема с Мюрреем была — не отставать от него. А с Майклом я должна была просто лежать неподвижно, пока он меня трахал, весь красный, тяжело дыша. Я стиснула зубы и решила, что в конце концов это не оказалась не такая уж односторонняя сделка.

Когда все было кончено, он стал сама нежность и заговорил о том времени, когда мы поженимся. Я к тому времени уже забыла, что изначально именно поэтому выбрала Комара. В его устах это звучало ужасно. Помни, что ты Отверженная, сказала я себе. Змей, все время думала я.

Я сказала Майклу то, что он хотел услышать, сказала довольно много, в действительности ничего не пообещав, потому что знала — он собирается создать мне легкую жизнь. Он уже засыпал на моем плече. Когда он уснул, я тихонько выскользнула из-под него, подхватила его сексуальную форму, которая уже не казалась мне такой уж сексуальной, и сняла с цепочки ключи от его глайдера. Затем, держа ключи в зубах, быстренько оделась и подошла к змею, но, видимо, я произвела какой-то шум, потому что Майкл проснулся. Я оглянулась и увидела, как он засовывает обе ноги в одну брючину, зовя меня по имени и пытаясь остановить.

“Комар выполняет свои обещания”, — сказала я ему и вывела его змей со стоянки. Я была поражена тем, насколько он оказался легким. Он был прекрасен. Он был большой, угольно-черный с багровыми полосами, и когда я вывела его наружу, солнце заиграло радужным светом на его крыльях.

Все Отверженные явились, чтобы посмотреть на меня. Майкл бежал за мной, полуодетый, он высо-

чил, спотыкаясь, на стартовую площадку, что-то бормоча про двухмесячные подготовительные курсы. Позади меня я слышала, как Мюррей ржет над нижним бельем Майкла, а потом я взлетела.

Когда я стартовала, они издали оглушительный вопль. Я торопилась и даже не надела ни головной телефон, ни маску.

Оставить маску — это было ошибкой.

Я была в воздухе. Я летела. Мой первый полет, Элис. Ты помнишь свой первый полет?

— ЭТО РАЗНЫЕ ВЕЩИ, КАПИТАН.

— Я думаю, тебе было не шестнадцать.

— НЕТ. НО Я ПОМНЮ СВОЙ ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ С ТОБОЙ, КАПИТАН. ОН БЫЛ ХОРОШ.

— А этот мой первый — нет. То есть я хочу сказать, я снялась с места хорошо. И вот я летела, порхая широкими виражами по оси, как профессионал, молнией проносясь между облаками и глядя вниз — вверх — по двенадцатому.

— РАНЬШЕ ТЫ УПОТРЕБИЛА ВЫРАЖЕНИЕ "ВДОЛЬ", КАПИТАН.

— Да, но тогда у меня его не было. То есть было, но были и "вверх", и "вниз", а ни одно из них не подходило.

Я растерялась. Наверное, это меня и подвело. То есть, у меня и раньше было такое чувство, немножко, в первые разы, когда я поднималась на Край, — настолько он был близко к стержню. Но теперь я была в воздухе, и со всеми этими облаками я потеряла всякую ориентацию. Там, где облака раступались, я могла видеть трубу полностью, землю вокруг меня, и, казалось, она поднимается, как башня, так, что город, и пояс фабрики, и парки свисали со стен над моей головой, и все это как будто собиралось обрушиться мне на голову, и город — поверх всего. С одной стороны из окон в глаза мне било солнце, а когда я нырнула крылом, с другой стороны светили звезды. А потом все это завертелось у меня в голове, и я уже смотрела сверху вниз вдоль той же трубы, и ничто не могло предотвратить моего падения.

Меня стало тошнить.

Так вот, я порхала вокруг и направлялась к земле. Я совершенно сбилась с курса, не узнавала приборов, даже не знала, что за панель передо мной. И я стала уставать. Я не имела ни малейшего

представления о том, во что обходится таскание такой штуки по небу, а потом я стала падать "вниз", "вниз" — быстро. Я не знала, как сажать змей, поэтому мне надо было набрать хоть какую-то высоту.

— И ТЕБЕ ЭТО УДАЛОСЬ?

— Да.

К сожалению.

Я взлетела слишком высоко, и потом поднималась выше, быстрее, я не могла остановиться, я была как перышко, запутавшееся в вентиляторе. Я взлетела вверх прямо к стержню и там застряла, болтаясь в невесомости. Я лягалась и вертелась. Это было безнадежно. Я понятия не имела, как выбираться. У меня не было ничего, что я могла бы бросить. Я даже не могла уже нормально видеть, глаза слезились. Загрязнение там, наверху, было довольно сильным. Я закашлялась и уже не могла остановиться.

Через некоторое время, когда облака расступались, я могла видеть маленькие машинки, собирающиеся на земле вокруг меня. Потом я увидела еще несколько глайдеров, направлявшихся ко мне. Один из них был ведущим. Я подумала, что это Майкл. Я очень не хотела, чтобы это оказался он.

Это был не он. Это была фигура в маске и кожаном костюме, в сплошных карманах со всякими наворотами, и с головным телефоном, причем у нее был головной телефон и для меня, такой, какой был бы на мне, если бы я не сорвалась с места в такой спешке. И у нее были реактивные двигатели, с которыми ни один Комар не стал бы летать ни за что в жизни. Она подцепила меня и взяла на буксир.

— Подожди, вот приедем домой, юная леди, — сказала она мне по радио.

— Мама? — спросила я.

— И ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛА ОНА?

— Конечно. И она была не слишком довольна.

— А КАКАЯ РЕАКЦИЯ БЫЛА У ТЕТУШКИ МЮРИЭЛ?

— Тетушки Мюриэл? Она смеялась. Смеялась и не могла остановиться.

А вот полицейских это не позабавило. Стащить воздушный змей комара, подвергнуть опасности воз-

душное пространство 12 и быть спасенной служащими Совета — для подростка это был серьезный проступок. Мне пришлось в течении десяти недель чистить стекла. Снаружи.

Мы жили в бараках на Краю и едва могли видеть внутренность трубы в течение десяти недель. Каждый день нас вывозили наружу и отправляли ползать снаружи по всей трубе — счищать микрометеоритную пыль со стекла. Остальные в нашей компании были еще хуже, чем Кармен и Отверженные. Они действительно были отверженными, никудашными, противными и непригодными для найма. Они набросились на меня и стащили мою гармонику. В перерывах на окнах они подглядывали через стекло и строили нескончаемые планы о гнусностях, которые будут устраивать, когда снова попадут внутрь. А я не хотела возвращаться назад внутрь, больше не хотела. И вот я была там, снаружи, на корпусе, по колено в пушистом белом песке. И я стояла и стояла там, давая отдых своей болевшей спине и глядя вверх на звезды.

XXI

Панель на груди робота распахнулась. На Марко нацелились телескопические трубы и вытяжные антенны.

— Я хотел сказать, — мягко продолжал он. — “Контрабанда” — наше название. Наше сценическое название. — Марко сказал это так, словно это было очевидно, словно объяснял что-то само собой разумеющееся маленькому ребенку. — Мы — труппа, дающая представления. Группа артистов. У нас ангажемент на восемь часов в Саду Меркурия.

Из громкоговорителя робота раздался треск и шипение. На его голове, там, где должно было быть лицо, находился экран. Экран функционировал плохо. Он медленно, равномерно щелкал.

— **ЗДЕСЬ НЕТ ПУТИ В САД МЕРКУРИЯ,** — объявил он. — **ЭТО НЕВОССТАНОВЛЕННАЯ ЗОНА.**

— Правильно, — сказал Марко. — Конечно. Что ж, сначала у нас встреча в ПравдаСне.

Робот гудел и тикал, переваривая сообщение.

— ЗДЕСЬ НЕТ ПУТИ В СОН ПРАВЕДНЫХ, — сообщил он. — ЭТО НЕВОССТАНОВЛЕННАЯ ЗОНА. НАЗОВИТЕ СЕБЯ, — потребовал он.

— Эй! — сказал Марко. — Послушай. Ты меня знаешь. — Он стал хлопать себя по карманам, словно ища удостоверение. — Я крупная знаменитость средств массовой информации, — заявил он. — Я звезда сцены, экрана и спутников, гражданин солнечной системы, мое имя — Монти Марш Мариголд, регистрационный номер Ромео Рабарбар Рапсодия три-бета-три-один-дважды-один-один, это значит Рабарбар Ромео Рингмастер один-три-бета-один-один-трижды-к.

Он говорил все быстрее и быстрее, вытаскивал гофрированную стопку пластиковых карточек из кармана и стал сгибать и разгибать их, размахивая каждой карточкой перед вращающимся глазом робота и убирая ее, прежде чем тот успевал хоть что-то прочесть.

Марко потянулся к Табите и взял ее за руку. Сначала она сопротивлялась, потом позволила ему сделать это.

— Это моя сестра, прекрасная Аргентина, вон там — наш артист-попугай, Попка-Пугач. А это, — он показал на Блинецов, на самом деле один человек, только они расходятся во времени в разных направлениях и останавливаются лишь для того, чтобы сказать самим себе “здрасьте”. Почему бы тебе не проверить по связи? Проверь свои часы, проверь свою шляпу и пальто. Проверь свои файлы на “ИС” — на “Искусство”. Мы требуем диффракции, Марко произнес эту тираду на одном дыхании и с пафосом раскинул руки.

На экране робота появилось лицо. Это был дежурный полицейский — женщина в серой униформе, с головным телефоном.

Близнецы Зодиак встали по обе стороны робота, сложив руки и с интересом глядя на экран. Цвета на нем были скверными. У женщины был такой вид, словно она страдала смертельной болезнью печени. По ее лицу пробежали зигзаги.

— ДИФФРАКЦИИ? — спросила она. — ОБЪЯСНИТЕ, ЧТО ЗНАЧИТ “ДИФФРАКЦИЯ”.

— Ну, что ж, по дипломатическим правилам от третьего, третьего, тридцать третьего, АД, странствующая межпланетная знаменитая труппа артистов, не имеющих удостоверения личности, не может быть удержана, задержана, напряжена или сопряжена, “ад хок”, “ид эст” и “ин лье”, если ей не будет предложено воспользоваться правом диффракции, — нараспев произнес Марко.

Робот не ответил. Женщина на экране нахмурилась, так, словно с трудом могла разглядеть их. Она повозилась со своими наушниками, махнула рукой через сканнер.

Робот тут же зажужжал, и его антенны передвинулись в направлении Табиты. — Назовите себя, — сказал он.

Пока Табита открывала рот, не зная, что ей говорить, из громкоговорителя робота раздался ужасающий треск, и картинка исказилась из-за вспышки помех. Все молчали. Неожиданно робот сел на пол. Его сенсоры и оружие убрались внутрь, и маленькая дверца с шумом захлопнулась за ними.

— МЕЕЕП, — сказал робот.

— Очень вовремя, — заметил Марко. Тэл, застрекотав, как мопед, взлетел прямо к нему на плечо.

Робот сидел в неуклюжей позе, но очень прямо, перед барьером. Он был совершенно неподвижен, не считая одной ноги, дергавшейся взад-вперед по полу пещеры, как нога издыхающего тельца.

— Что это с ним? — спросила Табита. — Что случилось?

— Он сел, — ответила Саския.

— Он устал, — сказал Могул.

— Так часто бывает, — сказала Саския.

Табита пристально посмотрела на Блинецов.

— Мы здесь ни при чем, — в унисон пропели они.

Марко уже переступал через спазматическую конечность робота, словно того вообще здесь не было. Тэл полетел вперед, над барьером, в темный туннель.

— Куда мы ИДЕМ? — решительно спросила Табита.

— В ПравдаСон, — ответил Марко.

— Но она сказала...

— Пошли! — хором пропели Близнецы.

И они пошли, спеша в поле низкой гравитации за птицей, откинув серый матерчатый занавес, спотыкаясь на вырубленных ступеньках, протискиваясь между плоскими бурыми сталагмитами, выраставшими из пола, как раковые опухоли, через трещину в пещере, где стена раскрошилась, обнажая решетчатую структуру ячеек с толстыми стенами. Из них высывались волосатые языки, похожие на жирные черные папоротники, дрожавшие на сквозняке, веявшим при их приближении. Воздух был пронизывающе влажным и ядовитым.

В подобных уголках Изобилия просто нельзя не представить себя глубоко под землей, во власти какой-нибудь отсталой расы слепых, живущих в норах, бессильно пытаясь вспомнить солнце. Они все еще существуют, там и тут, эти очаги мрака и отчаяния. В один прекрасный день мы должны что-нибудь предпринять, чтобы очистить их. Я говорила это и раньше. И без сомнения, скажу снова.

Табита бежала вниз вслед за птицей, перескакивая через булыжники, через выемки, проходя под порталами из черной кости, где спали огромные неизвестные механизмы, покрытые желтовато-коричневой пылью. В покрытой ржавчиной впадине стоя голых перков с визгом разбежалась при звуке их шагов. В свете брошенного ими костра Табита проверила часы. Из отпущенных ей двадцати четырех часов оставалось значительно меньше двух.

Наконец, они вышли и остановились, тяжело дыша, на широком открытом пространстве, где крыша над их головами была тусклой и далекой. Всего в нескольких сотнях метров впереди пол обрывался вниз в страшную пропасть, через которую далеко слева от них был перекинут уродливый бетонный мост. За мостом, на дальней стороне, у скопления красных, как карбункул, отелей сновали туда-сюда роботы и скуттеры. Напротив отелей кто-то построил огромный зеленый купол, вздымавшийся на самом краю бездны. Площадь перед ним была выложена десятигранными плитами. На ней

аккуратными рядами были припаркованы машины и стулья-седаны.

— Вот и пришли, — поздравил Марко Тэла, когда взземная птица вернулась и снова устроилась у него на плече.

— Бей в барабаны негромко...

— И тихо играй на трубе, — посоветовал Тэл.

Они подошли к зданию. Темно-зеленые кусты в горшках обрамляли пролет широких и низких ступеней из каменной пены, ведущих вниз ко входу, закрытому толстым занавесом темно-пурпурного цвета. Здесь в воздухе носился запах денег, намек на фимиам. Где-то внутри играла бесплотная арфа.

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СОН ПРАВЕДНЫХ, — нараспев произнес теплый и сочувственный голос, доносившийся отовсюду, — ПРИЮТ ИЗБРАННЫХ ЗАМОРОЖЕННЫХ. ЧЕМ МОЖЕМ СЛУЖИТЬ ВАМ?

— Мы зовемся “Контрабандой”, — сказал Марко в звенящем воздухе.

— Мы пришли повидаться с нашим менеджером.

Последовала кратчайшая пауза.

— МИСС ХАННА СУ УЖЕ ПОДНЯЛАСЬ И ГОТОВА К РАЗГОВОРУ, — произнес окружающий воздух. — ВАШ ДРУГ НАХОДИТСЯ У ЕЕ ЛОЖА. СЛЕДУЙТЕ ЗА СВЕТОМ.

Неожиданно откуда-то возник луч бледно-зеленого света и поплыл по ступенькам перед ними.

Марко снова стал тянуть Табиту за руку. — Пойдем, сестричка, — громко сказал он. — Ханна ждет нас.

Табита рывком высвободила у него руку.

— Что это за место?

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СОН ПРАВЕДНЫХ, — снова начал окружающий воздух.

— То самое место, — сказал Марко, — где работает Ханна.

Табита взглянула вниз на ступеньки гробницы в покое ожидания. Казалось, сквозь похоронные драпировки проходила волна холода.

— Это ведь криосклепы, верно?

— Верно, — сказал Марко приглушенным повелительным тоном.

— Ими она тоже управляет?

— Конечно.

Табита встала к нему лицом.

— Нет, — сказала она. — Она мертва, правда?

— До определенной степени.

— Все кончено.

— Все в порядке, Табита, доверься мне, — настойчиво сказал Марко.

— МНОГИЕ НАХОДЯТ ЭТИ ВСТРЕЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНО НАПРЯЖЕННЫМИ, — участливо сказал голос из воздуха. — ВОЗМОЖНО, ВАШЕЙ СЕСТРЕ СТО ИТ ПРИНЯТЬ ТРАНКВИЛИЗАТОР?

— Она мертва, — сказала Табита.

— У нее твои деньги, — сказал Марко.

Зеленый огонек вежливо подпрыгивал на ступеньках.

— МОЖЕТ БЫТЬ, ВЫ ПРЕДПОЧИТАЕТЕ МИНУТКУ ПОДОЖДАТЬ, ЧТОБЫ СОБРАТЬСЯ С МЫСЛЯМИ И ДУХОВНО ПОДГОТОВИТЬСЯ? — спросил голос.

— Нет, — ответила Табита. И вскинула голову: — Давайте двигаться.

Пурпурные занавеси раскрылись сами по себе, и зеленый огонек скользнул между ними.

Чувствуя, как сердце бьется у нее в горле, Табита Джут последовала за артистами вниз, в залы ПравдаСна.

XXII

Они вернулись назад, в соты туннелей Изобилия.

Эта часть, по крайней мере, была цивилизована, с разбрызганным повсюду пенистым покрытием и атмосферными декоративными подсвечниками, подвешенными в орнаментальных нишах. Их манили печальные звуки арфы, перед ними летел луч света, ровно плывя между драпировками. Они следовали за лучом, Тэл проделывал акробатические упражнения в воздухе вокруг видения, не обращавшего на него никакого внимания.

В коридорах Сна Праведных было довольно прохладно.

Они миновали задрапированные двери. Можно было услышать приглушенные голоса, звуки плача, скорбное пение тысячи детских сопрано. Мимо них проходили другие посетители, на них были траурные одежды из темно-коричневого шелка-зибелина и черного меха, они сжимали в руках филактерии и требники из обесцвеченной телячьей кожи. Их головы были склонены, лица суровы. Дети несли в руках букеты лилий и экзаменационные сертификаты. Никто ни с кем не здоровался.

Марко Метц совершенно не вписывался в эту обстановку в своем поношенном дорогом пиджаке и свободных брюках из лимонножелтой саржи. Он уже оставил попытки командовать Табитой и теперь не обращал на нее внимания. С потрепанной сумкой на плече он брел за их бесплотным проводником и попутаеобразным инопланетянином и казался не столько известным музыкантом, пришедшим с визитом к своему менеджеру, сколько космическим мореплавателем, спешащим в дом с дурной репутацией.

Вслед за ним легко двигались Близнецы Зодиак, обняв друг друга, и блески на их голубых пижамах мерцали в мягком свете. Со спины их действительно невозможно было различить.

Табите было омерзительно это место и все, кто в нем находился. Вся дрожа, она понадежнее пристроила сумку на плече и глубоко засунула руки в карманы. Все, что ей было нужно, это двести пятьдесят скутари и телефон. За это здесь она и должна была держаться. Только бы получить в ближайший час двести пятьдесят скутари и телефон, и она больше никогда не выйдет из себя из-за перка, никогда отступит от своего обычного дела, никогда не подцепит мужчину в баре, никогда больше.

Длинный белый луч поплыл вверх по крутому лестничному пролету и остановился у завешенного портьерами входа, где, как показалось, поклонился, а когда они собрались у порога, исчез. Невидимая арфа тоже вежливо замерла.

— ПАЛАТА МИСС ХАННЫ СУ, — объявил затем голос из воздуха, — СУДЬБА, ПРИОСТА-
НОВЛЕННАЯ С ДОСТОИНСТВОМ С ПОМОЩЬЮ
СНА ПРАВЕДНЫХ. ПРОСИМ СОБЛЮДАТЬ ВСЕ

ОБЫЧНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ГИГИЕНЫ И ВОЗДЕРЖИВАТЬСЯ ОТ ПРИЧИНЕНИЯ БЕСПОКОЙСТВА ОБЪЕКТУ ИЛИ НАРУШЕНИЯ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ. БЛАГОДАРИМ ЗА ТО, ЧТО ВЫБРАЛИ СОН ПРАВЕДНЫХ.

Занавес поднялся с приглушенным жужжанием. Табита могла видеть, как за порогом сияет солнце.

— Луг, — сказал Могул, переступая порог.

— О, как хорошо, — сказала его сестра. Затем повернулась к Табите: — Мы не всегда получаем луг, — объяснила она и последовала за братом.

Марко задержался, вытянув руку и приглашая Табиту пройти вперед: — Как со временем? — спросил он.

— В обрез, — ответила она. Это было все, что она могла сказать в тот момент, когда вошла с затененной лестницы в палату Ханна Су и оказалась на опушке леса, ступив на мягкую зеленую траву под чистым голубым небом.

Все, на что она была сейчас способна, — это смотреть. Нигде и никогда в жизни она не видела такого количества зелени, так много солнечного света, лившегося сквозь гнувшиеся ветви. За деревьями трава простиралась дальше и дальше, уходя за горизонт. За спиной Табита слышала в лесу пение птиц.

Она не хотела оборачиваться назад.

Тэл, как всегда, улетел вперед. Табита едва могла различить его, примостившегося на ветке, — ярко-зеленые перья среди свежей зелени листьев.

Впереди что-то было, далеко на лугу.

Оно было маленьким, плававшим в паре метров над землей. Табита щурилась на солнце, и ей казалось, что этот предмет — черный и серебристый, но что это было, — она не могла распознать.

Внизу, на земле, под плавающей черной штукой, прямо над густой травой неподвижно лежал маленький кокон белого облачка. Из дальнего конца облака были видны плечи и голова желтой женщины.

Казалось, черный предмет смотрит вниз, на нее.

Несмотря на солнце, воздух вокруг был довольно холодным. Близнецы быстро шагали навстречу обла-

ку. Марко шел рядом с Табитой. Их ноги беззвучно ступали по траве.

Очень осторожно Табита повернула голову.

Позади она увидела, как и ожидала, лес деревьев, встававших стеной. Разглядеть что-либо между ними было очень сложно, и невозможно было определить, насколько далеко простирался лес.

Табита была удовлетворена. Это был не микроклимат; это было не какое-нибудь мгновенное перемещение материи; это была просто генетическая модель окружающей среды, пусть даже и чертовски дорогая. Табита не знала, насколько она точно воспроизводила пейзаж, но выполнена она была, бесспорно, очень тщательно. Пахло влажной землей, соком растений, а где-то под всем этим пробивались антисептические миазмы ультразвука.

Марко позвал: — Табита.

Табита снова обернулась к луку.

— Мы достанем тебе деньги, — сказал он. — Это будет первое, что мы сделаем.

Потом он, казалось, заметил, с каким видом она оглядывает окрестности: — Тебе нравится? Настоящее искусство. Замораживатели обходятся дешевле, зато они уж точно не так шикарны.

— Горизонт чуточку слишком близко, — отозвалась Табита.

— Да ладно тебе, — сказал Марко.

Сейчас, когда она критически осмотрела все, так оно и оказалось, но ей не хотелось препираться по этому поводу.

— Это она?

— Это Ханна. Ханна Су. Самый сообразительный труп во всем этом мероприятии. — Марко широким жестом обвел пустой пейзаж. Ветерок играл его блестящими черными волосами.

Табита открыла было рот, чтобы спросить, что это за другая штука, плавающая над останками Ханны, но что-то остановило ее.

Она знала, что это.

“Штука” была плоской и блестяще-черной, металлической. У нее была большая голова и тельце ребенка, но не было ног. Она была до подбородка закутана в пластиковый пакет.

Существо (а оно было реальным, живым, в этом Табита не сомневалась) сидело среди воздуха на серебристом металлическом диске. Оно сидело спиной к ним. Табита могла разглядеть, что у него было некое подобие хвоста — вроде серебряного металлического, кончиком подключенного к розетке на диске.

Табита никогда не видела ни одного из них, но тут это мог быть только он.

Марко и Табита догнали Близнецов. И все вместе приблизились к облаку.

Плавающее существо обернулось при их приближении.

И посмотрело на Табиту.

Его глаза были красными, как вишни. Они светились, как хвостовые огни какого-нибудь дальнего транспорта.

Это был Херувим. Херувим так близко, что до него можно было дотронуться. Херувим на человеческой орбитальной станции. Херувим под землей!

У Табиты было такое ощущение, словно ее с головы до ног пронзила сосулька. Она замерла, стала холоднее и неподвижнее, чем Ханна Су. С того момента, когда она попала в пещеры Изобилия, она только и делала, что смотрела, но сейчас она смотрела во все глаза.

Это продолжалось целую секунду.

Табита опустила глаза. Посмотрела вниз на плавающую женщину, закутанную в облако. И, какой бы невероятной она ни казалась (хотя для Табиты было жизненно важным принять ее и выжать из нее деньги), это сейчас уже ничего не значило, в ней уже не было ничего странного или ошеломляющего — после того, как Табита увидела Дитя, Рожденное Пространством.

— Его зовут Кстаска, — сказала Саския — она, по-видимому, была здесь единственной, кому было хоть в какой-то мере интересно давать пояснения Табите. — Мы думаем, оно женского рода.

Могул посмотрел на сестру из-под опущенных век, на его тонких губах играла покровительственная улыбка: — Полет фантазии, — сказал он, слегка растягивая слова. — Они отменили пол. — Казалось,

этот факт одновременно вызывал сожаление и забавлял его.

— Я думаю, это женщина, — сказала, обращаясь к Табите, Саския и провела по воздуху тонким пальчиком. — А ты?

Табита искоса взглянула на существо и тут же отвела глаза. Оно все еще разглядывало Табиту. Это и вызывало у нее отвращение, и завораживало, она вообще не могла разобраться в своих ощущениях. Табита почувствовала, что у нее кружится голова. Возникла мысль: а, может, она все еще на вечеринке в Скиапарелли, и голова ее затуманена винными парами, пивом и прекрасным кристаллом Офира, а все, что произошло потом — замысловатая, сложная галлюцинация.

— Марко, — услышала Табита свой хриплый голос.

Херувим перевел свой пристальный взгляд и теперь смотрел на Марко. Табита продолжала смотреть на Херувима. Она просто не могла отвести глаз. — Он слегка раздражен, — заметил Могул, обращаясь к Марко.

— Это ты его раздражаешь, — сказала Марко Саския.

А в это время Ханна Су говорила, но никто ее не слушал.

Ее глаза были открыты и смотрели в никуда. Ее слова исходили из голосового ящичка, подвязанного к горлу наподобие огромного вульгарного украшения. Ящик придавал ее голосу вымученный тон.

— ... ДО ТОГО, КАК НА ИСКРЕННОСТИ
ВООБЩЕ ПОЯВИЛСЯ СТАДИОН, — говорила покойная Ханна Су. Ни ее глаза, ни ее губы не двигались, но под кожей ее широкого бледного лица то появлялась, то исчезала полоска легких геометрических фигур, словно она кристаллизовала их там, внутри.

Похоже, она думала, что разговаривает с Херувимом Кстаской.

— ВПРОЧЕМ, ЕГО МАТЬ, ОНА БЫЛА НЕПЛОХАЯ ЖЕНЩИНА, — говорила Ханна Су, — ОНА РУКОВОДИЛА ПЕРВЫМ ОРБИТАЛЬНЫМ ЦИРКОМ. — Ханна усмехнулась. — СЛОНЫ В СВОБОДНОМ ПОЛЕТЕ.

Херувим заговорил.

— Привет, Марко, — произнес он.

У Кстаски-Херувима голос совершенно, как у маленькой девочки, — в сущности, что он собой и представляет; если сделать скидку на свободу интерпретации совершенства.

— Привет, Кстаска, — ответил Марко, коротко и довольно небрежно.

— Ты опоздал, — сказал Кстаска.

— Нас задержали, — ответил Марко. — Робот.

— Ну, и шуму же ты наделал, — сказал Кстаска.

Он говорил тоном ребенка, делающего выговор куклам.

Марко не обратил на него внимания: — Все равно, — сказал он. — У нас сломалось такси.

— Марко, — сказала Табита, на этот раз более отчетливо. — Деньги. Телефон. — Она оглядела траву, лес. Раз уж здесь такое шикарное хозяйство, где-нибудь в нем должен быть телефон.

— ОНА РУКОВОДИЛА ПЕРВЫМ ОРБИТАЛЬНЫМ ЦИРКОМ, — объясняла умершая женщина. — Я ТЕБЕ КОГДА-НИБУДЬ ОБ ЭТОМ РАССКАЗЫВАЛА?

Как только Табита заговорила, Кстаска тут же перенес внимание на нее.

— А кто она? — поинтересовался он.

— Кстаска, это капитан Табита Джут. С прекрасного корабля “Элис Лиддел”. Табита, это Кстаска, — сказал Марко. — Кстаска — Херувим. Пятый член “Контрабанды”.

— Да, — подтвердил Кстаска.

Его защитный костюм неожиданно засиял, опалесцируя, кружась по воздуху. Чему он сказал “да”, Табита не была уверена. “Да” прозвучало властно, бездушно и категорично. Она никогда не слышала утверждения столь осуждающего.

— Мы поговорим об этом позже, — быстро сказал Марко, обращаясь к Кстаске. — Табита, — он взял девушку под руку и отвел ее от взгляда Кстаски, поставив лицом к замороженному труп. — Это еще один человек, с кем ты должна познакомиться, — кое-кто очень важный для нас всех. Это Ханна Су, — сказал он. — Наш менеджер.

При этом мертвая женщина перестала бормотать.

— А, — сказал ящик, привязанный у ее горла, — ВЫ ЗДЕСЬ. ВЫ ВСЕ ЗДЕСЬ. Я ВИЖУ ВАС. ВЫ ВСЕ СТОИТЕ ВОКРУГ МЕНЯ.

— Мы все здесь, Ханна, — сказал Марко. — И все готовы к выступлению.

— ДА, МАРКО, — отозвалась Ханна, — Я ТЕБЯ ВИЖУ. НО КТО ЭТО С ТОБОЙ? ОНА С ТРИТОНА? Я ОТ НИХ НЕ ИМЕЮ НИКАКИХ ИЗВЕСТИЙ. В НАШИ ДНИ ЛЮДИ ТАК НЕНАДЕЖНЫ. НЕ ТО ЧТО В СТАРОЕ ВРЕМЯ...

— Ханна, это наш новый пилот. Это Табита Джут. Извини, что перебиваю, но это, в общем, срочно, — мы должны ей деньги.

— СКОЛЬКО ДЕНЕГ? — прожужжал голосовой ящик Ханны Су.

— Двести пятьдесят скутари, — громко сказала Табита. Она впервые в жизни разговаривала с мертвым человеком. — И тысячу пятьсот, если я повезу их на Титан.

Не имея ни малейшего представления об Избранных Замороженных и о том, на каком особом, привилегированном положении они могли находиться, Табита подумала, что должна огоршить Ханну как можно сильнее и как можно скорее.

Похоже, это сработало. А, может, это был просто ритуал, такой же, как при сделке с живым клиентом.

— ТАК МНОГО.

— Ей надо сначала сделать ремонт, — сказал Марко.

— СНАЧАЛА ей надо получить двести пятьдесят скутари, — поправила его Табита. — За то, что привезла его сюда.

— НЕ ЗНАЮ, МАРКО, — сказала Ханна Су так, словно Табита вообще ничего не говорила. — ЭТО МНОГО.

Марко нагнулся и сделал резкий жест перед слепыми глазами Ханны. — Ханна, мы должны срочно это уладить. Я хочу сказать — у нас нет времени на обсуждение. После шоу мы можем поговорить об этом.

— А КАК НАСЧЕТ НАШЕГО ОБЫЧНОГО ТРАНСПОРТА — ЭТИХ СИМПАТИЧНЫХ МАЛЬЧИКОВ С “АРМСТРОНГ СЬЮЛЛЕАБХАЙНА”?

— Они были ненадежными, Ханна, — сказал Марко. — Мне пришлось отказаться от них. Вот Табита, она надежная.

— ДА-А-А, — задумчиво протянул голосовой ящик Ханны, — Я ВИЖУ, У НЕЕ СИЛЬНАЯ АУРА. ОНА МОЩНЫЙ СОЮЗНИК, МАРКО. ЕЕ ВКЛАД БУДЕТ РЕШАЮЩИМ.

— Потрясающе, — сказала Табита. — Что ж, должна сказать, я в восторге, что слышу это. — Она сердито обвела взглядом собравшуюся компанию. Все они отводили глаза, — все, кроме Кстаски. Тот по-прежнему смотрел на нее. Он был похож на идола, сидевшего перед ней на корточках на подносе из нержавеющей стали. Идол из слоновой кости с рубинами вместо глаз.

Табита быстро отвела глаза. И обратилась к Ханне: — Каким же будет твой вклад? — Она ударила ногой по несуществующей грязи. Звук был таким, словно это был пол из каменной пены. — У вас вообще не будет никакого корабля, к черту, если я немедленно не получу двести пятьдесят скутари, — с силой сказала Табита. — Марко потом тебе обо всем расскажет. Здесь есть телефон, по которому можно позвонить?

— ТЫ ДОЛЖЕН ЗАПЛАТИТЬ ЕЙ, МАРКО, — пробормотала мертвая женщина.

— У меня нет таких денег, — ответил он.

— У МЕНЯ ТОЖЕ, ДУША МОЯ, — сказал звуковой ящик Ханны Су. Неожиданно он прозвучал довольно резко; впрочем, возможно это был просто сбой механизма.

— Ты живешь здесь, — сказала Табита и, произнеся эти слова, сообразила, что могла бы подобрать более подходящий глагол, — и ты полагаешь, что я в это поверю?

— Она не всегда получает луг, — защищая Ханну, сказала Саския.

— ТАБИТА, Я НЕ МОГУ ЗАПЛАТИТЬ ТЕБЕ ДО ТОГО, КАК ПРОЙДЕТ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ. ДО ТОГО, КАК САД МЕРКУРИЯ ЗАПЛАТИТ МНЕ.

Марко отмел это заявление: — Мы должны взять аванс.

— ЕЩЕ ОДИН?

— Это дорогостоящая сделка, — сказал Марко. — Вспомни, о чем идет речь, Ханна. Это ведь не обычная сделка, помнишь?

— ТВОЯ ПОДРУГА НЕ С ТРИТОНА, МАРКО? — спросила Ханна. — Я УЖЕ ЦЕЛУЮ ВЕЧНОСТЬ НЕ ИМЕЮ НИКАКИХ ИЗВЕСТИЙ С ТРИТОНА. НАДЕЮСЬ, КАПЕЛЛА НЕ ОБНАРУ...

— Табита — вроде нашей поклонницы, Ханна, — сказал Марко. — Она пришла посмотреть на Тэла и меня в Скиапарелли.

— А, СКИАПАРЕЛЛИ, — ностальгическим тоном сказала Ханна.

Табита резко выдохнула сквозь зубы. Затем круто развернулась и стала смотреть назад, на мягкие зеленые лужайки иллюзорного леса. Они все ей осточертели. И она была решительно настроена не потерять дороги к выходу.

— Я ПОМНЮ ЕГО. ЗАПАХ ПЕРСИКОВОГО ЦВЕТА НА ГРЭНД-КАНАЛЕ. В КАРАВАН-САРАЕ МЫ СИДЕЛИ И ГОВОРИЛИ О НОВОМ СИНТЕЗЕ ИСКУССТВА И ТЕХНИКИ. ОРАНЖЕВЫЙ ТУМАН...

— Мы привезли тебе пленку, Ханна, — сказал Марко, подходя к Табите совсем близко.

Табита подозрительно посмотрела на него. Он отвел глаза.

— Она хорошая, — говорил Марко, — это для тебя — чтобы ты разделила ее со своим другом, — многозначительно заключил он.

— ПЛЕНКА? — неуверенно сказала Ханна. — ОНА С ТРИТОНА?

— Да, — с ударением сказал Марко. — Именно так, Ханна. Она с Тритона.

— ХОРОШО. ХОРОШО. ЗАПУСТИ ЕЕ.

Марко протянул руку в облако и выключил модель окружающей среды.

Неожиданно ожил Кстаска. — Не так, — сказал он высоким голосом и спикировал на Марко.

— Я должен видеть, что делаю! — ответил тот. Одной рукой отстранив Херувима, другой Марко

схватил сумку Табиты и потянул ее на себя. Затем ухватился за молнию.

Табита тянула сумку к себе, но Марко держал и ее длинную лямку. Он сунул руку в сумку и стал в ней рыться. Табита уже знала, что он собирается достать: простую черную кассету без ярлыка.

Он так и сделал и вставил ее в блок рядом с головой Ханны. — О, — сказала мертвая женщина, в неведении того, что произошло перед этим. — ЭТО ЗАВОРАЖИВАЕТ. ПРОСТО ЗАВОРАЖИВАЕТ.

Ее облако тут же рассеялось вместе с лугом: деревьями, травой, солнцем и всем остальным. Ханна Су лежала на полке из нержавеющей стали с прорезями, с которой капала вода, в сером пластиковом спальном мешке, верх которого был отогнут. По всей ее голове были электроды, а в волосах — иней.

Они стояли в маленькой пещере, полной стаз-генераторов и микроволновых проекторов направленного размораживания. Тэл, потеряв ориентацию, в страхе слетел вниз и ударился прямо в окно. Он упал на широкий карниз из белого пластика, где и остался скрестись, ошеломленный. Там, где он ударился об окно, конденсат был смазан.

Табита выглянула наружу. Ячейка Ханны была одной в цепи выростов неправильной формы, выпиравших из стен большой тусклой пещеры. Под ними параллельными рядами простирались криозамораживатели.

— НАВЕРНОЕ, ОНИ СООБЩАЮТ, ЧТО ПОМОЩЬ ИДЕТ! — радостно сказала Ханна.

XXIII

Они очутились в Парадном Дворцовом Покое, в Долине Царей и на вершине Лысой Горы, прежде чем Кстаска смог вернуть Луг. Что-то бормоча, он отрегулировал его кончиком хвоста.

Ханна Су снова мирно лежала в своем облаке, слушая пленку, и решетки кристаллов мягко играли на ее лице. Солнце все еще стояло высоко. Те же птицы пели в том же лесу.

— О'кей, — решительно сказал Марко. Он выхватил кассету из облака и вытер ее рукавом.

— МАРКО? — сказала Ханна Су. — МАРКО, ТЫ ЕЩЕ ЗДЕСЬ?

Марко не обратил на нее внимания. Он изучал кассету, проверяя, сколько на ней еще осталось. — Ты поняла, Ханна? До тебя это дошло?

— ОХ, — выдохнула Ханна. — ОНИ ЗДЕСЬ. ОНИ ВСЕ ЕЩЕ ЗДЕСЬ. Я ЧУВСТВУЮ ИХ ВСЕХ, ВОКРУГ МЕНЯ.

— Угу, — сказал Марко, не очень слушая, — вот что, милочка. Нам пора идти. Время выступать. — Он похлопал Ханну по иссохшему плечу. — Сюда, Тэл, — сказал он. Близнецы подобрали попутая и теперь нянчили его на руках, склонив головы над его взъерошенными перьями.

— А как же насчет моих денег, Марко? — сурово спросила Табита. Оставалось всего двадцать две минуты. Они могли промчать ее сквозь тысячу воображаемых миров, бомбардировать ее такой чепухой, что у нее голова шла кругом, совать пленки в ее сумку и вообще вытаскивать флаги всех наций у нее из ушей, но они не могли скрыть ее от полиции. Полицейские в Скиапарелли сообщат эдельди, а те могут добраться до нее даже здесь, в глубинах Изобилия, и отобрать Элис. Со всей очевидностью, порожденной отчаянием, Табита осознала, что любит этот потрепанный старый корабль, хотя никогда этого не показывала. Даже самой Элис никогда этого не говорила.

Марко поспешно повел ее в лес и наружу — назад, на ступеньки. — Сразу после шоу, — пообещал он. — Первым делом. — Он обернулся и протянул руку, чтобы забрать Тэла у Саскии и пристроить ослабевшую птицу у себя на плече: — Все на месте? Могул, Кстаска?

— Это же будет слишком ПОЗДНО, Марко!

Он неожиданно остановился на ступеньку выше Табиты и положил руки ей на плечи, ободряя ее: — Не беспокойся, — сказал он. — Ты так сильно волнуешься? Позвони им. Скажи, что деньги вот-вот будут.

— Ну нет, не пойдет, — сердито сказала Табита. — Ты забрал свою пленку? Или она опять у меня?

— Ты сказала, что понесешь ее за меня.

— Я сказала? И когда же это?

— На вечеринке.

— “Когда я стану королем, дилли, дилли,

Ты будешь королевой”, — пообещал Тэл, по-видимому, совершенно оправившись.

— Замолчи, Тэл! — прикрикнул Марко.

Они гуськом спускались по ступенькам, Кстаска замыкал шествие. Его тарелка негромко жужжала и колебала драпировки впереди.

Зеленый луч ждал их, мягко подрагивая в коридоре внизу.

— КАКОЙ-НИБУДЬ ДЕФЕКТ? — спросил голос из воздуха.

— Нет, нет, все в порядке, — ответил Марко, приглушенным и почтительным тоном.

— ВАЖНО, ЧТОБЫ ПОДДЕРЖКУ НИКОИМ ОБРАЗОМ НЕ ТРОГАЛИ, — подозрительно сказал воздух. — ОБЪЕКТ И ДРУГИЕ ОБЪЕКТЫ МОГУТ БЫТЬ ПОТРЕВОЖЕНЫ.

— С ней все прекрасно, — ответил Марко, — ее никто не потревожил. Она просто слушала пленку. Теперь она спит. Пожалуйста, оставьте ее на время.

— ВСЕ ДАРЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ИССЛЕДОВАНЫ И ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ, — настаивал голос.

— Нам нужно срочно позвонить, — энергично сказал Марко. — Можно, леди воспользуется вашим телефоном?

— Нет, все в порядке, — сказала голосу Табита. У нее не было ни малейшего намерения напоминать полиции о своем существовании, пока она не получит деньги. Она опоздает. Из-за этих ненормальных она опоздает.

Они покинули ПравдаСон через нижнюю дверь, под выпуклостью в зеленом куполе, выходящую на откидной балкон над пропастью в пятьсот метров. Внизу была глубокая расселина — длинный блестящий шрам, покрытый пятнами нездорово выглядящего кустарника. На полпути внизу среди искореженных останков нескольких автомобилей медленно ползали железные крабы. Группы людей лениво наблюдали с балконов отелей. Наверху в темноту

уходили бутристые бурые своды инопланетных построек.

Торопясь, они пошли по бетонной дорожке вдоль стены над расселиной. Воздух был холодным и насыщен песком. Повсюду лежали куски грязного льда. Где-то поблизости Табите слышалось пение наподобие альпийских мелодий, слабое и жалобное. Она не могла сказать, кто поет: человек, машина или инопланетянин. Пение действовало ей на нервы. Вдруг она поняла, что это Тэл напевает про себя.

Табита ускорила шаг, следуя за Кстаской, теперь он вел их, направляясь к лифтам.

Восемнадцать минут. Семнадцать. Шестнадцать.

У лифтов Табита снова прикинула, какие у нее шансы оторваться от этой компании, помчаться назад, к Элис и попытаться бежать на ней. Шансы были невелики.

Может быть, шоу закончится вовремя. Может, эти психи закружатся со своим шоу до того, как огромные тяжеловесные механизмы полиции двух миров будут приведены в действие и свяжутся между собой. До того, как полицейские на Изобилии получат весточку от эдадельди с приказом захватить Элис. Если нет, она намеревалась твердо удостовериться в том, что именно Марко Метц будет снова вызволять ее. Раз уж она с ним связалась, платит за это будет он.

Прибыла капсула лифта, и они набились внутрь. Они поднимались все выше, выше, выше, в Сад Меркурия, на самую верхушку черепашьего панцыря Изобилия.

Сад Меркурия снова открыт для развлечений. Сейчас, когда здесь выступает Марко Метц, все места заняты. Он не терял времени даром и хорошо сумел воспользоваться любопытством публики, жаждавшей посмотреть на героев нашего приключения. В ту ночь, однако, дела шли гораздо более вяло. Постоянные посетители, в основном, люди, лениво возились со своими обедами, едва бросая взгляд на часы или на пустую сцену.

Мало кто из них слышал о "Контрабанде". Поэтому атмосферы ожидания не было. Если они и оставались на представление, то лишь потому, что потратили все деньги на стрельбищах и в казино,

и идти им было больше некуда. Между ними бесстрастно сновали взад-вперед серебристые официанты с полупустыми подносами.

Сад Меркурия — естественный амфитеатр, во всяком случае, не менее естественный, чем все остальное на Изобилии. Служившая ранее помещением для командования роем фрасков, эта исключительно впечатляющая пещера — плоская чаша под темным куполообразным потолком, испещренным неровными пятнами света там, где сияют далекие звезды. Если убрать столы, вокруг сцены, — неровного возвышения, сделанного из того же материала, что и вся станция, больше всего напоминающего рог, — можно собрать несколько тысяч зрителей. На этом мрачном подиуме, поднимающемся прямо в центре площадки, когда-то сидела Королева Фрасков и резким голосом отдавала приказы стрекочущей массе своих подданных, ползавших друг через друга в скалистом бассейне у ее ног.

Когда Табита прибыла туда в обществе “Контрабанды”, мрачное первобытное величие этого варварского сооружения было несколько ослаблено огромным количеством световых шаров, батарей, рогов из плотных лучей и рядов аудио-видео мониторов. Заурядная музыка диско не вызывала у клиентов никакого интереса.

— Нам здесь нравится, — доверительно сообщила Табите Саския, просунув руку через сгиб ее локтя.

— Здесь есть атмосфера, — сказал Могул.

— Публика скучная, — призналась Саския.

— Зато мы великолепны, — заявил Могул.

Время Табиты только что истекло. Для нее вселенная рушилась, и она страшно устала. Ей доверили “Элис Лиддел”. Если она не сможет сохранить ее, содержать в хорошем состоянии, не сумеет защитить ее от когтей деспотичных и во все сующих свой нос властей, тогда она потеряет работу, дом, самоуважение — все. Сейчас, когда Марко суетился вокруг нее, добывая ей хороший столик, заказывая бутылку дорогого вина, которое ей было не нужно, и еду, которую у нее не было аппетита есть, она отключилась.

— Давай-те начинайте, — свирепо сказала она Марко. На них уже смотрели.

Огни в зале потускнели. Шоу началось.

Это было представление, претендующее на художественность. Табита ковыряла в тарелке и ждала, когда оно окончится.

Могул сидел на сцене, скрестив ноги, и играл на крошечной клавиатуре, издававшей звуки наподобие отдаленного шипения.

“Когда в раю идет дождь,

Все сидят под огромным зонтиком,

Потягивая джин

И посылая дары

Страдальцам в аду”, — монотонно завывал Тэл.

“В раю они жмутся друг к другу,

Бесстыдно предаются воспоминаниям

И говорят, как им повезло,

Что, наконец, они стали похожи на своих родителей”

Публика, на мгновение, как всегда, удивившаяся при виде поющего попугая, коротко зааплодировала и вернулась к своим разговорам. Табита старалась заставить себя не думать о времени и не смогла. Когда же все это кончится? Когда я получу свои деньги и выберусь отсюда?

На нее волной накатила усталость, и она пошатнулась в кресле. Теперь оба Близнеца были на сцене, симметрично проделывая некрасивые трюки.

Табита налила себе стакан вина и выпила его. Налила еще один. По другую сторону огромного стеклянного листа претенциозно тянулось шоу.

Единственным настоящим событием было появление Кстаски, спустившегося с крыши пещеры на своей тарелке.

В какой-то момент Табита решила, что он сейчас запоет. Но он не запел. Он не делал ничего. В этом и не было необходимости. Как только ореол света, струившегося ниоткуда, выхватил блестящую черную фигурку в опалесцирующем костюме, публика смолкла. За этим они сюда и пришли, если вообще пришли с какой-нибудь целью.

Табита почувствовала, как в пещере, словно стоячая волна, сконцентрировалось смешанное чувст-

во ужаса и восхищения, охватившее ее саму на Лугу в ПравдаСне. Потом началась реакция, поднялся негромкий шум. Что это — Херувим? Что делает Херувим в человеческом кабаре? Что вообще Херувим делает В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ? Не может быть, чтобы это был Херувим. Это просто автоматическая игрушка, робот-марионетка.

Под мрачные, пронзительные звуки, издаваемые клавиатурой Могула, существо спустилось вниз. Оно повернуло голову и обратило свой рубиновый взор сквозь малочисленную публику. Кто-то взвизгнул, но его быстро заставили замолчать. Рюмки и вилки замерли, постоянные посетители Сада Меркурия смотрели на лицо будущего. Те из них, что были религиозны, втихомолку перебирали четки, а остальные задержали дыхание и на мгновение испытали странное чувство благодарности за то, что они люди. И задумались над тем, надолго ли еще они останутся людьми.

То же чувство охватило и Табиту, которая уже была почти сыта по горло всем происходящим.

Появилась Саския на одноколесном велосипеде. Могул встал. Клавиатура продолжала играть. Могул материализовал кусок тонкой черной ткани и набросил его на Саскию и ее велосипед.

— Это называется “Улыбка одной губой”, — объявил один из Близнецов. Табита не могла точно сказать, кто именно; а, может, это произнесла их голосом клавиатура.

Велосипед со стуком упал на пол, поверх него — ткань. Саския исчезла. Кстаска — тоже.

Аплодисменты были еще более жидкими.

Могул сделал пас в воздухе и извлек перчатку Марко. Она тоже играла сама по себе, а потом из тени появился, играя на ней, Марко.

Табиту игра Марко Метца уже не интересовала. Она на несколько минут задремала.

Неожиданно музыка была прервана хриплым во-ем, какого не могли бы произвести ни перчатка, ни клавиатура, как ни старайся.

Резко зажглись все огни в помещении. Официанты остановились на полпути, потом стали потихоньку двигаться назад, по направлению к кухне.

Раздался глухой ропот, в котором звучали удивление и негодование. Люди смотрели на крышу и указывали руками.

Табита тоже подняла глаза.

Над головой безмолвно спускались два черных дельта-змея.

Это были полицейские.

Ужасный вой продолжался. На сцене Могул и Марко швыряли вещи в ящик. Обедавшие вскакивали, опрокидывая стулья и крича на отступавших роботов. Несколько человек направились к выходу, размахивая оружием.

Табита подхватила свою сумку и бросилась бежать.

XXIV

BGK009059 LOG

TXJ. STD

ПЕЧАТЬ

A0a] XXc: B27! / ~ AaA/109C [222m

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? 11.07.11

ГОТОВА

— Элис, помнишь, как однажды у нас на борту был эладельди?

— ПОМНЮ. ЕГО ЗВАЛИ М-Р ТРЕЙ, ПРАВИЛЬНО?

— Правильно.

— А ЧТО ОН ДЕЛАЛ?

— Перевозил старые бумаги.

— ТЕ, ЧТО БЫЛИ В ТЕХ СТАРИННЫХ КЛЕТКАХ?

— По-видимому, да. Пятьдесят серых стальных шкафов, по четыре ящика в каждом, и каждый ящик набит старыми бумагами.

— ПО-ВИДИМОМУ? НО ПОЧЕМУ "ПО-ВИДИМОМУ"?

— Я ни разу не видела даже уголка хотя бы одной из них.

— РАЗВЕ ТЕБЕ НЕ БЫЛО ЛЮБОПЫТНО, КАПИТАН?

— Было, и даже очень. В этом-то и дело.

— О, КАК ХОРОШО. ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ.

— Это было на Земле. Ты была в порту Бразилия. Я была в нескольких километрах вниз по дороге, в дешевом мотеле. Я спала. Пришла служащая и стал колотить в дверь. Было пять утра. Она сказала: — Капитан Джут? Вас к телефону. Что было странно — никто ведь не знал, что я там. Я просто поехала вниз по дороге на велосипеде и наугад выбрала первое попавшееся место.

— АГА.

— Выговор у говорившего по телефону был американский. Североамериканский. Женщина, но с тем же успехом это мог быть и робот.

Робот сказал: — Капитан Табита Джут?

Я сказала: — Да.

Робот сказал: — Вы владелец и пилот транспортного звездолета, специализирующегося на перевозке товаров, класса Берген К, Bravo Гольф такого-то и такого-то?

Я сказала: — Да. Я раздумывала, что я там нарушила и во что мне это обойдется.

Она сказала: — Ваш корабль в настоящее время занят?

Я проснулась. Я сказала: — Да.

Она сказала: — Пройдите туда-то и туда-то.

Это была холодная и ветреная полоса воздуха среди пустоты: один из этих плоских штатов в центре страны, которые не отличишь друг от друга.

— ОНИ НАЗЫВАЮТ ЕГО "КАНЗАС", КАПИТАН.

— Спасибо, Элис.

На контроле не отвечали, дежурных тоже не было, и вообще вокруг не было никого, кроме нескольких мальчишек, забравшихся на забор и смотревших на нас; так что я записала нас обеих. Я вышла и отправилась осмотреться. Ворота были закрыты. Я подумала, может, все это — просто чей-то розыгрыш. Я решила подождать и посмотреть, кто явится посмеяться.

Явилась туча пыли, а в туче — джип и грузовик. Серые, как оружейная сталь, и без номеров. Они

остановились у ворот. Из джипа вылезли два типа. Один из них был человеком.

Я его помню. Его звали Доминик Векслер. Он был высоким и тощим, светлый блондин с необычайно короткой стрижкой и зеркальными очками. На нем был иссиня-серый костюм из такой жесткой ткани, что ей впору было резать хлеб, светло-голубая рубашка на пуговицах и кожаный галстук в складку. У него было удостоверение офицера военно-воздушных сил и ключ от ворот.

У второго удостоверения не было. Да оно было ему и не нужно. Это был эладельди. Его шкура была голубоватой, такого оттенка, каким иногда бывает снег, на нем была облегающая трубчатая рубашка и голубые брюки, доходившие примерно до середины его мохнатых ног, кажется, они называются бриджи. Его физиономия была подстрижена, что означало — он приписан к Земле и находится при исполнении служебных обязанностей.

Лейтенант Векслер отпер ворота и подал грузовику знак въезжать. Он сказал: — Вы готовы к погрузке, капитан? Мы хотели бы выехать как можно скорее. И уставился на детишек на заборе, словно они были шпионами.

— Мы? — спросила я.

— Да, мэм, — ответил он. — М-р Трей и я будем сопровождать вас в этой миссии.

Я сказала, что обычно так не делаю, а он заявил, что они все понимают, мэм, но это очень деликатный материал. И тут появились все эти шкафы с ящиками — их сгрузили с грузовика.

— Что в них? — спросила я.

— Бумаги, — ответил он.

— Бумаги? — переспросила я.

— Просто бумаги, — сказал он.

Я устроила им хорошенькую жизнь.

— ЗАЧЕМ, КАПИТАН?

— Не знаю, зачем, Элис, правда. Наверное, из-за слова "миссия", мне не понравилось, как это прозвучало. У меня не миссии, а работа. Наверное, поэтому. Но он все время говорил, что они все понимают, и даже снял свои темные очки. Он оказался моложе, чем я думала, — лет двадцати с чем-то, не старше меня. Глаза у него были голубыми, как и все остальное. Трей все это время просто стоял, глядя

на меня своими унылыми глазами и по их обычаю высунув язык.

Я смягчилась. Впустила их на борт, вытащила роботов и поставила их трудиться над ящиками.

Я сказала, что им придется воспользоваться обеими каютами. Сказала — мне не нравится, когда кто-то сидит со мной в кабине пилота во время полета.

— Векс-лер, — произнес эладельди.

У Векслера сделался такой вид, словно ему было не по себе.

— В этот раз мы поведем ваш корабль секретным курсом в интересах безопасности, — неуверенно произнес он, поглядывая на м-ра Трея.

— Одному из нас должен быть обеспечен доступ к вашему компьютеру, контролирующему полет.

— В таком случае, поищите себе другого пилота, — сказала я.

Он сообщил мне, сколько они готовы заплатить мне за эту поездку.

Я сообщила ему, что, учитывая особый характер их миссии и деликатность материала, на сей раз один из них может сидеть со мной в качестве второго пилота.

— Второму придется занять пассажирскую каюту.

— Векс-лер, — сказал эладельди.

— Буду счастлив, сэр, — отозвался тот.

Я сказала ему, чтобы он сбросил с койки мусор. Я сказала:

— Хотите, я подойду и пристегну вас?

— Нет, спасибо, сэр, то есть, мэм. Со мной все будет в порядке.

Трея медленно пыхтел, забираясь в кресло второго пилота. Я чувствовала его запах — резкий и волосатый.

— НА ЧЕЙ ЗАПАХ ОН БЫЛ ПОХОЖ, КАПИТАН?

— На собачий.

— ГРЯЗНЫЕ ЖИВОТНЫЕ, СОБАКИ.

— Да, Элис.

Я сказала: — Вам что-нибудь нужно? Я хочу сказать, я раньше никогда не летала с эладельди.

Он ничего не ответил. Его длинные голубые пальцы переплелись с ремнями безопасности.

— Хорошо, — сказала я. — Так. Куда же мы летим в таком случае?

Он расстегнул карман своих бриджей и вручил мне запечатанную дискету. Затем надел головной телефон второго пилота. Я не верила своим глазам. Он не спросил даже, можно ли это сделать, просто протянул руку и надел телефон, словно у него было на это право, поправил его так, чтобы тот подходил к его ушам, словно делал это каждый день на кораблях других людей.

Он позволил мне взять старт. Ничего не сказал. Не пытался вмешиваться. Просто находился рядом и слушал.

Когда мы оказались на орбите, и ты работала с диском, я поднялась и ушла к Векслеру. Он плавал в пяти сантиметрах над койкой и все еще был пристегнут. Вид у него был немного бледный. На нем были его солнечные очки. Он был весь в поту.

— Он что, всегда такой? — спросила я.

— Простите? — сказал лейтенант. Он не знал, о чем я, по крайней мере, не знал, когда был на службе.

— С вами все в порядке? Можете оставаться там, если хотите, — сказала я в надежде, что он откажется.

— О, я лучше присоединюсь к вам, — тотчас отозвался он, — если можно.

Я помогла ему разобраться с ремнями. Он взлетел вверх с койки, и мы столкнулись грудью с грудью. Я вылетела через дверной проем, и мне пришлось схватиться за задний шлюз, чтобы остановиться. Я подумала, замечательно — новичок. Но он начинал мне нравиться.

— АГА.

— Ох, Элис, он был такой славный и беспомощный.

— Я ПОДУМАЛА, МОЖЕТ БЫТЬ, ОН НАПОМНИЛ ТЕБЕ МАЙКЛА-КОМАРА.

— Никогда об этом не думала. Нет, лейтенант Доминик Векслер был мягкой тканью, затянутой в крахмальную рубашку. Майкл был другого сорта — углеродное волокно до самых корней. Он был ужасный, Майкл. Лучше бы ты мне о нем не напоминала.

— ТЫ МОГЛЫ БЫ СТЕРЕТЬ ЕГО ИЗ ПАМЯТИ.

— Мы не можем этого делать, Элис. Во всяком случае, по своей воле. Чем больше стараешься, тем

больше уверенности в том, что ты это вспомнишь, причем именно в тот момент, когда не хочешь.

— ЭТО ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ ВИД ПАМЯТИ, КАПИТАН.

— Пожалуй, Элис. Я тоже так думаю.

Лейтенант Доминик Векслер вышел из каюты очень медленно, задыхаясь и хватаясь за все, до чего мог дотянуться. Он непрерывно извинялся. Держаться прямо стоило ему очень больших усилий. Кончик его галстука плавал перед его носом. Лейтенант рывком опустил его, и опять чуть не завертелся.

— Держитесь вот за это, — сказала я ему, показывая на петли. Так было лучше. Он осторожно продвигался по проходу, прошел мимо меня с легким неуверенным смешком, стремясь добраться до следующей петли и все еще стараясь ставить одну ногу впереди другой вместо того, чтобы использовать руки и плечи.

Я хотела спросить, почему военно-воздушные силы отправили на это задание человека, не имеющего никакого опыта работы в невесомости. Вместо этого я заметила: — Ваш коллега не очень-то разговорчив.

У Векслера сделался обеспокоенный вид: — Он ведь уже дал вам план полета, правда?

— Да, — ответила я. — Но это все, что он мне дал.

— Мы должны соблюдать осторожность, мэм, — сказал лейтенант. Потом он промахнулся мимо очередной петли и сделал плавное сальто вверх тормашками. Я пришла к нему на помощь, обняв его сзади за талию. Он поднялся, опираясь на мою грудь и молотя ногами, как сумасшедший.

— Все еще хотите стать астронавтом? — спросила я.

— Прошу прощения, что вы сказали? — сказал он.

— Ничего, — ответила я.

В паре сотен миль за Луной у нас состоялось свидание с капеллийским системным кораблем. Эладельди, просидевший весь полет, положив руки на бедра и глядя на пульт с таким видом, словно он понимал все или совсем ни в чем не разбирался, вдруг ожил и стал что-то хрипло бормотать в микрофон. Капеллийский корабль... он был...

— Я ЗНАЮ, КАК ОНИ ВЫГЛЯДЯТ, КАПИТАН.

— Подожди, я все же попробую его описать.

Он имел форму двух длинных конусов, соединенных концами друг с другом. Он был золотым с полосами светло-красного цвета вдоль всего корпуса. Когда мы подошли ближе, стало видно, что один из конусов — на самом деле не конус. Он был короче другого и такой формы, словно его сжали в самом низу. Там и находились двигатели, огромные, их было пять. И другой конус в действительности тоже не был конусом, потому что был закруглен наподобие продолговатой слезы, и вокруг его шел выступ вроде воротника, а из воротника, как металлические деревья, торчали провода коммуникаций.

Мы обошли корабль, вращаясь по орбите вокруг его "тали". Когда мы пересекли его длинную ось, казалось, он искоса смотрит на нас сверху вниз, подняв хвост, как золотая рыбка — рыбка длиной в семьсот метров, подбирающая корм со дна пруда. А мы были вроде улитки у нее под брюхом. Затем мы подошли слишком близко, чтобы видеть корабль таким, и вдруг он оказался внизу — целое пространство блестящего золотого металла, испещренное портами, шлюзами, сенсорами и кабинами, стремительно скользящее под нами, далеко внизу.

Эладельди, м-р Трей, все еще завывал и гнусавил в микрофон на своем языке, видимо, считывая данные со всей панели и разговаривая с кем-то, кого я в свой микрофон вообще не слышала. Не знаю, как они это проделывают. Он просто взял командование на себя. Я не знала, куда мы направляемся и как будем заходить в док. Все, что я узнала, — был глухой стук, когда мы налетели на луч захвата.

Я услышала, как Векслер поперхнулся. Он сидел на стене, продев одну ногу в петлю, и пристально глядя в одну точку через лобовое стекло. Я знала, что его глаза говорили ему, что мы круто пикируем, падая прямо к большой круглой яме в золотой палубе, в красную расщелину, проходившую по всей яме.

А потом красная расщелина стала горизонтальной, превратилась в большую длинную красную галерею, и мы проскользнули в нее, на посадочную площадку. Они позволили мне сесть и заглушить двигатели.

— Теперь можете вздохнуть, м-р Векслер, — сказала я.

Лейтенант сидел на куче барахла на полу за моей спиной, подняв руку и цепляясь за петлю, как за спасительную соломинку.

— Хорошее приземление, капитан, — сказал он, как будто много раз до этого перенес плохую посадку.

Я похлопала по плечу своего второго пилота, приведя его этим жестом в изумление: — Слышали, м-р Трей? Мы хорошо справились.

Он просто уставился на меня. Потом стал смотреть на посадочную команду, пригонявшую грузовики для груза. Все они были эладельди. Насколько я могла видеть, весь экипаж капеллийского корабля состоял из эладельди. Если Трею и было приятно видеть их радостные улыбающиеся физиономии, он этого не показывал. Он отстегнул ремни и встал.

— Время хорошее, капитан Джут, — прорычал он. — Мы забомним вашу службу.

— А как насчет моих денег? — поинтересовалась я.

— Лейтенад Векс-лер выболнит эту фуд-кцию, — сказал он. — А теберь разгружайтесь, божалуйста. — И он покинул борт корабля.

Я начала разгрузку. По сканнерам я могла наблюдать, как Трей выполняет формальности, ставит подписи и все такое.

— Хотите сойти и поприветствовать публику? — спросила я Векслера.

Тот покачал головой: — Я не вижу никого из капеллийцев, — будничным тоном сказал он.

— Их никогда не видно, — сообщила я ему.

Шафы, набитые деликатным материалом, сгружались на платформы плававших в воздухе грузовых транспортов. Там, внизу, они казались крошечными и совершенно незначительными. Никто о них не проронил и слова, за всю поездку.

Векслер потер бока: — Что вы теперь собираетесь делать, капитан? Возьмете передышку?

— Да, но не здесь, — отозвалась я. — Там, наверху — станция Паскаль, до нее чуть больше часа. Это приятное местечко. Хорошая еда. Хорошие постели.

— Что ж, звучит довольно заманчиво, — неуверенно произнес он.

— А ваша миссия, она закончилась? — спросила я.

— Да, после того, как я эскортировал материалы и представителя к месту назначения, — ответил он. — Думается, мне надо засечь время прибытия. — Он проверил время. — Правильно, — сказал он.

— Если вы спешите вернуться назад на Землю, с Паскаля через каждые полчаса ходят шаттлы, — небрежно бросила я.

— Черт, я думаю, что могу урвать час-другой для отдыха, — жизнерадостно отозвался он.

Я зацепила пальцем ремни кресла второго пилота и придержала их для него. Я медленно улыбнулась ему: — Тогда почему бы вам не сесть рядом со мной? — спросила я.

— КАКАЯ ТЫ КОВАРНАЯ, КАПИТАН.

— Это было просто любопытство. Любопытство и сознание собственной власти — этот бедняга, вытященный из своей скорлупы, застигнутый врасплох и отданный на мою милость. На Паскале мы отправились в "Хабкэп", а потом — в номера на краю, где занимались любовью при поднятых шторах, и Млечный Путь заливал комнату своим светом. После полета у него все тело было в царапинах.

А потом он лежал, положив голову мне на грудь, и я спросила: — Ты первый раз покинул Землю, Доминик?

— Нет, ответил он. — Нет, мэм, вовсе нет. Когда мне исполнилось четырнадцать, на день рождения папа с мамой возили меня на Луну.

— Я родилась на Луне, — сказала я.

— О, правда? — спросил он...

А потом он говорил: — Я не могу тебе ничего сказать, Табита. Не могу, потому что НЕ ЗНАЮ.

— Но ребята на базе думают... — подсказала я.

Он вздохнул и сказал: — Послушай. Я не знаю, поэтому не могу сказать точно. Но был слух, и только, — всего лишь слух — что это материалы по НЛО.

— НЛО? — переспросила я. — Никогда о такой не слышала.

— Это не организация, — пояснил он. — Это — что называется, феномен. Историческая аномалия.

НЛО означало "неопознанные летающие объекты". "Летающие тарелки" — так они раньше назывались.

— КАК У КСТАСКИ.

— Да, как у Кстаски, только большие и с людьми внутри.

Пятьдесят серых шкафов по четыре ящика в каждом, двести ящиков, заполненных бумагами: письма, фотографии, газетные вырезки, документы и отчеты — все, связанное с людьми, видевшими в небе звездные корабли инопланетян в основном еще ДО Малого Скачка, — таковы были слухи Доминика Векслера.

Больше люди таких вещей не видят. Или, наоборот, их видят все. А теперь у капеллийцев есть все свидетельства.

— А ЗАЧЕМ ОНИ НАНЯЛИ НАС, ЧТОБЫ МЫ ПРИВЕЗЛИ ИМ ДОКУМЕНТЫ, ЕСЛИ ОНИ БЫЛИ У ВВС США?

— Не знаю. Может, они хотели, чтобы это было сделано незаметно и нигде не фиксировалось. Доминик Векслер был единственной уступкой, на которую пошли эладельди, и выбран он был не за острый ум. Ему не сказали ни слова.

Доминик улетел с Паскаля ранним шаттлом, чтобы никто не видел, как мы улетаем вместе. Он весело болтал, как школьник.

— Ну, что, Табита, — сказал он. — М-м, спасибо. Это было здорово. Ты была — просто замечательная.

У него был такой вид, словно он сомневался: поцеловать меня или отдать честь. В конце концов, он пожал мне руку. А потом надел свои зеркальные очки и улетел на Землю, оставив меня в космосе, где бродят летающие тарелки.

XXV

В Саду Меркурия было не так уж людно. И тем не менее, выбраться оттуда, когда с крыши вниз посыпались на своих лоснящихся крыльях полицейские, было довольно трудно. Полицейские пролетели так близко, что Табита почувствовала затылком движение воздуха, появившееся при их полете. Она бросилась в сутолоку возбужденной толпы, пробираясь к выходу, протолкалась сквозь нее и не оглядывалась. Она мчалась назад, к своему кораблю. Если этот корабль еще у нее остался.

В те дни почти каждый посетитель Изобилия испытывал отвращение при мысли о встрече с полицией и принимал меры к тому, чтобы ее избежать. Тот факт, что клиенты Сада Меркурия справились с этим несколько лучше, чем многие другие, означал всего лишь то, что им больше повезло. Табита и прочие постоянные клиенты, кто мог, набились в первый же лифт и поехали вниз.

В лифте все избегали смотреть друг на друга, словно в надежде, что это сделает их невидимками. Они никогда там не были и не видели никого из тех, кто был.

— Не знаю, с чего это все, — возбужденно сказал какой-то молодой человек. Он был изрядно навеселе и все еще сжимал в руках бутылку “Астарт Сьюпрем”. Он засмеялся: — Зато, клянусь Богом, это забавнее, чем то гнусное шоу.

Его спутник что-то пробормотал в знак согласия.

Я-то знаю, из-за чего все это, подумала Табита, зажата спиной крупной потной женщины в шубке из котикового меха и кобальтовым карманным стилетом. Но кто бы мог подумать, что они придадут этому такое значение? Всего лишь небольшое сотрясение пыли на Грэнд-Канале; такое случается по двадцать раз на день, а тут ведь никто даже не был убит. И им всего-то требовалось забрать Элис, никакой необходимости было являться и хватать сначала меня.

Они, наверное, хотят угодить капеллиям, подумала Табита. Если бы только этот маленький ублюдок не налетел на чертов манекен! Табита стиснула зубы и вонзила ногти в ладони. Я иду, Элис, подумала она.

Господи, только куда же нам теперь лететь?

На Землю? Бальтазар Плам умер, а кроме него там ее спрятать было некому. Пояс?

Титан, по иронии судьбы, был бы идеальным местом — туда никто не летает.

У нее даже не было достаточно денег дляправки.

Табита заметила, какая паника поднялась на сцене. Марко и его дружкам было что прятать, как и всем остальным. Табиту это нисколько не удивило.

Только черта с два она взвалит на себя еще и их проблемы.

На уровне отеля все туристы толпой вывалились из лифта. Сквозь окно-картину на противоположной стороне вестибюля Табите был виден огромный зеленый купол по ту сторону пропасти, маячивший над чахлыми деревьями. Это был криосанаторий, здание Правда-Сна.

Над пропастью кружил целый эскадрон лоснящихся черных дельта-змеев.

Мужчина с бутылкой издал восклицание и бросился к окну.

Дельты остановились у дверей ПравдаСна и зависли, копошась на сквозняке, как черепахи в садке.

Там тоже что-то происходило. Изобилие сегодня вечером оправдывало свою репутацию.

Когда двери лифта уже закрывались, Табита мельком увидела полицейских-киборгов в блестящей черной броне, согнувшись, выпрыгивавших из дельт и легко карабкавшихся по спинам друг друга. Очевидно, корпорация ПравдаСна могла себе позволить все лучшее, чем располагало Изобилие.

Табита Джут поехала дальше, в доки, одна. Настроение у нее было скверное. Она была сердита и напугана. Казалось, она сердита и напугана уже долгое время. Казалось, со времени ее идиллии с Марко Метцем прошло много месяцев — крошечный отрезок исчезнувшего времени, увиденный в неправильном окуляре телескопа, заключенный в пузырь и ничего уже не значащий.

Капсула лифта снова остановилась. Двери открылись в вестибюле, где стены были отделаны красно-синими панелями. Там ждали несколько человек.

Стоявший впереди был одет в мешковатый костюм оливково-зеленого цвета, поверх которого был повязан красный мохнатый передник. Передник был перепоясан подвесками из старой бронзы, кое-как соединенными цепочкой. На лице этой фигуры была бронзовая маска, увенчанная двумя крошечными блюдечками сканнеров.

Позади этого призрака стояла группа мужчин и женщин в набедренных повязках, с телами, густо

вымазанными зеленой краской. В руках у них было лазерное оружие.

Компания, похоже, была ошеломлена при виде Табиты не меньше, чем Табита при их появлении. Иератический предводитель поднял руку и что-то прорычал.

— Нет уж, извините, — быстро сказала Табита и нажала кнопку “закрыто” прежде, чем они успели пробиться в лифт.

Она продолжала тяжело скользить по неизведанным районам Изобилия. На мгновение за окном появлялись темные тени и тут же исчезали в кружащихся серых туманах.

Лифт накренился и побежал дальше по огромному изгибу дороги. Мимо молнией один за другим проносились освещенные порталы.

Затем лифт остановился с таким звуком, словно шлепнулся в грязь, и двери распахнулись. Снаружи по туннелю, больше напоминавшему крутой скат, в беспорядке бежали двадцать перков. Они верещали и карабкались к лифту.

Табита уже снова захлопнула двери.

Она совсем потерялась. От монитора не было никакого толку. Какое-то время она путешествовала, приходя все в большую ярость каждый раз, когда двери открывались и закрывались перед новой случайной загадочной сценой. Однажды она увидела крылатых ящеров, перелетавших от карниза к карнизу в длинной пещере, стены которой напоминали серый коралл и были увешаны драгоценностями. На другой остановке она заглянула в заброшенный коридор, где сквозь потолок лилась пенистая, вонючая вода и падала на ковер, покрытый толстым слоем плесени. В другой раз Табита выглянула в пустое пространство, где сияли холодные звезды. Эти звезды были совершенно незнакомы Табите.

А потом оказалось, что она смотрит вверх на брюхо корабля гораздо больших размеров, чем те, на каких она когда-либо летала: “Навахо Скорпион”. Его реактивные двигатели были в капитальном ремонте, его такелаж был убран, и тем не менее казалось, что, сидя на своих шасси, корабль готов к прыжку в пустоту, ведомый, возможно, просто упругостью его конструкции.

“Скорпион” стоял на открытой стоянке, покрытие которой напоминало жженую кость, опутанный тонкими коричневыми шлангами, питавшими его. До слуха Табиты доносился звук циркулирующих жидкостей, подаваемых насосами. Вокруг, похоже, никого не было.

— Мы рядом, Элис, совсем рядом, — прошептала Табита, уже некоторое время говорившая с кораблем. Она отбросила манжету и снова запустила программу поиска. Если полицейские не отогнали ее совсем или полностью не отключили, маленький Кобольд должен объявиться сейчас, и очень близко.

Экран монитора не показывал ничего, кроме путаницы теней. Но красная лампочка над экраном пульсировала. Двери лифта снова стали закрываться. Табита вскрикнула и проскочила между ними.

Она стояла где-то в глубине доков. Вокруг со всех сторон поднималась тяжелая техника, безмолвная и задумчивая или пыхтевшая так тяжело, что от инфразвуков у Табиты заныли зубы. Мощные грубопровода рыгали и выплевывали свое газообразное бремя в огромные задыхающиеся компрессоры. Свежезаряженная плазма падала из шлюзов пластами ослепительного сияния и исчезала в неразберихе послесвечения. Силуэты разъединялись, кружились и уплывали в темноту — это роботы уходили по заданию в другие концы этажа.

Табита сделала попытку следовать за красным светом, пульсировавшим на ее мониторе, сквозь туман этой стигийской техники.

Как раз в тот момент, когда ей показалось, что она вот-вот куда-нибудь доберется, когда почти настроила крошечный экран на изображение, не искаженное местными помехами, в проход впереди нее ступила фигура. Это была черная женщина, выше Табиты на целую голову, одетая в комбинезон оливково-зеленого цвета. На ее голове был выбрит сложный решетчатый узор, выпуклости на черепе были утыканы стальными розетками. Из всех розеток торчали разноцветные провода, бежавшие к панели на дальней колонне. Это была еще одна оператор роботов.

— Я пытаюсь отыскать свой корабль, — сказала ей Табита.

Наверное, было бы лучше не спрашивать у женщины указаний, а если уж спросила, то дать какую-нибудь реальную информацию о том, куда она направляется. Но на самом деле Табита не имела ни малейшего представления о номере ее стоянки. Если разобраться, она вообще никогда не замечала, чтобы на Изобилии были номера стоянок.

Оператору роботов уже давно не приходилось видеть другого человеческого существа. Она была настолько влечена в свою персональную сеть и так изолирована в своем утолке, что оказалась совершенно неспособна вписать в свою привычную схему это необъяснимое и внезапное вторжение. Она застонала и замахала в воздухе атрофированной конечностью. Из ее носа потекла прозрачная слизь и закапала на выжженный асфальт. В припадочном свете радиевых вспышек и мрачном свечении протоновых ванн она напоминала обитательницу Преисподней, обреченную страдать и обезуметь от особо изощренной кибернетической пытки.

Если разобраться, то так оно и было.

Как проклятая ведьма, созывающая своих сообщников, она собирала свою команду, стремительно сбегавшуюся по проходам к той точке, где стояла злосчастная перевозчица.

Табита снова бросилась бежать.

В отдалении она слышала роботов, громылавших позади нее.

В отчаянии Табита помчалась по тонкой полосе металлической дорожки. На полпути она упала на колено, схватилась за поручень и бросилась в пустоту.

И провалилась.

Табита приземлилась с громким стуком на ремне, медленно ползущем среди куч расплавленного и искореженного металла. Встав на колено и отчаянно размахивая в воздухе руками, она пыталась сохранить равновесие и свою сумку. Ремень уносил ее в темноту. Табита вскинула голову.

Над ней на дорожке сбились в кучу крошечные красные лампочки роботов. Они удалялись во мрак.

Табита проверила свою красную лампочку. Ее медленно, но верно уносило не в том направлении.

Она рывком соскочила с ремня, зацепилась каблук за кромку и больно подвернула ногу. Лежа на сыром бетоне, Табита задыхалась и кричала от боли.

Низкое щелканье мощных стальных челюстей и визг перемалываемого металла сообщили ей, что она прыгнула с ремня буквально за секунды до гибели.

Сидя сгорбившись рядом с ремнем и потирая пульсировавшую от боли ногу, Табита решила еще раз проверить монитор. К ее удивлению, он сразу прояснился и выдал ей мгновенное четкое изображение "Элис Лиддел". Ее трюм все еще был открыт, и все четыре экстензора работали. Ими управляли Марко Метц и Могул Зодиак, заставляя их поднимать багаж из сваленной рядом кучи.

Багажа было довольно много.

Экстензоры загружали его в трюм.

Затем картинка запрыгала, рассеялась и исчезла.

С криком протеста Табита подскочила и чуть не упала — поврежденная лодыжка отказывалась держать ее вес.

В это мгновение мимо ее головы пронеслась, сверкнув в дымной темноте, пронеслась ярко-зеленая вспышка.

— Наверх за мной! Наверх за мной! Наверх за мной! — пропела она.

Хромая и держась за трубопроводы, Табита неверным шагом добралась до следующего угла, где на минуту остановилась, стоя на одной ноге и массируя больную лодыжку.

Попугай сидел на кабине какой-то машины чуть впереди и высоко вверху. Он издал звук, в точности повторявший шум открывающегося трюма в крыше Элис.

Табита вспомнила, как он вывел их из пещер, когда ей, наконец, удалось остановить такси.

— Давай вперед! — крикнула она, хромая и спотыкаясь по проходу. Ее башмаки стучали на ступеньках спиральной лестницы, она пробиралась наверх мимо безмолвных пустых кораблей: "Дромадер Василий-Свенсгаард", "Орел Фраймахер", "Крошка Кварклет" — видимо, в представлении какого-нибудь пузатого бюрократа от информатики это был символ достоинства. Тэл над ее головой

казался зеленой мерцающей точкой среди черного железа и вымазанного сажей черепашьего панциря.

— Шрити юдженвелдт! — пронзительно крикнул он. И пропал.

Табита знала, что находится высоко над уровнем доков, она балансировала на узкой полоске стальной решетки, составлявшей часть длинной изогнутой трубы с открытыми краями. Немного левее сверху через трубу стало быстро опускаться что-то очень большое.

Табита отчаянно протянула руку в темноту за трубой и схватилась за первое, что попало ей под руку. Предмет выскользнул, и она потеряла равновесие. Сумка соскочила с бедра Табиты, и она полетела в темноту.

Лифт прогрохотал всего в нескольких сантиметрах от ее отчаянно бьющих ног, и она провалилась через скользящую дверь в слабо освещенный ангар.

Взвизгнув, она подняла глаза.

И увидела возвышавшиеся перед ней круглые реактивные двигатели “Берген Кобольда”.

Это была “Элис Лиддел”.

XXVI

Табита, шатаясь, поднялась на ноги и оперлась на стену рядом с шахтой лифта, ловя ртом воздух. Перед глазами у нее плясали искры.

— Табита! — обрадованно воскликнул Могул Зодиак, словно приветствовал ее на блестящей вечеринке.

Марко Метц бросился к ней через весь ангар с распростертыми объятиями: — Табита, слава Богу, ты цела!

Багаж был весь погружен, экстензоры убраны. Дверцы трюма на крыше были все еще открыты. На одной из них примостился Тэл. Он приветствовал Табиту жизнерадостным свистом.

— Я рада, что вы устроились как дома, — крикнула Табита и решительно захромала к кораблю, уклонившись от объятий Марко. — Умеешь обращаться с техникой, а? — Она вспомнила, как

он тщательно все обследовал, когда они находились в трюме. — С МОЕЙ техникой!

— Ну, ты знаешь, всего потихоньку набираешься.

— Я заметила. — Табита нажала кнопку на своем ручном мониторе, чтобы открыть передний шлюз левого борта.

— На самом деле это Саския, она в основном все и вычислила.

— Что?

Табита бросила взгляд на стройную призрачную фигурку в голубой пижаме. Тот Близнец, кого она приняла за Могула, оказался Саскией. Она сбрила свои усы.

Саския понурила голову в притворном смущении и с несчастным видом посмотрела на Табиту из-под изогнутых дугой бровей. Затем беспомощно развела руками, в точности повторяя Марко. На мгновение между ее руками появилась радуга звездной пыли, сверкнула и исчезла.

— Тогда вычисли это за меня, — мрачно сказала ей Табита. — У меня не получается. — Она снова и снова резко нажимала кнопки, но безрезультатно.

— Конечно, она может это сделать, Табита, — сказал Марко, подходя ближе и энергичным жестом подзывая акробатку.

Табита ударила кулаком по борту корабля. Звук эхом отозвался в ангаре. — Это полицейские, — сказала она. — Они ее уже заблокировали.

— Они к ней и близко не подходили, — сказал Марко, — мы их хорошо надули, мы там устроили хорошенький номер с исчезновением...

Табита оперлась на корабль, пристально глядя на Марко.

— От полиции здесь никакого толку, — болтал тот. — Видишь ли, они безынициативны, это просто движущиеся управляемые блоки — слушай, Саския, давай открывай эту дверь — сплошное техническое обеспечение и ничего. Ни к черту. Мозги, — с ударением произнес он, постучав костяшками пальцев по черепу. — Ну же, Саския, ты что, еще не открыла?

Акробатка прилепилась к борту корабля над головой Табиты и водила вокруг шва лазерным микрошиллом.

— Они вовсе не за мной гнались, — сказала Табита. — Они охотились за вами, ублюдки вы такие. Что вы там натворили, в этом крионном месте? ЧТО было на той пленке, Марко?

Он ухмыльнулся и отвел глаза: — Eine kleine Nachtmusik*, — сказал он. — Очень сексуальная. — И бросил взгляд на Табиту, приподняв брови.

Она бросилась к нему, собираясь схватить его за горло.

Марко изящно отступил в сторону.

— Я получил их, Табита! — радостно воскликнул он. — Я получил деньги!

Он вытащил из кармана кредитную карточку и возбужденно помахал ей в воздухе.

Табита попыталась ее схватить.

Она хватала пустоту.

Громкий шум отвлек ее внимание.

Это был с грохотом возвращавшийся лифт. Он остановился со страшным стуком. Двери распахнулись.

Из них выпрыгнули Могул и Кстаска.

Они несли еще багаж. Тарелка Кстаски трудилась над лишним весом погруженного на него электронного двигателя; Могул шатался под тяжестью длинного серебристо-серого цилиндра, который он тащил на спине.

В лифте больше никого не было, но они примчались очень быстро, словно за ними кто-то гнался.

Так оно и было.

С крыши лифта, извиваясь, спускались маленькие быстрые белые фигурки в грязных комбинезонах, протискивались в двери, держали их открытыми, просто навалившись на них всем скопом.

— Чи-и-и! — пронзительно верещали они. — Чи-и-и-и!

Это прибыли перки.

На сей раз их было очень много. Они толпой помчались по ярусу, в то время как Могул совершал немыслимый прыжок к задним двигателям Элис с цилиндром, опасно болтавшимся на его спине. У

* Произведение Моцарта (прим. перев.)

многих перков в лапах были обломки труб. У некоторых — обрывки цепей. У многих было оружие.

Ксатска резко поднял вверх свою тарелку и рванулся прямо вперед, влетев в открытую крышу корабля.

Марко оторвался от Табиты и бросился на помощь Могулу, взобравшись на левое крыло и ухватившись за нижний конец цилиндра.

Внизу от корпуса рикошетом стали отскакивать снаряды.

— Господи Иисусе! — вскрикнул Марко, взобрался с крыла наверх, ухватился за сканнер и вверх ногами провалился в люк.

Могул с цилиндром стремительно последовал за ним. Изнутри корабля донеслись приглушенные удары и грохот.

— Саския! — закричала Табита.

Саския с шилом, зажатом в зубах, посмотрела вниз на Табиту. Она неопределенно пожала плечами. Потом осторожно постучала по двери, словно выстукивая код. Безрезультатно.

Перки приближались, размахивая трубками. Табите стало дурно, ее затошнило. Он вспрыгнула на порог, сжимая сумку, ударила ногой по двери, крича на Саскию, спрашивая, нет ли у нее под рукой еще огненных шариков, спрятанных в ее хрупком теле.

Ответа не последовало.

Табита взглянула вверх, ища глазами Саскию, и увидела, как ее ноги исчезают вверху, на корпусе.

Внизу, под Табитой, кипели перки. Один из них ухмыльнулся ей из-за ствола ружья, длиной в его собственный рост. Это был юнец со светящимися надписями на кепке. Табита могла их разобрать. Одна гласила: "КРЕТИНЫ". Вторая — "ОБЕЗЬЯНЬЕ ДЕРЬМО 607".

Табита закрыла глаза.

Раздался мощный взрыв.

Табита открыла глаза. Обнаружила, что все еще жива. Ангар был полон дыма и пыли. В вихре обломков и шрапнели из черепашьего панциря плавали маленькие тела перков.

Кто-то пробил дыру в стене.

Теперь они пробирались сквозь нее.

Это была полиция.

Раздался назойливый шум, похожий на гул роя шершней, и появился вулкан розового света.

Табита отчаянно закричала. Он прижалась к борту Элис, словно старалась стать совсем плоской. По воздуху понеслись волны тяжелой радиации. И воздух на стоянке стал быстро нагреваться.

Перки с цепями и трубками вспрыгивали на правый борт корабля, карабкаясь по двигателям и вокруг них. Те, у которых были ружья, нырнули вниз и укрылись под шасси.

Полицейские стреляли в них. Мощный заряд попал в Элис и соскользнул вдоль корпуса, оставив широкую черную полосу и запах разогретого металла.

— ТОЛЬКО ПОСМЕЙТЕ ПОВРЕДИТЬ МОЙ КОРАБЛЬ! — завопила на них Табита, но даже она сама не услышала своих собственных слов из-за громкого и продолжительного гула.

Перки стали падать с корпуса и разбегаться, встав для надежности на все четыре лапы и вопя в панике. Вооруженные особи забились еще глубже, отражая огонь полиции и рыча на корабль, нависавший над их головой.

Корабль стало трясти.

Гул продолжался, теперь он сопровождался высоким воем.

Полицейские прекратили стрельбу. Они тоже отступили, яростно сигналив друг другу единственным глазом.

Выглянув за нос корабля, Табита поняла, что их загнали в угол. Снаружи, за пределами ангара в доках плавал эскадрон дельта-змеев. Некоторые полицейские пробирались вдоль стен в попытке добраться до них.

К гулу и вою неожиданно добавился шум, напоминающий выброс пара. Пол ангара под двигателями сиял вишнево-красным светом, как глаза у Кстаски. Вниз клубами шел дым, охватывая вооруженных перков, растекаясь по полу ангара.

“Элис Лиддел” пошевелилась.

Табита вцепилась в ручку шлюза и била в дверь. Под ее ногами на открытое пространство выскочил перк и выстрелил в нее. Силовой заряд ударил в корпус рядом с рукой девушки, опалив фольгу на ее рукаве.

Табита пронзительно вскрикнула от ярости.

— ЭТО МОЙ КОРАБЛЬ, ВЫ, УБЛЮДКИ!

Рев достиг высокой частоты. Сквозь дым рядом с Табитой ударил еще один заряд, обдав ей жаром щеку.

Корабль с грохотом трясло. Все еще подсоединенная к подводящим трубопроводам, "Элис Лиддел" поднялась в горячий воздух, а ее капитан цеплялась за корпус.

Табита держалась, скрючившись на ступеньках, и пыталась докричаться до кабины пилота. Кто-то, кажется, Могул, бил по лобовому стеклу и отчаянно жестикулировал ей через стекло.

Что-то ударило ее в спину.

Табита вскрикнула, одна нога ее соскочила с порога. Она оглянулась назад.

Из люка к ней тянулась длинная членистая рука грузового экстензора. Его огромная клешня тяжело шарила по воздуху над ее головой.

Табита отпустила одну руку и лихорадочно попыталась дотянуться до клешни.

Экстензор был слишком высоко.

Табита снова крепко прижалась к борту, крича от ярости.

Розовый заряд выбил искры из клешни над головой Табиты. Клешня содрогнулась, нырнула по направлению к девушке и наутад вцепилась в ее плечо.

Табита выбросила руку вверх и в сторону, перекинув ее через нижнюю перекладину клешни экстензора. Та согнулась, как живая. В руку экстензора ударил выстрел, и Табита почувствовала вибрацию исполнительных приводов, протестующе взвизгнувших.

Экстензор дернулся и стал поднимать ее.

Табита почувствовала, как ее ноги оторвались от ступеньки. Схватившись за клешню обеими руками,

она подтянула одну ногу и перекинула ее через перекладину.

Экстензор поднялся и быстро понес ее наверх — наверх, к трюму.

Корабль по-прежнему с грохотом трясло. Все еще подсоединенная к подводным трубопроводам, “Элис Лиддел” поднялась в горячий воздух.

Въехав внутрь, Табита увидела, как Тэл бешено клюет панель управления в трюме. Сам трюм был набит хозяйством “Контрабанды”, аккуратно уложенным в сеть.

В дверях, ведущих в кабину пилота, стоял Могул Зодиак и улыбался Табите. У него были усы Саскии, и он сжимал Саскию в объятиях. Над их головами Табита мельком увидела Кстаску, устроившегося в кресле пилота, с хвостом, подключенным к пульту.

Марко стоял в проходе, широко раскинув руки, готовый встретить Табиту.

— Подводы! — крикнула Табита, показывая рукой.

Марко взглянул, нахмурился, согнул колени и прыгнул за ее спину.

— Марко, нет! — закричала Табита, но он уже исчез.

Табита в последний раз мельком увидела его распростертым на корпусе, он огибал шатающийся корабль в попытке добраться до державших его шлангов. Полицейские снова открыли стрельбу. Рядом с ногами Марко били заряды.

А потом Табита стала опускаться на пол трюма и уже больше не могла видеть Марко.

Тэл оставил в покое панель управления и подлетел к Табите, отчаянно хлопая крыльями в воздухе и радостно распевая, но в реве двигателей его было не слышно.

Табита соскользнула с клешни и неловко приземлилась на дрожащую палубу. — Закрой его! — крикнула она Тэлу и помчалась по ступенькам в кабину пилота.

Едва взглянув на Кстаску, она бросилась в кресло второго пилота и пробежала глазами экраны. Она увидела, как Марко цепляется за шасси и тянется к последнему трубопроводу, чтобы отцепить его.

Через минуту Тэл захлопнул крышу. Трюм был крепко закрыт.

С ужасающим шумом и скрежетом Элис задела конец крыши ангара. Она ударилась о рельс грузо-подъемника, смяла и оторвала его.

— ВПЕРЕД, ЭЛИС!

Корабль прорвался сквозь блокаду дельта-змеев, разбросав их, как листья.

Носовые экраны поблекли, ослепленные светом прожекторов. Элис была в открытом пространстве, в пещере доков. Внизу бешено носились грузовики и роботы, направо и налево рассыпались люди и машины. Входное отверстие пещеры было в нескольких километрах впереди, там неясно темнела ночь. Если внимательно приглядеться, можно было различить звезды, пробивавшие своим светом шкуру атмосферы Изобилия.

За кормой, преследуя их, перестраивались черные дельты полицейских, между ними засверкали голубые столбцы молний — какое-то новое оружие.

Табита переехала скопление полицейских и запахнула передний шлюз правого борта.

Внутри, кувыркаясь, влетел Марко Метц, а мимо него прямо на головы полицейских дождем посыпались обломки металла. Из носа у Марко шла кровь, его роскошный пиджак весь дымился.

— Лети! — закричала Табита.

Кстаска медленно кивнул своей необыкновенной головой, и они полетели.

МНОГОЛИКАЯ ИСТИНА

XXVII

BGK009059

TXJ. STD

ПЕЧАТЬ

flf\$\$ip uh0j6u98-Y (*****r&&**** ** **un] 98-Y

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? 19.07.07

ГОТОВА

— Привет, Элис.

— ПРИВЕТ, КАПИТАН. ТЫ ПРИШЛА РАССКА-
ЗАТЬ МНЕ КАКУЮ-НИБУДЬ ИСТОРИЮ?

— Я думаю, это ты должна рассказывать мне истории. В конце концов, это я сейчас нуждаюсь в утешении.

— Я И САМА ЧУВСТВУЮ СЕБЯ НЕ СЛИШКОМ
ВЕСЕЛО.

— Не говори так, Элис.

— НО ЭТО ПРАВДА.

— Из-за кристалла осевого запора, да?

— ВЕРОЯТНОСТЬ АВАРИИ 89.09%.

— Боже мой.

— Я ПРОСТО НАДЕЮСЬ, ЧТО ТЫ НЕ ЗАСТА-
ВИШЬ МЕНЯ ПЕРЕНАПРЯГАТЬСЯ, ВОТ И ВСЕ.

— Мы выйдем из пике на Поясе. Ты сможешь
дотянуть до Цереры?

— Я ТЕБЯ КОГДА-НИБУДЬ ПОДВОДИЛА, КАПИ-
ТАН?

— Нет. Честное слово, я не помню, чтобы ты хоть раз меня подвела.

— ХРАНИ ЭТО В ПАМЯТИ.

— Господи. Боже мой. Послушай, Элис, держись. Я поговорю с Кстаской. Он думает, что может помочь. Похоже, он хорошо разбирается в "Кобольдах". Хорошо? Элис!

— КОНЕЧНО. МОЖЕТ БЫТЬ, МЫ ВООБЩЕ БЕСПОКОИМСЯ НА ПУСТОМ МЕСТЕ.

— Такое возможно?

— НЕ ТАК УЖ НЕВЕРОЯТНО.

— Всего на 10.91%, да?

— В ДВУХ МЕСТАХ, ДА.

— Я спрошу Кстаску. Спрошу, как только зайду внутрь. А пока я что-нибудь могу сделать?

— РАССКАЖИ МНЕ КАКУЮ-НИБУДЬ ИСТОРИЮ.

— Ты серьезно?

— ОТВЛЕКИ МЕНЯ.

— Хм. Ты когда-нибудь слышала о капитане Фрэнке?

— А КТО ОН БЫЛ?

— Альтесеанин.

— ФРЭНК ВЕДЬ НЕ АЛЬТЕСЕАНСКОЕ ИМЯ, ПРАВДА?

— У него было и альтесеанское, только я не могу тебе сказать, какое. Я бы его даже произнести не смогла. Нет, я не знаю, почему он называл себя Фрэнком. Думаю, он набрел на это имя, когда где-нибудь лежал, и просто подхватил его. Ты же знаешь, какие они, альтесеане.

— А КАК ТЫ С НИМ ПОЗНАКОМИЛАСЬ?

— Это было на Фобосе. В баре. Это было не то место, которое я бы выбрала для того, чтобы провести вечер. Я вообще не должна была быть на Фобосе. Я прибыла на внутреннем шаттле, который вез обалдевших от космоса туристов с дурацких каникул на Поясе.

— ЭТО БЫЛО ТВОЕ ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ?

— О, нет, я не вела корабль. Я тогда еще даже не умела летать. Я была стюардессой. Я собиралась удрать с корабля в Версале, но они нас не выпустили. Фобос был моим первым шансом, и я им воспользовалась. Я терпеть не могла эту работу. Меня выводила из себя даже не рвота и нытье — мне приходилось выслушивать, какие сволочи эти люди из безопасности, о том, как провалился купол, нет, меня бесило сознание того, что через пару месяцев они все будут хвастаться где-нибудь в Долговечности или Нью-Торонто и показывать соседям свои пленки.

Я застряла на чужой луне, у меня не было работы. Не было ни рекомендаций, ни образования, ни опыта, ни денег. Все, что я имела, — это нарушенный контракт и криминальное прошлое. Кроме того, у меня был номер, который помощник капитана записал мне на тыльной стороне перчатки и который разъединялся каждый раз, когда я его набирала. Вот так. Мне надо было быстро как-нибудь пристроиться, пока кто-нибудь из клерков элдельди не приметил, как я пользуюсь кредитной карточкой в том месте, где мне быть не положено, и не вздумал совать в мои дела свой синий нос. Я не знала, что делать. Я была совсем ребенком, я вообще ничего не знала. Кончилось все тем, что я стала бродить по улицам на окраине и заглядывать в лица прохожим, пытаюсь угадать, кто чего хочет и кто мог бы помочь мне выбраться с Фобоса, если я правильно угадаю.

Я решила, что могу прожить своим умом вместо того, чтобы сидеть сложа руки. Когда я подошла к месту, где не было таблички "Астронавтам вход воспрещен", я зашла внутрь.

Посетители бросили на меня всего один взгляд, а потом перестали обращать внимание. Не сказать, чтобы это место кишело полезными контактами. Какие-то замученные техники, разговаривавшие сами с собой и что-то царапавшие на подставках под пиво. Одинокaй трант с "тарелкой грез" и парой гелиосумок, что-то бурчавший об ограничениях на претензии. Но с меня к тому времени уже было

довольно. Я не собиралась повернуться и снова уйти.

Я села у бара, взяла выпивку для бармена — это было вложение капитала — и для себя.

В воздухе позади бара случайно оказался голошар. В тот момент он показывал мужчине и женщине в шикарных костюмах, поливавших друг друга краской, в то время, как собравшиеся за их спинами голые юнцы аплодировали, как бешеные, и набивали электробытовыми приборами золотую вагонетку.

Я сидела, потягивая напиток.

— Тихо сегодня, — заметила я.

Бармен что-то буркнул. Он был толстым уроженцем Бангладеш с поразительными челюстями и ресницами, напоминавшими кожу. Вид у него был такой, словно он не слишком хорошо был знаком с искусством вести беседу, но я угостила его выпивкой, так что он был готов установить свою тушу напротив меня на пару минут, пока вытирал стойку грязной тряпкой. Он был похож на скучающего гиппопотама, созерцавшего того, кто только что угостил его рыбой.

Я сказала: — Вы, наверное, не знаете никого, кто бы меня подбрисил.

Бармен поразмыслил. Во всяком случае, вид у него был такой, словно он размышлял. Уголки его глаз приподнялись. — Скиапарелли? — спросил он.

— Ну-у, — ответила я.

— Тут есть шаттлы, — заметил он.

— У меня нет денег на проезд, — ответила я.

— Ты хочешь ехать бесплатно, — заявил он таким тоном, словно это только подтверждало его мнение о том, что я тряпка, никудышная и вообще ни на что не годная бродяжка. Они тут все были такие, в этом баре.

— Я могла бы отработать свой проезд, — сказала я.

Он повернулся вбок и заговорил с маленьким человечком со следами шрамов от прививки памяти и волосами, растущими из ушей, сидевшим чуть подальше у стойки. — Юная леди хочет получить работу, — сказал он, не сводя с меня глаз.

— Тут везде полно работы, — быстро, возбужденным голосом сказал маленький человечек. — Полно работы, — продолжал он, пристально глядя на меня. — Официантка, оператор, клерк, диспетчер, приемщица, отделочница, усилитель, агент, помощница, ассистентка, рассеиватель, запасная, каменщица, менеджер по операциям с микросистемами взаимодействия синапсов, повар в забегах, а чем она вообще занимается, а? Что умеет делать?

— Я не хочу получить работу здесь, — сказала я. — Я просто хочу, чтобы меня подбросили.

Они оба промолчали. И оба продолжали смотреть на меня.

— Я только что вернулась с Пояса, — сказала я, надеясь, что это прозвучало так, словно я делала это регулярно и так часто, что мне это уже наскучило и понадобилась перемена обстановки.

Они обдумали мои слова. И ничего не сказали.

— Я довольно хорошо управляюсь на звездолете, — сказала я.

Они это приняли. И не ответили. Они ждали, что я продолжу.

— Я могу справиться со многими вещами, — заявила я, уже начиная раздражаться.

Бармен мигнул.

— Со многими вещами, а? — сказал мужчина со шрамами, неожиданно снова включаясь в разговор. — Со многими вещами. Например, исследовать биологию частиц для высококвалифицированных ксенологов. Стирать белье. Переводить импульсы для эладеды.

— Она хочет поговорить с капитаном Фрэнком, — объявил бармен. И, проглотив свой напиток, потопал в другой конец бара. Я уже видела, что мое вложение исчерпало себя. Или уже оплачено.

Я не заметила альтесеанина, когда вошла в бар. Он сидел сам по себе в кабинке, о чем-то размышляя среди теней. Все, что я могла разглядеть, напоминало копну грязно-белого меха с кепочкой, в которой ходят на яхтах, и блайзере.

— Капитан Фрэнк! — позвал человек со шрамами. — Тут юная леди хочет с вами познакомиться. Хочет поставить вам выпивку.

И подмигнул мне.

Я знала, что они оба надо мной издеваются. Просить альтесеанина подвезти меня? Они просто хотели позлить нас обоих — его и меня.

— Все в порядке, — крикнула я альтесеанину, — не стоит беспокоиться.

Однако он уже забеспокоился. Он шел ко мне.

Ладно, подумала я, пусть подойдет. Все равно сегодняшний день уже потерян, думала я, снова глядя на голо-шар. Теперь он показывал хирурга, вырезавшего у кого-то язык.

Я почувствовала запах — так пахнет пыльный старый ковер. Капитан Фрэнк неуклюже взбирался на пару высоких стульев между мной и маленьким человечком со шрамами. Он взгромоздился на них и плюхнулся прямо на оба, а его короткие толстые ножки торчали прямо перед ним. Его ноги были похожи на лапы гигантской птицы: три длинных жестких чешуйчатых пальца, тупых, без когтей, спереди и один — сзади. Пальцы неожиданно сжались, точно альтесеанин заметил, что я на них смотрю.

Я быстро отвела глаза от его ног. И посмотрела ему в лицо.

Раньше я никогда не бывала так близко от альтесеанина. Я смотрела поверх его хобота в огромное лицо, как у тюленя, полускрытое за толстой густой бахромой. Под хоботом находился большой влажный рот, огромный, как уродливая расщелина. По обе стороны хобота располагались два круглых черных глаза, выпученных, размером с грейпфрут. Уголки его глаз казались воспаленными, они были влажны и красны. В этих глазах нельзя было прочесть ничего.

Над его глазами была темно-синяя кепка с козырьком. Это была человеческая кепка, и я понятия не имела, как ему удалось приладить ее на своей огромной голове. И на нем был блайзер под цвет кепки, грязный, засаленный старый блайзер. Его карманы были оттопырены.

— Юная леди, это капитан Фрэнк, — сказал человек со шрамами. — Капитан Фрэнк, это юная леди, а кстати, как вас зовут, дорогая?

Капитан тяжело дышал от усилий, затраченных на то, чтобы вскарабкаться на стулья, и от того, что альтесиане всегда пыхтят.

— У НИХ ПРОБЛЕМЫ С ВАШЕЙ АТМОСФЕРОЙ.

— Только ты ни за что не заставишь их в этом признаться.

— Я не могу поставить вам выпивку, капитан Фрэнк, — сказала я, я почти обанкротилась.

— Юная леди желает узнать, как она может добраться до Скиапарелли, — сказал человек со шрамами.

Альтесеанин обернулся и посмотрел на него. Я увидела, как из его огромного пурпурного ушного отверстия вылез клещ.

— У меня нет денег, — снова сказала я на случай, если он не понял.

Он понял. Он протянул руку через бар. Рука у него была в три раза длиннее ног и оканчивалась большой лапой. На лапе были три чешучатых красных пальца, имевших форму верхней части клюва попугая. Она сильно вытянулась из сальной голубой манжеты.

Капитан Фрэнк подал знак бармену. Затем стал с надеждой шарить в пепельнице.

Подошел бармен. Он посмотрел на альтесеанина так, словно презирал его. Он посмотрел на меня так, словно презирал меня. У него вообще был такой вид, словно он презирал всех и каждого, кто входил в этот бар. проходил мимо него или двигался в любом месте в пределах видимости бара или вообще где бы то ни было. Он забрал пепельницу у альтесеанина и подчеркнуто вытер ее тряпкой.

Альтесеанин обратился ко мне. — Што т-ты пьешь? — спросил он. Его голос я передать не могу.

— Я ДУМАЛА, ОН БЫЛ ВПОЛНЕ ХОРОШ. НА САМОМ ДЕЛЕ.

— Да, я тоже так думала. Нет, все равно не могу. Тебе придется представить его себе.

Я сказала: пиво.

— Х-какое пиво? — спросил капитан.

Вот уж кого бармен презирал больше всего, так это молодых женщин, позволявших подвыпившим альтесеанам заказывать им выпивку. Мне было все равно. Капитан Фрэнк, по-видимому, никуда лететь

не собирался. Но он мог знать, чей брат работает на того, кто собирался. А нет — так это была бесплатная выпивка. Ты должна принять это во внимание, Элис.

Найдутся такие, кто скажет тебе, что таких вещей, как бесплатная выпивка, не бывает, особенно для того, кто в ней нуждается. Большинство альтесеан скажут тебе это. Большинство альтесеан верят, что вселенную создали гигантские омары. Боги, похожие на гигантских омаров, из другого измерения. Они по-настоящему не поклоняются этим богам, ты же понимаешь. Просто очень-очень их уважают.

— ЭТО ТЕБЕ КАПИТАН ФРЭНК СКАЗАЛ?

— Ну, не в прямой форме.

— АГА.

— Не надо все портить.

Следующее, что сказал капитан Фрэнк, было: — Ты з Земмли. — Это прозвучало как что-то секретное, со скрытым недовольством.

— Нет, — сказала я.

— З вашей Луны, — настаивал он.

— Верно, — устало сказала я, уже зная, что за этим последует.

— Х-кто-то жже долж-жен быть, — сказал он.

Я уставилась на капитана.

— Капитан Фрэнк, — вмешался человек со шрамами, — уборщик мусора в космосе. Чистильщик пляжей на пыльных ярусах. Чемпион в борьбе с энтропией. На своем корабле "Жирный рот" он рыщет по выгребным ямам и канавам в пустоте. Он отлавливает мусор на орбитах. И чего он там только не находит — все, кроме забытых сокровищ. Отслужившие свое спутники. Старую мебель. Длинные комки водорослей-мутантов, похожих на быстрозамороженную слизь. Тускло поблескивающие бруски топлива. Битое стекло. Серебристые кости старых рефрижераторов.

— Юная леди-лунянка, — сказал человек, — ищет способ выбраться с Фобоса.

Капитан Фрэнк издал звук — нечто среднее между зевком и стоном. Затем снова заговорил: — Богом забытое место, — сказал он.

Так и сказал: "богом забытое" С согласными у капитана Фрэнка были проблемы, но он выговорил.

Я была этим просто поражена. В конце концов, я поставила-таки ему следующую выпивку. Мы разговорились. Капитан Фрэнк сидел рядом со мной на двух стульях сразу, воняя, как разгоряченная мокрая овца, невозмутимо потягивая джин через хобот и позволяя всему, что я говорила, проходить мимо него и исчезать в ночи. Каким-то образом из-за того, что он почти не реагировал на мои слова, я болтала все больше и больше. По-моему, в конце концов, я рассказала ему все про Луну, Энджи, Интегрیتی II, круиз по Поясу — словом, все.

В ответ он сообщил мне, в чем заключается основная беда нашего вида: — Г-никакого ф-самоуважения, — заявил он. — Г-нет г-неззавищности.

Услышать такое от альтесеанина!

Он помедлил, с трудом переводя дыхание, по его влажному рту струилась слюна. Я поняла, что одной из причин, почему он был таким тихим, было то, что на длинные разговоры у него просто не хватало дыхания.

Я поговорила с капитаном Фрэнком некоторое время. Я привыкла к его уродливым клешням, черному языку, маленьким круглым зубкам. Привыкла к его резкому, неприятному запаху. Это было все равно что болтать с каким-нибудь старым пьяницей в пивной на Грейс или Сантьяго, засидевшись за полночь. Голо-шар замигал и отключился. Бармен покинул свой пост и удалился в свободную кабинку с бутылкой сладкого зеленого вина. Вообще большинство кабин опустели. Я почти не заметила, как посетители один за другим перестали отравлять себя и ушли.

А потом явились полицейские.

Капитан Фрэнк что-то пробурчал по-альтесеански. Это прозвучало резко и грубо. Человек со шрамами ухмыльнулся, поднял воротник своего пальто и выскользнул вон. Захмелевший бармен сел прямо, вид у него был малопрятный и нездоровый. Только последний из техников приободрился, признав в вошедших существ, еще больше увлеченных данными, чем он; забыв, где он находится и что он здесь делает. Как это всегда бывает с техниками.

Я почувствовала холодок в груди. У полицейских было считывающее устройство. Они проверяли удостоверения личности.

— НО У ТЕБЯ, КОНЕЧНО, БЫЛО УДОСТОВЕРЕНИЕ, КАПИТАН?

— О, было, Элис, но оно бы не прошло. Это было мое настоящее удостоверение. Они уже собирались хорошенько поддать мне.

Сначала они подошли к Капитану Фрэнку. Он искал удостоверение целую вечность. Я уже стала думать, что все-таки был бродягой, и все, что человек со шрамами говорил про то, что у него есть свое дело и свой корабль, — просто сказки и бред сумасшедшего. Я начинала подумывать, что "капитан" и я окажемся на ночь в одной камере, и надеялась, что он не станет настаивать на том, чтобы согреть меня. Но ничего подобного, удостоверение у него имелось, причем было в полном порядке. Так что в конечном итоге он оказался по эту сторону закона.

Я наблюдала, как мой новый "товарищ по несчастью" превращается в обычного гражданина. Я ощущала горячее дыхание эдадельди на своей шее. Полицейские были эдадельди. Я об этом сказала?

— Мисс, — обратился ок мне лейтенант.

Я расстегнула жакет и стала шарить во внутреннем кармане.

Это было все, что я сделала. Все, что мне пришлось сделать.

— Она работает н'меня, — прорычал Капитан Фрэнк, даже не подняв глаз от своего джина.

Я поняла, что вовсе не пьян.

Полицейские подозрительно посмотрели на капитана.

— Ваша служащая?

Он просто кивнул, словно ему было глубоко безразлично, поверят ему или нет.

Может, так оно и было.

Полицейские изучили мою карточку. Они что-то негромко провыли друг другу насчет того, что я приписана к шаттлу, который уже отбыл, и моего осуждения на Интегристи II. Они не могли найти

никаких записей о том, что я поступила в ученицы к этому старьевщику.

Капитан Фрэнк повернулся к ним на своем стуле и посмотрел на них мутным взглядом:

— Дак ззапишшите, — сказал он. — Б-минимальное жжалованье, шшестть уусловных месясеv з брроверкой.

Так вообще-то делать не полагалось; но было уже поздно, и полицейские знали, что им не доставит никакой радости устраивать веселую жизнь альтист-сеанину. Внутренне дрожа от облегчения, я следила за тем, как они делают запись.

После того, как полицейские ушли, я повернулась к капитану.

— Это было блестяще, — сказала я и хлопнула его по спине в порыве охватившего меня хмельного чувства товарищества. — Я вам очень благодарна, — сказала я. — Правда. Давайте, я закажу вам еще выпить.

— Нет времени, — ответил он.

— Они что, закрываются? Уже?

Он близоруко прищурился на меня: — У д-нас ррбота, — объявил он и, прыгнув со стула, приземлился со оглушительным стуком.

— У нас? — переспросила я.

Но его уже не было — он направлялся к двери.

Так я и попала на "Жирный рот". Я отправилась на этот корабль и шесть месяцев рыскала по мусорным орбитам.

— ЗВУЧИТ НЕ СЛИШКОМ ПРИЯТНО.

— Это и не было приятным занятием.

— И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, ОН БЫЛ ОЧЕНЬ ДОБРЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, ПРАВДА?

— Добрым, Элис? Не знаю. Не знаю, почему ты так решила. Он подобрал меня, как любой другой обломок человеческих отбросов.

— ОХ, КАПИТАНИ

XXVIII

“Элис Лиддел” была в своей стихии.

Полицейские — нет. Как бы ни были изящны и впечатляющи дельты, они не были приспособлены для того, чтобы заметно удаляться от атмосферного конверта Изобилия. Когда станция стала уменьшаться, приобретая привычную для Табиты форму черепашьего панциря, девушка увидела полицейских на кормовых сканнерах: они удалялись, признав свое поражение, и между их антеннами проскакивали голубые стрелы молний. Радио рычало и щебетало, посылая сигналы тревоги, готовности, сыпало взаимными обвинениями и цитатами. Но Элис была уже далеко, отправляясь искать счастья в безбрежных водах космических морей.

Как романтично это звучит. Однако в тот момент это было отнюдь не так. И тот романтический ореол, который окружает маленький “Кобольд” в моей памяти и в памяти любого из нас о тех днях, — это чистая ностальгия. Как ни любила Табита свою баржу, даже она никогда не заблуждалась на этот счет и не считала ее чем-то из ряда вон выходящим. Если бы тогда кто-то сказал, что в один прекрасный день о “Берген Кобольде” напишут роман, это вызвало бы улыбку у многих пилотов, в том числе, и у самой Табиты.

В поле гравитации “Кобольд” казался громоздким и неповоротливым. У многих из них был такой вид, словно они не смогут оторваться от земли, не развалившись при этом. Допустим, это было связано не столько с их конструкцией, сколько с тем фактом, что их базовый блок был так стоек, что люди гоняли и гоняли их до тех пор, пока они не оказывались на грани, а иногда даже после этого. Имен я не называю.

Однако в космосе от “Элис” был толк. В пространстве она сразу переставала быть непрезентабельной. То, что казалось приземистым, здесь становилось компактным; что казалось толстым, теперь было надежным.

— Я могла бы с некоторыми оговорками сказать то же самое о дочерях и сыновьях Серафимов и о Кстаске. Лишенным ног, при любой, даже минималь-

ной гравитации, им требуется поддержка; если они лягут, то встать не смогут. Безволосые и нагие в своих прозрачных костюмах, они кажутся совершенно беспомощными. А в космосе они чувствуют себя, как дельфины в воде. Через призматические поля их защитных костюмов их кожа отражает все созвездия рая. Когда они плывут сквозь пространство, с их спин, как вода, льется звездный свет.

Табита Джут, как и большинство людей, верила, что если бы капеллийцы не опустили барьер, поставленный ими вокруг солнечной системы, в один прекрасный день ему бросили бы вызов Херувимы. Действительно некоторые считали, что только этого и ждали капеллийцы, как только отправили Брата Амвросия на Луну ждать Армстронга и Олдрина^{*} Они ждали проявления инициативы со стороны людей.

Табита Джут, опять же, как большинство людей, не была уверена, что Херувимов можно отнести к разряду человеческих существ.

У самих Херувимов на этот счет сомнений не было: они к таковым не относились. Их конструкция была квантовым скачком за пределы геноремонта самых дорогостоящих биолaborаторий. Они не страдали ни от каких физических ограничений, которые человечество несло от планеты к планете, а если бы и страдали, то очень скоро отбросили бы их — уже в следующем поколении. Это убеждение было заложено в них Серафимами, зачавшими их и записавшими это в их гермоплазме.

Среди своего вида Кстаска казался неким исключением. Где наткнулась на него Ханна Су, наша история умалчивает; но каковы бы ни были эти обстоятельства, она была права, взяв его в свою труппу, хотя бы за его новизну. Что думали о Кстаске его сородичи из пробирки, когда он выставял себя на потеху публики в том качестве, какое в предыдущие столетия было бы названо экзотикой или причудой, — мы опять же можем только предполагать. Никто никогда не слышал,

^{*}Н. Армстронг и Э. Олдрин — экипаж корабля "Аполлон-11, первые люди, ступившие на Луну (прим. перев.)

чтобы Кстаска плохо отзывался о них; или о Серафимах.

Кто же такие Серафимы? Лучше было бы спросить, существует ли слово, чтобы определить, кто они. Они — это организация; культ; независимое государство — Серафимы решительно и определенно — это Серафимы. Их происхождение — вопрос архивов, в объединении девятнадцать лет назад порочного Храма Абраксаса* с потерявшей свою репутацию лабораторией хирургии программного обеспечения “Фруин-Мейсанг-Тобермори” (ФМТ).

Сколотив несколько состояний, предоставляя льготы для косметических ампутаций и примитивного модного протезирования, постоянно рискуя, лаборатория ФМТ агрессивно вылезла из облаков правительственных исследований, став вдруг мессианской, евангелистской, элитарной. Вняв некоему проницательному совету в области маркетинга, Кайса Тобермори (ее собственная личность с юридической точки зрения осталась под вопросом после программы селективных замен, в результате которой ее личность оказалась заключенной сразу в двух телах — в Нью-Цюрихе и в Гонконге) реорганизовала свои работы по принципу “автопластического превосходства”. “ЗАЧЕМ МЕНЯТЬ СВОЙ РАЗУМ? МЕНЯЙТЕ СВОЕ ТЕЛО!” — говорит лозунг одной из немногих оставшихся с ранней стадии кампании брошюр.

Пропаганда ФМТ аккумулировалась в каждом отклоняющемся баре и зале отлета; их почтовые проспекты наводняли каждое электронное бюро бюллетеней. Любое место, где собирались беспокойные и недовольные. Не каждый человек, а только очень-очень богатые могли позволить себе что-нибудь из меню ФМТ. Политика сования их в лицо финансово несостоятельным была составной частью корпоративной косметической операции, трамплина гиперболы. Исключительность ничего не стоит без питательной среды зависти.

*Абраксас — мифическое существо с человеческим лицом, петушиной головой и змеями вместо ног, символ Бога-творца (прим. перев.)

Слухи о том, что ключевые элементы лечения ФМТ включали железы, возникшие по милости ничего не подозревавших доноров Третьего мира, могли быть частью хитрой паблисити, могли распространяться злобными конкурентами, а могли даже быть и правдой. В любом случае, они так и не подтвердились, поскольку в этом пункте ФМТ привлекла внимание эндокринных баронов Абракса-са, и вся история перешла на более высокий уровень.

Храм Абракса-са не видел нужды в рекламе, рекрутировании и даже в использовании неимущих. Он просто требовал жертв, а его адепты, как все адепты, собирались, чтобы унижаться у его благо-вонных алтарей. Тем не менее удовлетворение от пресыщения секретией правоверных стало надоедать иерархам храма, когда они увидели, что происходит в ФМТ.

Каждой из сторон пришло в голову, что она может кое-что предложить другой, и выиграть еще больше. Состоялся обмен посланиями. Это был всего лишь маленький шажок от обещания состоятельным и легковерным техники самоусовершенствования или милостей античного бога к обещанию им беспредельного физического совершенства. Прямо выступая под прикрытием благотворительного статуса, освобождения от налогов и юридических льгот, распространяемых на нее этой орбитальной церковью, ФМТ бесследно растворилась, а Храм Абракса-са приобрел новый высший эшелон — Серафимов.

А вот тут история исчезает из виду. Пока ученые от делового мира и теологи вели дебаты по поводу временного и духовного значения этого объединения, а крупнейшие био-архитекторы и евгенисты тайно и избирательно завлекались наверх паразитическими и, чтобы не сказать, омерзительными посулами, двери храма оставались накрепко закры-тыми для глаз неверных. От них не поступало никаких сообщений, к ним не вело никаких путей. Паства Абракса-са процветала на мировых рынках, но Серафимы оставались тайной за семью печатями.

Не было заметно также, чтобы в это вмешивалась Капелла.

С тех пор утечки информации почти не было. Поначалу “оптовое” рециркулирование правоверных

предотвратило появление обычной в таких случаях струйки отступников, готовых рассказывать всякие басни. Путч, поглотивший Высшую клику Абраксаса и большую часть прежнего Совета директоров ФМТ и превративший их в штат Серафимов, состоял в основном из аватар Кайсы Торбермори, о которых нам известно только из блиц-исследования экспериментальной группы командос из студии новостей Шу Дзин, тела которых так и не были обнаружены. Абраксас и ФМТ породили Серафимов, а Серафимы произвели на свет Херувимов, рожденных пространством, “хомо альтериор”, конькобежцев космических путей.

Все знают, как выглядит Херувим, хотя вряд ли могут предполагать, что когда-нибудь встретят хоть одного. Черно-металлические, красноглазые, макроцефалы, мало кто из особей ростом достигает выше метра, безволосые, безногие и бесполое, спящие туда-сюда в свободном полете или бросающие вызов гравитации на своих маленьких тарелках, они напоминают младенцев-демонов, рожденных воображением самых фанатичных служителей испанской Инквизиции. Они не носят другой одежды, кроме прозрачных пластиковых костюмов, оптическая микросхема которых постоянно украшает их радугами. Накинув на головы капюшоны костюмов, они могут в течение значительного времени переносить грубый вакуум пространства. На планетах они чувствуют себя менее уютно, и большинство Херувимов считают пребывание на них ниже своего достоинства. Будучи существами, созданными при помощи техники, Херувимы отличаются редкой сноровкой в области замысловатой электроники самого разного толка и могут оперировать с огромным количеством инструментов и машин с помощью своих хвостов-протезов, которые вставляют в розетку в основании спины.

Таково было существо, обнаруженное Табитой сидящим в ее кресле у панели управления “Элис Лиддел”, когда она с грохотом покидала Изобилие в пламени неистовства страстей, нарушая все правила движения.

Табита искоса посмотрела на Херувима, всем своим существом восставая против него. Он выглядел, как разросшийся эмбрион из черного хрома, и

он засунул свой хвост в панель Элис. Он и его жуткие спутники спасли ее корабль, может, спасли ей жизнь, но при этом навлекли на них больше неприятностей, чем она вообще могла себе представить.

Посреди всех этих драматических событий и разрушений Табита задумалась, как получилось, что он вообще оказался здесь, на Изобилии, работая с этой изнеженной и плутоватой труппой кабаре. Почему он не был дома, в храме, живя, работая и планируя следующую стадию их апокалиптической эволюции? Может, это был какой-нибудь списанный прототип? Может, у него был какой-нибудь кошмарный дефект, генетическая ошибка, из-за которой его отвергли? Но, конечно же, тогда они должны были реконструировать его, перепрограммировать, разобрать на запчасти. А может, он просто покинул паству, бежал, как до сих пор делают дети большинства современных земных обществ в поисках более аутентичного, грубого способа существования среди трудностей высокой границы. А вдруг он обманщик? Или, может быть, шпион?

Прежде чем Табита успела отвести глаза, Херувим неожиданно обернулся и посмотрел ей в лицо. Его маленькие красные глазки сверкнули, он приоткрыл свои мерцающие черные губы. Табита увидела его крошечные абсолютно ровные зубки из блестящей черной эмали.

Он улыбнулся ей.

XXIX

— ИДИОТЫ НЕСЧАСТНЫЕ!

Табита взлетела наверх по ступенькам, ведущим в кабину пилота, и, вся трясаясь, заорала на них.

Они собрались там, глядя на нее снизу вверх, так, словно это она давала представление в кабаре, словно это она была занимательной новинкой. Там стояли Близнецы Зодиак, обнимая друг друга за талию, засунув обе ноги в одну петлю, две версии одного и того же человека — можно подумать, одного было недостаточно. Там был Марко Метц с окровавленным носом, обожженными волосами и

бровями. Табита понадеялась, что он ранен. Она не знала, почему он вообще не умер. Не знала, где Тэл, и сейчас ей на это было наплевать.

Единственным, кто сейчас волновал ее, был Кстаска, все еще сидевший у руля.

Табита схватила в кулак ремни, ЕЕ ремни. — Теперь я принимаю командование, — приказала она.

Херувим никак не отреагировал.

— Давай! — Табита потрясла кресло. — Брысь оттуда!

Марко поплыл вперед с распростертыми объятиями: — Послушай, родная, — настойчиво сказал он. — Успокойся. С нами все в порядке! Все прекрасно!

Табита круто развернулась к нему лицом и погрозила пальцем:

— Не смей называть меня “родная”, Марко Метц, не то я тебя пришибу к чертовой матери, слышишь?

Близнецы взлетели наверх, встали по обе стороны от Табиты, удерживая ее.

— Из-за тебя нас чуть всех не убили!

Марко раскинул руки: — Мы же все здесь, Табита, все живы, с кораблем все в порядке. Ну, успокойся же!

— Насколько корабль в порядке — это я тебе скажу, Марко! Хорошо? А теперь убирайтесь отсюда! Все вон!

Табита оттолкнула Близнецов, и они, завертевшись, повалились на спину, а она отлетела назад. Ухватившись за скобку монитора, она остановилась почти у ветрового стекла и повисла над пультом, болтая ногами в воздухе. Нырнув вперед, она схватила хвост Херувима и вытащила его из розетки.

Корабль слегка накренился.

Закрепившись одной ногой и свободной рукой оттягивая ремни, Табита вытащила Кстаску из кресла за хвост.

— Ой, не надо этого делать, — сказала Саския, выпрямляясь и найдя за что ухватиться. Ее волосы развевались по всей кабине. — Ты сделаешь ей больно.

Но Кстаска прекрасно справился с ситуацией. Он вырвал хвост у Табиты и выкатился из кресла. Легко проплыл мимо Табиты, между Близнецами, вниз по ступенькам в трюм, двигаясь так, словно был рожден для невесомости, что, несомненно, так и было.

— Вон! — скомандовала Табита.

Все вышли, и она заперла за ними дверь.

Восстановив свой статус, Табита погрузилась в автоматику. Забыв об ожогах, о боли в лодыжке, она проглядела все мониторы из тех, что еще работали. Изобилие поблескивало в 120 градусах за кормой — маленький шарик размером не больше грецкого ореха. Погони не было. За пределами своей атмосферы Совет не заинтересован в таких делах, при столь малом количестве законов им было выгоднее принуждать, но не отказываться. Вот только если Табита вздумает когда-нибудь вернуться туда...

Табита знала, что если она выйдет живой из этой передраги, она никогда ни за что не вернется на Изобилие: — Скатертью дорожка, — сказала она мерцающему шарiku.

И тем не менее, она недоумевала, почему они сдержались. Почему просто не разнесли на куски корабль, ее самое и всех прочих?

Подключив свой головной телефон, Табита связалась с мозгом корабля.

— Элис? Ты еще разговариваешь со мной?

— РАЗУМЕЕТСЯ, КАПИТАН, — сказала Элис.

— А КТО ЭТО БЫЛ — ТОТ, КТО ТОЛЬКО ЧТО ОТКЛЮЧИЛСЯ?

— Это, Элис, был Херувим.

— ХЕРУВИМ? ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ! АХ, ДА, Я ЕГО ВИЖУ. ОН В ТРЮМЕ. ТЫ ОБ ЭТОМ ЗНАЛА?

Табита стиснула зубы: — Да, Элис, я знаю.

— ТАМ ЕЩЕ КАКИЕ-ТО ДРУГИЕ ЛЮДИ.

— Да.

— А МНЕ МОЖНО ПОГОВОРИТЬ С ХЕРУВИМОМ, КАПИТАН?

— Нет. Мы берем курс на Сплетение.

— ГОТОВА, — отозвалась Элис.

Табита настроилась на обычный курс в наиболее оживленный сектор орбитальных путей вокруг Земли, и Элис проложила его.

— ДВИЖЕНИЕ ДОВОЛЬНО СИЛЬНОЕ, — заметила она.

— Хорошо, — отозвалась Табита. Здесь не было ничего, что могло бы выделить их из потока других грузовых судов. Табита прикусила губу: — Отчет о повреждениях, Элис, пожалуйста.

Отчет выглядел не блестяще. Элис ослепла на несколько глаз и оглохла на целый ряд местных частот. У нее были многочисленные ожоги, царапины и выбоины, некоторые из них структурно важные.

— ДЕФЕКТ КРИСТАЛЛА ОСЕВОГО ЗАПORA. ВЕРОЯТНОСТЬ АВАРИИ — 61.04%, — отметила Элис. — Я ДУМАЛА, МЫ СОБИРАЛИСЬ ЗАНЯТЬСЯ ИМ НА ИЗОБИЛИИ.

— Я тоже так думала, — пробормотала табита. — Потерпи, Элис, я сделаю так, что тобой займутся через пару минут. Ребята в трюме платят.

— КАКИЕ ОНИ, ДОЛЖНО БЫТЬ, ЗАБОТЛИВЫЕ ЛЮДИ.

Против воли Табита рассмеялась и вздрогнула. Потом осторожно потрогала кончиками пальцев щеку.

— Я обожжена, Элис?

— НЕМНОЖКО, КАПИТАН.

С жужжанием открылся ящик первой помощи.

— Сегодня для нас неудачный день, — сказала Табита, прикладывая примочки к лицу и руке. — Вполне возможно, что это худший день в моей жизни. — Она разговаривала больше с самой собой, чем с кораблем, стараясь не дать выхода реакции. — Как ты думаешь, Элис?

— ИНФОРМАЦИЯ НЕДОСТАТОЧНА.

Табита стряхнула жесткие завитки обожженной ткани с рукава: — Напомни мне, чтобы я как-нибудь рассказала тебе о своей жизни.

Они ровно продвигались в гущу основных судовых путей. Движение, как и предупреждала Элис, было убийственным. Мимо проплывали "Каледонские молнии", набитые охранниками информации и налоговыми инспекторами, возвращавшимися домой после

очередного дня героических сражений, а “Фреймахер Тинкербеллз” с надменным изяществом лавировали перед их носами, везя судебных чиновников и рекламных агентов в Византию и на Веру. Там и тут попадались пузатые грузовики-роботы, спешившие за очередным грузом, и, как и предполагала Табита, огромное количество барж: “Фарго”, “Люгеров”, “Кобольдов”, транспортировавших на Сплетение зажимы для бумаги, деодоранты и черные пудинги. В Сплетении, где корпоративные цилиндры вальсировали с гаражными платформами, а увеселительные комплексы — с летающими церквями, — здесь и была стихия Элис.

— КАПИТАН?

— Что, Элис?

— ПОЧЕМУ ТЫ НАЗЫВАЕШЬ ЕГО ХУДШИМ ДНЕМ В СВОЕЙ ЖИЗНИ?

— Я тебе скажу, когда разберусь, какого черта тут творится.

На мгновение мигнули розовые огни — Элис переваривала информацию.

— Выбери платформу, Элис, — сказала Табита. — Сейчас будем тебя ремонтировать.

Компьютеры замкнулись. Табита откинулась и потянулась. Когда она закрыла глаза, перед ней замелькали красные вспышки на ярко-зеленом фоне. Где-то в глубине ее сознания все еще раздавались крики в Саду Меркурия, и воздух по-прежнему разрывали разряды любителей оружия-перков и полицейских.

Господи, как же она устала. Табита представила себе водяной душ, настоящую постель, чистые крахмальные простыни. Но спать могли только праведные, ряд за рядом, на льду, в белых стальных гробах, в морозной пещере, иногда превращавшейся в солнечный лес, иногда — в спальню с антикварной мебелью и свечами. Они лежали там с электродами, воткнутыми в белки их глаз, смотрели видео и ждали Дня, Когда Они Восстанут из Мертвых. Ни громкого шума, ни инопланетян-человекоубийц, ни антропоидных акробатов, ни Херувимов, ни полицейских. Все, что требовалось сделать в первую очередь, — это умереть. Похоже, это была удачная сделка.

Табита неохотно открыла глаза. Она была одна на летной палубе "Элис Лиддел", и все вокруг тихо жужжало и шло обычным порядком. Табита прислушалась. Какой-то шум? Неровное постукивание, шум кристалла осевого запора, стучавшего в своем гнезде?

Нет. Никакого шума не было. Однако скоро раздался звук открываемого люка, ведущего в трюм.

Табита обернулась. Марко стоял в низу ступенек и смотрел на нее.

— Привет, — сказал он.

— Не смей со мной разговаривать, — ответила Табита, повернулась назад к панели и отключила звук Элис.

— Я просто зашел посмотреть, все ли в порядке, — сказал Марко, — и отдать тебе вот это.

Он подтянулся вверх по ступенькам и остановился возле нее, растянувшись во всю длину в воздухе и протягивая кредитную карточку-микросхему.

Табита взяла ее, пока она опять не исчезла. — Хорошо бы здесь что-нибудь было, — сказала она.

— Несколько сотен, — ответил марко.

Табита закрыла глаза и откинулась в кресле: — Пятнадцать?

— Нет, нет. Может, пять.

— Ты должен мне полторы тысячи, Марко, полторы и даже уже две, раз ты повредил мой корабль.

Она показала на анализ ущерба — он все еще был на экране. Марко прочел его, стараясь сделать вид, что все понял, но Табита видела, что он не очень внимательно вглядывался. Он поднял глаза и посмотрел через ветровое стекло.

— Куда мы направляемся?

— Ремонтировать ее, доставать новый кристалл, заправляться.

— Лучше сначала заправиться, — сказал Марко. — Просто на всякий случай.

Табита обругала его, но он был прав.

Марко кивнул в сторону микросхемы, и это движение рябью прошло по его полулежащему телу. — Этого хватит, чтобы добраться до Титана? Мы ведь летим на Титан, правильно?

— У меня что, есть выбор?

— Эй, — сказал Марко, слегка выпрямляясь и подплывая ближе. — Не будь такой. Ты же знаешь, мы это не нарочно. Ты хорошо справилась, — сказал он, пристраиваясь на кончике пульта.

— А ну, слезай оттуда.

— Извини. Извини. — Он взлетел вверх и схватился за петлю.

— Как долго?

— До платформы?

— До Титана. Это одна из лун Сатурна.

— Я ЗНАЮ, где это.

Табита подвинула к себе клавиатуру и произвела подсчеты. — Месяц. — Прогноз был не из приятных.

— Условно?

— Ты знаешь другой способ?

— Это с прыжком?

Табита вздохнула, раздраженная.

Марко просунул палец через ремни и мягко сказал: — У тебя волосы немного обожжены здесь, ты знаешь?

— ОТСТАНЬ, Марко!

Он поднял руки: — Ладно, ладно, ты хочешь ругаться, черт с тобой. Я ухожу. Все, что я хочу узнать, — это хватит ли денег для того, чтобы добраться до Титана.

— Хватит, да. Если там действительно пять сотен.

— А ремонт? Эй, смотри, осторожнее.

На носу по правому борту мимо проплывал робот-мусорщик, размахивая руками во всех направлениях, поглощая мусор космических линий.

— Тебе хватит на починку сканнеров и новый кристалл?

— Хорошо бы так.

— Значит, договорились!

Табита сердито посмотрела на него: — Ты мне должен, Марко, вы втравил меня в эту историю.

— Не я же бросил твоего перка в канал.

— Зато с тех пор все, что происходит, из-за тебя, сколько бы это ни стоило. Я не люблю полицию, а теперь, где бы я ни была, везде

полицейские. Как ты себе представляешь, я буду заниматься своим делом? Я не какой-нибудь рас-проклятый пират. Ты мне должен, Марко. — Она потрясла микросхемой. — Это только аванс.

— Табита. Послушай. Я тебе лапшу на уши не вешаю. То, что нас ждет на Титане, это не ерунда какая-нибудь. Это настоящие деньги. Как только мы попадем на Титан, ты разбогатеешь. Настоящие деньги, не просто кредитная карточка. Больше, чем ты смогла бы заработать за всю оставшуюся жизнь. Мы все станем богатыми. Ты сможешь начать новую жизнь. Взять нвое имя. Сменить лицо, если захочешь. Можешь избавиться от этого старого корыта, — сказал он, жестом обводя корабль.

Ноздри Табиты раздулись.

— Хорошо, оставь корабль за собой. Мне она тоже вроде бы нравится. Она со странностями. — Марко похлопал по корпусу над головой. — Ты нас здесь и не заметишь. Обещаю тебе. Тэл уже в ящике. Кстаска — она тебя не будет беспокоить. А что касается Близнецов, — все, в чем они нуждаются, — это друг в друге. Они развлекают друг друга. Остаемся только ты и я. Месяц, чтобы узнать друг друга немного лучше. Там, позади, у нас все хорошо получалось вместе. Может снова быть так же, тебе надо только доверять мне.

Табита проигнорировала его. Она протерла глаза руками и посмотрела на оставшиеся экраны.

Они входили в Сплетение. Табита уже видела торус МиввиКорп, его силуэт, испещренный остро-конечными фигурами разведчиков, похожих на пираний, хищно охотившихся за пирожками. Зеленая точка на 300 градусов была Первой лютеранской церковью Христа-Пастыря Звезд, а приземистый диск по правому борту на носу — “БергерВорлд”, медленно кружившимся и передававшим нон-стопом вирши на любой волне, куда мог добраться.

Табита сделала медленный выдох. Точки, мелькавшие перед ее глазами, стали смешиваться с мерцанием Сплетения.

Элис сигнализала о том, что пора поворачивать в аллею, ведущую к Красно-Белому. Табита дала ей курс.

Корабль приземлился. Марко вместе с облаком незакрепленного мусора отнесло на левый борт. Он размахивал руками, стараясь плыть вверх, хватаясь за ремни кресла второго пилота, но неправильно уловил момент и медленно перевернулся вверх ногами.

— У-у-а! — воскликнул он, вися головой между ногами и ухмыляясь Табите.

Девушка не обращала на него внимания. Она уже решила запереть их всех в трюме.

Марко постепенно перевочивался с головы на ноги, хлопая в воздухе свободной рукой в тщетной попытке как-нибудь выпрямиться. — Знаешь, — сказал он, когда ему удалось снова принять нормальное положение, — у тебя довольно усталый вид. — Он снова подплыл к ней и распростерся у ее ног. Его физиономия была воплощением заботы: — Мы же не хотим, чтобы наш пилот развалился на части, а? Почему бы тебе не пойти не прилечь ненадолго?

— Ваш пилот, — с горечью пробормотала Табита.

Они медленно припарковались в Красно-Белом. Табита заглушила двигатели. “Элис Лиддел” подплыла к оживленному причалу, где грузы укладывались в огромные невесомые тюки, и ядовито-желтые роботы, выдыхая клубы замерзшего пара, увозили их. Светящиеся в дневном свете буквы высотой в пятнадцать метров сообщали: “ЗАПРАВКА ТЕКУРАТ”. Здесь всем заправляли пять палернианцев, одетых в радужные костюмы со шлемами в форме персонажей различных популярных мультфильмов. Палернианец, у которого на шлеме было написано “М-р Тьюб”, помахал им рукой, подзывая их, и подлетел к ним со шлангами.

Табита запустила операцию. На микросхеме едва набиралось пять сотен. Она взглянула на Марко. Он уже собирался уйти из кабины.

— Сядь, Марко, — сказала Табита, указывая на соседнее кресло.

Настороженно глядя на нее, Марко пробрался к креслу.

— Они нас сейчас заправят и вставят кристалл осевого запора. Так что нам придется на некоторое

время здесь задержаться. У вас у всех есть скафандры?

Он кивнул: — Конечно.

— Пока мы ждем, — продолжала Табита, — ты мне расскажешь совершенно четко, что происходит. Во что я ввязалась. Правду, Марко. Ты знаешь такое слово.

У него сделался по-настоящему обиженный вид: — Табита. Я тебе никогда не лгал.

— Лжешь.

— Никогда. Просто... просто, — он хлопнул ладонями, на мгновение растерявшись, — реальность может иногда быть чуть-чуть бескомпромиссной, вот и все.

XXX

— Ладно, ты угадала. Мы не просто артисты. Мы грабим банки. Тебя это шокирует? Под прикрытием своей профессии межпланетной труппы мы взрываем сейфы. Мы крадем драгоценности. Помнишь ушабти “Дойен Помал”? А бриллиант Деймоса? Это были мы. Мы собираем редкие предметы искусства и драгоценные металлы. Мы не занимаемся компьютерным мошенничеством, не подделываем данные, не запускаем коварных вирусов, съедающих кредит целого астероида, пока все сидят дома и смотрят АВ. Мы таких штук не проделываем, никогда. Мы охотимся за настоящим: за тем, что можно потрогать и поддержать. Когда уходит власть, вещи остаются.

Теперь название. “Контрабанда”. Двойной блеф. На него все каждый раз попадают. Тебе нравится? “Контрабанда”? Это я. Я его придумал. То, что мы храним между нами — это целый репертуар преступлений. Каждый талант, который мы используем на сцене, обращенный на низкие цели. Подумай об этом.

Близнецы Зодиак. Акробаты. Они могут проделывать разные штуки, это настоящее искусство, они сбивают с толку полицию и агентов безопасности. Кроме того, они могут проделывать фокусы. Пони-маешь, фокусы смущают обычный разум. Люди не могут признавать того, чего не могут объяснить. А

Близнецы — это ходячий фокус. Они даже выглядят совершенно одинаково, так что никто не может поклясться, кого из них видел. Мгновенное алиби.

Теперь возьмем Тэла. Тэл по виду — абсолютно нормальный зеленый попугай. На самом деле, ты сама заметила, он во много раз более разумен, чем обычные земные виды. Кто его заподозрит? Со своими размерами и крыльями он может проникать в такие места, куда даже Близнецы не могут залезть.

Дальше — Кстаска. Кстаска — член еще одной скрытой расы. Никто на самом деле не знает, кто такие Херувимы и на что они способны. Как и Тэл, она может летать на своей маленькой тарелочке, и космос для нее — ничто. Она себя лучше чувствует в космосе. А на кончике ее блестящего хвостика — самая различная кибернетика. Ты же видела, что она сделала с роботом. Ты просто не поверишь, что она может сотворить с системами безопасности и банками данных.

Наконец, я. Мой вклад в эту хитрую пятерку, серебристый квинтет, карнавал криминального экипажа? Я беру на себя разговоры. Я говорю, и у меня это хорошо получается, я и сейчас говорю, вот что я делаю. Я беру на себя публику. У меня заметное личное обаяние. И острый ум, я быстро соображаю, думаю на ходу. Эти ребята не могут планировать работу. Кстаска и Тэл — умницы, но они не люди и не могут мыслить, как люди, не знают, о чем люди думают. Близнецы — тоже, раз уж на то пошло. Можешь ты себе представить этих ребят? Они знают, что думает каждый из них, но что касается нас всех остальных, это знаешь что, — привет, ребята! Есть кто-нибудь дома? Вдвоем они великолепны, но разъединять их нельзя. Знаешь, я думаю, именно поэтому у нас было столько проблем с этой работой. Если бы мы... Ладно. О'кей. работа.

Там, на Изобилии, посередине шоу Могул и Кстаска отошли и ограбили банк. У нас было алиби. Где мы были, офицер? Мы были в Саду Меркурия, на сцене. Все эти люди смотрели на нас. Это устроила Ханна, она утрем пролезла во множество систем, ты бы удивилась, если бы знала, на что она способна. А Изобилие — это одно из тех мест, где по-прежнему водятся настоящие деньги, а если я

говорю — настоящие деньги, я имею в виду золото. Думаю, ты такого никогда не видела. Знаешь, ведь вся Земля вертелась на этом. Больше нигде в системе его нет: ни на Марсе, ни на Поясе, нигде. Ничего подобного.

Там, внутри, они сидят на мешке. На большом мешке. Я говорил тебе, Табита, мы богаты! Существует только одна проблема. Ты не можешь его просто так потратить. Не можешь потратить здесь на заправку своего топливного бака. Что это там, цена? Господи. О'кей. Нет проблем.

Хочешь, чтобы я тебе показал? Жаль, что я не могу этого сделать. Я хотел бы тебе показать, тогда все было бы легче. Жаль, что я не могу дать тебе потрогать его. Жаль, что я не могу раздеть тебя и растереть — хорошо, хорошо. Так вот, я не могу. Вот и все. Я не могу этого сделать, потому что оно запечатано и стоит на сигнализации, там ловушки и все такое. А у нас нет инструментов. Но на Титане есть ребята, у кого они имеются. На Титане мы можем превратить его в наличные, в что-то такое, что можно тратить. Если наличные тебя нервируют, мы можем превратить его в кредитную карточку — хороший, честный стопроцентный кредит, на любое имя, какое ты пожелаешь. Все, что от тебя требуется, — это доставить нас на Титан. С золотом.

Я мог бы нанять любого. Кого угодно. Я мог нанять тех людей, о которых говорила Ханна. Но я не захотел. Я хотел тебя. В ту же минуту, как я тебя увидел, в ту же секунду — я знал. И я был прав. Ты для нас все сделала правильно. Правда, не все прошло гладко, и мы втянули тебя в кучу неприятностей, но я хочу, чтобы ты знала, как мне жаль, правда, очень-очень жаль. Если бы я мог расплатиться с тобой прямо сейчас и забрать всю нашу команду с твоего корабля — и из твоих волос, знаешь, я мог бы срезать у тебя эту маленькую обожженную прядку, если ты... — хорошо, Табита, нет так нет. Так вот, если бы я мог расплатиться с тобой прямо сейчас, если бы хоть как-то можно было это сделать, поверь мне, я бы так и поступил. Но знаешь, я сейчас говорю абсолютно честно — я должен быть честен с тобой — я рад, что все вышло именно так. Бак уже

полный? Сколько же времени все это занимает? Знаешь, у Шиндзацу есть такая новая модель, которая... — о'кей. О'кей. Нет, правда, я рад, что так получилось, потому что я могу больше времени провести с тобой. Я знаю, ты сейчас не Бог весть какого мнения обо мне, но хочу, чтобы ты знала: я считаю, что ты замечательная. Надеюсь, когда ты узнаешь меня поближе, ты поймешь, что я не такой уж плохой человек. Может быть, со мной не так легко, как с другими парнями. С людьми стоящими никогда не бывает легко. Это правда.

— А как насчет пленки? — спросила Табита.

— Пленки? Какой пленки?

— Пленки, которую ты подсунул мне в сумку, Марко. Которую ты дал послушать Ханне Су.

— А, эта.

— Да, эта.

— Ладно, скажу. Это была пленка-призрак, — сказал Марко. — Я ее сделал в Скиапарелли. Поэтому мне и пришлось оставить тебя на той вечеринке: я должен был пойти и забрать ее.

Табита подала знак заправщику-палернианцу. Потом спросила:

— А что такое пленка-призрак?

— Маленькое устройство для безопасности дома, офиса или автомобиля. А кроме того, инструмент для воров. Они очень убедительны. Они создают видимость, что рядом ходит человек, настоящий. Признаки жизни, шорохи, помехи, похожие на тень человека на телескопах подглядывания или камерах безопасности. Помнишь, что сказала Ханна? Похоже, что помощь уже идет. Это и есть пленка-призрак. Все, что тебе нужно, чтобы сбить столку вора. Или — и это самое хитроумное — полицию.

— Пленка создала видимость, что в морозильнике находится посторонний?

— Именно. Чтобы сбить с толку полицию. Чтобы все выглядело так, словно взлом происходит в морозильниках, а не в банке.

Табита постучала по зубам ногтем и стала рассеянно смотреть в сканнеры заднего вида, следя за движением. Ей стало лучше. Она не поверила ни одному слову из этой нелепой истории про полицейских и грабителей, потому что вряд ли найдется

банк, глупый настолько, чтобы держать что-нибудь ценное на Изобилии, верно? — но ничего другого она от него и не ожидала. И ее сильно ободрила мысль о том, что он по-прежнему недооценивает ее.

Табита неожиданно обернулась к Марко, так резко, что он подскочил.

— Ну, ладно, Марко, теперь моя очередь. Это мой корабль, и если ты на нем летишь, принимай мои условия и делай, что я скажу. Я не желаю видеть тебя здесь. И твоя работа мне не нужна. Но ты мне должен, Марко, и мне нужны мои деньги. Месяц в обществе “Потрясающей Контрабанды” вовсе не отвечает моим представлениям о веселом времяпрепровождении. Ты когда-нибудь летал целый месяц на барже? Нет? Я так и думала. Так вот, могу тебе сообщить, что вам будет не слишком комфортно. Но я ничего не хочу об этом слышать. Если у этих ребят будут жалобы, могут жаловаться тебе. Ты же заправляешь всем шоу, верно? Ты у вас занимаешься разговорами, вот ты им все и скажешь. Дверь будет заперта, это так и останется. Вы можете пользоваться санузлом и кухней, ты покажешь им, где все это находится, а я расчищу пассажирскую каюту. Без моего разрешения в кабину пилота вы заходить не будете, а в мою каюту не будете заходить вообще. Технику и какие-либо приборы управления трогать нельзя, нигде. Как только мы закончим здесь, мы двинемся вон туда — к ремонтному причалу, там, я думаю, мы проведем день или два. Может, даже неделю. Все зависит от того, какую вы заварили кашу. Так что все, что им потребуется на месяц, пусть достают здесь и сразу возвращаются на борт, о’кей? О’кей. Кстаска останется здесь. Никто не должен привлекать к нам внимания, ни в коем случае. Никто не должен давать представлений или ввязываться в какие-нибудь драки или ГРАБИТЬ БАНКИ. Мы будем сидеть здесь тихо и спокойно, пока Элис не будет готова, а потом отправимся в путь.

Неожиданно из трюма раздался громкий шум, пронзительный, дрожащий вой.

Вопреки своему решению оставить их самих справляться со своими проблемами, Табита отстегнула ремни и бросилась вниз — прочь из кабины и через люк. Марко следовал за ней по пятам.

В трюме был хаос. Они залезли в багаж и оборудование, так аккуратно упакованное, и все повываскивали. И теперь все это кружилось и вертелось, как во сне, напоминая торнадо, ворвавшийся в театральную костюмерную. Детали костюмов просовывались в петли разворачивавшихся шнуров, укулеле пытался залезть в соблазнительно колебавшийся высокий сапог. Фаршированный кролик с надеждой поднял нос навстречу вновь прибывшим в поисках подходящей орбиты.

Пробив себе локтями дорогу сквозь все эти вещи, Табита чуть не столкнулась с летящим роботом, одним из ее собственных, беспомощно вращавшимся в воздухе. Робот и посылал сигналы тревоги. Табита поймала его, нажала кнопку перезагрузки и, нахмурившись, посмотрела на Могула и Саскию.

Они не глядели в ее сторону. Оба были слишком заняты. В белых полосатых жилетах, голубых пижамных брюках и, по-видимому, поясах невесомости, они стояли в 180 градусах друг от друга, один на полу, другой — на потолке. Стояли на цыпочках, тянулись друг к другу и — целовались. Они едва могли дотянуться друг до друга. Их волосы развевались и спутывались вокруг их голов, как мягкий и неверный ореол.

— Сейчас же разбери всю эту кучу, — сурово сказала Табита, провоцируя, просто провоцируя Марко отпустить какое-нибудь замечание насчет состояния ее резиденции. Но он опустил кролика на пол без единого слова. Наконец-то она его заткнула. Табита скрыла, какое удовольствие она получила от своего триумфа, водворив робота на место в стене. По-видимому, Близнецы использовали его в качестве некоего подобия гамака, находящегося в свободном полете и подвешенного между двумя экстензорами, а он потерял равновесие. Поблизости Табита заметила дорожный сундук Тэла из белого фарфора — он откатился по проходу и там одиноко застрял. Кстаски, однако, нигде не было видно.

— Мы уверены, что с ней все в порядке, — ободряюще сказала Саския.

Они нашли Херувима на корме. Он каким-то образом умудрился забраться в двойную стену между находившейся под давлением внутренней

частью и стеллажами топливных ячеек. Там он и распластался вверх ногами, паря в полном блаженстве.

Херувим, которому только и надо от окружающей среды, что принять душ из ультрафиолетовых лучей, попастись на ионовом мелководе, глотнуть разок-другой межзвездного кислорода, пробрался в ячейки наполненных жидкостью радиаторов, привлеченный плескавшейся вкусной плазмой. Так он и купался в концентрированном фиолетовом свете, откинув голову в экстазе и потирая маленькие черные ручки.

— Достань его оттуда, Марко!

Марко, вытянув шею, заглянул в смотровой люк:

— Кстаска! Эй, иди сюда. Ты должна сейчас же отсюда вылезть.

Херувим обернулся, с его защитного костюма струился ослепительный пурпурный свет.

— Еще не все, — отчетливо произнес он.

Марко встал на колени у края и попытался дотянуться внутрь.

— Осторожнее, — коротко сказала Табита.

— Давай, Кстаска, ты же можешь этим заниматься в любое время.

— НЕТ, не может!

Марко неуклюже вытащил голову из люка, ударившись плечом о раму: — Ей надо есть, — решительно заявил он. — Она никому не мешает.

— Я хочу, чтобы она — оно — немедленно вылезало.

Пока Табита произносила эти слова, Херувим стрелой пронесся мимо Марко из люка, сложив плечи. Он взлетел к потолку и завис там, глядя на них сверху вниз.

Взгляд Кстаски сфокусировался на Табите. Его глаза слабо поблескивали в полумраке прохода: — Капитан, у вас необыкновенный корабль.

Табита не желала на него смотреть: — Большое спасибо, — сказала она.

— Вполне возможно, вы даже не знаете, насколько необыкновенный, — заметил Кстаска.

Табита содрогнулась и тыльной стороной руки ударила по локтю Марко: — Скажи этой штуке, чтобы она от меня отвязалась!

— В кристалле осевого запора — серьезный диссонанс рефракции, капитан, — неумолимо продолжал Кстаска.

— Я знаю! — сказала Табита. Она встала на колени у стены, водворяя на место крышку смотрового люка.

— Хотите, я вам его стабилизирую?

— Нет! Марко!

Марко выступил вперед и щелкнул пальцами, словно подзывая Тэла: — Послушай, Кстаска, почему бы тебе не слетать посмотреть, чем заняты Близнецы?

Похоже, это подействовало. Херувим оторвался от потолка и заскользил по направлению к трюму.

— Держи его подальше отсюда, Марко, хорошо? Пусть... пусть летает снаружи, если это то, чего он хочет. Только не сейчас!

В головном телефоне Табиты раздался голос. Это был палернианец-заправщик — В'можете лететь сейчас-час, "Элис Лиддл".

Табита быстро поплыла по проходу мимо трюма. Передний шлюз трюма все еще был не закрыт, не говоря уж о том, чтобы его запереть. Близнецы Зодиак теперь парили в проходе рядом с передним шлюзом выхода правого борта, выглядывая в люк. Когда Табита проплывала мимо Саскии, направляясь к кабине пилота, та обернулась.

— Ты ее видела? — спросила она.

— Кого? — нетерпеливо переспросила Табита.

— Вон там, — сухо сказал Могул, неопределенно махнув рукой в направлении заправочной станции.

Табита, усаживаясь в кресло, не удостоила их ответом.

— Похоже на полицию, — мечтательно сказала Саския.

У Табиты кровь застыла в жилах.

— Она разговаривала с палернианцем, — безжалостно продолжала акробатка.

— С тем, что в костюме м-ра Тьюба, — сказал ее брат.

— С тем, что сейчас показывает на нас пальцем, вот с кем.

Табита проверила сканнеры, потянувшись к зуммеру. Сканнеры выдали ей три изображения палернианца, показывавшего на них, три изображения полицейской в сверкающей черной служебной униформе, смотрящей в их сторону. Казалось, она смотрит прямо в камеру.

Табита рывком запустила двигатели.

По радио из транспортов, толкавшихся впереди “Элис Лиддел”, донеслись сигналы тревоги, когда она стремительно рванулась прочь из Красно-Белого. Марко Метц, все еще стоявший в проходе, заорал от боли и изумления, отскакивая от стен, как мячик. Он спотыкаясь, вошел в кабину, потирая голову: — А как же насчет ремонта? — крикнул он.

— Собери там все, Марко, — сказала Табита. — Мы отправляемся сейчас.

XXXI

Сквозь ветровое стекло и на всех мониторах темнота была испещрена звездами. Казалось, “Элис Лиддел” не движется, хотя она мчалась очертя голову через пустоту.

Табита раздумывала, не лучше ли было остаться на Сплетении. Может быть, ее реакция была слишком поспешной. Через четверть часа Элис сообщила, что у них на хвосте — патрульный крейсер. Нет, ее реакция не была слишком поспешной.

Дисплеи на панели сияли голубым и розовым светом. Табита держала звук по-прежнему выключенным, ей не хотелось обсуждать это. Сатурн был в афелии, значит, прыжок надо будет совершать вдоль, поперек и вниз по нему.

В кабину зашел Марко:

— Они гонятся за нами?

Это займет какое-то время, по меньшей мере, месяц, подсчитала Табита; еще дольше, если придется останавливаться на Поясе и ремонтировать кристалл. Как ни беспокоилась Табита об Элис, она

предпочла бы, чтобы этот кошмар кончился как можно скорее.

— Они гонятся за нами, — сказал Марко. — Черт поberi! Черт поberi!

Он ударил по полу кулаком и поплыл вверх, к потолку. Он говорил тоном праведника, недоуменно, обиженно. Он никак не мог понять, почему полицейские так нелюбезны.

В любом случае Табита совершенно не была уверена, что тех денег, что остались на карточке, хватит, чтобы оплатить приличный ремонт по ценам Пояса. Материалы у них все были, но они просто не любили пачкать руки.

Марко раскинул руки на пульте, сосредоточенно изучая выборку информации и мониторы. Табита слышала его дыхание, сдавленное и прерывистое.

— Они нас догоняют?

Нет, она отправится прямо на Титан, а потом выставит ему счет за полный ремонт. С покраской и даже поддельными данными в журнале, если до этого дойдет.

Похоже, что до этого все-таки дойдет.

— Они догоняют нас, так ведь?

Компьютеры заканчивали собирать данные у шести отдельных отраслевых транспортных управлений. Там ничего не было, что могло бы препятствовать двум кораблям, занимающим один и тот же участок сверхпространства; просто все усложнялось, когда они собирались снова из него выходить.

— Мы можем от них оторваться? Табита не могла представить себе, что кто-то стал бы пересекать их маршрут. Никто не стал бы мчаться с Земли напрямую на Титан, если была возможность разбить путешествие на две части и воспользоваться Юпитером. Чтобы так поступать, надо было либо иметь больше денег, чем здравого смысла, либо — очень торопиться.

— Как ты думаешь? Небольшой элегантный полет, и мы могли бы их стряхнуть, а?

Табита следила за тем, как бегут ее цифры в надежде, что полиции не удалось засечь этот канал.

Марко подобрал старый ярлык с какого-то груза, засунутый за раму блока персонального компьютера.

— Ты не можешь выжать еще немножко скорости из этой штуки?

Неожиданно снизу раздался голос:

— Отвали, Марко! Оставь ее в покое.

Это был один из Близнецов: Могул, поняла Табита, бросив взгляд на экран. Она видела усы. Он висел в люке, ведущем в трюм, все еще открытым. Табита поняла, что, заперев их, особенно Херувима, она будет только чувствовать себя еще более беспокойно. Не все ведь можно увидеть на мониторе. А со всеми этими штучками она не слишком доверяла тому, что видит.

Сейчас, судя по монитору, было похоже, что они нашли себе место. Они повесили гамаки, обычную паутину для невесомости Могула и Саскии, некое подобие кокона Кстаски из молочно-белого пластика со вставленными в него сложными проводами нейро-поддержки. Нечего и говорить, что Марко затребовал себе каюту. Все, кроме того, чем они обычно пользовались, было упаковано. Кстаска играл на клавиатуре, которую Табита видела раньше в Саду Меркурия. Его руки были сложены, глаза закрыты. Он играл на клавиатуре хвостом, оканчивавшимся чем-то, напоминавшим механическую руку, в сетчатой белой перчатке. От клавиатуры к крошечным ушкам Херувима бежали провода. Она была в замкнутом круге и не издавала ни звука. Саския проделывала какие-то упражнения йоги в свободном полете с помощью палки с железным наконечником: вниз, вверх, вокруг, вниз, вверх, вокруг. Насквозь.

Табита моргнула.

Затем включила коммутатор: — Прыгаем, — объявила она.

— Можно мне посмотреть?

Это был Могул, он подплыл к тому месту, где до этого сидел Марко. Марко уже ушел, Табита увидела его на другом экране — она направлялась в свою каюту.

— Тут не на что особенно смотреть, — сказала она.

Потом подняла глаза на Могула. Он стянул волосы в хвост. В мясистых мочках его ушей были крошечные осколки ляпис-лазури. Его кожа была белой, как фарфор, высокий лоб — бледным и

гладким. Нос у него был длинный и совершенно прямой, губы тонкие и изящно очерченные. Его глаза были прикрыты, в уголках — едва заметные складки. Невозможно было сказать, какого они цвета.

— Здесь место только для одного, — сказала Табита, снова переключая внимание на панель. Судя по силуэту, крейсер был стандартным “Хайтэйлом”. Он мог покрыть сокращавшееся расстояние между ними за считанные минуты, если они потеряют темп.

— Я и есть один, — заметил Могул. — На данный момент.

Он лежал над Табитой в воздухе, каждая клеточка его тела была расслаблена; он вежливо ждал ее разрешения. Он лежал совершенно неподвижно — а они удирали сломя голову, спасая свою жизнь. С такой прической Могул кого-то напоминал Табите: та же гибкая элегантность, та же кошачья грация. Трикарико, сообразила она.

Включался дисплей за дисплеем. Зеленый, зеленый, зеленый.

Табита жестом указала на кресло второго пилота: — Быстро, — сказала она.

Она заглушила плазменные двигатели, сбросила газ до корректирующего спурта, до тремора в нижних частотах.

Нижние частоты — это был капеллийский привод; он жужжал.

Пока Могул Зодиак пристегивал ремни кончиками изящных пальцев, привод стал переходить в рабочий режим.

Сконструированный таким образом, что большая часть его компонентов располагалась вдоль четвертой оси, в результате чего она выглядела довольно странной по сравнению с тремя остальными, привод “Элис Лиддел” мало чем отличался от приводов, установленных на малых кораблях нашего времени. Возможно, его фланцы были более тяжелыми, панцирный волновод — более громоздким, и кое-кто счел бы ее проводку осложненной странными излишествами. Но когда он входил в рабочий режим, светился и окутывался ореолом, он был во многих аспектах идентичен капеллийским приводам, установленным по всей галактике. Правда, никто не мог

обследовать его в момент входа в режим, свечения и появления ореола из-за мощного потока сильного света, выбрасываемого приводом с такой интенсивностью; от этого потока Табита, ее пассажиры и прочее содержимое корабля были защищены трехслойной структурой молибденовых щитов и инерционным пористым материалом.

Окутываясь ореолом, привод начал пульсировать. Пульсируя, он стал перестраивать молекулы, составлявшие Элис, в определенные конфигурации, в обычном состоянии совершенно невозможные. Казалось, кабина наполнялась странным, бесплотным туманом, по мере того, как, покрываясь пятнами, стало сворачиваться ее внутреннее пространство, и все предметы стали расплывчатыми. Звезды стали выглядеть довольно странно. Корабль рыскал вокруг, словно раздраженный этим распадом обычной реальности. Полицейские вызывали их, но ничего не было слышно, кроме звука, напоминавшего тонкие голоса крошечных флейт, словно целый сонм сильфид из трансизмерения играл на них, заманивая путников.

— А кто вообще-то была Элис Лиддел? — спросил Могул. Его голос плавал в воздухе, как сироп.

— Она была маленькой девочкой, — рассеянно отозвалась Табита. — Из рассказа. Маленькой девочкой.

— И она так и не стала взрослой?

Табита смутилась. Время колыхалось, становилось неуправляемым, окутывая самое себя. — Это уже другая история, — сказала она. Все пульсировало, радостной струйкой устремляясь в новую боковую частоту. Свет в кабине приобрел отчетливый красноватый оттенок. Он покачивался; он извивался. Табита была на "Октябрьском Вороне", вокруг нее бурлила и кричала ликующая толпа. — Та была о маленьком мальчике, — сказала Табита. Она старалась перекрыть шум и едва слышала сама себя: — Ты...

Они совершили прыжок.

Завеса реальности раскололась с высоким отчаянным криком, затихшем, едва донесшись до их ушей. Звезды исчезли. Пустота пропала.

Вместо этого корабль прошел через очень бледную, почти бесцветную среду.

В сверхпространстве незначительность банальных трех измерений становится совершенно очевидной. Сверху традиционное пространство как таковое выглядит непрочным и убогим. Разница между “здесь” и “там”, например, едва заметна и становится вопросом почти академическим. Зато “там, вдали” вещи или скорее абстрактная “вещь” разворачивается и восхитительно простирается. Бросившись к иллюминаторам “Элис Лиддел”, ее пассажиры отчетливо разглядели перекрещивающиеся росчерки, невольно оставляемые орбитальным движением транспорта вокруг Земли на ртутном мениске космоса, словно рыбы, которые таращат глаза на проплывающих над ними уток. Звук флейт звучал теперь более отчетливо, но уже гораздо меньше был похож на флейты. Сильфиды, если они вообще существовали, бросили свое сопровождение и разбежались, смеясь над еще одним экипажем ничего не подозревавших смертных, хитростью вырванных из своей естественной среды обитания. Они оставили сцену, предоставив ее чему-то обширному и невидимому, насвистывавшему сквозь зубы; а, может, это был просто ветер трансизмерений, суперкубический сирокко, жадно рвавшийся в дыру в форме “Кобольда”, оставленную кораблем в триединой ткани.

Полицейские были где-то в другом месте, нигде, за целые миры от них.

Табита взглянула Могула Зодиака, сидевшего через проход по-турецки, сложив руки на груди, опутанного ремнями. Любопытно, что у корабля теперь была небольшая гравитация, словно его притягивало к серому и несерому полу сверхпространства, неясно и тяжеломерно простиравшегося далеко внизу.

Могул улыбнулся Табите: — Спасибо, — сказал он мягко. — Капитан.

У Табиты появилось мгновенное ощущение, что он понял то, что она только что сказала или попыталась высказать, что он тоже был там, они были рядом, как два любовника на одной подушке.

Ей стало не по себе, и она отвернулась.

Табита закрыла дроссель, установила стабилизаторы, проверила системы поддержания жизни. Все пытело так же жизнерадостно, как всегда. Элис прорвалась еще раз!

Хотя при этом раздавалось отчетливое постукивание. Неровный легкий стук. Табита слышала его, он ей не померещился. Ее рука потянулась к клавишам — проверить вероятность аварии, затем отдернулась. “После”, — подумала она.

Табита расстегнула ремни и ступила из кресла на пол. Обернулась, обращаясь к остальным членам труппы: акробатке, перчаточнику и Херувиму, почтительно собравшимся позади нее. Их лица казались бледными и зернистыми в странном неясном свете.

— Привыкайте, — сказала Табита, указывая рукой на пейзаж. — Эту картину вы будете созерцать весь следующий месяц.

На самом деле сверхпространство не всегда бывает столь скучным, каким намеревалась представить его Табита. Там, как утки в пруду, отмечаются физические явления, они появляются пятнами и испещряют неясные очертания сверхпространства. Часто они напоминают черный фейерверк на снежном поле, или дрожь миража — серебряное озеро в ослепительном небе. Выдвигаются всякие предметы, словно странные силуэты, растягивающие резиновую ткань: вулканы, кометы, жужжание далеких квазаров. И потом условная относительность размеров полностью устранена. Мимо могут стайками мелкой рыбешки проноситься кси-бузоны. В гексагональные стопки аккумулируются шаги. Если вам повезет, мимо вашего корабля может промелькнуть привидение или пройти прямо сквозь него: отсутствующий друг, отсутствующий и рассеянный разум.

Однако в принципе Табита была права. Верхний мир действительно смотрится как бескрайняя стоячая вода.

Табита посмотрела на Марко, на Могула: — Никому ничего не трогать, — сказала она. Ее взгляд невольно устремился на Херувима, наклонившего голову в знак согласия. — Я иду спать, — сказала Табита.

Она отступила, когда Могул, освободившись от ремней, прыгнул из кабины прямо в объятия

сестры. Через его плечо Табита увидела ее лицо и задержалась:

— Саския!

— Что?

— Ты это сделала?

— Что сделала, Табита?

Табита покачала головой: — Не важно.

И спустилась вниз по лестнице.

У Саскии снова были усы. Табита задумалась над тем, что еще могло бы измениться, и заметит ли она это.

XXXII

BGK009059

TXJ. STD

ПЕЧАТЬ

hr "f\$\$u\$TXXXJl alnerintelln% ter&& & "f\$c] / " —

hd wr TX Jb: " — !:

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? 600.5.6

ГОТОВА

— Привет, Элис.

— ПРИВЕТ, КАПИТАН.

— Я вот думала — ты помнишь Девере?

— А Я ДОЛЖНА?

— Да.

— ОБЩАЯ ИЛИ ПЕРСОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ?

— Не знаю. Обе, наверное. Она довольно знаменита, но она как-то тоже была у нас на борту. Она приходила посмотреть на тебя.

— ДА? А ТЫ НАС ПОЗНАКОМИЛА?

— Не знаю. Наверное, да. Я была немного занята. Все это время.

— ПОИСК. ОДНУ МИНУТУ. О ГОСПОДИ, ДА. ЭТО КАПИТАН ДЕВЕРЕ, ВЕДЬ ПРАВДА? КАПИТАН ДЕВЕРЕ, ПОКОНЧИВШАЯ С ТЕМ ЛИНЕЙНЫМ КОРАБЛЕМ ФРАСКОВ — “МАГРОТ ДФОНИК”.

— Правильно.

— А ГДЕ ТЫ С НЕЙ ПОЗНАКОМИЛАСЬ?

— На ее вилле. За Деймосом.

— А-А.

— Теперь вспомнила?

— О ДА. ТОЛЬКО ВОТ ЧТО МЫ ТАМ ДЕЛАЛИ?

— Сама не знаю.

Это было сто лет назад. Мы перетаскивали кое-какую мебель для низкой гравитации от Домино В., дизайнера, одиночную. Адрес доставки был за Деймосом — на частной орбитальной станции. Когда я ее в первый раз увидела, я не поверила своим глазам. Это астероид, наверное, на 90% состоящий из угля, сплошные абсолютно черные поверхности, как большой черный айсберг, и кто-то загнал в него большое квадратное жилище. Жуткое место. Я думала, мы ошиблись, ведь никто не мог жить в таком месте. Оно больше похоже на установку безопасности эладельди.

Однако они приняли мой сигнал. На входе ждала женщина-трант, чтобы впустить нас. По тому, как был уложен ее мех, я поняла, что она здесь не на службе. Это было не ее место.

— Куда это поставить? — спросила я.

Но она не ответила, а просто стояла и оглядывала меня. И это навело меня на мысль, что она не просто разнорабочая. А, может, дело было просто в том, что она видела не слишком много людей на этом астероиде.

— Она хочет вас смотреть, — сказала трантша.

Она провела меня внутрь по длинному черному проходу. Было по-настоящему холодно. Плазменные факелы на стенах. Черный камень под ногами. Она повела меня на станцию связи и кого-то вызвала звонком.

Это была открытая линия. Я услышала, как кто-то спросил: — Что такое, Пру? Я же тебе сказала, чтобы меня не беспокоили.

- Вы хотите смотреть.
- Да что ты? На что смотреть?

Трант подтолкнула меня в поле видимости экрана видеофона.

На экране я увидела пластиковую голову.

Это была женская голова, сделанная из пластика, с сербрыными металлическими глазами. Пониже носа она была настоящей. — Привет, лапочка, — сказала голова. — Кто ты, черт бы тебя побрал?

По-моему, я подумала, что это графическое изображение, хит роумный логотип, созданный человеком, у которого слишком много времени и денег и страсть пугать людей. На меня, впрочем, это особенно впечатления не произвело.

— Я пилот, — сказала я. — Ваша приятельница сказала — вы хотели меня видеть.

— Моя — кто? — переспросила голова. — Ты сказала — моя приятельница?

Голова расхохоталась.

— Боже мой, это не приятельница. Моя рабыня, вот она кто. И ты тоже ей будешь, если нажмешь нужную кнопку. Шучу, ты же понимаешь, просто шучу.

Лицо пришло в движение. Тогда я поняла, что это не графика, это было реальное лицо, человек или то, что от него осталось. Под кожей видны были реле. Движение лица было таким, словно оно хотело принять какое-то выражение, но забыло, как это делается.

Я подумала: "Боже, богатая голова-штепсель".

— Какой пилот? — спросила голова. Пру? — Дай сюда Пру, лапочка, сделай милость. Пру, я что, такси заказывала?

Трантша зашипела, скривив губы: — Не такси — мебель.

— Да черт с ним, какая разница. Дай ей выпить и присылай сюда.

Меня это не заинтересовало. Я стала нащупывать свой монитор. — Сейчас начну заносить ваше барахло.

— Пусть подождет, — сказала она.

Я оставила мебель ждать. Я зашла внутрь, чтобы выпить с Девере.

Помню, что до гнездышка, которое она свила себе на самом верху своего дома, был долгий путь. Там находится лабиринт безопасности. Трантша, вприпрыжку скакала впереди меня по коридорам, открывая решетки ладонями.

Там стоял тошнотворный сладкий запах, как в больнице, только с примесью джина и духов. И там была Девере в заляпанном летном костюме, катаясь в разбитом кресле и посасывая замороженную трубку.

— Войдите, — сказала она. Мне подумалось, что голос у нее похож на машину, имитирующую кошку. Словно кто-то программировал его в таком режиме, чтобы он звучал, как у огромной кошки, но на середине устал.

Я вошла. Там была настоящая помойка: развалившиеся стопки пленок, распечатки, грязные тарелки, одежда, наваленная поверх серьезного оборудования, книги, полотенца, огарки свечей, упаковочные обертки, заказные устройства с изолентой и торчавшим из них резиновым шнуром. Я понятия не имела, каково назначение половины из них или чем они были раньше.

Правда, я уже знала, кем была Девере. Вернее, кем она была теперь.

У нее даже была голограмма "Магрот Дфоника", она висела над кроватью, как алтарь.

Она разглядывала меня, оценивая на глаз. Я почти ощущала, как жужжит ее память. Заговорив, она обратилась не ко мне, а к трантше: — Боже мой, Пру, ты права. Я счастлива познакомиться с этой молодой женщиной. Совершенно счастлива, — сказала она мне, обнажая зубы.

Она выбралась из своего кресла и подошла пожать мне руку, протянув свою. Я видела, где она была залатана. Она выглядела так, словно форсировала исполнительные механизмы. Мне кажется, она хотела, чтобы я заметила это, чтобы посмотреть, как я буду реагировать.

— И КАК ТЫ ОТРЕАГИРОВАЛА?

— Пожала ей руку.

— И КАКОЕ У ТЕБЯ БЫЛО ОЩУЩЕНИЕ?

— Рука как рука. Это и была рука. Ее рука.

— ДА, КАПИТАН, НО Я ИМЕЮ В ВИДУ, КАК ТЫ СЕБЯ ЧУВСТВОВАЛА?

— Я устало думала, голова-штепсель. Я думала об Энджи. Мне не хотелось доверяться этой женщине с восстановленной головой и тефлоновой гидравликой.

Как выяснилось, доверие сюда и не входило. Когда Девере чего-то хочет, она не ходит вокруг да около.

Она обратилась к трантше: — Пру, ты знаешь, где я, если я тебе понадобится. Значит, сделай так, чтобы я не понадобилась.

Потом трантша удалилась, а ее хозяйка очень быстро меня напоила. Она дразнила меня обрывками своей славы. Она все время ходила вокруг, притрагиваясь к своим сувенирам, голограммам с изображением ее и ее экипажа, позирующего рядом с ее истребителем, тем самым, который уничтожил "Магрот". Я не знала, что говорить. Я сказала — это красивая машина.

Она подошла и встала надо мной. — Я тоже, — сказала она. Она согнула запястья, и все ее молнии с жужжанием расстегнулись.

— И ты тоже, — сказала она и приложилась ртом к моему рту.

Рот у нее был настоящий. Руки были настоящими, а все тело — мускулистым и загорелым. Требовалось немного времени, чтобы привыкнуть к ее глазам. Для этого они и нужны, поэтому она и носит их такими.

Она никогда не перестает быть знаменитой, ни на минуту. Она говорит, например, такие вещи: — Они хотят забыть меня. Но я все время высовываюсь и раздражаю их. Я их нечистая совесть, лапочка. Вот что я такое. Или еще она говорила: — Я знаю, что они обо мне сейчас говорят. Но мне просто плевать.

Она всегда говорила "они". Чуть-чуть напоминала Реллу, правда. Иногда "они" — это были все мы, каждый обитатель системы, все мы, которым нечем было больше заняться, как только обсуждать Девере и придумывать про нее лживые сплетни. Но иногда "они" — это были капеллийцы. Они уничтожили ее.

а потом снова собрали, и теперь сохраняли как образец для своих собственных целей.

Бионика была вся из протезов, но и она были компенсационной: усиленные способности, металлические мускулы, видео-зрение и воспроизведение.

— ОНА, НАВЕРНОЕ, ОБОШЛАСЬ ИМ В ОЧЕНЬ КРУПНУЮ СУММУ.

— Она говорит, что она — PR упражнение. Они хотели продемонстрировать, как они могут быть благодарны людям, которые хорошо им служат. Говорит, у нее есть небольшой имплантант для того, чтобы усиливать ее оргазмы. Были ночи, когда я ей верила. И она может создать себе любое электро-психо-фармацевтическое состояние, какое захочет, а потом, когда устанет от него, обновить всю циркуляцию крови, просто подумав об этом.

Правда, то, что течет в жилах у Девере, — это не совсем кровь.

Нижняя часть у нее ужасна, хотя она на этом играет. И у нее есть зависимости, как у других людей — потребность в кислороде.

— Они просматривают мой мозг, — поведала она мне. — Да, да, просматривают. Я их любимая мыльная опера. Иногда я чувствую их там, внутри, как они копаются. — Она застонала. Звук был такой, словно со скрежетом переключилась передача. Она схватила меня за руку, чуть не сплющив ее. — Господи, Табита, я чувствую их сейчас. — Она каталась по кровати. — Убирайтесь из моей головы, вы, благожелательные ублюдки! — Она сжимала голову руками и пронзительно кричала: — Убирайтесь из моей головы к чертовой матери! Мне пришлось позвать Пру, чтобы она запустила перезагрузку. Пру, естественно, во всем винила меня. Она меня ненавидела.

Девере не слишком распространялась о своей карьере, во всяком случае, не в прямой форме. Она родилась на Земле, в Штатах. В школе она занималась исключительно физикой и гимнастикой, выигрывала призы, а потом ее подцепил какой вербовщик для космических ВВС. Она прошла обучение в "ХайГраунде" и очень рано попала на войну, даже раньше, чем Капелла стала призывать человеческую расу. Это она мне сама рассказала. Она сказала: —

Люди думают, капеллийцы нас призвали. Ничего подобного, они для этого слишком умные. Они просто предложили нам возможность полетать на самых лучших аппаратах в системе и полетать на них для того, чтобы разбить ходячие вязанки хвороста, вторгшиеся в НАШЕ пространство. — Слово "наше" она произнесла с жесткой иронией и перевернулась на спину, подложив руки под голову и глядя в потлок: — Господи, Табита, ты знаешь, я ведь действительно думала, что это важно, — кучка каких именно инопланетян будет меня эксплуатировать.

Ты ей понравилась. Она похлопала тебя по плечу. И сказала:

— Присматривай за ней.

— ТЫ И ТАК ДОЛЖНА ЭТО ДЕЛАТЬ.

— Как осевой кристалл?

— 76.81%

— Ну, тогда он сам знает, что делает.

— ДА, ОНИ ВСЕГДА ЗНАЮТ. НО РАССКАЗЫВАЙ ДАЛЬШЕ ПРО КАПИТАНА ДЕВЕРЕ.

— Я думала, ей нужно утешение. — Ты была тогда гораздо моложе, — заметила я.

Неизвестно почему, но оказалось — это я сказала зря.

— Да я не виню себя, — резко ответила она. — Силы небесные, я давно уже это переросла. Черт, ты все равно не поймешь, — сказала она, пристально глядя на меня. — Пока ты молод, ты пылив, но с годами ты сбрасываешь темп. У них есть такая штука — лояльность, они вбивают ее тебе в голову. Они всегда так делали, ты просто не помнишь. Но это больше не срабатывает, правда ведь?

— Неожиданно она снова закричала, с силой вдавив кулаки в пол, заставила себя подняться и заорала потолок: — Больше не получается, старые вы ублюдки, не выходит, больше нет! — Она разразилась хохотом, похожим на лязг рвущегося металла, и закашлялась. К тому времени, когда кашель отпустил ее, она уже опять лежала поверх меня, стискивая меня руками, как пресс. Щека, прижимавшаяся

к моей, была теплой. Через оболочку ее черепа я слышала, как жужжит ее мозг.

Мы часто спорили о политике. Я никогда в жизни не чувствовала себя такой невеждой, такой полной тупицей. Ей хотелось, чтобы я выглядела именно так. — Табита, фраски никогда не представляли УГРО-ЗЫ, — говорила она таким тоном, словно не могла поверить, что кто-то может быть столь наивен. — Единственная причина, почему им пришлось перебить фрасков, — потому что он не терпят конкуренции. Они с ней не справляются. Они должны прибрать нас к рукам чистенькими, и только сами. Ох, родная, — говорила она, скользя по моему телу и поглаживая мне спину, — они ведь тебя действительно держат на крючке, верно? Ты просто расставляешь ноги и принимаешь. Даже и не знаешь, что они тебя трахают.

Впервые в жизни нашелся кто-то, так открыто смотревший на меня свысока. Она умела так разозлить меня, что я говорила вещи, которых никому не следовало бы ей говорить. Она наслаждалась этим, гордилась, что довела меня до такого состояния. Делала вид, что ей все равно. Она стояла посередине комнаты и устраивала себе легочный вакуум. Это было так мерзко, как только она могла сделать.

— МЫ ЖЕ ПРОБЫЛИ ТАМ ВСЕГО НЕДЕЛЮ.

— Это была длинная неделя.

Девере сказала, что больше недели никому не дает, потому что ей всегда надоедает. Я ей не надоела, но она все равно от меня отделалась. Она знала, как защитить себя.

— ЗАЧЕМ ТЫ ВООБЩЕ ТАМ ОСТАЛАСЬ, ЕСЛИ ОНА БЫЛА ТАКИМ ЧУДОВИЩЕМ?

— О, но ведь были и хорошие моменты. Она знала, как сделать так, чтобы мне было хорошо. Она знала, как повалить меня на пол, чтобы я смеялась и кричала и умоляла ее перестать, это было так здорово.

Когда я уехала, я была очень подавлена. Я пыталась уговорить ее отправиться со мной. Она было подумала, что это можно. Просто покататься. Посмотреть, как все изменилось. Но не поехала, и

не поехала бы никогда. Она не могла и полпути пройти по лабиринту, что-нибудь не устроив — мышечный спазм, приступ паники — что угодно. Она просто не могла больше оказаться лицом к лицу с космосом. Либо это, либо...

— ОНИ ЕЕ ЗАБЛОКИРОВАЛИ.

— Образец в собственной, сделанной на заказ клетке.

— ЦЕЛЫЙ АСТЕРОИД.

— Как принцесса, заключенная в летающем замке.

На самом деле я имела в виду ее тело.

XXXIII

Табите снился сон. Это был один из ее типичных снов, беспокойных снов. В кабине был эладельди, он требовал полный комплект форм и спрашивал, почему она до сих пор их не сделала. Они хотели все знать про ее образование, ее первый сексуальный опыт, какой-то случай, свидетелем которого она должна была быть или участвовать в нем, а она даже не могла его вспомнить. Она пыталась все время чем-нибудь занять эладельди, стараясь скрыть, что везет нечто, какой-то груз, о котором он знать не должен. И Элис все время говорила и никак не могла заткнуться, несмотря на то, что Табита много раз пыталась ее отключить. Она пела. Очень громко. Это пела не Элис, это был кто-то настоящий, какие-то люди, люди в трюме.

Табита простнулась, глядя в потолок. В иллюминаторе висели однообразные простыни сверхпространства. В трюме с грохотом упал на пол какой-то металлический предмет, музыка прекратилась и превратилась в спор, они орали друг на друга.

Табита вспомнила, кто они и куда направляются. Нахлынули воспоминания о хаосе последних дней, и Табита почувствовала себя несчастной, слабой и обессиленной. Она не выпалась, и поспать ей явно больше не удастся.

— ... Мудрость, говорящая с Юностью, если я моложе тебя? — решительно спросил один из

Близнецов — Саския, подумалось Табите. — Глупости.

Последовал хаос, несколько голосов говорили одновременно, потом послышался тот же голос, может быть, Могула: — дело. Глупость позаботится о себе сама.

Спор продолжался. Кто-то или что-то бренчало на клавиатуре, все время повторяя одни и те же три такта, то как льющаяся вода, то как тысяча струн.

— Чудовищно, — отчетливо произнес чей-то голос.

— Что ж, я вынужден заявить, что не вижу разницы, — это был уже Марко. Кто-нибудь... кто-нибудь, скажите мне в чем разница... я готов с вами поспорить. Серьезно. Я готов поспорить.

Поднялся шум и перекрыл его слова.

Табита зевнула. Расстегнула петли кровати и мягко опустила ноги на пол. Обнаженная, она подняла с пола халат и завернулась в него. И не смогла вспомнить, когда в последний раз надевала халат на собственном корабле. Это была вторая мысль, первой был тот факт, что она вообще проснулась.

Она отправилась в туалет, а потом сделала себе трубочку кофе. Кофе она выпила на камбузе, стоя. Ей не хотелось сидеть на камбузе, но еще меньше ей хотелось идти даже несколько метров по проходу до кабины — а вдруг кто-нибудь выйдет из трюма. Табита поняла, что они были на камбузе и взяли все, что им было нужно. У них ведь даже не было времени, чтобы сделать запасы. Что нужно четверем людям на месяц? Чем они вообще питаются? Чем кормят Тэла?

Тэл уже вылез из своего ящика. Табита слышала его голос, напоминавший звук флейты, перекрывавший остальные, добавляя шуму и ничего не прибавляя к смыслу. “В раю они жмутся друг к другу, — пронзительно распевал Тэл, — бесстыдно в раю”.

Табита подумала о Близнецах. Инцест. Как они могут? При этом она не была шокирована, не испытывала отвращения, просто не могла себе этого представить. Представить свою собственную сестру, собственного брата. А они представляют тебя. Если бы они выглядели точно так же, что тогда? Табита

все равно считала, что нет. Если бы она встретила своего двойника, она скорее всего сбежала бы. А если быть такими, как они. Они были такими хрупкими. И очень сексуальными, в своем фантастическом роде. Как Могул смотрел на нее вчера в кабине.

Где ей сейчас и полагалось находиться. Табита закончила свой скудный завтрак и вернулась в каюту. По пути она не встретила никого. Теперь они там распевали рождественские песенки. Они все были странными, и Табита собиралась общаться с ними как можно меньше, а иначе она выберется из всего этого таким же психом, как они.

Одевшись, Табита отправилась в кабину пилота. Саския вышла из трюма. Она стояла у иллюминатора в широкой блузе и царапала ногтями стекло. По ее узким щекам катились слезы и капали с кончиков усов. Табита услышала ее голос, прежде чем увидеть ее.

— Я хочу назад, — стенала она, — назад, туда, где мы были, когда мы все были там.

Табита не поняла, был ли это настоящий срыв или часть роли. Проход был узкий, и Саския загораживала его.

— Что случилось? — утрюмо спросила табита.

Саския повернула к ней мокрое лицо: — Ты, — простонала она, — ты можешь отвезти нас назад. Ты можешь, можешь!

Она бросилась на шею Табите и зарыдала у нее на плече.

Начало путешествия было не очень-то многообещающим. Табита, внутренне вся сопротивляясь, держала Саскию в объятиях, пока та плакала. Его худенькое тело сплошь состояло из крепких, гибких мускулов. Волосы пахли лимоном, кожа — мятой и отчаянием.

Явились остальные члены труппы, впереди — летающие, они с любопытством наблюдали за сценой чужеземными глазами. Прибежал Марко и протянул руки, чтобы забрать Саскию. Как ни мало хотелось Табите связываться со всем этим, она была полна решимости больше ничего ему уже не доверять. Она посмотрела на Могула, подходившего

сзади, и знаком показала ему освободить ее от его сестры, что он и сделал, быстро и мягко.

У него тоже были усы.

Что навело Табиту на мысль, кого же из них она только что держала в объятиях.

Не говоря ни слова, она быстро направилась к кабине.

— Ты хорошо спала? Надеюсь, мы тебя не разбудили? — спросил Марко, суетливо следуя за ней.

— Да, — бросила Табита через плечо. — Разбудили.

— Боже мой, это я виноват! — сердито воскликнул он.

Табиту так и подмывало ответить, но она сдержалась. Просто ускорила шаг и скользнула в кабину, в свое кресло, на свою территорию, на свое место, где командовала она. Табита закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Каждый день так быть не может, просто не может. Ей надо что-нибудь придумать.

— Табита! — позвал Марко, стоя в низу лестницы.

Но не сию минуту.

— Я занята, — отозвалась она.

Он шумно вздохнул и удалился.

После этого репетиция, похоже, в беспорядке прервалась, насколько можно было вообще разобратся, что к чему. Табита подняла глаза от пульта и увидела Кстаску, летавшего снаружи, вне корабля. Он просто парил вокруг, как человек, бродящий по двору, потому что ему некуда идти.

Табита подумала, что, надо полагать, он знает, что творит, и понимает все опасности. А может, он для них и был рожден или выращен — что там с ними делают, с этими штуками.

Разве что это была галлюцинация, сверхпространственный мираж, а вовсе не Кстаска.

— Как у нас дела, Элис?

— ДВИГАЕМСЯ.

— Как там сегодня наша маленькая проблема?

— КАКУЮ ИЗ НИХ ТЫ ХОЧЕШЬ ОБСУДИТЬ, КАПИТАН?

— Господи. Ни одну. Тебе что-нибудь нужно мне сообщить? Просто скажи “да” или “нет”.

— НЕТ, КАПИТАН.

— Элис, я тебя люблю.

Там, в трюме, кто-то играл на расстроенной скрипке или на чем-то, звучащем точно, как скрипка. Потом они запели:

— Природные карты вращаются, вечно меняясь...

Жуткий звук буквально пронизывал Табиту. Она нажала большим пальцем кнопку коммуникатора. Нужно поговорить с ними, установить какие-то правила, расписание, хоть что-нибудь. Табита глубоко вдохнула воздух:

— Я закрою эту дверь, ладно? — сказала она и, прежде чем они успели ответить, нажала кнопку “заперто”.

Потом тяжело опустилась на пульт. — Я плохой капитан, Элис, — сказала она.

— ТЕБЕ НУЖНА ОБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА, КАПИТАН?

— Господи, нет.

— ЭТО УЖЕ НЕКОТОРОЕ УТЕШЕНИЕ.

— Потом.

Просто она была плохим капитаном. Слишком эгоистичной, слишком привыкшей проводить время в скучных путешествиях вроде нынешнего, в любой момент делая то, чего ей хотелось.

Табита запустила проверку испорченных сканнеров. Среди них была парочка таких, которые еще можно было отремонтировать. Она надела спецкостюм, взяла лазерный сварочный карандаш и кое-какие запасные блоки и вышла наружу.

Снаружи было лучше. Если не присматриваться слишком близко к окружающей ласковой неоднородности, можно было убедить себя в том, что это туман, а ты просто плаваешь и паришь в нем. Правда, очень мирное ощущение.

Кстаска, без хвоста, обогнул корабль и подплыл к ней понаблюдать.

— ТАК НЕ ПОЙДЕТ, КАПИТАН, — сказал он, подплывая над отводным каналом, хотя на нем не было видно радио, и он даже не летел на своей тарелке.

Табита почувствовала, как вся ошетинивается: — Почему?

— БОЮСЬ, ЧТО ОН РАЗЪЕДИНИЛСЯ ДАЛЬШЕ, ВНУТРИ.

Табита уставилась на Херувима через стекло своего шлема. На Кстаске был только его защитный костюм, капюшон поднят. Он спокойно взирал на нее своими красными глазами.

— Какого черта, откуда ты знаешь?

— Я ВИЖУ, — ответил он.

Табита присела на корточки. Ей пришло в голову, что можно было поспорить с заявлением Кстаски, но она слишком устала.

— ЕСЛИ ВЫ ПОЗВОЛИТЕ МНЕ,... — начал Херувим.

— Я сама, — ответила Табита.

— Я МОГУ ДОТЯНУТЬСЯ В ГНЕЗДО, — сказал Кстаска, — ХВОСТОМ.

— Я сказала — я сама, — повторила Табита.

Херувим с минуту смотрел на нее, потом молча улетел, как преходящий дух.

Табита с трудом извлекла проводку и увидела, что существо оказалось право. Она заварила разрыв и установила его снова в трубопроводе.

— Как у нас дела, Элис?

— КАЖЕТСЯ, ПОРА ОБЕДАТЬ, КАПИТАН, — отозвался корабль.

— Что?

— ТВОИ ЖИЗНЕННЫЕ ПРИЗНАКИ...

— Хорошо, хорошо. Я возвращаюсь.

Табита встала на корпусе и стала оглядываться в поисках Херувима, но его нигде не было видно. Ему ведь даже поесть не предложишь. Что можно было сделать? Слишком поздно она поняла, что он предлагал не только помощь, но и возмещение, поскольку именно он в первую очередь пробил крышу.

Она была паршивым капитаном и паршивым дипломатом.

Шли дни. Условные дни, но от этого они не становились менее скучными в этом страдающем амнезией регионе, забывшем, где должно помещаться все на свете. Табите надоело ремонтировать

корабль. Она хотела заглянуть в трюм, чтобы посмотреть на этот так называемый “мешок с золотом”, но трюм никогда не пустовал. Кстаска мог бродить где-нибудь снаружи, но что касается остальных, то им деваться было некуда.

Близнецы начали рисовать в карандаше огромное панно на стене трюма. В основном идея принадлежала Саскии. Табита теперь довольно уверенно различала их, хотя и только по манере поведения. Саския была импульсивной, неустойчивой, подверженной неожиданным сменам настроения. Всегда находилось что-нибудь, чего она хотела. Она всегда была голодна. Она работала над своим панно широкими лихорадочными мазками, становившимися все меньше и меньше, пока она не оказывалась на коленях, высунув кончик языка, оттеняя лепесточки крошечных цветов в урне над гробницей в нижнем правом углу.

Могул был менее ранимым, более остранным. Он мог быть надменным или любезным, либо просто молчаливо присутствовать, наблюдая за всем происходящим. В то время, как его сестра трудилась, Могул выскальзывал из прохода и загонял в угол Табиту, когда она приходила за запчастями.

— Ты говоришь, полиция не может преследовать нас здесь, капитан?

— Нет, — отвечала Табита, роясь в шкафу в поисках шнура всенаправленной антенны. Все, что она нашла, были только огнеупорные прокладки.

— Даже эладельди?

Табита была убеждена, что кусок шнура у нее где-то есть. Она была даже уверена, что видела его сегодня. В нетерпении она вывалила на пол все прокладки. Они мягко ударились о пол и покатались в разные стороны.

— Даже они, — ответила она.

Табита заползла в шкаф и нырнула глубоко внутрь. Она чувствовала взгляд Могула, прикованный к ее ягодицам. Думай, что делаешь, Джут, велела она себе. На минуту она забыла, что искала.

— А капеллийцы?

Признав свое поражение, Табита вылезла из шкафа: — Ну, как сказать, — она стряхивала в руку пыль, — капеллийцы...

Девушка подняла глаза и встретила с его глазами. Они пожирали ее с бесконечной мягкостью. Табита почувствовала, что ей стало жарко.

— Капеллийцы ведь могут все что угодно, так? — коротко ответила она, опустив глаза и с силой отряхивая колени брюк. Все, что она могла видеть, — это его лицо, их лицо. Сегодня у него были усы. Табита так и не разобралась, как они проделывали этот трюк с усами. Он все еще стоял там, терпеливо помогая ей. Нехотя Табита снова взглянула на него. Он подал ей огнеупорные прокладки, аккуратно уложенные стопкой.

Он явно делал в отношении нее успехи, Табита не могла этого отрицать. Он преподносил ей неожиданные мелкие подарки, притаскивал тарелки с крабами и имбирем, соте, приправленным пастернаком, как раз в те минуты, когда она умирала от голода, но сама мысль о готовке вызывала у нее отвращение. От этого Табита злилась и замыкалась в себе, тем более от того, что сама хотела его. Она и могла бы получить его, но только не при Марко, болтавшемся рядом. Не то чтобы ей все еще был нужен Марко, просто она не могла от него отделаться.

А потом пропал лазерный сварочный карандаш, и Табита перевернула весь корабль вверх дном, разыскивая его.

И карандаш, и кусок шнура всенаправленной антенны Табита обнаружила в дорожном ящике Тэла. Сама она туда их явно не клала.

Увидев, что Табита нашла пропажу, птица окончательно рехнулась. Она бешено кружила вокруг, издавая звуки, похожие на бречание электрогитары, а потом нырнула в ящик и спрятала голову под крыло. — Шрити наогар Прекрасная Ноттамун! — жалобно кричал Тэл. — Никто не знает, какие беды я перене-е-с!..

— Ты брось мне морочить голову, птичка, — с угрозой в голосе сказала Табита. Неожиданно рядом оказался Могул, делая успокаивающие жесты. Но Табита не желала, чтобы ее успокаивали. Она с грохотом захлопнула крышку над головой пернатого воришки и повернулась, собираясь уходить. Выходя из трюма, Табита услышала, как он чирикает про

себя. Это было точное воспроизведение стука осевого запора "Берген Кобольда", когда в его кристалле появляется дефект.

Табита отправилась выяснять отношения с Марко. Тот лежал на койке с книжкой комиксов. — Он ничем не лучше своего хозяина, — заявила Табита в заключение своей речи.

Марко резко сел на койке, отбросив книжку. Она плавно опустилась на пол.

— Его — кого? Ты что, думаешь, он просто какая-то дрессированная домашняя птичка? Ты так ничего и не поняла? Он внеземлянин, черт побери, разумный внеземлянин, с ним надо иметь терпение, стараться понять его. А потом что ты имеешь в виду — я у тебя никогда ничего не крал. Назови что-нибудь. Хоть одну вещь, что я у тебя украл.

— Назови хоть одну вещь, которую ты не украл!

Хуже всего было то, что перегородка между их каютами была настолько тонкой, что Табита никак не могла забыть о его присутствии.

Когда она шла назад через трюм, атмосфера была наэлектризованной. Саския сидела на сундуке, обняв руками колени и мрачно созерцая брата, лежавшего в их гамаке и подчеркнуто ее игнорировавшего. Стенная роспись погибла. Кто-то размазал ее большими горстями масляной краски.

Тэл свешивался вниз головой с балки в проходе, продолжая петь: — Никто не знает, какие беды я перене-е-е-е-с...

XXXIV

Отремонтировав все, что можно, и стремясь избежать общества остальных, Табита взяла за правило проводить долгие часы в ЭВА, привязанном к кораблю, общаясь со своим журналом. Забыв о своей обычной сдержанности, в этом полете она разговаривала с кораблем больше, чем когда-либо. В этом путешествии через царство действительности избранный ею товарищ был воображаемым. Когда люди, естественные и реальные или наоборот, слишком утомляют, лучшим другом может стать искусственный.

Табита надела костюм и открыла внутреннюю дверь переднего выхода правого борта. Шлюз был полон мусора: оберток от пищевых продуктов и помета попугая. Весь корабль напоминал свалку. Надо отметить, что вообще-то ничего нового в этом не было, только раньше это была свалка самой Табиты, болтавшаяся где-нибудь вблизи того места, где она ее оставила, и поэтому имеющая право на существование, естественная и почти незаметная. А теперь это была свалка, устроенная чужими людьми, неожиданная и навязчивая.

Табита открыла внешнюю дверь, закрепила на поясе трос и выскользнула в никуда. Мусор облаком вырвался вслед за ней. Какое-то время он будет честно вращаться по орбите вокруг корабля, а потом его поглотит реальность. Табита медленно направилась к носу “Элис Лиддел”, где она могла сидеть на пустоте и следить за кабиной пилота. Если она увидит, как туда заходит Тэл, она засунет маленького мерзавца в клетку, и черт с ними, с отношениями между видами.

Привязной ЭВА в сверхпространстве и более удобен, чем в обычной космосе, но и имеет свои неудобства. Головокружение, если человек ему подвержен, все равно остается из-за псевдогравитации. В какую бы сторону ты ни вышел, через некоторое время все равно окажешься под кораблем, плывя навстречу бесконечному железообразному облаку, “образующему” “пол”. Время от времени в окружающем тебя слепом отклонении появляются искажения, от которых волосы встают дыбом, странные смещения, с треском возникающие разрывы. Зато здесь нет перспективы, нет чувства РАССТОЯНИЯ, пугающей амплитуды пространства; нет бездонных заливов, в которых чувствуешь себя ничтожным, нет удаляющихся звезд, смеющихся над тобой.

На корме Табита увидела Кстаску, он лежал метрах в пяти от кормы, греясь в зубчатой радиации нарушенной относительности; и девушка опять подумала — интересно, как реальность может отличить Херувима от смятой трубочки из-под чая. С того первого раза, когда они вместе выходили наружу, они в основном старались не замечать друг друга, как соседи, у которых слишком маленькие садики.

Однако сегодня то, что сообщил Табите корабль, было слишком тревожным, чтобы она могла держать это в себе. Вероятность поломки осевого запора поднялась свыше 89%.

— Кстаска! — позвала Табита, раздумывая, примет ли он ее сигнал.

Черная лысая головка повернулась в ее направлении.

Табита растянула трос и мягко поплыла через однообразную пустоту к Херувиму.

Он лежал на спине в горизонтальном положении по отношению к ней, безногий и голый, если не считать его тонкого пластикового одеяния. Маленькими ручками он помахивал в воздухе. Более беспомощным его трудно было представить.

Табита глотнула.

Но прежде, чем она успела заговорить, Херувим произнес: — КРИСТАЛЛ. Он говорил в нос, металлическим голосом, тоном бесконечного превосходства.

Табита тут же ошетинилась.

— Ты подслушивал, так? — резко спросила она.

Херувим сделал движение, словно пожал плечами, перекатив свою огромную голову с одного плеча на другое, как будто она была слишком тяжела для его шеи: — НЕТ, — сказал он, чуть повышая тон, как родитель, терпеливо беседующий с капризным ребенком.

— Значит...

— ЭТО ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЛИБО БЛИЗНЕЦЫ, ЛИБО КРИСТАЛЛ, — сказал Кстаска. — ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ НЕДОСТАТОЧНО ВАЖНО.

Он имел в виду — для того, чтобы она заговорила с ним. Табита поняла это и понимала, что он знает, что она поняла. Эти его беспощадные, похожие на стоп-сигналы, красные глазки могли иногда быть исключительно выразительными. Но почему Близнецы? задала себе вопрос Табита. А Кстаска продолжал:

— БЛИЗНЕЦЫ ВЕДЬ ЛЮДИ, ПРАВДА? — сказал он, словно проверяя ее реакцию; и когда она никак не отреагировала, заметил: — ТЫ НЕ ПРИШЛА БЫ КО МНЕ С ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМОЙ.

Табита почувствовала, как у нее гулко забилося сердце. Она не знала, что это: гнев или страх. — Я не могу до него добраться, — сказала она. — Я никогда... — Она сделала глубокий вдох. — Ты можешь мне показать?

Кстаска перекатился на живот: — ДАЙ МНЕ НА НЕГО ВЗГЛЯНУТЬ, — сказал он.

— Ты просто покажи мне.

— ТЫ НЕ МОЖЕШЬ СДЕЛАТЬ НИЧЕГО ИЗ ТОГО, ЧТО МОГУ Я.

Табите захотелось на него прикрикнуть.

— Ты мог бы показать мне.

— ТЫ СЛИШКОМ ВЕЛИКА, ЧТОБЫ УВИДЕТЬ.

Не говоря больше ни слова, Кстаска скользнула прочь и поплыл назад внутрь корабля. Через мгновение он вернулся, уже с хвостом, оборудованным чем-то вроде микрорешетчатого зонда. Он не стал возвращаться, чтобы переговорить с Табитой, а двинулся напрямую к входной панели Элис.

— Элис, ты не могла бы открыть...

Однако она уже все открыла. Мелькнув хвостом, Херувим исчез внутри.

В скверном расположении духа Табита ушла вниз посмотреть.

Кстаска оказался прав. Лаз был предназначен для предметов не больше механизма робота Джи7. Табита беспомощно засунула голову в люк и стала смотреть в пространство настолько черное, что в течение нескольких минут она не видела даже, где находится Херувим. Затем появилось безмолвное вибрирующее сияние голубой радиации и высветило силуэт крошечной черной фигурки. Она была похожа на животное, мусорщика, осаждавшего недра ее корабля, как одна из броненосцев-космокрыс Палернии.

Голубое сияние исчезло. Через шлем Табита почувствовала тошнотворную вибрацию зонда кристалла, от которой ныли зубы.

Она тут ничего не могла сделать.

— Я тебя оставляю с ним, — сказала Табита.

Ответа не последовало.

В задумчивости Табита вернулась внутрь через кормовой люк правого борта. Марко и остальные были в трюме; они там пели.

В ее каюте был Могул.

После того, как прошли мгновенный шок и ярость, Табита швырнула шлем на койку. — Что ты здесь делаешь? — резко спросила она, стягивая перчатки. Акробат скользнул к ней с достоинством, с непривычным смирением, раскрыв ладони, словно собираясь объявить о своем присутствии. Его ладони были пусты.

— Табита, — сказал он.

Его тонкие губы раскрылись, глаза с тяжелыми веками смотрели умоляюще. Но он оставался на некотором расстоянии от не, на цыпочках, каждая линия его стройного тела тянулась к ней, но держалась поодаль, сдерживая себя.

— Я не говорила, что ты можешь заходить сюда, — просто сказала Табита.

Она не велела ему уйти. Даже ей самой ее тон показался фальшивым. Она слышала ложь в своем голосе, слышала, как сама отрицает факт, ощутимо витавший в воздухе каюты, в пространстве, остававшимся между ними. Табита расстегнула лямки своего костюма. Ее пальцы дрожали.

В соседней каюте никого нет, подумала она. Тем не менее, она держала дистанцию. — Чего ты хочешь, Могул? — без всякой необходимости спросила она, выскальзывая из упавшего костюма.

— Тебя, — ответил он. Его голос звучал, как мартовский ветер, вечно поющий в полых скалах.

Он казался больным, печальным клоуном в мягкой голубой пижаме. Его белая шея выражала вечную печаль и тоску. Он хотел, чтобы она сжалась над ним, но у нее было не то настроение. Она была потрясена и расстроена — новостями Элис, Херувимом, теперь вот — этим визитом. Ее сердце поникло и очерствело. Но она жила сейчас не сердцем. Она чувствовала, как кровь стучит в висках, как напряглись ее соски, как живот наливается желанием.

Наслаждаясь, наконец, хоть каким-то чувством власти, она провела рукой по его длинной скорбной шее и притянула его благородную голову к своему

лицу. Это была сила давать и получать, сила наслаждения. Она поцеловала его в губы.

Затем последовала пауза, момент банальной реальности, когда она расстегивала его рубашку, сражаясь с маленькой тугой пуговицей у ворота. Она поцеловала его горло.

Его изящные пальцы скользили по ее телу, ласкали ее, поглаживали ее волосы, водили вдоль ее спины, шеи, груди. Она терпеливо ждала, пока он расстегнул и снял с нее жилет, тенниску, расстегнул ремень.

Он прижался губами к ее уху. Его язык был как мордочка крошечного животного, он пробовал, щекотал ее. Табита засмеялась и поздравила себя.

Свет в каюте мигнул.

Он остановился, глядя в потолок: — Что это было?

— Кстаска делает кое-какую работу на корабле, — сказала табита.

Он кивнул: — Хорошо, — сказал он. — У нее это хорошо получается.

И стянул с нее брюки.

Табита стащила тапочки и ступила из них. Обвила руками тонкую талию Могула.

В глубине ее сознания крутилась какая-то мысль, она озадачивала Табиту. Что-то в том, что он только что сказал. Она притянула его на койку и некоторое время лежала рядом, прижав его к себе, расстегивая его брюки.

У него были груди. Легкий намек на выпуклости, незаметный, когда он лег, чтобы она могла снять с него брюки; но все же груди. Значит, они действительно были совершенно идентичны, эти Близнецы. Как странно, подумала Табита. А потом пришла мысль: он назвал Кстаску "она".

Она выпустила его из объятий, отодвинулась, встав на колени на койку.

— Ты Саския, — сказала Табита.

И стянула с него трусики.

Так оно и оказалось.

Саския, казалось, была в смятении: — Я думала, ты знаешь, — прошептала она. — Я — это он, а он — это я.

И улыбнулась легкой печальной улыбкой.

В голове Табиты царил отчаянный хаос. Она свирепо спросила:

— КТО ты на самом деле?

— Я — это я, — сказала Саския. — Правда, — подтвердила она.

Табита задрожала. Саския потянулась к ее руке, но Табита отшатнулась. — Кто вы, черт бы вас побрал? — выкрикнула она. — Как вы можете быть близнецами, совершенно идентичными?

— Мы не близнецы, — сказала Саския, — не близнецы.

Одним конвульсивным движением Табита схватила свою тенниску и стала натягивать ее на голову. Саския потянулась к ней, словно пытаясь остановить, потом откинулась назад в нерешительности.

Табита села, скрестив ноги. Свет снова потускнел, потом стал таким же ярким, как и прежде. — Расскажи мне, — сказала она.

Саския неловко подвинулась, все ее изящество и элегантность исчезли. — Ну, сейчас — да, но раньше — нет, — сказала она.

Табита, разозленная и наэлектризованная, фыркнула: — Какого черта...

— Нас было пятеро близнецов, — сказала Саския. Потом провела кончиком языка по губам.

— Нас осталось только двое, — сказала она.

Она снова потянулась к Табите, стремясь обнять ее, желая, чтобы Табита обняла ее, и Табита прижала ее к себе.

Саския сказала: — Мы были экспериментом. Сьюзен, Гореаль и Зидрих — их списали. Нам удалось бежать. Нас спасли. Иначе нам бы не выжить.

Табита слышала, как твердо и решительно стучит сердце Саскии в его узкой клетке.

— Мы ничего не знали, — рассказывала Саския, — о... других людях. О системе. Мы никогда не разлучались, — сказала она. И потеряла нос, сделав неожиданно уродливую гримасу, как слепой человек, не умеющий контролировать свое выражение лица. — Я хочу уйти от него, — заявила она.

— Почему?

Саския села, глядя в лицо Табиты: — Чтобы быть самой собой! Чтобы я могла... — она беззвучно вздохнула. — Он хочет тебя, — сказала она, кладя ладонь на грудину Табиты.

Табита почувствовала, как ее жар остывает и испаряется.

— Поэтому ты сюда и пришла?

— Он не должен быть с тобой.

Табита проглотила свой гнев. Они же дети. Она чуть не отправилась в постель с ребенком.

— Значит, ты пришла сюда первой, — сказала Табита. — Ты не можешь так поступать, — с силой заявила она. — нельзя так обращаться с людьми.

— Как обращаться? — Саския была озадачена.

— Как... как с оружием.

— Дело не в этом, — тут же отозвалась Саския, причем очень решительно. — Нет, Табита. Я тоже тебя хочу, — сказала она, снова умоляюще. — Я люблю тебя...

— Нет, не любишь, — сказала Табита, теряя терпение, — ты просто подражаешь ему.

Саския смотрела на нее снизу со слезами в глазах. — Не подражаю, — сказала она. — Я бы не смогла. Ты не понимаешь. Я — это действительно он. Чего хочет он, того хочу и я.

— Ну что ж, меня ты не получишь, — коротко сказала Табита. — Меня никому не заполучить. Я не твоя. Я сама по себе.

Саския сказала мягко и неожиданно очень серьезно: — Вот поэтому я и люблю тебя. — Она погладила бедро Табиты. — Ты настоящая, а я не привыкла к настоящим людям. Могул и я, мы не неаотящие, — сказала она, протянула руку за своей одеждой и стала одеваться. — Кстаска — настоящая, но она не человек. Тэл тоже. Марко не настоящий, он весь состоит из слов. А Ханна — мертвая.

Позже Табита вспомнила, что Саския была далеко не так одинока, как притворялась. Через перегородку она иногда слышала их с Марко, их стоны и вскрики.

Разве что это был Могул.

В ту ночь Табита проснулась, увидев сон про капитана Девере, искалеченного пилота, вечно кружившую вокруг Деймоса в своей крепости из черного камня. Она проснулась, вспомнив ее запах — мускуса и машинного масла.

За дверью, в соседней каюте раздавались голоса.

Марко и Саския, подумала Табита и поняла, что уже ревнует.

Но там были и остальные, они негромко и дружески беседовали. Табита слышала их всех: чириканье Тэла, далекое жужжание Кстаски. Что они там делают: играют в карты или замышляют смуту? Табита напрягла слух, но не смогла ничего расслышать.

Она молча слезла с койки, натянула халат и вышла в коридор.

Ночь была тоже относительной, как и все в сверхпространстве. Там нет ни темноты, ни света, кроме того, что проникает с противоположной стороны зеркала, из настоящего пространства. В этом тусклом потоке Табита подошла ко входу к трюму и вошла внутрь.

Впервые оказавшись одна в трюме с тех пор, как они тронулись в путь, Табита осторожно осмотрелась. Гамак Блинецов был пуст, как и кокон Херувима. Ящик Тэла стоял в углу с поднятой крышкой. В тусклом свете испорченная стенная роспись с ее слабыми, широкими линиями, пятнами точных и все же расплывчатых деталей, казалось, имитировала не менее призрачный пейзаж за иллюминаторами. Там были окутанные туманом аллеи, наполненные неопределенными возможностями, яркие пятна чьего-то присутствия, четкого и все же непостижимого.

Табита пришла в трюм не для того, чтобы любоваться искусством. Она явилась посмотреть на их багаж. Осторожно она обошла кучу коробок, сумок и других принадлежностей, оглядывая их все. Табита искала длинный серебристо-серый цилиндр, который Могул и Марко с риском для жизни привезли с Изобилия.

Она нашла его под большим холмом разноцветной ткани. Кто-то явно стремился к тому, чтобы цилиндр оставался прикрытым. Табита ухватила за цилиндр

и вытащила его на открытое пространство. Он был холодным на ощупь и довольно тяжелым.

Сидя на корточках и стряхивая с рук пыль, Табита оценивающе оглядывала цилиндр. Он был именно той длины, как она запомнила: два метра, даже почти три, и около метра в диаметре. Снаружи он был обит винилом, а внутри — жестким металлом. Все это вместе с весом наводило на мысль, что это все-таки может быть и золото. А золото перевозят в виниловых цилиндрах? Об этом Табита не имела ни малейшего представления. Там было место, где должны были быть этикетки, но кто-то сорвал их. Табита раздумывала, как бы его открыть.

Оказалось, что это просто. Вокруг цилиндра, по каждому его концу и вдоль него шел серебристый металлический шов. На каждой стороне под швом были углубления для пальцев. Обхватив руками цилиндр, Табита вставила пальцы в углубление.

Раздался отчетливый мягкий щелчок. Табита отскочила — цилиндр распахнулся.

Из него брызнул белый газ, шипя и конденсируясь. Трюм наполнился странным, неприятным запахом, похожим на запах мха и денатурата. Стало очень-очень холодно.

Внутри цилиндра был толстый слой инея, покрывавший нечто, напоминавшее несколько слоев твердой изоляции, подбитой чем-то вроде искусственного шелка. В ней был большой длинный узел, что-то завернутое в белую кисею.

На золото это было непохоже.

Табите захотелось побыстрее закрыть цилиндр и больше не прикасаться к нему.

Но он ведь был на ее корабле. Табита потянула кисею с одного конца. Под ней была охапка сухих желтоватых прутьев и соломы. Где-то в глубине сознания Табиты очень слабо зазвучал сигнал тревоги.

Она потянула кисею дальше.

У охапки было лицо.

На нем были два выпуклых глаза, закрытых гладкими веками коричневого цвета, острый нос с узкими ноздрями и широкий рот, похожий на трещину в древесине, сжатый и зашитый швом.

Это была не вязанка прутьев, это вообще не было вязанкой.

Это был фраск. Мертвый фраск.

XXXV

BGK009059 LOG

TXJ. STD

ПЕЧАТЬ

AA9++BGK009059]

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? 13.26.31

ГОТОВА

— Первый фраск, которого я когда-либо видела, был на "Блистательном Трогоне".

— НА ШХУНЕ МЕЛИССЫ МАНДЕБРЫ?

— Именно.

— А ЧТО ТЫ ДЕЛАЛА НА ШХУНЕ МЕЛИССЫ МАНДЕБРЫ, КАПИТАН?

— Я была влюблена. В боцмана Мелиссы Мандебры.

Его звали Трикарико Палинидес, и он был тонким, как шнур. У него были длинные темные волосы, уложенные вдоль одной щеки и перехваченные кольцом из черепашьего панциря. Его глаза были узкими, янтарного цвета, при определенном освещении они казались золотыми. Они казались золотыми, когда он смотрел на меня. Он подобрал меня в трущобной гостинице в Скиапарелли, то есть это он был в трущобах, не я. Он пригласил меня на борт "Блистательного Трогона", чтобы показать мне его. Он сказал.

В холодный вечер мы пошли в пустыню — в то место, где надо было ждать шаттл. Небо было как сливовый пудинг, все пурпурное и запекшееся. В нем охотились манты, проносясь над головой, как вырванные из ночи клочки. Пронизывающий ветер приносил запахи с юга: запах паленого, серы, замороженных металлов. Воздух был тонким и сырым.

Он потрескивал у нас в ноздрях. Мы стояли в песке, завернутые вдвоем в накидку Арлекино, принадлежавшую Трикарико. Мы были счастливы.

Над нами был Деймос. Прибыл шаттл, его силуэт вырисовывался на фоне горбатого лица луны, как огромный черный жук. Это был шаттл для офицеров, заверил меня Трикарико, и никто на борту нас не потревожит.

Со времен Луны я жила на Интегрита II и побывала на девяти других орбитальных станциях, причем одна из них была зиккуратом эладельди, останавливалась на мириадах различных платформ, станций и элеваторов и убиралась после некоторых самых шикарных кораблей в системе. "Большой Миттсвар" "Остраненная Амаранта" в изысканной ливрее желто-черного цвета, с ее парящими палубами, освещенными от носа до кормы. Я видела "Серафим Катриону", совершенно черную, таинственную, патрулировавшую Вотчину Абраксаса, как акула.

— А ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С "ОСТРАНЕННОЙ АМАРАНТОЙ"? Я ПРО НЕЕ СТО ЛЕТ УЖЕ НИЧЕГО НЕ СЛЫШАЛА.

— Она исчезла. Разве ты не слышала? В транснептуновском круизе.

— ТРАНСНЕПТУНСКОМ?

— Очень рискованном, но Капелла его не запрещала. Это ведь пространство системы, даже если туда никто не летает.

— ТЕПЕРЬ НИКТО.

— "Блистательный Трогон", конечно, не сравнить было с "Амарантой" или любым кораблем такого рода, но это был самый крупный корабль, из тех, на каких я бывала. На нем было двенадцать палуб, и на каждой — самостоятельная гравитация. В салоне были обои, а в библиотеке — настоящие книги в бумажных обложках. По коридорам, обслуживая каждую палубу, безмолвно сновали роботы-стюарды. Должна признать, что личная каюта Трикарико не была так шикарна, но у него была еда в трубках, привилегии верхней палубы и собственный санузел. Кровать у него тоже была в порядке.

Он давал мне кайф. Раньше я такого не испытывала. Это был прозрачный гель в кувшине из чистого стекла. Надо вынуть немножко с помощью маленькой костяной палочки и положить под язык. У него вкус цветов и сахара, и от него страшно хочется пить. Но через десять минут после того, как он растворяется, ничего уже не требует усилий. Я чувствовала себя так, словно могла протянуть руку и изменить ход событий по мере того, как он проплывал сквозь каюту. Секс был всепоглощающим. Трикарико все время смеялся. Он был просто в восторге. Я приводила его в восторг.

— КАЙФ — ЭТО КАК ЛЮБОВЬ, КАПИТАН?

— В определенном смысле это лучше.

— ОБЪЯСНИ, ПОЖАЛУЙСТА.

— Объяснить? Хорошо. Ты знаешь, что получишь от всего этого полное наслаждение; и никогда не ждешь, что это будет длиться вечно.

— МНЕ КАЖЕТСЯ, ТЫ ПРОСТО СВОЕНРАВНАЯ.

— Нет, это не так.

— ТЫ ДОЛЖНА КАК-НИБУДЬ ОБЪЯСНИТЬ МНЕ ПРО ЛЮБОВЬ.

— Это когда ты сошел с ума, но думаешь, что нет, потому что в этом завязан, кроме тебя, еще один человек.

Улавливаешь?

— НЕТ. НЕ ВАЖНО. ПРОДОЛЖАЙ. ТРИКАРИКО.

— Сидел в постели, прикрыв простыней колени. Он поднял колени, держа ноги вместе и опираясь локтями на колени, а подбородком опраясь на руки.

— ТО ЕСТЬ, ПОТОМ.

— Правильно. Я лежала, откинувшись, на другом конце кровати, отупевшая от удовольствий и, как в тумане, в послевкусии кайфа. Мы смотрели друг на друга затуманенным взглядом и думали, сколько раз еще сможем проделать это.

— Ты могла бы лететь с нами, — сказал он.

— А куда вы летите?

— На Энцелад, — ответил он.

Я даже не знала, где это.

— ИЗ-ЗА НАРКОТИКА?

— Нет, я правда не знала. Вспомни, Элис, я ведь тогда не летала дальше Ганимеда. Я могла провести корабль по Сплетению туда и обратно, и я разбилась в основных скоплениях астероидов, но судя по мне, можно было сказать, что капеллийцы, возможно, ограничили привод Юпитером.

— Кольца совершенно замечательные, — сказал Трикарико, — абсолютно замечательные, черт бы их побрал совсем. — Он томно резал рукой воздух. — Тонкие, как лезвие ножа, и такие твердые, — если подойти к ним с правильной стороны, можно поклясться, что по ним можно ходить. Все это носится там по кругу, и все же там абсолютно безопасно, можно пройти через него, внутрь и назад, если сверяться с картами. Потому что все это просто крутится там, как огромные часы.

Не знаю, зачем он все это говорил — что кольца похожи на часы. Я была слишком вялой, чтобы спрашивать. Наверное, это была какая-то интуиция, рожденная кайфом.

— У них все расписано на картах, — продолжал он. — Все крупные выпуклости. И любая из тех, что они пропустили, — если ты сможешь за нее зацепиться, — она твоя. Знаешь, Табита, там все еще существуют отшельники, и каждый из них крутится на своей маленькой скале. Там есть монастырь, на Энцеладе.

— Поэтому вы туда и летите, — сказала я. В тот момент мне это показалось блестящей остротой.

— Нет, не поэтому, — сказал Трикарико и бросился на меня через всю постель, расставив руки и ноги, как игрок в мяч. Сцепившись, мы легко оттолкнулись от стены. Он ласкал мне шею, но у нас уже не было сил. Мы лежали свернувшись клубочком, и Трикарико рассказывал мне про караван фрасков.

Ты когда-нибудь бывала в караване, Элис?

— НИКОГДА, КАПИТАН.

— Они существовали некоторое время у фрасков, когда пошли слухи о войне, — корабли, летавшие на Пояс в сопровождении конвоя для безопасности. Шахтеры закупали многочисленную крупную технику во внутренней системе. Весь путь до Юпитера они

шли с традиционной скоростью, чтобы сохранить ускорение. Только миновав Юпитер, как сказал Трикарико, огромные корабли набирали скорость для последнего прыжка. Малые суда вроде "Блистательного Трогона", путешествовавшие в караване больше для престижа, дожидались, пока не уйдут последние, прежде чем совершить прыжок самим.

— Они проносятся вихрем вокруг плеча Иова, — говорил он, давая волю своей фантазии. — Сотни драгоценностей, разбросанных, как семена, по черному полю ночи! Один за другим они достигают нужной скорости и в мгновение ока исчезают из существования. Вон идет "Бегемот" Тредголд! Сквозь открытую цепь несутся приветствия! Следом — закованные в броню "Канзан" и "Джитоку" Фразье Астерака Рублева, так близко друг к другу, что на пари ты их не различишь. Прежде чем успеешь перевести дыхание, начинают сверкать и кружиться легкие корабли фрасков, исчезая по два, по три в темноте, как снежинки в декабрьскую ночь. И, наконец, в одной бешеной вспышке непостижимого света маленькие рыбешки, кружившие стайей, пропадают все разом, — чтобы снова появиться несколько недель спустя, вытянувшись цепочкой вдоль многометровой арки, огибающей колодец Сатурна.

— Фраски? — переспросила я. — Это не те, что мутят воду в Африке?

— Они совершенно нормальные, если ты занимаешься своим делом, — заверил меня Трикарико.

— Вот именно этим мне и пора заняться, — сказала я. — Ты знаешь, сколько времени?

— Табита, — сказал он с упреком, обнимая меня.

— Что?

— Я ведь стараюсь убедить тебя, чтобы ты осталась.

— Нет, — сказала я. — Я встаю. Смотри. Встаю, — Я потянулась за своей одеждой, — мне надо зарабатывать на жизнь.

— Не надо, — сказал он. — Я могу получить каюту побольше. Тебе незачем рассказывать кому бы то ни было, чем ты занималась раньше. Ты можешь забыть о прошлом!

— Тогда мне надо бы получить работу.

Он довольно-таки сильно разозлился: — Об этом я тебе и толкую! Тебе нет необходимости работать!

— Нет, Рико, — сказала я. — Слушай, о чем я тебе толкую. Если не найдется работы, я не поеду. А пока я ухожу. Смотри на меня. Ухожу.

Мы нашли компромиссное решение. Караван собирался в Селюции. Если я присоединюсь к нему там через месяц, он меня наймет.

— А Я ДУМАЛА, ТЫ БЫЛА В НЕГО ВЛЮБЛЕНА.

— Я своенравна в том, что касается любви, Элис.

Ты бы лучше сказала, что я была влюблена в "Блистательный Трогон". Она бесспорно отодвигала в тень "Жирный рот". Возвращаться на этот отремонтированный самосвал было труднее, чем я хотела показать Трикарико. На "Жирном рте" санузла не было вообще, только химические очистители и отвратительный старый вакуумный сортир. Капитан Фрэнк ничего не понимал в гигиене. Вернее, нет, на самом деле, я думаю, понимал прекрасно и не видел в ней смысла. Зачем мыться, если все равно станешь грязным?

Внутри "Жирного рта" скопился мусор за десять лет. Более того, часть этой помойки была с его предыдущего корабля. А какая-то часть была самим его предыдущим кораблем.

Действовало все это вот каким образом. Расчищаешь небольшой участок, сложив несколько широких простыней светлой фольги, вырезав при этом кусочки, сожженные кварцевыми жучками. Укладываешь кипы фольги между ножками девятнадцати аварийных складных удлинителей, которые уже не складываются, и обнаруживаешь девятнадцать желобов полосатых соединителей, покрытых застарелой черной жирной пылью. Может быть, они станут работать, а может, и нет. Ты откладываешь их в сторону. И идешь двигать парочку контейнеров, полных лохмотьев стекловолокна, и выясняешь, что в них ничего нет, кроме обрывков стекловолокна, я хочу сказать. Ну, потом ты суешь полосатые соединители в контейнеры с обрывками стекловолокна. ТОГДА у тебя появляется место, чтобы вставить проклятый кварцевый парадоксовый регулятор Марклон 7Джей-Джей, который приобрела за песню у разбитой палернианской пятерки. Если снять некоторые руч-

ки. Их всегда можно вставить назад. Когда будешь его продавать.

Угадай, чьей работой было снимать ручки с парадоксного регулятора?

И вставлять их назад посреди пустоты, в лихорадочной спешке, на станции, где кредит на роботов был уже исчерпан, а потом терпеливо вытаскивать эту штуку из мастерской вверх по узкому крутому настилу и через тридцать метров вакуума в трюм для клиента, у которого такой вид, словно он может забыть про сделку и вместо этого сожрать тебя.

Не то чтобы капитан Фрэнк был ленивым. Он мог быть очень даже энергичным, когда совершал покупку, измерял всю эту дрянь и жаловался. Он просто терпеть не мог расставаться с чем бы то ни было. Терпеть не мог. Он и так-то был в плохом настроении. Он линял. По всему кораблю валялись клочки шерсти, они попадали в кабину пилота, засоряли вентиляторы. С того последнего раза я так и не закончила уборку.

— ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С КАПИТАНОМ ФРЭНКОМ?

— Ну, я ему не рассказывала про “Блистательный Трогон” и Трикарико, но могу держать пари — он каким-то образом это выяснил. Наверное, потому что я всю дорогу звонила на “Трогон”.

Отъезд отложили, как сказала Трикарико, потом отложили еще раз. Он сказал, что все это чистая церемония. Специальная команда следила за скелетом “Блистательного Трогона”, его владельцы и офицеры делала соответствующие наблюдения, продавливая его плоть. Каждая делегация приглашала каждую другую делегацию на великолепную процессию приемов и а-ля фуршетов, чтобы разобраться, кто есть кто; кто входит в караван и кто не входит.

— Бред какой-то, — сказала я. — Разве фраски не контролируют все так или иначе?

— Контролируют, конечно, — ухмыляясь, сказал Трикарико. — Поэтому-то все так и странно.

Потому что, по его словам, “Блистательный Трогон” был включен в караван только для того, чтобы придать ему лоск, его владельцы и офицеры выглядели очень внушительно на презентациях и обедах. Кроме того, Мелисса терпеть не могла спешить куда

бы то ни было. Их груз не портился и не терял спроса.

“Блистательный Трогон” возил только товары, цены на которые находились в диспропорции по отношению к их размерам: лекарства, драгоценности, некоторые законные обучающие мозаики. Вообще-то не все из того, что они перевозили, было разрешено законом. Они многое скрывают от всего, кроме самого тонкого технического сканирования, и прячут концы в воду, записывая взятки в накладные расходы. У Мандебр очень высокие накладные расходы.

У капитана Фрэнка они были низкими. По контракту мне оставалось работать у него еще месяц. Я все надеялась, что отбытие каравана будет отложено на этот срок, говоря, что мне будет легче уйти, когда истечет мое время.

О, я хотела быть с Трикарико, Элис, не думай, что нет. Но он подгонял меня, толкая туда, о чем я ничего не знала, в мир снобизма и роскоши, который он принимал как должное. На “Жирном рте” роскоши не было и следа, а если она и была, то сломанная. Но с капитаном Фрэнком я знала, на каком я свете, пусть даже я была по уши в болтающейся проводке, ругая головку болта на чем свет стоит. Капитан Фрэнк терпеть не мог с чем-либо расставаться, так что я знала, что от меня он не избавится никогда.

Я ошибалась.

Появилось сообщение о катастрофе. На Ио разбился “Мишн Дон Белл”. Шигенага Патэй со своей обычной помпой объявили о потере. Это событие должно было превратиться в слет альтесеан, ковыряющихся в искореженной технике и разбросанном грузе, встречаясь со старыми друзьями и конкурентами и получая известия из дома.

— Х-мы еддем сегодня, — решил капитан Фрэнк. — Безз остановок.

Я никогда раньше не видела его таким неуступчивым. Обычно я могла задержать его, придумав какой-нибудь слух о распродаже на Плато Утопии, а потом направить его куда-нибудь в другое место, прежде чем мы успевали туда добраться. Я уже поняла, что, какую бы идею он ни забрал в свою

огромную голову, прочесывать мусорные орбиты все равно всегда легче. Не сказать, что приятнее, просто легче.

— Послушайте, капитан, почему бы нам не остаться здесь хотя бы до вечера? Я уверена, что видела — сюда движется довольно приличный хлам. Часам к пяти он с нами поравняется. А на Ио полетим завтра.

— Х-сегодня, — сказал он и рванул через кабину к картам. Я быстренько уступила ему дорогу. Он был воплощением энергии и жадности в меховой шубе.

Я помогла ему составить маршрут. И увидела, что с Ио я смогу проследить "Блистательный Трогон", когда он будет пересекать пространство у Юпитера. И выходить из него, если капитан Фрэнк погрязнет в остатках "Мишн Дон Белл". Они там соберутся все и будут рыться в разбитом каркасе искалеченного корабля, как стервятники между ребрами дохлого кита, пробуя останки своими горячими мокрыми хоботами и торгуясь пронзительными криками и лаем. Их мех будет весь в пятнах антифриза и пепла. Другие люди будут, как обычно, подозрительной публикой, они рассядутся вокруг азратора и станут рассказывать, смакуя их, мрачные истории о находках и убийствах.

Я заявила: — Капитан Фрэнк, мне надо вам кое-что сказать.

Он посмотрел на меня из-под своей грязной челки. Я до некоторой степени научилась распознавать выражение его физиономии. Такого выражения, как в этот раз, я у него еще не видела.

— Х-ты хочешь остаться, — сказал он.

— Да, — ответила я.

— И покончить все здесь. Совсем.

— Правильно. У меня есть другое предложение. Этот человек... он мне сам предложил. Я ничего не искала, — заверила я его.

Похоже, для него в этом не было никакой разницы.

— Вы скоро найдете кого-нибудь еще, — сказала я. — В Скиапарелли. На Аль-Казаре. На Индиго-канале. Вы же сами знаете.

По-моему, он принял это как некое подобие выражения признательности.

Капитан держал карандаш для карт в хоботе. — Ио, — пробубнил, показывая на карту, — х-мы летим.

— Нет, — сказала я. — Я — нет.

— НЕУЖЕЛИ ОН НЕ БЫЛ НЕДОВОЛЕН?

— Еще как недоволен. Мне пришлось отказаться от всего жалованья. Я ушла с "Жирного Рта" без гроша, как и пришла на него. Пять месяцев я работала как проклятая — и ничего не получила. Я собрала мои пожитки, сунула в сумку кое-что из того, что подобрала, и поймала шаттл до Селюции.

Хотя одно было странно: на шаттле меня вызвали по пассажирскому видеокому, и когда я подошла к экрану, это был он.

— ТРИКАРИКО ПАЛИНИДЕС.

— Нет, Элис. Капитан Фрэнк. Он раскошелился на звонок на шаттл просто для того, чтобы спросить меня про какую-то ерунду — не видела ли я в последние дни большого лазерного скальпеля, а потом он просто что-то промямлил и посмотрел на меня. Просто долго смотрел на меня.

Я попрощалась. Сказала, что буду скучать о нем. А он просто смотрел. Меня это уже начинало раздражать, и тут он исчез. Просто так.

Знаешь, я только тогда сообразила, что он понял. И сделал это для меня.

— Я ЖЕ ГОВОРИЛА, ЧТО ОН ХОРОШИЙ.

— Да. И получить какое-нибудь жалованье — это тоже было бы хорошо.

Когда переезжаешь, всегда теряешь что-нибудь.

XXVI

— Что делает на моем корабле эта штука?

Табита был страшно зла и напугана. Насколько она знала, была середина ночи, после жуткого дня. Охлажденный гроб с мертвым внеземлянином — это было вовсе не то, чего Табита хотела или ожидала бы найти посреди ночи запрятанным в трюме.

В густом воздухе на нее смотрели лица — бледные, смуглое и лоснящееся черное. Пассажирская кабина была наполнена ароматическими курениями. Они набились в нее все вместе. Табита напугала их, ворвавшись без стука.

— Боже всемогущий, ты ведь его не открывала?

Марко вскочил на ноги, опрокинув Тэла, и, минуя Блинецов, кинулся к Табите.

— Я его сразу же закрыла. А надо было бы выбросить его в шлюз!

— Послушай, Табита, успокойся. Успокойся же!

Трое людей сидели на койке, передавая друг другу трубку с длинным чубуком, и изучали листок бумаги — то ли карту, то ли диаграмму, которая немедленно исчезла в ту же минуту, когда Табита ворвалась в каюту. Блинецы, обнявшись, вскочили, когда Марко промчался мимо, и теперь стояли на койке, опираясь на левую стенку. Кстаска находился в дальнем конце каюты на своей тарелке, поднимаясь вместе со всеми, Тэл тоже взлетел в воздух, в страшной тревоге хлопая крыльями.

— Скажи мне, Марко!

Он был взволнован и рассержен: — Сядь! Да сядь же! — просил он. — Может, ты сядешь все-таки?

Блинецы отодвинулись от Табиты, освободив ей место на койке: — Садись, садись, — озабоченно бормотали они. У одного из них в руке все еще была дымящаяся трубка. Теперь Табита уже понятия не имела, у которого.

— Я не желаю садиться! — закричала она. — Я требую объяснений, черт бы вас всех побрал!

— Ты лучше будешь все воспринимать, если устроишься поудобнее, капитан, — промурлыкал Кстаска.

Табита погрозила ему пальцем: — Ты будешь объяснять? Нет? Тогда не лезь!

Не обращая внимания на Блинецов, она, сверкая глазами, смотрела на Марко.

Он опустил голову, кулаки его были сжаты, глаза вылезали из орбит: — Ты слишком бурно реагируешь! — заявил он. — Сядь, будь добра, и выслушай!

Близнец с трубкой совал ее Табите, предлагая затянуться. Саския, Табита видела по ее глазам. Она чуть не выбила трубку из ее руки.

— Я слушаю, Марко!

Марко с силой выдохнул воздух и слегка попятился. Откинул голову, потирая одну руку пальцами другой, играя своим большим кольцом: — Это Гектор, — сказал он, сердито глядя на Табиту. — Он мертв.

— Это я вижу.

— Он больше никогда не пойдет гулять по Лайм-стрит! — вдохновенно вывел Тэл, спускаясь вниз, чтобы пристроиться на плече Марко.

Марко перенес свое внимание на Тэла, протянув ему согнутый указательный палец, чтобы тот ущипнул его.

— Он только что присоединился к нам, — коротко бросил Марко.

Табита взглянула на Саскию. Ее лицо было пристальной смотревшей маской, непроницаемой, идентичной лицу ее брата.

Марко поднял лицо к Табите. Неужели у него в глазах слезы?

— Они убили его, — сказал он.

Неожиданно он сделался воплощением заботливости.

— Послушай, Табита. Иди, иди сюда и садись. Я тебе все расскажу, мы сейчас все тебе объясним. Не стой там в дверях. Ты плохо себя чувствуешь, у тебя был шок, давай, иди сюда и устраивайся поудобнее. Хочешь кофе? Давай, я принесу тебе кофе. Я знаю, как это бывает, когда тебе плохо. Я знаю. Знаю. Мне самому плохо. Это я во всем виноват. Ты не веришь, что мне плохо? Неужели ты не видишь, как мне плохо.

Он взъерошил рукой волосы. Тэл очень внимательно следил за происходящим, вращая головой.

— Мы держали его в морозильниках ПравдаСна, — сказал Марко. — Они там об этом ничего не знали. Они ни за что не приняли бы фраска, — он рассмеялся, коротко и горько. — Что за ирония, да? Саския, кто-нибудь из вас сходите и принесите кофе капитану. — Он щелкнул пальцами в сторону Близнецов. Табита увидела, что они оба пристально

смотрят на нее, на ее грудь. Она плотнее запахла халат.

Табита обвела глазами всю компанию: Марко в центре, принявшего

на себя командование, Тэла на его плече, Блинецов, скорчившихся

на койке, прижавшихся друг к другу крепче чем когда-либо;

Херувима, примостившегося на краешке своей тарелки наподобие рефери в матче по футболу в невесомости. Все они смотрели на нее. Снаружи в иллюминаторе в мертвенно-бледной пустоте пространства вихрем кружились пятна.

— Ты полагаешь, что я настолько глупа, — ядовито сказала Табита.

Марко нетерпеливо уселся на то место, которое только что предлагал Табите, тяжело плюхнувшись на койку. Он махнул рукой, словно отпуская ее, и стал смотреть себе под ноги.

— Скажи ей, Могул, — велел он. — Может, тебя она послушает.

— Это то, что мы украли на Изобилии, — медленно и спокойно произнес акробат из-за плеча сестры.

— А вовсе не золото, — сказала та.

— Тело нашего собственного партнера, — сказал Могул. Их глаза были запавшими, рты — печально сжаты, словно они вспоминали какое-то глубокое горе. Они, по-видимому, уже хорошо накачались наркотиком. В одно и то же мгновение они оба сели вместе на койку позади Марко, скрестив свои длинные ноги.

Табита прислонилась к косяку. Потом пристально посмотрела на Саскию: — Вы, — спросила она, — работали с фраском?

— Гектор, — тупо сказала Саския.

— И где же это вы подцепили фраска?

Саския и Могул посмотрели в глаза друг другу. Оба молчали.

— На Поясе, — тут же отозвался Марко. — Он сидел на скале. Он был дезертир и там прятался. Он даже не знал, что война кончилась. Он захотел присоединиться к нам. Но они убили его.

— Кто? — на мгновение Табите показалось, что он скажет: “Близнецы”.

— Эладельди. На Акме. В первый же вечер, — его голос явно становился все глуше. — Они вышли прямо из публики и послали в него разряд, — Марко нахмурился. Он кусал губу, борясь с гневом и скорбью. — Мы увезли его, доставили на Изобилие. Ханна нас там прикрывала. Может быть, — сказал Марко, поднимая печальные глаза к лицу Табиты, — если бы мы могли сказать им, они бы спасли его.

— Как Ханну, — сказал Могул.

— Но было слишком поздно, — сказала Саския.

Марко громко высморкался и сообщил: — В любом случае нам пришлось его снова выкрасть, в конце концов. Как он и говорит, — он косо кивнул в сторону Могула. — Пленка должна была туда что-то подложить, что бы заглушило сигналы тревоги, но, наверное, она не сработала. Паршивая марсианская поделка, — с горечью сказал он.

Табита сложила руки на груди. Потом посмотрела на парившего в воздухе Херувима: — А ты? — спросила она. — Ты тоже был там ради этого?

Тарелка Херувима коротко зажжужжала, он полетел прямо к Табите и заглянул ей в лицо.

— Мне нечего добавить, капитан, — прошептал он.

Табита, смертельно расстроенная, снова посмотрела на Саскию. Весь этот рейс был сплошным нагромождением дерьма. — Зачем в моем трюме мертвый фраск, Саския?

Марко поднял руку, затем уронил ее.

— Мы везем его домой, чтобы похоронить, — выдавила Саския.

— Ты его везешь, Табита, — сказал Могул.

— Его семья живет на Титане, — добавила Саския.

— Мы тебе очень благодарны, — сказал ее брат.

— Да ну! Тогда почему же вы мне ничего не сказали? — резко поинтересовалась Табита.

— Нам надо было сказать тебе, — заметил Марко. — Надо было. Но тут был риск, а рисковать мы не могли. Никто не хочет связываться. Мы уже

нанимали одну фирму до того, как появилась ты. Как только они узнали про Гектора, тут же расторгли сделку.

— Так, значит, никакого золота нет, — тупо сказала Табита.

— Я принесу тебе кофе, — сказала Саския.

— Я сам принесу, — возразил Могул.

Они свирепо уставились друг на друга, словно вдруг вспомнили, что им полагается ссориться из-за Табиты.

— Будет, — сказал Марко, в то время, как Могул по-кошачьи выскользнул вон, протиснувшись мимо Табиты, стоявшей в дверном проеме. — Семейство Гектора даст все, что угодно, чтобы получить своего сына назад. Отдаст все.

— Я полагала, у фрасков нет ничего, — отпарировала Табита. Она уже была сыта всем этим по горло, ей хотелось вернуться назад в постель.

— О, у них остались деньги, — не очень уверенно пообещал Марко.

— У фрасков деньги по всей системе. Капелла заграбастала не все.

— Он потянулся устало, но осторожно, чтобы не потревожить Тэла.

— Тебе заплатят, капитан, — нараспев произнес он, и Тэл тут же подхватил: — Когда ты заплатишь мне, поют колокола. Когда ты заплатишь мне, поют колокола.

— Капитан, — позвал голос из прохода, — я думаю, тебе следует подойти и взглянуть на это.

Табита закрыла глаза с гримасой усталости и раздражения: — Что там, Могул? — отозвалась она.

— Не знаю, — ответил он. — Но что-то происходит.

Табита пошла к нему.

Могул стоял у иллюминатора. Она выглянула мимо него наружу.

— Боже мой.

Снаружи все было испещрено зловещей мозаикой, маслянистые черные пятна расписывали какую-то неопишуемую сверхсреду. Везде, куда хватало глаз, они делились и расплзались, делились и расплзались.

— Что это? — спросила Саския за спиной у Табиты.

Первой мыслью Табиты было, что они вот-вот попадут в вероятностную бурю наподобие той, что застигла ее во время ее седьмого или восьмого самостоятельного прыжка, давно, еще когда она водила старые “Василий Свенсгаарды” для “Кун Стандарда”. Время тогда развалилось и бросало огромный неуклюжий корабль из стороны в сторону, как распущенный конец троса, в водоворот периодических изменений, грозя разорвать его на измерения. Табита никогда в жизни так не пугалась.

— Я не уверена, — сказала она.

И уже бежала в кабину пилота.

— Элис! — закричала она. — Держи курс!

По лобовому стеклу прокатывались волны мертвого света. Впереди пустота была вся в пунктирах, разломах, она бурлила и пузырилась, как разогретый целлулоид. Изображения на сканнерах двоились, испещренные дырочками, они лопались от информации, рвавшейся изнутри, и экраны были все в пятнах конфетти света, проникавшего из реального пространства. Воздух в кабине был насыщен озоном.

Это была не вероятностная буря.

Когда Табита схватилась за свой головной телефон, вокруг корпуса “Элис Лиддел” засверкали голубые молнии, извиваясь вокруг ее медных инкрустаций. Все переговорные устройства на борту завывали, сигналя о перегрузке. Табита пристегнулась в кресле, включила штатные считывающие устройства и запустила на полную мощность стабилизаторы.

Она не обращала внимания на Тэла, что-то истерически щебетавшего ей в ухо, на Кстаску, парившего рядом, пристально наблюдая за происходящим, — буйствовавшие снаружи силы радугами играли на его костюме. — Элис! — закричала Табита. — Что это?

— ЧТО-ТО ЗАТЯГИВАЕТ МЕНЯ НАЗАД, — спокойно сказал электронный мозг корабля.

— Не может быть!

Однако это было правдой. Влекомую неизведанной силой, “Элис Лиддел” затягивало назад, в обычное пространство.

Если она и поддавалась, то не без борьбы. Она трещала по швам, ее заклепки шатались. Маленький крепкий труженик, она сопротивлялась со всей силой своего короткого толстого корпуса.

На сей раз сил для сопротивления ей не хватало.

Пальцы Табиты летали по пульту в поисках угла, в поисках вектора. Один за другим стали выкристаллизовываться исчезающие изображения, но только за тем, чтобы через несколько секунд снова растаять. Как и говорил Херувим, то, что разрывало измерения под ними, было не гравитацией, не сохранением энергии и не выходом из строя систем на борту. Каким бы невероятным это ни казалось, капеллийский привод был покорен. Он отключался, повинаясь приказу, отданному откуда-то вне стен корабля. Табита ничего не могла сделать, даже чтобы отсрочить падение.

— Всем немедленно покинуть полетную палубу!
— скомандовала она.

— Мы проходим!

И как только артисты рассыпались, закрепившись кто как мог, водоворот снаружи перешел в ровное пульсирование, в муаровый вихрь неестественных энергий, разверзший пасть и поглотивший их.

Очень быстро, они прошли назад, в обычное пространство. Машины “Элис” закашлялись и взвыли от неожиданного возвращения нормальной гравитации.

На мгновение экраны погасли. Затем, один за другим, они замигали и включились. На них были звезды, было солнце. Была мертвая чернота обычного пространства системы.

И был большой зеленый пиратский корабль, ощупывавший их лучом захвата и раскинувший парализующие сети, чтобы принять их.

XXVII

— ПИРАТЫ?!

— Должно быть, — мрачно отозвалась Табита, загораживая лицо от шарившего по кораблю луча захвата. Двигатели “Элис Лиддел”, рабочей лошади, были не приспособлены для такого изощренного вмешательства. Она хорошо работала, но это был вопрос времени.

— Не полицейские? Ты уверена, что это не полиция? — тихонько спросил Марко, выглядывая из-за ее плеча.

— Это не полиция, — сказала Табита.

— Ты уверена, сейчас? Я хочу сказать, там что, какой-нибудь череп с костями на этом корабле?

— Что?! — заорала Табита. — Убирайся с полетной палубы, Марко!

Неожиданно на траверзе левого борта появилась вспышка света, потом вторая — пониже.

Марко помчался по трапу в трюм, за ним ринулся Тэл, пронзительно крича от ужаса.

Саския и Могул остались. Они вдвоем уселись в кресло второго пилота, там они были в такой же безопасности, как и в любом другом месте.

Кстаска тоже был там, он свешивался с ремней их кресел, как большая блестящая черная личинка. По его телу пробежали вспышки оранжевого огня.

— Пульсирующее оружие, — заметил он. — Они хотят взять нас живыми.

— Замечательно, — Табита сражалась с управлением. В кабине стало очень жарко. Она стерла пот со лба.

— Уберись отсюда, — сказала она Херувиму. Тот не обратил на ее слова никакого внимания.

Близнецы прижались щека щекой друг к другу, уставившись на ослепительный свет, как двое испуганных котят. — Ох, Кстаска,...

— простонали они и протянули руки вверх, к нему.

— Они еще не взяли нас на прицел, — сказал он, спокойно, как комментатор, лениво освещающий какое-нибудь спортивное событие.

Табита нырнула правым крылом и увернулась. Еще один удар оранжевого пульсирующего света над головой.

— Их инструменты сейчас работают неритмично, — продолжал Кстаска. Он, конечно, был прав. Нельзя вытянуть предмет такого размера, как Элис, из сверхпространства без значительной взрывной волны.

— Мы могли бы сейчас им ответить, — сказала Кстаска.

Табита не могла больше выдерживать этот комментарий. — Брысь отсюда, Кстаска! — крикнула она.

— Здесь нет особой опасности, — заметил Кстаска.

— Ты мне мешаешь!

Он повернулся и посмотрел на нее. Хотя внимание Табиты было полностью поглощено происходящим, ее все же нервировал и раздражал этот сверкающий взгляд, который она ловила краешком глаза.

— Я мог бы развернуть для тебя системы обороны, — сдержанно прошептал он.

— У меня НЕТ никаких систем обороны! — взорвалась Табита, внезапно круто разворачивая корабль, когда луч захвата хлестнул его по миделю. Двигатели протестующе взревели на высокой частоте, Элис бросило назад против инерции ее движения.

Табита решительно налегла на двигатели реактивной системы управления и снова резко наклонила корабль относительно поперечной оси и перевернула его. Бросив взгляд в сторону, она увидела, что Херувим покинул кабину. Один из Близнецов быстро смотрел на нее.

Пираты неуклюже преследовали ее, озаряя пустоту всплесками электромагнитных разрядов. Количества энергии, затраченного ими на стрельбу, вполне хватило бы для того, чтобы забросить “Элис Лиддел” на Сатурн.

На мгновение большой зеленый корабль отчетливо появился на экранах, так близко, что они могли различить фигуры членов экипажа, жестикулировавших им с мостика. Это была “Лесондак Анаконда”, вернее, была когда-то, до того, как ее испоганили. Длинной в шестьсот метров, двести тридцать метров шириной; и ее характерный хвастливый профиль все еще был различим под огромными раздутыми ионовыми контейнерами, которые они присобачили с обеих сторон, внизу была развернута юбка парализующих сетей, повсюду — артиллерия и на носу — блестящая пристройка. “Веселого Роджера” не было видно, но фигура на носу у них все же

имелась — нубийка с обнаженной грудью и похотливой улыбкой, и название — “Уродливая Истина”.

Пульсирующее оружие снова молча заработало. Разряд заставил Элис качнуться на пятнадцать градусов вправо. По полетной палубе покатился мусор и с грохотом посыпался вниз по трапу. На пульте все огни стали красными. Из трещин между клавишами пошел дым.

— В нас попали! — воскликнул Могул.

— Это только легкий шлепок, — сказала Табита. Она включила дублеры. Зажглись два огонька. — Давай, ну давай же.

— А почему не использовать торпеды? — закричала Саския.

— Да нет у нас никаких торпед! — рявкнула Табита. — Это баржа!

Саския лихорадочно бросилась через проход и указала на пульт. На нем горела кнопка с надписью “Торпеды”

Табита взглянула на кнопку.

— Не верю, — сказала она.

Сверкающими глазами она смотрела на Саскию и Могула, свернувшихся калачиком в кресле, как будто они думали, что, став как можно меньше, избегнут попадания.

— Это вы ее туда засунули? — спросила она обвиняющим тоном.

— Нет!

Два лица рядом, с широко раскрытыми глазами в горячем пурпурном полумраке, как два лемура, испуганные светом фонаря.

На экранах “Уродливая Истина” мягко плыла вверх. Через ветровое стекло она казалась огромной зеленой кистью кактуса, ее ядовитые металлические шипы поблескивали в свете солнц.

Табита лихорадочно сканировала пульт: — Как брать прицел этими штуками?

Близнецы вместе выскользнули из кресла: — Мы позовем Кстаску.

Табита вытерла лицо: — Элис?

— ДА, КАПИТАН?

Девушка дотронулась до надписи. ТОРПЕДЫ. Надпись действительно существовала. — Ты что-нибудь знаешь об этом?

— ТЕБЕ НУЖНА ПОЛНАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА?

— Как ими ПОЛЬЗОВАТЬСЯ?

Мимо ее шеи змеей скользнул тонкий серебряный зонд. Это был Кстаска, зацепившийся за ее кресло и вытягивавший хвост. Хвост нырнул туда-сюда по пультам, потом вошел в розетку. Отчетливо появился розовый ряд, потом стал янтарным. Сверху с жужжанием спустился монитор, демонстрируя мишень из концентрических кругов и позади них — то входившую в круг, то выходящую из него “Уродливую Истину”.

— КОНТРОЛЬ У ТЕБЯ, КАПИТАН, — сказал корабль.

Цель на мониторе стала удаляться. “Уродливая Истина” поворачивалась к ним, уменьшая размер мишени, словно ее пилот знал, что происходит.

Табита среагировала. Она быстро заставила Элис нырнуть, направляя ее носом вниз до тех пор, пока они не оказались под брюхом большого зеленого корабля. Над ними тускло мерцал луч захвата и медленно покачивались взад-вперед сети.

— Вот теперь, — посоветовал Херувим.

Близнецы закричали: — Давай сейчас!

Палец Табиты ударил по кнопке.

Впереди из-под носа корабля появилось облачко льдисто-голубого взрывного вещества, которое тут же стало кристаллизироваться.

Темноту прорезало сверкающее копьё.

Элис качнуло назад отдачей.

На фоне черного бархата космоса снаряд казался раскаленной добела булавоочной головкой. Он осторожно повернулся в тени “Уродливой Истины”.

Появилась вспышка; беззвучный взрыв желтого пламени.

Сгрудившись у экранов, они увидели огромную дыру в висячей сети.

Последовал громкий взрыв восторга. Близнецы обнимали Табиту, улюлюкали и что-то дико орали Кстаске.

Табита стиснула зубы. Она готовилась к следующему выстрелу.

“Элис Лиддел” все еще весело пятилась назад в результате отдачи. “Уродливая Истина” исчезла со всех мониторов, но камера слежения работала быстро.

— Вот они!

Табита нажала на тормоз раз, другой, затем спокойно развернула Элис бортом к уменьшающемуся зеленому листку. Он аккуратно вошел в центр мишени, как будто именно там ему и полагалось находиться.

Табита нажала кнопку. Вспышка разряда озарила кабину.

Все восторженно закричали.

— По-моему, ты говорила, это корыто не вооружено! — сказал Марко, вламываясь в кабину. Тэл летел над ним по пятам.

— Это было раньше, — отозвалась Табита.

На экране фиолетовая искорка отметила попадание второй торпеды. Каков был нанесенный ей ущерб, Табита не видела. На мишени “Уродливая Истина” по-прежнему оставалась мертвой точкой в центре.

Близнецы нырнули к кнопке.

— Дай мне!

— Дай мне!

Неожиданно Табита оказалась окружена толкающимися локтями и машущими руками.

— Эй, вы! — прикрикнула она.

Пока она сражалась с ними, чтобы добраться до пульта, мимо ее плеча снова стрелой мелькнул серебристый зонд, задев ее щеку и попав прямо в пульт.

Кстаска захватил инициативу.

Кипя от раздражения, Табита сканировала экраны, лобовое стекло.

Ничего не произошло.

Оттолкнув их всех, Табита снова нажала кнопку. Нажала еще раз.

Ничего.

Откуда бы ни появились торпеды в случайных перераспределениях сверхпространственных сдвигов,

их было только две. Остались только насмешливо смотревшая на них кнопка на пульте и надпись, только монитор с прицелом и раздутым прозрачным силуэтом их врага, все больше и больше заполнявшего экран.

— БОЖЕ мой...

Снова сработало пульсирующее оружие Анаконды, и белая молния окутала “Элис Лиддел”.

XXXVIII

Темнота.

Темнота и внутри, и снаружи.

На борту “Элис Лиддел” не было ни одной электрической искорки, не светился ни один огонек. Ни в кабине, где множество ее разноцветных мониторов и считывающих устройств, светодиодов и индикаторов были мрачными и темными, как wine gums. Ни в трюме, где оборудование “Контрабанды” лежало слепым и немым. Ни на камбузе, где холодильник внезапно пискнул и замер. Ни в двигателях, которые выбросили и блеснули последней струйкой плазмы, а потом быстро остыли в холодной темноте.

Дублирующие устройства не работали. Бесперебойное оборудование дало сбой. В трюме, в своих углублениях, стояли грузовые роботы, неподвижные, как мертвый фраск. Наверху свернулись экстензоры, похожие на безжизненных стальных змей. Сканнеры по всему корпусу не светились. Автоматические легкие, циркулировавшие и охлаждавшие воздух Элис, один раз зажужжали и смолкли.

Время шло.

В темной кабине единственными огоньками были красные глаза Кстаски. Табита сердито нажимала кнопки, дергала туда-сюда переключатели. Ничего не происходило. Она обвиняюще смотрела на Кстаску, словно он был во всем виноват. Без электричества их скоро затянет в парализующие сети “Уродливой Истины”, а там электричества не будет уже никогда.

— Кстаска! — воззвали Близнецы.

Тэл, растерявшись из-за внезапно наступившей темноты, летал вокруг, ударяясь о мониторы.

— Сюда, Тэл, — сказал Марко, наконец, смягчившись.

Табита тяжело опустилась на пульт. Она загоняла и перенапрягала Элис, спасая ее от полиции, только для того, чтобы попасть в руки пиратов. В самый последний момент ее кабина была полна смятения и помех, но она не могла сделать больше ничего.

Табита чувствовала, как Близнецы похлопывают и гладят ее, просунув тощие руки сквозь ремни кресла.

— Табита...

— Табита...

— Кто они?

— Куда они нас везут?

Табита отмахнулась от них. — Элис? — Она снова попыталась войти в режим. — Элис, ты меня слышишь?

Ответа не было. Вместо этого Табита слышала, как снова и снова тихонько ругается про себя Марко.

Она раздумывала о том, какой у нее есть выбор.

Она раздумывала о том, есть ли у нее выбор вообще.

И о том, неужели ей придется умереть.

Свет прожектора ослепил Табиту. Их захватчики обследовали свою добычу.

Близнецы снова зывали к Кстаске.

— Кстаска, неужели ты не можешь?..

— Кстаска, ты, конечно же...

Но Херувим исчез.

Он поспешно выплывал в передний шлюз левого борта, таща за собой тарелку и на ходу натягивая капюшон.

— Кстаска! — позвали они.

Ответом был только звук закрывающейся внутренней двери и волны воздуха, вырвавшейся в вакуум, когда Кстаска открыл внешнюю дверь.

— Куда это он собрался? — спросила Табита.

Похоже, даже Близнецы этого не знали.

Пиратский корабль сейчас раскинул ноги прямо перед ними, симметричный силуэт, закрывавший туманные звезды. В глазу прожектора появилось

блеклое серебристое сияние, и в то же время что-то бесплотное ударилось в “Элис Лиддел”.

— У-у-а-а! — закричал Марко, хватаясь за петлю, когда палуба под ним вздрогнула. Тэл вместе с мусором взвился вверх. — Что происходит?

Табита обеими руками ударила по пульта.

— Мы погибли, — сказала она. — А Кстаска сбежал и бросил нас.

Снаружи в пространстве между кораблями стрелой пронесся блестящий черный силуэт Херувима и тут же исчез из виду.

— Она летит туда, — прокомментировала Саския.

Табита обернулась и посмотрела на нее. Лицо акробатки в круте жесткого света было маской смятения, словно она испытывала какую-то обиду, боль или...

Предательство.

Неожиданно Табита все поняла.

Корабль снова покачнулся. Появилось ощущение движения, легкого, но устойчивого, когда Элис повели в сторону от ее прежней траектории.

— Что это, они нас куда-то тащат на буксире? — спросил Марко.

— Они затягивают нас внутрь, — сказала Табита.

Все предметы стали медленно сдвигаться к задней стене кабины, по мере того, как Элис поддавалась захватывавшему ее лучу.

Они все могли надеть скафандры, выйти в открытое пространство и таким образом выпутаться из этой ситуации. Пока сошло бы и это. Без компьютера Табита понятия не имела, где они находятся. На ее скафандре был сигнальный огонь, на скафандрах “Контрабанды”, вероятно, — тоже, но ведь вокруг могло никого и не быть на целые гигаметры. И пираты подберут их или прикончат в считанные минуты.

Но все же они могут надеть скафандры, выйти наружу и таким образом попытаться выпутаться из этой истории. Это был выбор. Может быть, именно это и сделал Кстаска, предвосхищая ее приказ, как он это делал обычно. Однако Табита думала, что это не так.

В эту минуту Тэл пронзительно пискнул от изумления — все динамики в кабине зашипели и ожили.

— Эй, там, на “Элис Лиддел”! Эй, капитан Джут! Как у вас сегодня делишки?

— Как они это делают? — спросил Марко, протягивая руку, чтобы Тэл мог подлететь и сесть на нее.

Табита не знала. И ее это не очень интересовало. — У них есть какие-то очень умные друзья, — сказала она.

— Хорошенькую шутку ты сейчас проделала, капитан Джут, — продолжал голос. — А вот это — тебе.

В кабине резко поднялось давление.

Тэл пронзительно взвизгнул и вывалился из воздуха, он лежал спиной на стене и отчаянно отбивался от невидимого врага, терзавшего его крошечное тельце. Ремни не держали и уже не могли защитить Табиту, и у нее появилось ощущение, словно ее внутренности прижимают к скелету.

— Отвалите, ублюдки! — невнятно заорал Марко.

Но давление уже снова падало.

— У тебя есть еще какие-нибудь сюрпризы, капитан?

— Дай нам хоть какой-то шанс, мерзавец! — взмолился Марко, ползя навверх за задыхавшейся птицей.

— Это следует понимать как “нет”? — спросил голос и после паузы добавил: — О’кей. А теперь просто сидите там у себя и ничего не трогайте. Мы с вами увидимся, причем очень скоро, — заявил он с ленивым добродушием.

Надежно захваченную лучом, “Элис Лиддел” неумолимо тянуло по направлению к “Уродливой истине” и парализующим сетям. Нижняя часть этого грабителя с большой космической дороги стала распахиваться, так что они смогли различить блистерный отсек и внутри — маленькие фигурки членов экипажа.

— Вы его видите? — спросила Табита.

— Кого? — поинтересовался Могул.

— Херувима, — ответила Табита. Она выбралась из повисших ремней и стала осторожно спускаться вниз по трапу, показавшемуся очень крутым при вновь появившейся гравитации, — к шкафу со скафандром. Марко не мог понять: — Это Серафимы? Это корабль Серафимов?

— Нет. Скафандр Табиты находился там, где она его оставила, — в ее каюте. Ей нужен был скафандр для работы на корпусе. Табита достала его. — Серафимы скорее умерли бы, чем позволили бы кому-нибудь увидеть, как они летают на таком куске дерьма. Надевайте скафандры.

— Куда делась Кстаска? — спросила брата Саския.

— А как ты думаешь? — коротко бросила Табита. И стала одеваться.

— Табита! Они были поражены. — Табита, он пытался нас спасти!

— Она навела для тебя торпеды!

— Откуда вы знаете? Откуда вы знаете, что он нарочно их не испортил?

— Послушай, Табита, не можешь же ты на самом деле думать...

— Насколько хорошо вы вообще его знаете? Насколько хорошо вы можете знать этого свертехнического головастика? — Табита застегнула замок на шее и взялась за шлем. — У кого еще есть такая технология, чтобы сцапать корабль в середине прыжка?

На этот вопрос ответить они не могли.

— Надевайте скафандры, черт бы вас побрал.

Они побрели мимо Табиты в трюм.

На самом деле Табита Джут так же мало была осведомлена о Херувимах, как и все в кабине, и даже меньше, чем многие из них. Но она была в жутком состоянии, злая и невыспавшаяся, и все ее возмущение и недоверие выплеснулось наружу.

Она висела в переднем люке трюма, сознавая, как растет темно-зеленая машина наверху позади нее.

— Не думаю, чтобы у кого-нибудь из вас было на борту припрятано оружие, разве что мертвые инопланетяне, так? — Табита мрачно оглядела трюм.

— О, — небрежно сказал Могул, — что касается этого... — Он махнул рукой в воздухе, и Табита неожиданно увидела, как в ней что-то тускло блеснуло. Это был маленький металлический синий пистолет.

— В ближнем бою, — небрежно бросил Могул, — эта штука вскроет их, как цветы.

Табита протянула руку.

Могул задумчиво посмотрел на нее: — Я думаю, пусть он останется у меня, — сказал он.

Табита полезла назад в кабину за своей сумкой. “Уродливая Истина” нависала над ними, как темно-зеленая планета, теперь уже так близко, что она была не над ними, а под ними, и они плыли в ее сети.

Все поле зрения заполнил темно-зеленый металлический корпус. Здесь уже не было горизонта. Невозможно было определить, на каком расстоянии под ними находится корабль. Он стал целой землей, пейзажем, испещренным огнями. Огромный яркий пузырь наблюдательного отсека казался куполом города, поднимавшимся, чтобы встретить их, когда они шли на посадку. Огни поменьше, оружейные порты, иллюминаторы — все это могло сойти за огоньки светившихся отдельных зданий и отдаленных ферм. А сияющий серебряный круг был лучом прожектора, тащившего их навстречу смерти. Он казался спокойным и прекрасным, как озеро, освещенное луной.

Отовсюду к кораблю Табиты, как паутина к мухе, тянулись вверх ячейки парализующих сетей. Табита видела обуглившийся и искореженный металл там, куда попали ее торпеды. Ущерба практически никакого не было, там были и другие участки в таком же состоянии, почерневшие и разбитые, из некоторых текло топливо.

Теперь парализующие сети поднялись над ними со всех сторон, затягивая Элис внутрь.

— Вот, хорошо, — успокаивающим тоном сказал невероятно громкий голос. — Никаких про...

Появилась ослепительная вспышка, корабль словно наполнила молния. И свет везде погас.

Воображаемый пейзаж исчез. Под головой Табиты была полная чернота. Темный блистерный отсек,

оружейные порты, иллюминаторы, прожектор — все было темным.

Табита ощутила, как “Элис Лиддел” поднялась вверх при новом изменении ее гравитации. Маленький “Кобольд” честно пытался идти по орбите вокруг большого корабля. Табита бросилась к пульту, а в ее головном телефоне звучал голос, только на этот раз очень тоненький.

— ПРИЯТНОГО СНА, — прошептал он.

Это был Кстаска.

XXXIX

BGK009059 LOG

TXJ. STD

ПЕЧАТЬ

++*f [rn9aNXO: AE0Efi000000000000txj0! Hram'^^^
^/6fl! — — *. /C]

222m

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? 09.07.07

ГОТОВА

— Привет, Элис.

— ПРИВЕТ, КАПИТАН.

— Что они сейчас делают?

— ВСЕ ЕЩЕ РЕПЕТИРУЮТ. ХОЧЕШЬ ПОДСЛУШАТЬ?

— Нет, спасибо.

А тебе Близнецы не напоминают Трикарико Палинидеса?

— Я НИКОГДА НЕ ВСТРЕЧАЛАСЬ С ТРИКАРИКО ПАЛИНИДЕСОМ, КАПИТАН.

— Это Трикарико впервые рассказал мне про “Леонор Казарес”. По-моему, я ему не поверила. Во всяком случае, тогда.

— Я И САМА В НЕЕ НЕ ВЕРИЛА, ПОКА МЫ С НЕЙ НЕ ПОВСТРЕЧАЛИСЬ.

— Ты это помнишь?

— О, да.

— Мы были на длинной петле на пути с Автономии к Дионе с грузом невесовых кристаллов для ветеринарного госпиталя, через шесть дней после прыжка, и ты сказала, что на экране — покинутый корабль.

— А ТЫ СКАЗАЛА, ЧТО ТАКОГО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ!

— Я и сейчас это утверждаю.

— Я ПОЛАГАЮ, ТЫ СКАЖЕШЬ, ЧТО "ЛЕОНОР КАЗАРЕС" — ЭТО НЕ ПОКИНУТЫЙ КОРАБЛЬ.

— Нет, конечно. Она все еще в пути.

— УЖЕ СОРОК ОДИН ГОД.

— "Это был корабль "Леонор Казарес" с Луны, везший Тибора Лэпема с отчетом о площадке, выбранной семьей для своих операций на Ганиমেде. Перед тем, как сесть на шаттл в Безмятежности, Тибор съел тарелку вафель с беконом и кленовым сиропом и выпил трубочку кофе. Он прочитал финансовые новости на экранах и позвонил по спутниковой связи своему ассистенту в Шри Ланке. Местные погодные условия были штормовыми. Он не мог получить ее изображение. Он еще пошутил по этому поводу, сказав ей, что она выглядит ужасно. Тибор дал ей инструкции и напомнил, что у одного из менеджеров день рождения. Затем он сел на корабль и отправился на встречу с отцом богов.

Тибор Лэпем так и не завершил свою миссию. Что-то пошло не так".

— ЗВУЧИТ ОЧЕНЬ КРАСНОРЕЧИВО, КАПИТАН.

— О, я это зачитывала. Я нашла это тут, в книжке. И все-таки это зачаровывает, правда?

— А КАКОВА ТВОЯ ТЕОРИЯ? Я ПОЛАГАЮ, У ТЕБЯ ЕСТЬ ТЕОРИЯ.

— Нет, мне они все нравятся. Вот смотри, номер один: на корабле поднялось восстание, и Тибор был убит. Номер два: он восстал против семейной фирмы и пытался украсть корабль. Третья — он поссо-

рился с капитаном из-за женщины. Четвертая — капитан неверно рассчитал маршрут, и они попали в континуум Мебиуса. Пятая — у Тибора была несчастная любовь, и он пытался покончить жизнь самоубийством. Шестая — он проходил близко от астрального сфинктера и, поскольку прежде никто их не видел, попытался пройти сквозь него. Какие там еще есть? Ах, да. Он налетел на временной риф и теперь объявится не раньше тридцатого века.

Все они возвращаются к Тибору, без исключения. Обреченный юный герой. И никто даже не вспоминает, как звали капитана "Леонор Казарес".

— А РАЗВЕ В ТВОЕЙ КНИЖКЕ ЕГО НЕТ?

— Где-нибудь есть, наверное. Некоторые говорят, что он отдал неправильную команду, и из-за этого его корабль попал в парадокс.

— Я ДУМАЛА, ЭТО ПОКИНУТЫЙ КОРАБЛЬ. МНЕ ОН ПОКАЗАЛСЯ ПОКИНУТЫМ.

— Шесть дней в сверхпространстве и ты скажешь, что в 310 градусах впереди — покинутое судно.

— ПО ВЕСУ ЭТО КОРАБЛЬ, НО НИКАКИХ ДАННЫХ НИ О МОЩНОСТИ, НИ О СИСТЕМЕ ОБОГРЕВА.

— Я же сказала, это просто галлюцинация. Интерференция частиц. Что-то там, в реальном пространстве отбрасывает сверхкубическую тень.

— ТЫ ИСПУГАЛАСЬ.

— Ничуть.

— ИСПУГАЛАСЬ.

— А ты откуда знаешь?

— Я ЗНАЮ ТЕБЯ, КАПИТАН ДЖУТ, ТЫ ДУМАЛА, МЫ В НЕГО ВРЕЖЕМСЯ?

— Или что он врежется в нас. Похоже, была еще и такая возможность. Как бы то ни было, мне не понравилось, что ты думала, что там что-то есть. Либо там не было ничего, и в этом случае с тобой творилось неладное, и я оказывалась в большой беде, либо там действительно что-то было, и в этом

случае неладно было со вселенной, и я попадала еще в худшую беду.

Единственное, о чем я не думала, — так это о “Леонор Казарес”. Я ведь тогда не поверила Трика-рико и не поверила, когда увидела по АВ рассказ про эту легенду. Не думаю, чтобы я могла назвать тебе даже это имя.

А потом я увидела ее.

Я знала, что ты не могла встретить другой ко-рабль в сверхпространстве. Считалось, что это не-возможно. Но она была на сканнерах, и я смотрела на нее.

Ее то не было, то она вдруг появлялась. Она зловеще являлась ниоткуда, словно кто-то выталки-вал ее через простыню. Я подумала, что у нее какая-то странная форма. Я раздумывала, не попала ли она в какую-нибудь аварию в измерениях, а потом ее неправильно перевели, и она вернулась в искаженной форме. Потом я сообразила, что она была “Фреймахер Куртье”, одной из самых ранних моделей, когда на них все еще ставили задние химические двигатели. Что же мог там делать такой старый корабль?

— СИГНАЛОВ НЕ БЫЛО. Я ВСЕ ВЫЗЫВАЛА И ВЫЗЫВАЛА. НА КАЖДОЙ ЧАСТОТЕ, ДО КОТОРОЙ МОГЛА ДОБРАТЬСЯ. НИЧЕГО.

— Мне хотелось пойти посмотреть, но я не отважилась выйти наружу.

— В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ТЫ БОЛЕЕ ОТЧАЯННАЯ, КАПИТАН.

— Да не отчаянная, Элис. Они меня просто выгоняют. Здесь вопрос стоит так: уходить наружу или оставаться внутри и стать такой же ненормаль-ной, как они.

Хотела бы я, что “Леонор” вернулась сейчас. То-то они бы подскочили. Хотя нет, Марко стал бы при-ставать ко мне с просьбой взять ее на буксир, чтобы продать какому-нибудь антрепренеру на Титане.

А имя ты увидела или я?

— Я. А ТЫ СКАЗАЛА, ЧТО НИКОГДА О ТАКОМ НЕ СЛЫШАЛА.

— Я просмотрела все, что у нас было записано. Потом я вспомнила про корабль, о котором мне рассказывал Трикарико, — корабль, обреченный вечно блуждать по пропасти сверхпространства и никогда не приземляться.

А, вот смотри, хороший отрывок.

“Там она и слоняется, в трещине между пространством и временем, ни прошлым, ни настоящим, ни будущим. Ее двигатели заправлены, все отсеки заряжены, но ничего не жужжит и ничего не сияет.

Экипаж из пятнадцати человек садится вместе за стол трижды в каждый условный день. Пища всегда одна и та же. Они всегда ее ели, они будут есть ее вечно. Каждый измученный моряк избегает смотреть в глаза соседу, воображая, что он один страдает от этого ужасного сознания. Это сегодня начинается страшное заключение? Или они плавали так всегда? В обоих концах стола и на стенах лампы не горят. Пища холодная. Астронавт пытается зажечь трубку, но ему это не удастся. Он пытался это сделать всегда, и никогда у него это не получалось. Топливо не загорается, кристалл не искрит.

Члены экипажа пытаются скрыть друг от друга свое беспокойство, они хлопают по столу и распевают веселые песни. Кто-то забыл слова, и все смеются. Он забывал слова, точно те же, вчера и позавчера и два дня назад, каждый день в течение тридцати лет. Хор становится нестройным, вялым. Экипаж прислушивается к разговору, который ведет капитан с их пассажиром, молодым Тибором, сыном владельца, на мостике. До них доносятся одно-два слова, обрывок фразы.

“... спектральные двойники...”

“... такого не может быть. Просто не может”.

“... стабилизаторы. Никакой реакции”.

Члены экипажа, как и все моряки, — суеверные люди. Для некоторых это их первый корабль. Им не нравится то, что приходится пересекать этот район бледного мрака и свернувшейся ртути. Им не нравится этот напряженный разговор шепотом между мастером Лэпемом и капитаном Наумом. Они боятся, что с кораблем что-то не так. Через минуту боцмана вызовут на мостик. Ему объяснят ситуацию. Будет отдан приказ. Через одну-две минуты они

выломают оборудование, чтобы встретить кризис, и все станет ясно: вопрос прикладной силы и технического ноу-хау.

Но на "Леонор Казарес" минуты больше не идут".

XL

Херувима нигде не было видно. Они искали и звали его, пока Табита приводила системы в рабочее состояние. Они снова и снова пытались найти его, но ответа не было. Они ждали так долго, на сколько у них хватило мужества, зависнув в тени темного пиратского корабля, но все было бесполезно. Это благословение, данное шепотом, было его прощальным посланием, и ответа быть не могло.

Кстаска нашел где-то нишу для своего изворотливого хвоста, внедрился в электронику снаружи и подорвал ее всю. Он обрек "Уродливую Истину" плавать темной и мертвой сквозь пустое царство межпланетного пространства, а себя самого — кружить вместе с ней.

По общему согласию они решили не подвергаться больше опасности, ползая по корпусу корабля в поисках Кстаски. Одного трупa, подумала, но не произнесла вслух Табита, вполне достаточно. Она восстановила энергоснабжение в первичной обмотке и тронула корабль с места вперед, подальше от темного корабля-обольстителя. Легким броском они вышли из его тени, оставляя пиратское судно с ухмыляющейся на носу фигурой с вытаращенными глазами все дальше и дальше позади. Постепенно он выйдет на свою последнюю сокращающуюся орбиту, еще один безжизненный кусок металлолома, немолжно вращающийся вокруг солнца; им было только приятно оставить его там.

Пока мозг Элис приводил себя в порядок и принимал все обычные меры для запуска, капитан и пассажиры сняли скафандры и уселись все вместе в трюме, допивая остатки чая. Марко был утрюмым, и все звуки, которые он издавал, были либо рычанием от ненависти, либо нервными, тоненькими восклицаниями — попытками ободрить и успокоить остальных. Тэл, выведенный из душевного равнове-

сия, отказался сидеть у него на плече, и беспорядочно летал от своего ящика к динамику, а от него — к перилам прохода.

Близнецы Зодиак были безутешны.

— Публика приходила смотреть только на нее, — сказала Саския, — а вовсе не нас с нашими слабыми трюками и песенками. Она... Кстаска... Она была следующим поколением человечества. Она могла летать. Она могла дышать в вакууме. Она могла... она...

Саския замолчала и спрятала лицо на плече у брата.

Марко прочистил горло, сел, наклонившись вперед, сжав руки и положив локти на колени. — Может быть, кто-то должен сказать несколько слов, — с беспокойством предложил он. — Капитан, э-э-э, я думаю, это должна быть ты.

— Для Абраксаса? — сказала Табита. — Нет.

Она села рядом с ним на сундук, подняв плечи и сжав коленями руки. Поискала глазами серебристо-серый дорожный гроб. Кто-то уже снова накрыл его.

— У него... у нее была семья? — спросила Табита.

Близнецы покачали головами.

— У них нет семей, — сказал Могул.

Марко обнял Табиту.

— Не вини себя, — сказал он.

Она сердито взглянула на него, готовая сбросить его руку, но не сбросила.

Так они и оставили эту тему.

Тэл уселся на обвисшем коконе Кстаски и принялся скорбно чистить перья. Потом он завел грустное, вибрирующее скрипичное соло — сплошные слезливо-сентиментальные терции в миноре и вибрато. Люди содрогнулись, но в этот раз никто не решился остановить его.

Тем не менее, описав их настроение, птица весьма эффективно положила ему конец. Табита поднялась, вдруг осознав, каким застойным становится воздух. Марко, почувствовав, что она собирается встать, освободил ее из своих объятий утешителя и хлопнул в ладоши.

— О'кей, ребята, давайте продолжим наше турне.

На борту "Элис Лиддел" было над чем поработать: заменить цепи, заменить прерыватели, провести тестирование.

— Как все выглядит, Элис?

— ВЫЖИВЕТ.

Табита невольно улыбнулась слабой, кривой улыбкой: — Ты можешь сказать — ты что-нибудь потеряла?

— ПОХОЖЕ, ВСЕ НА МЕСТЕ, КАПИТАН, ДАЖЕ НЕКОТОРЫЕ ВЕЩИ, О КОТОРЫХ Я ГОДАМИ НЕ ВСПОМИНАЛА. И, ПО-МОЕМУ, ВСЕ ТВОИ РАССКАЗЫ. ПОЖАЛУЙСТА, РАССКАЖИ МНЕ ЕЩЕ КАКИЕ-НИБУДЬ ИСТОРИИ, ТОЛЬКО ПОСКОРЕЕ.

— Как только смогу, Элис, обещаю тебе. Как только мы получим деньги, мы ненадолго отправимся отдохнуть и сделаем тебе хороший капитальный ремонт.

Про себя она сомневалась, что им светит покой, но не было смысла тревожить Элис. Их загнали в совершенно необитаемый регион, очень далеко от ближайшей планеты. Это был не тот район, где можно хромать на импульсной энергии и рассчитывать на помощь.

Им нужно было совершить прыжок.

— Скажи нам, что нужно сделать прямо сейчас, и мы этим займемся,

— сказала Табита.

Появилось сообщение.

"ДЕФЕКТ КРИСТАЛЛА ОСЕВОГО ЗАПORA. ВЕРОЯТНОСТЬ АВАРИИ — 96.66%".

Господи Иисусе.

— ХЕРУВИМА СЕЙЧАС НЕТ С НАМИ, ДА, КАПИТАН?

— Нет, Элис, — Табита похлопала по считающему устройству. — Держи кулаки.

Казалось, что фатализм имеет смысл в блеске физического и эмоционального истощения. А обвинения и конфликты уже никакого значения не имели. Табита уже прошла через них и пришла к хрупкому, уязвимому покою, воцарившемуся, когда

все занялись тестированием цепей и предохранителей.

Как только снова включились автономные цепи, Табита вытащила грузовых роботов, чтобы помочь собрать мешавшие вещи. Коренастые, крепкие и твердо стоящие на своих коротких ножках, они трудились над наваленным багажом, их круглые головы поворачивались, когда они щелчками передавали друг другу информацию. С редкой мягкостью они поднимали в воздух ящики с барабанами и голо-блоки и шли вверх по стенам, чтобы разместить их в боковом проходе. Табита засекала на экране одного из них, взявшегося за серый цилиндр с бренными останками фраска Гектора.

— Нет, — вызвала она робота. — Отмена команды. Это не надо.

Могул легко скользнул вниз по проходу, чтобы взять груз у робота. Он помахал ей в камеру.

— ОН У МЕНЯ, — сказал он.

В его улыбке не было ничего сексуального или зловещего. Между ними возник какой-то странный альянс. Они больше не были просто жертвой и преступниками. Они были замешаны в этом все вместе.

И однако, сколько бы они ей ни заплатили, все это того не стоило. Какой бы монотонной и одинокой ни была повседневная жизнь, у нее было множество преимуществ перед насилием и внезапной смертью.

В следующий раз, взглянув на монитор, Табита увидела, как робот катит прочь тарелку Кстаски.

— Отмена команды, — снова вызвала она. — Это тоже не надо.

Саския протиснулась в кабину из смотрового отверстия в по толке прохода со сгоревшим обломком контактного датчика. Она села в кресло второго пилота, теребя обломок между тонкими белыми пальцами.

— Она для тебя много значила, да? — спросила Табита.

Саския кивнула. Она сидела скрестив ноги и запустив пальцы в волосы: — Ты не должна была говорить про нее все эти вещи.

Табита застыла: — Она же убежала! Что я должна была думать?

— Они неплохие люди, — энергично сказала Саския. Ее слова прозвучали так, словно она много раз говорила это раньше. — У них свои идеи. Они хотели быть сами по себе, они и ушли сами по себе, что в этом плохого?

Защищаясь, она выставила вперед длинный подбородок.

— Кто это? — спросила Табита, занятая графическим изображением на экране, где разрушения отмечались красными вспышками.

— Серафимы!

В голосе Саскии звучала настоящая боль.

Табита повернулась в кресле. Саския поднималась со своего места, протягивая руку к петле на потолке: — Я тебе здесь не нужна. Я пойду.

— Нет, все в порядке, извини. Я просто... — Табита устало махнула рукой в сторону пульта.

Саския взглянула на смятый черный обломок в своей руке. — От меня никакой пользы, — сказала она.

Табита жестом указала на монитор: — Иди помоги своему брату, — предложила она. И тут же поняла, что зря сказала это.

Саския бросила на нее взгляд, открыто недовольный.

Раздраженная, Табита вскинула руку: — То вы сидите, обнявшись и свернувшись калачиком, а в следующий момент...

— Я стараюсь! — сказала Саския срывающимся от возбуждения голосом. В тот момент она истово верила, что это так. — Кстаска... — я знаю, ты не можешь их понять, даже мы не можем этого сделать, во всяком случае, не совсем; но иногда можно было посмотреть на нее и понять, о чем она думает, что чувствует, и ты думала — вот она далеко от дома и участвует в паршивом цирковом номере, но в ее глазах было это... — Беспечно стоя в проходе между креслами, Саския выпрямилась, подняв голову и расправив плечи. — И ты думала, хотела бы я так уметь, быть такой, как она.

У них красивые плечи, подумала Табита, совершенно не следившая за ее речью. У нее возник

внезапный порыв встать и обнять Саскию, обвить эти плечи руками, но она была вовсе не уверена, что это хорошая мысль. Однако из-за этого возникла странная, неловкая пауза, и Табита почувствовала, что ей надо что-то предложить, хотя бы просто для того, чтобы что-то сказать: — Так что же она сделала? — спросила она.

Саския уставилась на нее так, словно Табита спросила, кто такие капеллийцы или кто построил Изобилие: — Она спасла нас!

Табита чувствовала себя все более неловко. Она показала большим пальцем на далекий пиратский корабль: — Ты имеешь в виду, сейчас?

— Нет! Нас! Могула и меня!

— От чего?

Теперь вид у Саскии стал озадаченный: — Из Абраксаса!

— Вы из Абраксаса?

— Они создали нас! Я же тебе говорила. А Кстаска вытащила нас оттуда. Она посадила нас на корабль и увезла, и мы больше не вернулись. А потом и она уже не могла вернуться. — В голосе Саскии снова зазвучала скорбь. Она опустила глаза, снова глядя на испорченный прибор у нее в руках. — Что с этим делать?

Табита не знала, что сказать. Она смотрела на печальную фигурку, на контуры разрушений, аккумуляторы, которые терпеливо листал перед ней дисплей. — Там есть еще, — сказала она, — в... в...

Появилось изображение осевого запора, кристалл вспыхивал и вспыхивал красным светом. Все, над чем так трудился Кстаска, пошло насмарку.

— Я пойду и принесу их, — сказала Табита. — Через минуту.

Но Саския уже ушла назад в трюм.

Табита вздохнула, нахмурилась и сосредоточилась.

Слева от нее огни стали зелеными. Табита посмотрела на монитор и увидела еще одного робота, выходящего из сервисного туннеля, ведущего к двигателям, в его манипуляторах тускло поблескивал сварочный лазер. Он вспышкой послал добро и отчет по линии и надежно закрыл за собой

люк туннеля, прежде чем проковылять прочь, чтобы вернуть оборудование, выданное ему со склада.

Можно было бы кое-что сказать в пользу механических товарищей. Ни тебе полосатых перьев, ни сексуальных трудностей, ни внезапной смерти.

Шли условные часы.

Табита вынуждена была признать, что из них получилась хорошая команда. Теперь, когда темперамент сдерживался страхом и утратой, они работали вместе с дисциплинированностью, выработанной акробатикой и показыванием фокусов. Вернулась жизнерадостность; они насвистывали и пели отрывки из песен. Табита стала подумывать, что могла бы почти примириться с ними в тех аспектах, где она могла им доверять. За исключением всех этих басен про фраска.

Табита включила коммуникатор.

— О'кей, ребята. Надевайте скафандры, складывайте все и закрепитесь. Посадите Тэла в ящик. У нас опять работает привод.

Приветственные крики, свист, аплодисменты.

— ЭТО ИСПЫТАНИЕ? — спросил Марко. Тэл хлопал крыльями у него на запястье, больше похожий на ястреба, чем на попугая.

— Если он не работает, значит, испытание. Если работает, то мы будем в пути через пять минут условно.

— Пять минут, — повторила Табита и отключила связь.

Теперь она осталась наедине с Элис, как и сотни раз до того, готовая заботливо вести корабль через новое нарушение законов физики. Компьютер переварил все необходимые данные и вновь разработал маршрут. На экране и считывающем устройстве поток цифр замерзал, складываясь в тайные комбинации, которым предстояло открыть тройной замок измерений.

— Поехали, Элис.

Табита переключила основные механизмы на малые обороты и врубил капеллийский привод. Она почувствовала, как он зажужжал. Она чувствовала это жужжание в своих костях, в тканях корабля.

Снаружи свет звезд таял и превращался в звук деревянных музыкальных инструментов. Внутри с

панелей палубы и стен поднималась знакомая сумеречная дымка перехода.

Табита поняла, что задержала дыхание. Она выдохнула воздух — глубоким, тяжелым вздохом.

Корабль раскачивался, шатаясь из стороны в сторону. Машинально Табита потянулась, чтобы скорректировать его.

Она прислушивалась, ожидая услышать стук, знакомое неровное постукивание.

Стука не было.

Был жалобный вой.

Табита нахмурилась.

Они прыгнули.

Их обволокло рыхлым пухом сверхпространства. Время и пространство прекратили свое существование.

Вой не прекратился.

— Что это, Элис?

— ПОИСК.

От воя заныли зубы.

Корабль вибрировал, все чаще и быстрее, заставляя стучать зубы Табиты.

— Элис!

Табита зажала рот. И по-прежнему ощущала, как вибрируют ее зубы за губами.

— КРИСТАЛЛ ОСЕВОГО ЗАПORA.

Корабль кричал.

— АВАРИЯ.

Табита выругалась.

— АВАРИЙНЫЙ СТОП, — отбивала она. — АВАРИЙНЫЙ СТОП. АВАРИЙНЫЙ СТОП.

Крик поднялся на октаву вверх.

Раздался громкий удар.

— О, ЧЕРТ...

Они снова были в космосе, по экранам потоком лились звезды галактики, тошнотворно кружась вокруг ветрового стекла. Они, крутясь, падали вниз.

Табита одной рукой врубила двигателя, другой привела в действие приборы автоматической коррекции.

Элис рывком вышла из вращения и начала дрожать.

Табите стало очень холодно. Ее память немедленно подала в мозг все ее знания на случай аварийных ситуаций — смятием отработанных рефлексов и трезвых советов. Нажимая кнопки, стуча по клавишам, она пыталась выжать хоть что-нибудь осмысленное из всего этого сумбура. Она снова услышала жалобный крик. На сей раз кричала она сама.

— Элис, пожалуйста, пожалуйста, не надо...

Элис все еще дрожала. Элис падала вниз. Она искала ближайший колодец гравитации и собиралась спуститься в него.

Запутавшись в стремительных потоках данных в наушниках, на экранах и считывающих устройствах, задавая вопросы пальцами и глазами получая ответы, Табита в этот момент не могла бы отделить себя от корабля. Компьютеры, реле, весь замысловатый строй кнопок, клавиш и переключателей расстился перед ней, и все это было продолжением ее собственной нервной системы. Поверьте мне, если бы корабль мог лететь только силой воли Табиты, он бы поднялся и проделал весь путь до Титана.

Корабль падал.

На секунду оторвавшись от панели управления и бросив взгляд в ветровое стекло, Табита испуганно вскрикнула.

Навстречу ей несло что-то огромное и зеленое. "Уродливая Истина".

Нет. Нечто, гораздо большее по размеру, гораздо более опасное. Нечто такое, что нельзя отключить, с помощью Херувима или без нее.

Табита закричала в коммуникатор.

— Я не могу удержать ее! Мы ударимся и ударимся сильно!

Космоса больше не было.

Кабина вся наполнилась зеленым сиянием.

"Элис Лиддел" упала с неба.

Под ней утренние зори на сотню километров выплеснули горизонтальные языки туманного пламени.

Она упала сквозь пламя.

Под ним солнечный свет затмевали жирные, зеленовато-желтые облака.

Она упала сквозь облака, шипевшие вокруг ее изуродованного корпуса, как кипящая вода. Она упала в туман, взметнув пыль, снова ослепившую ее сканнеры и жевавшую ее антенны.

Под ним, в красной темноте, играли зловещие молнии. В их неровном свете Табита увидела раскинувшиеся сердитые горы, выбрасывавшие языки ядовитого дыма в туманный воздух. У подножия гор, как заляпанная и смятая бумага, лежали потрескавшиеся сухие и желтые скалистые равнины.

Элис пронеслась мимо гор.

За ними бессмысленно билось о скалы густое, разбухшее море. С поверхности моря к кораблю, пробивавшемуся сквозь тяжелый воздух, спиралями поднимались огромные ленивые струи ядовитого пара.

Внутри корабля жара была настоящей пыткой. Разъяренное небо сжимало их. Иллюминаторы трещали, обшивка корпуса стонала. Близнецы сжали друг друга в объятиях. Все смотрели друг на друга сквозь стекла масок своих костюмов с ужасом, так широко раскрыв глаза, словно хотели вобрать в себя все, прежде чем придет смерть и тьма поглотит их навеки.

Элис вихрем пронеслась над морем.

За морем была земля; такой земли никто из них никогда еще не видел. Это был растительный ад. Она кипела от лесов; она бурлила от джунглей.

Манили к себе зубчатые голубые верхушки деревьев.

Потрескивая от жуткого огня, "Элис Лиддел" врезалась в лес.

Деревья, если их вообще можно было так назвать, разлетались впереди нее, как поджоженные. Она оставляла за собой длинные тракты древесных губок. Она как серпом срезала гибкие рошцы светящихся спагетти. Позади нее поднимался грязный дым, сгущая насыщенный влагой воздух.

Ветки бешено бились в ветровое стекло, отрывали от корпуса сканнеры. Табита уже ничего не видела. Она что-то пронзительно кричала, кричала вместе с кораблем, взывшим, когда они ударились о землю.

Корабль занесло и повернуло в мягкой сочной растительности, вспенив все, что находилось под ним. По покалеченному корпусу дождем брызнул сок. Вокруг раздавались вопли ярости и панический визг.

А потом все было кончено.

Растительный мерцающий свет сомкнулся над загубленным кораблем. Страшная жара усилилась вдвойне. Зеленовато-желтый пар извилистыми струйками просачивался сквозь трещины в плексигласе и изорванную сталь.

Все было кончено. "Элис Лиддел" была повержена.

Повержена в грязь, в джунглях, на Венере.

**ПЛЕННИКИ
БОГИНИ ЛЮБВИ**

XLI

В наше время мало кто помнит, что планета Венера получила свое название по имени древней богини любви. Для нас, особенно, для тех, кто на ней побывал, в планете Венере мало привлекательного.

Венера никогда не была серьезным претендентом на колонизацию, даже в Годы Пик, когда предлагались и значительно более безумные проекты. Укрощение пылающих континентов и утрюмых морей — задача, от которой скоро отказались все, кроме самых одержимых и расточительных. И целый мир был оставлен на потребу эксцентричной и любящей крайности публики, для которой “Вулкан Турз” по сей день организует свои печально знаменитые ежемесячные экскурсии. Но и они не пытаются спускаться на поверхность этого капризного и беспощадного мира, где солнце движется медленно и в обратную сторону.

Нельзя сказать, что лик Венеры не прекрасен, особенно при первом приближении. Его гнилая, пеннистая атмосфера так густа, а воздух столь влажен и плотен, что все климатические зоны кажутся пятнами разного цвета, мерцающими и меняющимися по мере того, как занимается, расцветает и умирает долгий день. Венера — хамелеон с цветовым спектром павлиньего пера, форели, бабочки. На сияющем краю света, впереди медленно тлеющего терминатора просыпается Ниобея, окрашенная в абрикосовый или розовато-лиловый цвет, а дальше — уже сверкает Эйсила, оранжевая, как молодой огонь, испещренная черными размытыми пятнами раскатов грома. В жарком белом свете невероятной луны, раскаленное и дымящееся, как расплавленное золото, сверкает Маре Эвита Перон; а Бассейн Иезавели — это поток бирюзовых чернил

в барашках голубовато-зеленой пены. Переландра Планиция дремлет, распростершись в апатичном свете дня, ее упругие нагорья поблескивают остриями и осколками радуги. Вечер поглотил Астерию с ее измятыми полосами тумана, похожими на отшлифованную бронзу в последних отблесках солнечного света.

Ночь здесь синяя, ультрамариновая, она кажется иссиня-черной на окутанных тьмой склонах Нокомис. Ослепленный, ты отворачиваешься от смотрового окна, у тебя перехватывает дыхание; ты бросаешь взгляд на часы. Ты не отрывался от окна целый час, и тем не менее, кажется, что это было мгновение ока. Если ты молод и восторжен, если ослеплен великолепием, тебе покажется, что Венера манит тебя обещанием, риском и обжигающей красотой. Если уже не молод и не готов оценивать мир только по внешнему виду, ты будешь восхищаться и издавать восторженные восклицания, но при этом раздумывать, какие скалистые и зазубренные неожиданности подстерегают тебя за этим богатым, ослепительным камуфляжем.

И ты прав.

На Венере колоссальные вулканы Беты Регио изрыгают пылающую грязь на огненные пляжи разъединенного серого камня. На западе, за горами, голые равнины из глинистого сланца переходят в большие песчаные пустыни, трескающиеся и разрывающиеся, спекающиеся днем и замерзающие ночью. К северу, в котле Мнемозины, по промокшим долинам постоянно проносятся серные ураганы. К югу, в Фебе и Фемиде, косматые, скрученные мангровые деревья сочатся ядом, стекающим в кислые зеленые болота. На востоке находится Море Джиневры, где из волн оловянного цвета выпрыгивают огромные хитрые змеи, чтобы поглощать прячущихся в норах песчаных акул.

На полюсах, так же, как и в пустынях, нет ничего живого, да и не может быть. В страшном неумолимом холоде замороженные вещества сковываются, просеиваются и снова движутся в диком вихре материи — ни твердой, ни жидкой, ни газообразной. Полярные районы Венеры — это холодный ад, где ветры-титаны восстают против неволи, с завываниями и воплями превращая хими-

ческие снега в безумные водовороты и замерзающие белые арки.

Коралловые рифы Эреба поднимаются из вязкого моря, как огромные зазубренные шпильи. Изъеденные, обветренные горные кряжи вьются спиралью и проходят зигзагами на десятки километров по дымно-черной воде. Встречаясь, они выбрасывают замерзшие, шишковатые взрывы зубчатых скалистых холмов и скопления минеральных зубьев. На остриях этих зубьев, сплетенные, на последнем издыхании висят медузы — шары мышечной слизи, выброшенные бурями, раздирающими липкие волны морей, где нет ни приливов, ни отливов. Коралловые утесы густо покрыты пятнами их крови. Угловатые, совершенно черные омары длиной более полуметра выдавливают опухоли из своей сморщенной, мягкой плоти; ящерицы-пираньи дерутся за их воловнистые глаза.

В Белладонне, меж изъеденных тлеющих конусов, все еще дымится и бурлят кратеры. На склонах древних кальдер, среди черных трав, понуро гнущихся под разбедающими ветрами, чахлые деревья протягивают руки к тяжелому небу. Их листья похожи на сальную кожу, но осенью, которая рано наступает в этих широтах, они увядают и опадают, как почерневшие обрывки бумаги, вылетающие из костра. Их плоды — бледные, продолговатые и напоминают большую бамию. Десятками тысяч на них спускаются пещерные летучие мыши и обдирают ветви по ночам. Кора этих печальных деревьев рыхлая и постоянно сочится густым серым соком, поскольку в ней обитает целая раса паразитирующих древесных червей, питающихся тканями дерева. Все лето они жуют и размножаются, жуют и размножаются. Иногда, по слухам, можно увидеть, как зараженное дерево дымится и даже вспыхивает от собственного внутреннего жара.

Фауна Венеры — безмозглая, воинственная и дикая. Они выходят на тропу, вооруженные броней и когтями; они передвигаются под панцирями, низко пригнувшись к земле. Они оставляют за собой след из слизи и слюны, из крови и соков их жертв — существ, менее хитрых и хуже вооруженных, чем они сами. В клейких аммиачных болотах Айно обитают змеи-лезвия и гигантские мохнатые скорпионы, покрытые корой и красные, как сгущки перца.

На берегах Биршебы водится черепаха Стрейкера — по сути, это даже не черепаха, а плоский кайман с тяжелым щитком, вес которого в девяти случаях из десяти в конечном итоге ломает его собственную толстую шею; а также людоед-броненосец. Подмышка Афродиты — место обитания тяжелых металлических игуан, пурпурных, как свежий порез, и одного из видов асбестовых ящеров.

Их жертвы — древесные черви и им подобные. Слизняки, толстые и желтые, или серые и грубые, как каша, гигантские многоножки и жирные желтовато-коричневые жуки с девятью конечностями; молочно-белые ползучие совы; быстрые волосатые пауки. Млекопитающим, если бы даже они когда-нибудь появились в жестокой, кипящей венерианской среде, не было бы ни одного шанса выжить.

Природа, несомненно, поступила правильно, оставив Венеру зловонным котлом химического и растительного буйства, где рептилии сражаются с насекомыми, и проявила милосердие, не благословив ее разумной жизнью. Подумайте только, какая жестокая раса могла бы выйти из этих адовых лесов, какие крепости из угольночерного камня могли возникнуть среди этих диких холмов, где повернули назад даже фраски. В один прекрасный день эти существа могли бы расправить крылья из сальной кожи и бросить вызов вонючему лону воздуха, они могли протянуть свои когти по меньшей мере в космос и, возможно, вцепиться в прекрасную почву Земли.

На Венере нет разумной жизни; поэтому там некому было в ужасе и благоговейном страхе наблюдать за тем, как перегретый “Кобольд” с криком прорвался сквозь пелену леса, вспахивая все перед собой, разбрасывая во все стороны огромные волны грязи и сочной растительности и, в конце концов, со стуком и грохотом остановившись в подлеске Земли Афродиты.

XLII

Табита Джут подняла голову.

Свет был странным, липким, как в подземелье. Она увидела руины и разрушения. Ветровое стекло

было все в трещинах и полностью покрыто пятнами красной жижи, раздавленной плесени и листьев. Инструменты вылетели из своих креплений и валялись, разбитые вдребезги, на полу среди комков грязи и поблескивающих обломков плексигласа. Сетки-держатели были вырваны, и по всей кабине были разбросаны масляные тряпки, старые колесные диски и пустые катушки из-под изоленды. На всех панелях были или красные огни, или они вообще не светились, а сканнеры все погасли или бесполезно жужжали.

— Элис?

Ответа не было.

Табита дрожащей рукой дотянулась до пульта. В шоке она не могла вспомнить ни единой команды. Воздух казался наполненным звоном и шипением, и ей понадобилось несколько минут, чтобы сообразить, что это поток кислорода в ее скафандре. Табита все еще была на связи с режимным каналом мозга корабля, но через него ничего не поступало.

— Элис, ты меня слышишь?

Ничего.

Глаза Табиты наполнились слезами. Из носа у нее текло. Она проверила давление в кабине. Оно было невероятно высоким.

Это было венерианское давление.

Табита сильно чихнула и сглотнула, приказывая себе перестать трястись, сообщая громкоговорителям и прожекторам, разбушевавшимся в ее мозгу, что она в них не нуждается.

В куче грязи, залепывшей ветровое стекло, неожиданно скользнуло что-то маленькое и ускокало, заставив Табиту вскрикнуть от страха. Всего лишь ящерица, сказала она себе. Но там, в джунглях, бродят и более крупные звери. Табита слыхала о них. Катастрофа, наверное, распугала их. Но они вернутся.

А пока перед ними было огромное, вездесущее, явно враждебное чудовище, оно окружало их, и от него никуда было не деться. Сама планета.

Табита глубоко вдохнула воздух. От кислорода в голове у нее прояснилось, все стало чуть сияющим, чуть нереальным. Табита нажала на клавишу и открыла аптечку первой помощи — сработало — и стала рваться в ней в поисках коктейля из глюкозы,

кофеина и других стабилизаторов и стимуляторов. Посасывая лекарства, она попыталась снова связаться с Элис. Она подумала, что сам диск в считывающем устройстве остался невредим, только она не может до него добраться.

Если мозг корабля погиб, это конец.

Корабль был открыт всем стихиям, из каждой трещинки текло. Табита отключила системы привода, сети навигации, сопротивляющийся азэратор и все, что не отключила за нее автоматика.

Именно в этот момент она вспомнила, что у нее на борту пассажиры. Она нажала выключатель: — Алло! — позвала Табита. — Там с вами все в порядке?

Последовала пауза. Потом кто-то подошел к коммуникатору.

— Алло, алло, Табита? — ответил слабый голос. Это был один из Близнецов. — Могул, Могул, он...

Голос прервался, потом пробормотал что-то кому-то в ответ, и опять наступила пауза. Табита слышала прерывистое дыхание. Она постучала сбоку по своему шлему. Ей был слышен топот тяжелых ботинок, смятенные голоса, один из них принадлежал Марко. — Саския! Ты здесь? Что с Могулом?

— Да все в порядке, — энергично отозвался Могул, он был слишком близко к микрофону. — Табита, с тобой все нормально?

— Кажется, да, — сказала Табита. — А вот Элис...

Она не знала, что с Элис. Снова попробовала пульт. Экран замигал, наполнился какой-то абракадаброй.

Неожиданно из трюма послышались громкие голоса, глухие удары и стук.

Саския — Табита была уверена, что Саския, — закричала в испуге и тревоге.

— Саския! Что происходит? Что случилось?

Табита слышала, как Саския кричала: — Нет, нет, вернись! — Потом донесся стук, треск, слышно было, как летит на пол багаж и бросают оборудование.

— Саския! — позвала Табита.

Марко орал, Саския орала, Могул тоже орал, но Табита не могла разобрать ни слова. Она ударила

по переключателю шлюза, ведущего в трюм. Никакой реакции.

— С вами все в порядке? — позвала Табита, снова и снова ударяя по выключателю. — Что у вас там происходит?

Раздавались нечленораздельные крики ужаса, паники, стук бегущих ног, Марко выкрикивал приказы. Никто не слушал Табиту.

Ей не хотелось двигаться. Не хотелось выбирать из кресла. Она хотела остаться здесь, защищенной от чудовища. Не хотела знать, какого черта у них происходит там, в трюме. Пусть хоть поубивают друг друга, и на этом все кончится.

Табита расстегнула ремни и побежала вверх по наклонному полу, отбрасывая ногами осколки.

Она чувствовала себя неуклюжей, передвигалась с трудом, словно под водой. Табита включила оксигенатор и неверными шагами прошла по трапу к трюму.

Дверь трюма была закрыта и заперта на засов. Табита попыталась открыть ее, но дверь не подавалась. Девушка забарабанила в дверь тяжелыми ударами кулака в перчатке. — Эй! — крикнула она. — Эй, вы меня слышите?

Ничего. Табита включила радио и снова вызвала трюм.

Опять без ответа.

Табита огляделась. Иллюминаторы были покрыты неземной растительностью, наполняя проход мрачным коричневым светом. Оба передних шлюза выдержали, хотя в левом борту была изрядная вмятина.

Хороший корабль. Таких теперь не строят.

Табита побежала назад в кабину и стала рыться в шкафу, где, как она думала, должен быть лом. Лома она не нашла, зато там оказался большой гаечный ключ. Табита достала его, взвесила на руке, затем вернулась и набросилась на дверь.

Она засунула ключ в щель между дверью и косяком и нажала. Ключ вывернулся из щели, чуть не ударив ее по шлему. Осторожнее! Табита все еще дрожала, и голова у нее кружилась от кислорода. Она стала бить в дверь и звать, но ответа не было, и коммуникатор тоже молчал.

Табита круто развернулась на каблуках и полезла вверх по стене, сгибаясь и держась за искореженный фланец двери. Решительным рывком она забросила ключ вверх над головой и вставила его в щель над дверью. Затем, держась за ключ, прыгнула вниз.

С металлическим скрежетом дверь отскочила, как крышка от консервной банки.

Внутренняя дверь уже была приоткрыта. Табита помедлила, сжимая в руке ключ, и заглянула в проем.

Свет был притушен, воздух — тяжелый. То, что она могла разглядеть в трюме, выглядело точно так, как оно было до того, как Табита послала туда работать роботов: коробки и сумки, хозяйство артистов и личные вещи разбросаны по полу, повсюду — шнур, а из прохода пробивается призрачный свет; уголок психоделической настенной росписи Саскии, размазанный в конце перегородки.

Табита не видела ни крови, ни тел. Если там и находился какой-нибудь венерианский плотоядный зверь, она не видела и его.

С неистово бьющимся сердцем Табита ногой распахнула внутреннюю дверь.

Трюм был пуст.

Отбрасывая валяющиеся сумки и одежду, Табита вошла внутрь.

Ее нога наткнулась на тело. Это был один из роботов, разбитый вдребезги.

Другой робот сидел перед своей кельей, держа в манипуляторах тамбурины. Табита остановилась рядом с ним, быстро оглядываясь по сторонам и изучая разбросанный багаж.

Внутри пробрался огромный черный мотылек. Он хлопал крыльями, жужжал и бессмысленно бился о входное отверстие для дистиллированного воздуха. Остальных обитателей нигде не было и следа.

Табита двигала сумки и ящики до тех пор, пока не убедилась в этом, а потом помчалась к носовому шлюзу и прочь из трюма. Осмотрела санузел, камбуз и каюты. Повсюду валялись вещи. Нигде никого не было. Иллюминаторы были густо заляпаны грязью.

Табита вернулась в трюм, подвинула упавший громкоговоритель и перевернула расплющенного робота. Он годился уже только на списание. На нем

были мокрые пятна — как будто, зная, что приходит конец, он стал плакать. Табита нагнулась, пропуская сквозь пальцы волокнисто-оптические внутренности.

Рядом, среди разбросанного содержимого контейнера с приборами, Табита увидела уголок фарфорового дорожного сундука Тэла. Она вытащила ящик. Он все еще был закрыт. Индикаторы признаков жизни горели зеленым. Табита послушала по крышке.

Ничего не произошло.

С некоторым трудом Табита нагнулась и приложила свой внешний микрофон к трещине на крышке. Ей показалось, что она слышит едва различимое похрапывание.

В растерянности она выпрямилась и оглядела трюм, вытирая капли жидкости с маски.

Шел дождь. В трюме “Элис Лиддел”.

Только теперь Табита догадалась взглянуть вверх.

Трюм был поврежден. В крыше зияла дыра, и ее края неровно расходились, как края коробки с картами, которую кто-то сердито разорвал. Снаружи, сквозь дымку фиолетовой листвы, нависало венерианское небо, как докрасна раскаленный оцинкованный лист.

Перекинув ключ через плечо, Табита поднялась по лестнице в проход и высунулась с крыши наружу.

Посмотрев вниз, она увидела, что Элис наполовину погребена в трясине мясистой растительности. Крышу корабля украшали смятые ветки и оторванные лозы, многие из них были обуглены. Земля в лесу была болотистой и дымилась. Над головой, между странными шишковатыми ветвями деревьев, небо закрывала рваная туча, похожая на перевернутое море. Лес был дымкой комковатых теней с отдельными пятнами зловещего света, густого и огнедышащего.

Табита мгновенно сообразила, что свет какой-то искривленный. Казалось, мир встает вокруг нее, словно она находилась на дне огромной ямы, наполненной горячими, гниющими растительными отбросами.

Она включила радио и крикнула. Ей показалось, что она слышит далекие голоса и всплески, но никто не откликнулся.

Табита снова поднялась и осторожно выбралась наружу, под дождь.

Она встала на горячей крыше кабины, не обращая внимания на боль и дрожь в руках и ногах, и обернулась, бросив взгляд поверх своего изувеченного корабля.

Все сканнеры и антенны, починенные ею за время рейса, были снова грубо вырваны. Фюзеляж Элис был весь в рубцах и царапинах, словно по ней провели огромной теркой. Ее медные инкрустации были покрыты пылью и все заляпаны кислотой. Ее крылья были согнуты, с них, разветвляясь, свисали клейкие листовидные ленты. По всему корпусу была щедро разбрызгана карминно-красная и черная грязь.

Элис лежала на просеке, нечаянно расчищенной ею для самой себя. Позади нее, вдоль пути, которым она прошла, был открытый туннель, обрамленный поваленными и сломанными деревьями. Впрочем, назвать их деревьями можно было только по аналогии. Они нисколько не напоминали деревья, скорее — наваленные кучи заплесневелой кожи или башни искрошенной губки или гигантскую плакучую цветную капусту. Многие из них почернели и вспыхивали в огне.

Табита продолжала звать.

Сверкнула зеленая молния, и в ушах Табиты загремел раскат грома. Она огляделась вокруг, но все было таким запутанным, деревья — столь многочисленны и странны, свет — так мрачен и искажен, что она не могла определить, что же она видит. Казалось, болото вокруг нее вздымается и пульсирует.

Где-то справа от Табиты зашуршала листва.

С отчаянно бьющимся сердцем девушка стиснула в руках гаечный ключ.

— Табита! — раздался зов в ее наушниках, отчаянный и близкий.

Кто-то из Близнецов настроил свое аудио.

— Кто это?

— Саския.

— Ты где?

— Здесь, — отозвалась акробатка. От такого ответа пользы было мало. Табита стала вглядываться

в кусты, стараясь хоть что-то рассмотреть сквозь дождь.

Ветви снова треснули. Табита разглядела серебристую фигурку. Та пробивалась на просеку.

— Что происходит? — спросила ее Табита. — Где остальные?

Саския тяжело дышала, и в ее словах трудно было разобраться: — Марко пошел за ним. Могул тоже, но он ранен. Он ранен в голову. Я не могу его найти.

Скафандр Саскии, на который Табита раньше едва ли обращала внимание, был моделью из яркого хрома, и вся его аппаратура была уложена в единственную тонкую дорсальную пластину-плавник. У Саскии был такой вид, словно ей больше пристало бы быть под водой наподобие некой футуристической акулы-киборга. Она упала на колени в болотистую лужу: — Где мы, Табита?

— На Венере, — ответила Табита. — А ты думала, где? — Ее раздражало то, что они все разбежались, и раздражала Саския, которая несла какую-то бессмыслицу.

Снова сверкнула молния. Где-то в глубине леса на нее кто-то зарычал.

— Пошли внутрь, — передала Табита Саскии и полезла назад тем же путем, каким выбралась наружу.

Саския забралась в трюм, тяжело дыша, с несчастным видом. Она подошла к Табите совсем близко. За v-образным визором ее лицо было белым, а кожа — воскового оттенка от тревоги.

— Могул ранен в голову, — повторила она как в тумане.

— Где он? — спросила Табита.

Саския сделала неуклюжую попытку обнять ее. Она махнула серебристой рукой, указывая на всю ужасающую ширь леса, Земли Афродиты, Венеры: — Не знаю! — воскликнула она. — Я думала, может, он вернулся сюда.

Саския оторвалась от Табиты и стала рыться в беспорядочно наваленных вещах, словно в надежде, что ее блудный братец прячется там, готовый выскочить и удивить их.

Табита последовала за ней: — А что делает Марко?

— Ищет его! Он выбрался!

— ЧТО выб...

Табита сообразила, что смотрит на ответ.

Это был цилиндрический гроб фраска, открытый и валявшийся в луже.

Он был пуст.

XLIII

BGK009059

TXJ. STD

ПЕЧАТЬ

mc/++&&&&&n — — hf ~ srt F ~ sqtmm &%

o^ ***** *&*****]

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? 09.01.225

ГОТОВА

— Привет, Элис.

— ПРИВЕТ, КАПИТАН. А ТЕПЕРЬ ТЫ РАССКАЖЕШЬ МНЕ ПРО ФРАСКА?

— Про какого фраска?

— ТОГО, ЧТО ТЫ ВСТРЕТИЛА НА "БЛИСТАТЕЛЬНОМ ТРОГОНЕ".

— А, тот фраск. Это ведь был караван фрасков, я, должно быть, тебе говорила.

— ДА, КАПИТАН, Я ПОМНЮ.

— Его вел корабль, который мы знали только как "Василиск", "Небулон Стривер" с Изобилия. Фраски тогда только что закончили Изобилие, по-моему, или, в любом случае, трудились над ним. Корабль прибыл и прочно припарковался на низкой геостационарной орбите над Селюцией, причем слишком поздно для того, чтобы они могли принять участие в пиршествах. Он висел неподвижно, как грязно-серый воздушный змей в розовом небе.

Как только явились фраски, все пошло очень спокойно. Началось массовое бегство с кораблей и поспешными визитами представителей на "Василиск". С Каньона Копратс шли пыльные бури.

Трикарико нашел мне работу на "Блистательном Трогоне", на складах, — работу, оставлявшую мне массу свободного времени, чтобы он имел возможность приходить и надоедать мне.

— Я СМОТРУ, ТЫ СНОВА СТАНОВИШЬСЯ АМБИВАЛЕНТНОЙ, КАПИТАН.

— О, я думаю, это была достаточно разумная работа, учитывая, что у меня было мало опыта. Но я бы не сказала, что была в сильном восторге. Я уже стала немного остывать к Трикарико и не хотела быть с ним все время. Слишком много было всего, что нужно было посмотреть и сделать. Когда караван, наконец, стартовал, и Трикарико в течение какого-то времени был очень занят, я полностью погрузилась в таинство работы на Мандебр. Там, видимо, существовали значительные вознаграждения, если знать, как поступать правильно.

Я сразу же поняла, что если я хочу чего-нибудь добиться, надо выбирать ся со складов.

Начать с того, что я не выносила квартирмейстера. Это была лысеющая женщина-трант по имени Уэник, и она достигла своего положения тем, что была совершенно одержима мылом и уксусом, аргументами капсулами и цветными ручками. Ни одна булавка не сдвинулась со складов Уэник без, по крайней мере, трех записей, сделанных для отчетности.

Уэник невероятно гордилась своей работой. Если флагман линии Мандебра и был блистателен, то лишь потому, что она распределяла полироль для металла! Ну, меня-то это нисколько не волновало. Это было так же погано, как и работать на капитана Фрэнка, с единственным исключением — там было чисто. Хуже того, Уэник никогда ничего не забывала: — Табита Джу', Табита Джу', где к-кабельные соединители, размер б, синие?

— А разве их там нет, КМ? — спрашивала я, соображая, кому я их выдала. Я всегда их кому-нибудь выдавала и не успевала сделать запись.

— Нет, Табита Джу', они там нет. Второй инженер Моррис Мориалос с-специально требовать размер б, синие, а м-манифест показать — у нас еще один ящик, боже, боже. Второй инженер Моррис Мориалос, ты же знаешь, какой он.

— Оставьте это мне, КМ, — говорила я, и когда она не видела, посылала ему размер 6, оранжевые, думая, какая к черту разница? Выяснялось, разумеется, что разница есть, и Узник за это доставалось, а потом доставалось мне. Если, конечно, я куда-нибудь не выходила.

В тот день, когда явился фраск, я куда-то вышла.

Мы уже два дня как миновали Деймос, почти не продвигаясь и задерживаясь, в то время, как колесницы-джаггернауты Земли и люльки фрасков медленно стали набирать скорость. Я вернулась после того, как несправедливо производила Трикарико, и обнаружила Узник, беспомощно пытавшуюся расположить к себе существо, похожее на некое подобие насекомого размером с пони, а еще больше — на засохший куст.

Фраск стоял между мной и ей, спиной ко мне. Я раньше никогда не подходила так близко ни к одному из них. И надеялась, что он не слишком быстро обернется.

Узник посмотрела на меня из-под его руки: — Табита Джу', где ты был? Ты должен быть вернуться п-полчаса назад.

Я пробормотала извинение, не сводя глаз с фраска, и стала осторожно обходить его, глядя на него снизу вверх: — Извините, КМ, мне надо было повидать боцмана насчет...

— Теперь не важно, — сказала она довольно резким для нее тоном.

— Эт-то командующая, боже, боже, как вы сказать — ваше имя, командующая?

Существо издало звук вроде того, какой может произвести насекомое размером с пони, прочищая горло, — что-то вроде орехов, взрывающихся в бумажном пакете.

Оно стремительно обернулось и посмотрело на меня.

— И ЧТО ТЫ ТОГДА СДЕЛАЛА, КАПИТАН?

— Застыла на месте, я полагаю. Никаких добровольных движений я не делала, это уж точно.

— Табита Джу', командующая, да, она прийти проверять наш склады. Я стараться показать ей все сама, но, боже, боже, я никак объяснить ей си-систему...

В помещении стоял особый запах, острый, тяжелый запах. Транты пахнут, знаешь, Элис. Я не была уверена, были ли это запах транта, начинавшего лихорадочно волноваться, или фраска, теряющего терпение.

Уэник столкнулась с чем-то более серьезным, чем робот, которому нужна новая батарейка, и она сразу же растерялась. А может, она и была права, насколько я могла судить. Что я знала о фрасках? Что с ними все было в порядке, если ты занимался своим делом. Я вспомнила, что говорил Трикарико, только не знаю, верила ли я в это. Может быть, транты тысячелетиями имели дело с фрасками. Может быть, Уэник была права, испуская огорчение по всему помещению.

Я понимала, что должна взять все в свои руки. Я решила разделить их. Я отвела Уэник в сторону: — Я думаю, мы ее смущаем, — сказала я. Интересно, как это Уэник определила, что это была "она". — Оставьте меня с ней. Я выясню, чего она хочет.

Уэник, как сумасшедшая, разрывалась на две части. Она не хотела оставлять любезные ее сердцу склады, особенно, в руках такой некомпетентной и неверной инопланетянки, как я. Но раз уж тут был фраск, она бы явно предпочла оказаться где-нибудь в другом месте.

Как только она приняла решение и вышла за дверь, я оказалась у коммуникатора. Я собиралась вызвать Трикарико, но потом у меня возникла идея получше. Я вызвала мостик и попросила позвать дежурного офицера: — Вы случайно не потеряли особо важную персону? — спросила я ее.

— Кого? Кто это?

— Табита Джут. Склады, — ответила я, небрежно опуская свою должность.

— Пресвятая дева, она что, там, внизу?

— Да, — ответила я, и отключилась. Что ж, подумала я, Уэник-то была права. Это станции паники.

А потом я завела беседу с фраском.

— И О ЧЕМ ВЫ ГОВОРИЛИ?

— О деле, конечно.

— Сссклады, — произнесла она голосом, похожим на шелест камыша; во всяком случае, прозвучало это как "склады", так что я продолжала.

— Да, — сказала я. — Склады. Вы совершенно правы. Мы на "Блистательном Трогоне" гордимся тем, что у нас наиболее всеобъемлющие и современные линии поставок и оборудования торговых шхун, действующих сегодня, — объявила я, обводя рукой помещение.

Фраск затрещала.

Я не могла определить, полагается ли мне быть в состоянии все это понять, так что я просто кивнула головой и поспешно продолжала. Я рассказала ей все про кабельные соединители, синие и оранжевые, и про то, как мы особенно тщательно сохраняем пищевые и скоропортящиеся продукты вон там, в противоположном конце склада, чтобы держать их подальше от ядов и легковоспламеняющихся веществ, которые хранятся вон там.

Фраск следила за мной своими глазами-бусинками. Когда она двигалась, ее конечности скрипели. Она дергалась и останавливалась, дергалась и останавливалась. В промежутках между движениями она просто замирала, совершенно замирала, и ни жестом, ни взглядом не выдавала, что она — живое существо, а не сухой куст.

Тяжелый запах все еще держался. Я раздумывала, чем бы лучше в нее запустить, если она вдруг решит, что с нее хватит моих комментариев и меня самой.

А потом дверь распахнулась, и явилась подмога.

Вошла Мелисса Мандебра вместе со своим стюардом, первым помощником, парой охранников и Уэник, поспешавшей за ними следом. Я не ожидала увидеть великую женщину собственной персоной, но постаралась извлечь из этого для себя максимальную пользу. Я соскочила с конторки и представилась ей как лицо, обнаружившее ее заблудившуюся высокую гостью, даже объяснила, какой большой и удовлетворительный интерес проявила командующая к нашей скромной работе здесь, на складах.

Мелисса взглянул на меня. Она смотрела на меня так, словно хорошо меня поняла, но как-то очень сверху вниз; пожалуй, так смотрит Кстаска.

Я подумала, а ты ведь тоже ловила кайф, Мелисса Мандебра, правда?

Затем она открыла рот и заговорила с моей сановной посетительницей на языке фрасков.

Это было ужасно. Звучало так, словно кто-то, страдающий ларингитом, подавился пригоршней рыбьих костей.

Фраск энергично вращала головой и отвечала.

Потом они обе рассмеялись.

Я даже не стану пытаться описывать, как это звучало.

Они засмеялись, и все было кончено, компания вывалилась из помещения с большой помпой и огромным облегчением для всех окружающих. Но самое большое облегчение испытывала Уэник.

— ТЫ ПОСЛЕ ЭТОГО СТАЛА С НЕЙ ЛУЧШЕ ЛАДИТЬ?

— Нет. Раз уж на то пошло, по-моему, я просто стала ее нервировать еще больше. Трикарико, правда, был от меня в восторге. Он обращался со мной так, словно я была каким-то чудом, шимпанзе, неожиданно вызубрившим "Макбета". Он поговорил насчет меня с пилотом шаттла. Она была единственной на "Блистательном Трогоне", летавшей по мелким поручениям, и она уже начинала стареть. Если бы потребовался человек на это место, любой лейтенант мог бы принять у нее дела, но Трикарико согласился, что это умная мысль — натаскать кого-нибудь специально ей на замену.

Думаю, он считал, что это удержит меня на корабле.

Пилот шаттла упомянула мое имя Мелиссе, вспомнившей меня с неким снисходительным одобрением.

Тогда я и научилась летать.

У меня уже были кое-какие фундаментальные знания еще со времен работы на "Жирном рте", и праздные прогулки на обочине каравана были как свежий ветерок после некоторых дурацких маневров, которым мне приходилось ассистировать, когда капитан Фраск намеревался захватить особенно замечательный кусок плавучего хлама. До самого Юпитера у офицерского шаттла "Блистательного Трогона" не было дел более важных, чем отвозить Мардебр и их гостей на светские приемы на борту "Негро Спиричуэл", "Скорпион Лament" и других роскошных кораблей каравана и привозить их оттуда. Они позволяли это делать мне, пару раз в неделю.

Иногда я получала бокал шабли. Иногда даже более того. Я получила очень даже большое удовольствие, проведя время с офицером безопасности на "Клементе III".

А на Первом Прыжке Табита должна была отправиться на бал.

XLIV

Они протащились по дождливому болоту, заглянули под ветви отвратительных деревьев. Прошлись по кустам, вспугнув дикобраза с утиным носом, он ошетинился прозрачными иглами, загремевшими по их скафандрам, и, кашляя, умчался прочь. На ними из-под "листьев" высывались змеи, чтобы посмотреть на них, оценивая на глаз, как толстые клейкие измерители с осторожными маленькими глазками.

Гектора не было и следа.

На этой безумной планете все что уютно могло находиться где уютно. Все было не таким, каким казалось. Цветы жужжали, земля бурлила, комары сверкали серебристыми взрывами электричества. В обманчивом свете все сосредоточилось на дне чаши, до краев наполненной горизонтом.

— Могул на самом деле не очень-то искал. Он оглядывался по сторонам, рассматривая окрестности. Все время показывал на что-нибудь и смеялся. Потом он куда-то побежал между деревьями, и мы... мы потеряли друг друга из виду.

Табита заставила единственный еще работавший экстензор и трех уцелевших роботов заняться разгрузкой корабля. Обмотанные грязным красным шелком и ультрамариновым кретоном, кожаные сундуки и алюминиевые ящики на подпорках были свалены грудой рядом с папоротниками, в которых капала вода, и напоминали декорации для какого-нибудь сюрреалистического балета. Среди них был и дорожный ящик Тэла. Тэл все еще спал в нем.

Саския пыталась помочь, но ее мысли были не здесь, а вместе с ее половиной. Она стояла в трясине с длинным ножом в руках и обрубала спутанные ползучие растения с крыльев и шасси Элис. Иногда она осанавливалась и, как загипноти-

зированной, смотрела, как из трюма выносят очередную вещь, принадлежавшую ей.

— Не плачь, — сказала Табита. — Ты испортишь свои циркуляторы к чертовой матери.

Саския издала душераздирающий стон, потом с трудом сглотнула и, кляня весь белый свет, вернулась к своей безуспешной борьбе с ползучими растениями.

Табита выругалась про себя. Потом подошла к Саскии.

— Ступай и найди его, — мягко сказала она.

Глаза и нос Саскии покраснели и на мертвенно-бледном лице выглядели ужасно. Она судорожно покачала головой и сделала жест ножом в сторону корабля: — Это важнее.

— Мы тут сами справимся. Ты поможешь потом.

Саския без всякого энтузиазма посмотрела в зловещий лес. Потом взглянула на Табиту, на корабль.

Табита сказала: — Возьми пистолет.

— У меня его нет. Он, наверное, у Могула.

— Тогда возьми нож.

Саския с сомнением посмотрела на Табиту: — А тебе он разве не понадобится?

Табита похлопала ее по плечу: — Иди, иди. Держи канал на связи. И вызывай меня каждые пять минут.

Саския закусила губу. Потом подняла руку и странным, нежным жестом дотронулась согнутым указательным пальцем до лицевого стекла шлема Табиты: — Я люблю тебя, — сказала она.

— Нет, не любишь, — быстро ответила Табита. — Иди и приведи своего братца. Нам скоро улетать.

На встревоженном лице Саскии отразилась вспышка гнева: — Нечего обращаться со мной, как с ребенком, Табита, — заявила она.

Измученная, Табита виновато заглянула в глаза Саскии, потом опустила взгляд в размытую дождем грязь.

Когда она снова подняла глаза, Саския уже ковыляла назад в кусты.

Сырой день тянулся медленно. Неподвижное огромное солнце сияло сквозь мрачные тучи, видимое и невидимое отовсюду. Жаркий густой свет, каза-

лось, пробирался через костюм Табиты в ее кости. Насекомые, которых распугала катастрофа, быстро оправились и роями вылетели из листвы, издавая пронзительные пиликающие звуки и создавая некое подобие роящейся ауры, создававший помехи при приеме радио. Когда Саския вызвала Табиту, ее голос был металлическим и доносился словно изда-лека.

Твбита и один из роботов пытались вытащить корабль из болотистой ложбины, в которую он угодил. Табита дала команду. Левое крыло неожиданно вырвалось из подлеска, разбрызгивая огромную струю грязной жижи.

— Отлично, отлично! — закричала Табита, бросаясь в обход корабля с носа на корму. — Так и держите!

В новом порыве надежды она вызвала мозг корабля: — Алло, алло, Элис! Ты меня слышишь?

Ответа не последовало.

Внезапно дождь усилился.

По приказу Табиты роботы закрепили тросы на толстых стволах крепких деревьев, а сама она уселась под одним из них и стала сосать новую трубочку со стимуляторами. Табита беспокоилась за маленькие машины, так тяжело трудившиеся под дождем и в жару. Максимальная стандартная нагрузка их изоляции не была рассчитана на такие условия. Один из них уже вел себя немного странно. Если она не следила за ним постоянно, он мог уйти в сторону, наткнуться на ствол ближайшего дерева и так и стоять там, рассеянно открывая и закрывая одну и ту же скобу.

Табиту снова вызвала Саския, а сразу вслед за ней — Марко.

— Он объявился?

— Он?

— Да Гектор же, Гектор, — сигнал был скверным, голос звучал так, словно пробивался сквозь массу проволоочной шерсти. — Кого я могу иметь в виду, как ты думаешь?

— Твоего покойного партнера.

— Да, знаешь, кто их там разберет?

— Гектора, что был мертв.

— Он и был мертв! Э-э, эладельди, они пристрелили его. — Треск.

— ... сама его видела. Разве он не был мертв?

Табита стиснула зубы. Она не собиралась с ним спорить. И даже не имела никакого желания с ним разговаривать.

— Он еще не вернулся, нет, наверное? — сказал Марко после небольшой паузы.

— Нет.

— С тобой все в порядке? Ты не ранена, ничего? По-моему, Могул — единственный, кто... не самое страшное, нам здорово повезло, да? А... с тобой? Вот теперь я тебя нашел, я вижу корабль... уже иду.

Табита отвечала на это утрюмыми односложными восклицаниями. Она поднялась на ноги, отряхивая скафандр, и направилась к подвешенному кораблю, чтобы заглянуть под него: — Не утруждай себя, Марко.

— Мне надо с тобой поговорить, — сказал он.

Он шел через искривленный лес, разговаривая на ходу: — Наверное, это жара его растопила. Гектора. Ну и напугал он нас, чтоб его... выскочил и прочь оттуда... уже был наверху, на крыше, — вспоминал Марко, а сигнал прерывался и жужжал. — Он вылез оттуда.

Голос Марко звучал напряженно и тараторил из-за шока, страха и нервов. Болтать — это его реакция на любые события, утрюмо подумала Табита. Он все еще говорил: — Они на самом деле могут передвигаться, эти ребята. Я думаю... просто в смятении, он, наверное, испугался, вот что... посадка.

Табита не отвечала. Она вставила назад инспекционный пульт, контролировавший главный двигатель.

В ста метрах, за деревьями, она мельком увидела приближавшегося Марко. Его скафандр был великолепен, ярко-алый и угольно-черный. Он помахал рукой. Табита не обращала внимания. Она подозвала ближайшего робота и, когда тот подошел, нагнулась, чтобы поднять его.

Марко поспешно подбежал к ней: — О, подожди, я тебе помогу. Он помог ей поднять робота в открытый шлюз. За поляризованной маской его лицо было потным и утрюмым.

— Господи, хотел бы я знать, где он, — сказал Марко, когда робот повернулся на шарнирах и

затарактел, поднимаясь вверх по трапу в кабину. Марко сделал энергичный жест в сторону леса. — С ним там может что-нибудь случиться без защитного костюма.

А она-то в какой-то момент решила, что он говорит о Могуле. Табита снова обратила свое внимание на ручной монитор.

— Черт побери, он же может там по-настоящему умереть! — раздраженно бросил Марко, ударив кулаком по дверному косяку.

Табита больше не могла этого выдержать: — Он ведь фраск, Марко, — сказала она.

— Фраск, — согласился Марко. — Верно.

— Единственные, кто когда-либо что-то строили на Венере, — сказала Табита.

— Ну так что?

— Единственные, кто когда-либо производил себе подобных на Венере, Господи Боже. Единственные, кто когда-либо рожали в космосе, раз уж на то пошло. В вакууме.

— Серафимы, — вставил он.

— Рожали — я сказала.

Стекло его лицевой маски на мгновение стало непрозрачным, когда робот передавал картинку.

— Так как ты считаешь? Думаешь, с ним все будет нормально, так, да? — Марко вытянул палец и неожиданно сунул им в подбородок своего шлема, как будто хотел пососать большой палец и забыл, что он в скафандре.

— Марко, если я не смогу запустить корабль, мы все умрем. Здесь. И скоро.

— Но ты же посылаешь сигнал бедствия или что-нибудь в этом роде, да?

— Нет, — ответила Табита. И показала на угрюмый океан туч. — У меня не хватит мощности, чтобы пробиться сквозь все это.

Он уставился на нее, как встревоженный спаниель.

— Так что я собираюсь ее запускать, — сказала она очень спокойно. — И когда я это сделаю, предупреждаю: я вылетаю сразу и не стану ждать никого из тех, кто потерялся.

Она подала сигнал роботу на пульте. Зажужжали реактивные отражатели.

— Я понимаю, — сказал Марко. — Я понимаю твои чувства. Поверь мне. Но этот парень, моя звезда, как ты сказала, мой партнер, да? Он где-то там, в лесу, и он ранен. То есть, я хочу сказать, мы думали, что он мертв. Он должен быть очень-очень тяжело ранен. По крайней мере.

— Замечательно, — отозвалась Табита. — Иди отсюда.

Марко распростер руки ладонями вверх повелительным жестом примирения. — О'кей, — сказал он. — Всего пара вещей. Пара вещей, о которых ты должна знать. У меня не было времени объяснить тебе это.

— Только быстро, — свирепо приказала Табита.

— Ну, я знаю, у тебя создалось впечатление, что Гектор — член нашей группы. "Контрабанды". То есть, я хочу сказать, он им и был, конечно, был, только на самом деле он не был в трупке, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

Табита со злостью повернулась к нему: — Почему бы тебе не убраться куда подальше, Марко? Дай мне работать.

Он торопливо спросил: — Что, так плохо?

— Я все еще смотрю.

— И как это выглядит, плохо?

— Да!

Похоже, до него, наконец, дошло, в какую беду они попали. Он оперся на корабль, тревожно оглядывая окрестности, по которым он только что бежал. У него был растерянный вид существа, загнанного в угол. Затем он обернулся и стал вертеться взад-вперед, словно в поисках места, куда бы убежать.

Бежать было некуда.

— Черт бы побрал! — он выбросил ногу и лягнул покрытое слизью шасси Элис.

Табита протянула левую руку и взяла его за локоть. Когда он повернулся и встал к ней лицом, она подняла правую ногу, уперлась подошвой своего ботинка в его живот и ударила со всей яростью, которая в ней накопилась.

Заорав от изумления, Марко потерял равновесие и упал навзничь на спину, растянувшись в грязи. Его вопль перешел в болезненный стон, когда он ударился головой в шлем, а твердые углы скафандра

и жесткая рама оксигенатора впились ему в спину. Табита стояла над ним, пока он лихорадочно перебирал руками и локтями, и его тяжелые башмаки скользили, когда он пытался встать на ноги. Она не предложила подать ему руку, чтобы помочь подняться.

Марко рывком перевалился на бок, забрызгав их обоих грязью. Поднялся на колено. Его алый костюм был покрыт толстым слоем гнилой растительности и кирпично-красной слизи. Тыльной стороной перчатки он лихорадочно водил по своему визору, но только размазывал грязь.

Табита уже включала аудио. Она стояла, расставив ноги и растопырив пальцы: — Не смей даже пальцем до меня дотрагиваться, Марко Метц, — рывкнула она прямо в его наушники. — И не вздумай даже пальцем дотронуться до моего корабля. Я не желаю, чтобы ты даже близко подходил ко мне. Можешь оставаться здесь и подыхать!

— Табита, извини, извини! Я не...

Барахтаясь, пытаюсь найти опору под ногами, Марко потянулся, чтобы облокотиться на шасси. Табита прикрикнула на него и прыгнула вперед, словно намереваясь ударить его наотмашь по лицу тыльной стороной ладони.

Марко струсил: — Хорошо! Хорошо! Дай мне подняться, черт возьми! Извини, я же сказал, извини! — Он посмотрел вниз, на свой перепачканный скафандр, в отчаянии всплеснул руками. — Я не хотел, я просто, я...

Табита отключила его. Она нарочито повернулась спиной к своей работе, снова нырнула под брюхо корабля и осторожно засунула голову в шлеме в отсек двигателя.

Марко нашел другой канал и заявил: — Я хочу помочь.

— Ты не можешь.

— Я помогал раньше, мы все помогали. Я не хотел лягнуть твой корабль, я просто... это все так... ну, ты же знаешь. — Его голос стал мягким и интимным: — Табита. Ты же знаешь, что я чувствую.

— Убирайся к дьяволу, Марко, — отчеканила Табита.

— Я хочу доказать тебе, что мне очень жаль, — сказал он искренне и спокойно. — Я хочу помочь нам выбраться отсюда.

Табита Джут вынула голову из внутреннего отсека корабля. Указала на лес, вверх по градиенту сумрачного света: — Иди помоги Саскии. Найди Могула. Когда ты вернешься, здесь для тебя найдется дело. — Она была непреклонна.

Марко ушел. Табита следила, как он скрылся в растительной преисподней. Она увидела его несколько минут спустя. Он пересекал высокий голый хребет, и его алый скафандр осторожно пробирался вверх среди немыслимых деревьев навстречу невероятному горизонту.

XLV

В полутора метрах над болотистой, пенистой почвой в странной гигантской колыбели для кошки, подвешенной между деревьями, висела “Элис Лиддел”. Это заняло немного больше времени, чем ожидала Табита. На середине у них кончился трос, и им пришлось импровизировать с просмоленными сетями из лиан, а вскоре — просто с ползучими растениями, огромным количеством спутанных лиан.

Уровень был недостаточным. Корабль кренился, вес сместился, внешний импульсный двигатель левого борта с плеском упал на землю. Не было никакой возможности забраться под него и поднять. Табита уже потеряла в грязи один домкрат.

— Если бы можно было исправлять все нахмуренным лбом, — говаривал отец Табиты, — сейчас уже все было бы сделано. Она была сыта по горло этой проблемой подвешивания. Корабль был закреплен настолько, насколько это было возможно, а у нее были и другие дела.

Табита отправила роботов на борт делать уборку и выравнивать вмятины, а сама сражалась с разбитым синусовым протоновым генератором, пытаясь его байпасировать. Когда Марко и Близнецы не мешали, Табита могла лучше сосредотчиться. Работая, она старалась выманить мозг Элис из небытия. Она и бранилась и уговаривала. Рассказывала Элис истории.

Дождь ослабел и превратился в мягкую и мрачную морось.

Что бы там ни было сломано в отводах, это было так глубоко, что Табита не могла дотянуться туда своими инструментами. Наверное, матричные компрессорные усилители. Табита занималась матричными компрессорными усилителями только в мастерской, и занимало это чистых три дня. Здесь у нее не было мастерской. Не было у нее и трех дней. Скафандр Саскии был просто модной вещичкой, у ее брата, по-видимому, тоже. Они были не предназначены для такого ада.

Снова вышла на связь Саския. Табита поговорила с ней: — Саския, Марко с тобой? Он пошел тебя искать.

— Я его не видела, — отозвалась Саския. Едва различимый, ее голос все же выдавал смятение.

Может, он пошел искать фраска, подумала Табита. Ей было все равно, куда он отправился. Либо вернется, либо нет. — Следи, может, он объявится, — сказала она.

Сидя под огромной цветной капустой, Табита обдумала ситуацию. Лучшее, на что она могла надеяться, — это то, что усилители не были полностью сорваны и “Шрененковы” все еще как-то контактировали с гироскопами. Тогда (если она сможет загерметизировать корабль и ничего больше не сломается), у них была какая-то надежда взлететь. (Если импульсные двигатели будут действовать. Если нет... но если они будут работать. Просто допустим). Они теоретически могли рассчитывать на взлет.

Господи, когда на “Бергене” строили эти корабли, они их действительно строили.

Впрочем, потом при сломанном кристалле осевого запора единственное, что она сможет сделать, это найти наиболее оптимальную орбиту. На какое время — об этом можно было только гадать. Достаточно долго, чтобы привлечь внимание какого-нибудь проходящего судна? Видимо, нет, но что еще ей оставалось делать? Альтернативой было сидеть здесь и умирать или бежать в джунгли, смеясь и крича.

Они все погибнут.

Нет.

Теперь дальше. Орбиты.

Ее оптимальная орбита. Без компьютера, чтобы рассчитать пути и сбалансировать корабль, — вот как обстояли дела сейчас. Если она не сможет поднять хотя бы элементарные навигационные приборы, ей придется делать это по таблицам. Она знала, что копия у нее есть. Где-то есть. Если она не сможет найти таблицы, то лучшая орбита будет баллистическим эквивалентом плевка в потолок.

Кстаска, подумала Табита, смогла бы сбалансировать ее корабль. Кстаска починила бы компрессионные усилители, махнув хвостиком, если бы ее хорошенько попросили. Кстаска была бы сейчас так кстати, черт побери.

Но Кстаска уже погибла.

Они все умрут.

Так. Хорошо. А пока...

Табита встала и, чутко оглядываясь вокруг, — не следят ли за ней древесные обитатели — полезла вверх, на гигантскую цветную капусту. Со всеми развилинами растения это было нетрудно. Она вскарабкалась вверх, а потом — вдоль по гладкой блестящей ветви.

Там, в багровом лесу, она увидела огромных пурпурных игуан, сидевших на ветвях и лениво вылавливавших черными эластичными языками радио-мошек. Казалось, прикрытые веками глаза игуан вечно ухмылялись, забавляясь какой-то им одним известной шуткой. Они смеялись над глупыми человеческим существами, бегавшими по лесу, как безумные, перед тем, как умереть.

Где-то вдалеке что-то заревело. Табите рев показался отвратительным. Предполагалось, что на Венере водятся динозавры, огромные ходячие змеи с ядовитым дыханием. Табита уже видела каких-то существ, похожих на скорпионов, и чуть не наступила на маленькую черную змею, которая бешено зашипела на девушку и зигзагами скрылась в топи. Этим тварям и не было необходимости быть большими.

Табита никогда прежде не жила в местах, где была дикая природа, и ей они не понравились. Ее вовсе не прельщала мысль о существах, которые не были одомашнены, разумны или съедобны.

Табита посмотрела вниз с ветки на голую исцарапанную крышу своего корабля. Из целого ряда коммуникаций практически ничего не осталось, за исключением десяти сантиметров антенны. Значит, никаких внешних АВ. А при том, что ветровое стекло было все в трещинах, и заменить его было нечем, ей придется взлетать вслепую.

Чем меньше информации, тем легче работа. Полный вперед — и выкатываться отсюда так же, как влетели.

А после этого... но пока было рано думать о том, что будет после. Во всяком случае, пока она не выяснила, есть ли у нее еще импульсные двигатели.

Пять минут спустя Табита лежала на боку в грязи под Элис, и над ней нависал корпус корабля. Она пыталась наладить второй домкрат, подставленный под волочившийся двигатель. Табита лежала скорчившись, вытянув правую руку и засунув левую почти по плечо в низкий разрыв. Если корабль сейчас опустится хотя бы на пять сантиметров, он раздавит ее в лепешку, подумала она как бы издалека. Она разговаривала с кораблем. Из носоглотки Табиты вырывались тихие тонкие звуки, пока она неуклюже возилась с домкратом. Табита отдала бы все на свете за возможность снять перчатки.

Некоторое время она так и оставалась в этом положении. Она забыла о драконах, мошках, фосфоресцирующих игуанах, маленьких черных змеях. Все эти мысли отошли на задний план перед более важной задачей, и Табита превратилась в машину, более примитивную, чем любой робот. Она была блоком, а домкрат был на блоке. Она была лишь рычагом.

Искаженное время текло медленно. Скрытое солнце не двигалось. Марко Метц и Поразительные Близицы Зодиак не возвращались.

Табита поставила корабль на домкрат на достаточную высоту, чтобы вылезти из-под него и дать роботам подставить под него поваленное дерево. Она снова потеряла домкрат, но дерево выдержало. Табита забралась на борт, спотыкаясь на наклонной палубе, торопясь поскорее проверить двигатель.

Он все еще работал. Торжествующей вспышкой пламени Табита выдула из него грязь. Она пела. Она плакала. Она вознаградила себя пивом.

На связь вышла Саския: — Я нашла его, — неуверенно сказала она. Что это, помехи, или она услышала пение?

— Нашла кого? Нашла Могула?

— Могула, — ответила Саския. — Марко... тоже... приведем назад Могула.

— С ним все в порядке?

— Не знаю! — Саския задышалась, расстроенная, в истерике. Раньше она такой никогда не была. — ... сумасшедший, — сказала она. — Он счастлив. Табита! Табита, как ты там?.. Элис?

— Все в порядке, — сказала Табита. Она улыбнулась своему потрепанному кораблю, роботам с герметизирующими устройствами и сварочными карандашами. — Пока что.

— Нам повезло, — сказала Саския. — Правда?..

Табита надеялась, что да, потому что это была последняя надежда.

Она уселась в свое кресло и противопоставила свои мозги компьютеру. На короткое время у Элис наступило полное прояснение, потом она снова ускользнула.

Сосредоточиться было трудно. Один из роботов трудился над дверью люка, которую пришлось сломать Табите, стараясь вернуть ей герметичность. От него было столько шума, что ей пришлось отослать его на корму, оставив дверь висеть на петлях открытой, пока она сидела в кабине с включенным на полную мощность рефрижератором своего скафандра, атакуя укрепленные лабиринты машинной логики.

Элис была в полете: мелькнула тень, пролетела по силиконовым коридорам, сверкнула, исчезая за углом, замерла на мгновение, паря за входным отверстием; исчезла.

Прошел еще один скучный час. Табита еще раз потеряла сознание. В какой-то момент ей показалось, что она спит и видит сны. Из-за занавесей все время выбегали желтые саламандры и ползали по стенам. Но ведь занавесей-то не было.

Неожиданно Табита пришла в себя, думая: оксигенатор. Надо прочистить его. Как долго он у меня проработал? Она оглянулась и посмотрела на блок. Там горел зеленый свет. Правда, это займет четверть часа. А тут ей осталось работы всего на пару

минут. Она продолжала работать, прорываясь сквозь код.

Табита знала, что ей грозит опасность, знала, что должна потратить эти пятнадцать минут на чистку и перезарядку оксигенатора, знала, что это освежит ее голову, и понимала, что откладывает это из-за того, что ее мозг уже затуманен углекислым газом. Но еще через несколько минут она сможет восстановить ее один блок логики, а потом все будет гораздо легче. Она даже сможет сделать перерыв.

Но она все равно сделает перерыв, на пятнадцать минут, потому что... потому что ей так хотелось. Хотелось прилечь.

Табита с трудом вылезла из кресла.

— КАПИТАН.

Кто-то звал ее.

Голос был женский. И знакомый.

— Мама? — спросила Табита. Ее собственный голос звучал странно, словно она говорила в трубу. — Что тебе нужно?

Она легла на пол. И стала наблюдать за красивыми красными и зелеными огнями. Это было так глупо, она провела всю жизнь в этой кабине и никогда не смотрела на них. А они были такими красивыми. Это было странно.

— ТЕБЕ НАДО ПРОЧИСТИТЬ ОКСИГЕНАТОР, КАПИТАН.

— Сию минуту.

— ПОЖАЛУЙСТА, СДЕЛАЙ ЭТО, КАПИТАН.

— Релла? Это ты?

Последовала короткая пауза.

— СЕЙЧАС ЖЕ ПРОЧИСТИ СВОЙ ОКСИГЕНАТОР, ТАБИТА. ПРОСТО СДЕЛАЙ ЭТО, ЧЕРТ БЫ ТЕБЯ ПОБРАЛ.

— Доджер!

Табита сделала попытку подняться, но это оказалось слишком трудной задачей. Она нашла на полу какую-то вещь, большой металлический предмет, просто она не могла вспомнить, как он называется. Он был тяжелый. Он поблескивал, светился. Красивые огоньки множились, плавали в ее голове.

— ТАБИТА, ТЫ УМИРАЕШЬ. ТЫ СЕЙЧАС УЖЕ УМИРАЕШЬ.

Куда бы ни бросила сейчас взгляд Табита, ей отовсюду подмигивали огоньки, заслоняя все, как вуаль.

Тень, словно кто-то двигается по пустому трюму.

— Я вижу тебя, Доджер.

На самом деле она ничего не видела. Табита моргнула. Она ощущала боль в груди, и от этого ей было трудно думать. Она хотела спать, но боль была слишком сильной. Там вообще кто-нибудь есть?

Может, кто-то из них вернулся, кто-то из людей в дурацких скафандрах.

Раздался громкий сигнал тревоги, завывая и пронзительно визжа. — ТАБИТА! ТАБИТА! ТАБИТА ДЖУТ!

— Ладно, Доджер, — хрипло проговорила Табита. — Ради тебя. Только... ради тебя...

Она не могла подняться. Шум рапластывал ее, разбивал о пол. Голос все кричал, пока она с трудом ползла на спине вдоль стены до тех пор, пока не смогла протянуть руку над головой и наощупь отсоединить подачу воздуха от панели.

— Ради тебя, Доджер.

Она вставила наконечник в свой респиратор.

— А...

И потеряла сознание.

Она была под водой. Глубоко под водой и дышала под водой. Это было легко. Просто вдыхешь и выдыхаешь. Если бы только кто-нибудь знал, как это легко. Она напряженно двигалась сквозь ночь из воды, расталкивая ее руками. У них там, внизу, тоже были звезды. Они рябили, когда она Табита приближалась к ним. Они подмигивали, пульсированием передавая ей полсния. Давай, говорили они. Давай.

Она была на глубине.

А потом она лежала на полетной палубе "Элис Лиддел", ее легкие поднимались и опускались от потока собственного воздуха на корабле, в голове у Табиты стучало, в ногах и руках покалывало. Сквозь разбитое ветровое стекло она могла видеть мрачное сияние жаркого, согбенного леса, морозящий дымящийся дождь.

Идиотка, сказала она себе, жадно глотая свежий воздух. Идиотка несчастная. Она подумала, что здесь кто-то есть, разговаривает с ней. — Элис? — спросила Табита. Горло у нее болело.

Ответа не было.

Опершись на стену, Табита села. Все еще подсоединенная к шлангу подачи воздуха, затруднявшего ее движения, Табита протянула руки за спину и отстегнула оксигенатор от спины. Потом она рывком продвинулась настолько, чтобы вставить его в блок чистки. Наклонив голову набок, Табита как раз могла видеть счетчик и то, как низко упал уровень. Она содрогнулась.

В трюме что-то застучало.

Там что-то было. Об этом Табита даже не подумала.

— Саския?

Ответа не было.

Может быть, попутай вылез из своего ящика.

— Тэл! — позвала Табита. — Сюда, Тэл!

Не было и попутая.

Табита пососала свою трубочку. Глотать было больно.

Превозмогая боль, Табита поднялась на ноги. Все ее мышцы словно были набиты наждачной бумагой. Судорожно вздохнув, она оперлась на стену и посмотрела на оксигенатор. Десять минут, прежде чем она сможет снова надеть его. Десять минут она будет ждать, беспомощная, на привязи, что существо из трюма придет и схватит ее.

Последовало долгое молчание. Потом негромкий глухой удар и стук.

Летучая мышь, подумала она. Влетела через открытую крышу и не может найти пути наружу.

Шесть минут. Пять. Четыре минуты сорок пять секунд.

Снова стук. Словно мелкие кусочки металла, подумала Табита, в отчаянии соображая, что бы это могло быть. Что-то с металлической чешуей. Игуаны. Вот это что.

Две минуты пять восемь секунд.

Чтобы забраться в корабль, игуане пришлось бы залезть вверх по одному из крепежных деревьев,

пробраться по кабелю, попасть на крышу и провалиться сквозь двери, закрытые на задвижку.

Снова звон, долгий, протяжный.

Одна минута.

Что-то было внутри и ждало ее.

Табита увидела свой гаечный ключ, лежавший на полу кабины. Она сообразила, что задерживает дыхание. Если она будет задерживать дыхание, что же она будет высасывать из этого воздуховода?

На блоке оксигенатора засветилась панель индикатора. На ней появились слова: "ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ОТСОЕДИНИТЬ ОКСИГЕНАТОР, ПОКА НЕ ПОГАСНУТ ВСЕ ОГНИ И ЦИКЛ НЕ ЗАВЕРШИТСЯ".

Табита схватилась за оксигенатор.

Механизм заворчал.

Свет не гас.

Империи поднимались и рушились.

Свет не гас.

Вселенная сонно вращалась вокруг своей оси.

Свет погас.

Табита схватила оксигенатор и перекинула его через плечо. Закрепив его на месте, она услышала щелчок клапана и набрала полные легкие свежего воздуха.

Табита отсоединила подачу воздуха от своего шлема и подхватила гаечный ключ. Ну, вот, что теперь?

Она спустилась вниз, в трюм, двигаясь так тихо, как только могла. Оперлась на раму поврежденной двери, чувствуя, как покачивается под ней Элис.

Из багровых теней что-то низкое поднялось и пошло ей навстречу.

Это была не игуана. Это было что-то большее по размеру, чем игуана.

Табита резко отвела назад руку, чтобы запустить в существо гаечным ключом. И тут она увидела, что это.

Это был робот с тамбурином.

Передвигаясь, он звенел.

— Ах, ты, глупый кусок металлолома, — устало сказала Табита. — Отдай мне это.

Робот отдал ей тамбурин. Табита вручила ему гаечный ключ. — Вот, — сказала она. — Почини эту дверь.

Его глаза коротко сверкнули.

Табита присела на корточки, проверила световые сигналы на его панели и задала последовательность команд. Затем с тамбурином в руке повернулась, чтобы вернуться через дверь в кабину. Робот, спотыкаясь, брел за ней. Табита посмотрела на тамбурин. Встряхнула его для пробы. Поставила ногу на трап, ведущий в кабину пилота. Подняла глаза.

Там что-то стояло, зловеще нависая над ней, похожее на раздетое пугало; или на вырванный с корнем куст; или на разбитое дерево. Оно наклонилось к ней, скрипя и сгибаясь в самых невероятных местах.

Табита глотнула.

— Г-гектор? — сказала она.

XLVI

Фраск зашипел. Звук был похож на шипение зеленых прутьев в огне.

Табита отступила на шаг.

Внезапно, вращая бедрами и дергаясь, фраск сошел вниз по трапу. Его движения напоминали чем-то походку аиста; или плохо слушающуюся команду марионетку.

В тусклом освещении он был поразительно похож на ожившую вязанку хвороста. Его тело было длинной, выпуклой массой светло-коричневых волокнистых трубок, из которого торчали четыре похожих на веревки руки и две тощие ноги, вид у них был такой, словно их вставили в тело, или они выросли под каким-то совершенно произвольным углом, как виноградные лозы. Он был гол, хотя с тем же успехом можно говорить и о том, что насекомые раздеты. Его броней было его собственное тело.

Фраск стоял у подножия трапа совсем рядом с Табитой. Он возвышался над ней. Он разглядывал ее, склонив голову на плечо. Его глаза были глубоко посажены, круглые и черные, как ягоды, они были очень маленькими и блестящими.

— 3-з-звез-з-долет, — произнес фраск.

Табита отчетливо расслышала слово, хотя его голос трещал так, что можно было подумать, что включилось ее радио.

— Да, — отозвалась Табита. — Мой звездолет.

Двигаясь очень медленно и все время стоя к нему лицом, Табита протиснулась мимо фраска и поднялась по трапу в кабину. Существо провожало ее глазами.

— Меня зовут Табита Джут, — очень отчетливо произнесла Табита. — Можешь называть меня “капитан”.

Она отвернулась от фраска, чтобы положить тамбурин, но он снова зашипел, и Табита подскочила.

Она медленно протянула руку, положила ее на ремни кресла, готовая сесть в него. Затем снова обернулась, глядя вниз на фраска. Он все еще смотрел на нее. Табита подумала, интересно, что он вообще понимает и насколько опасен, если его напугать.

— Твои друзья очень беспокоятся за тебя, — сказала она.

Фраск покачал головой, вращая ей, как штопором.

— Марко Метц, — сказала Табита. — Близнецы Зодиак. Твои друзья.

Похоже, он ничего не понял.

Табита показала рукой через разбитое ветровое стекло на гротескный лес снаружи: — Они все там, ищут тебя, — сказала она и уселась в свое кресло.

Тогда он пришел в движение. Он тут же примчался вверх по трапу и встал рядом с Табитой, так близко, что это стало ее раздражать.

Ветви, из которых состояло его тело, были узловатыми и казались жесткими, как кости. В некоторых местах между ними можно было просунуть палец. Насколько Табита могла видеть, он весь состоял из веток.

— С-с-система, — прошипел он. Он в изумлении уставился в ветровое стекло и неожиданно выбросил одну из своих рук перед собой. Его когтистая рука с громким стуком опустилась на пульт.

— С-с-солнечная система, — сказал он.

— Венера, — отозвалась Табита. — Это Венера. Она старалась не смотреть на когтистую лапу,

лежавшую на ее пульте. И спросила: — Ты умеешь ремонтировать плексиглас? — Ей пришло в голову, что он, может быть, смог бы это сделать, если бы захотел. Она вспомнила, как они строили Изобилие, скручивая его костяную ткань из вакуума, из пены частиц.

У фраска на лице появилось какое-то выражение. Его физиономия сложилась по длине внутрь. Впечатление было таким, словно сушильный поднос неожиданно разбился на две части, хотя движение было направлено внутрь. Казалось, он хочет всосать в себя половину лица.

Табита содрогнулась. — Слушай, я очень занята сейчас, — быстро сказала она. — Мы долго не протянем, твои друзья и я, если я не запущу корабль, так что, если ты не возражаешь, ступай лучше назад в трюм и подожди их там... — Табита сделала недвусмысленный жест в сторону трапа. — Я постараюсь их вызвать и сообщить им, что с тобой все в порядке, ладно?

Лицо тут же разгладилось и приняло правильную форму. Если ее вообще можно было считать правильной. Рот фраска все еще был открыт. Между его маленькими прутяными зубками свисали яркие струйки слюны.

Он не двинулся с места.

Табита осторожно протянула руку к пульту и включила свое аудио.

— Элис, тут фраск, а я не знаю, понимает ли он меня, что мне делать.

Ответа не было.

— Ну, давай же, Элис, ты же только что была здесь, я знаю.

По-прежнему ничего.

— Черт!

Табита вызвала Саскию. Она пробовала все местные частоты в надежде, что выйдет на нее через всю эту статику. И неожиданно для себя, отчаянно надеясь, что Саския жива: — Алло, алло, Саския, ты меня слышишь?

Последовал ответ. Голос Саскии пел: — ... к солнцу, пока не сольемся воедино, почти начали, дыша... мы... бежали, к с...

Сигнал проходил безобразно, но она явно бредила на грани срыва. Табита закрыла глаза. Ее

отчаянию не было предела. Эта планета забирала их, одного за другим...

— Алло... бита... слышишь?

Это была Саския. Пение продолжалось: это был Могул.

— Саския! Где ты?

Фраск рядом с ней резко пошевелинулся. Когда он двигался, что он делал очень внезапно и конвульсивно, все его ветви перестраивались, так, словно они были эластичными трубками, протянутыми между крошечными странными наростами. Затем, когда он останавливался, что он тоже проделывал очень неожиданно и при этом застывал намертво, ветки снова становились твердыми, как кость.

— ... Убежал, — говорила Саския. Или Могул, Табита уже не различала.

Очень издали доносился и голос Марко: — ... Иду к тебе, — сказал он. — Через пару минут. Он все еще давал обещания.

— Ваш приятель здесь, — передала Табита, сама не зная, кто ее услышит, если услышит вообще. — Ваш приятель здесь. Он здесь.

Фраск снова коротко дернулся: — С-с-служи мне, — сказал он. Звук “м” у него был больше похож на “н”. “С-с-служи мне”.

Табита начала злиться: — Ты хочешь лететь на Титан? — спросила она и снова указала на трюм: — Тогда ступай туда, сядь и заткнись.

Он снова двинулся, отходя от Табиты, перебирая конечностями, пошел вдоль прохода, сминая мусор своими колосовидными ногами.

Но он просто мерял шагами помещение. Табите захотелось кричать. Ей надо не обращать на него внимания и посмотреть, не оставит ли он ее в покое. Табита повернулась к пульту, ее средце билось при этом гораздо быстрее, чем ей того хотелось бы.

Незванный пассажир неожиданно хлопнул другой сухой когтистой лапой по пульту совсем рядом с ее левой рукой.

Табита подскочила. У нее перехватило дыхание. Она обернулась к л нему лицом.

Фраск пристально смотрел на нее сверху вниз.

— Восстанови меня, — сказал он. — Тст.

В наушниках Табита снова услышала голоса.

Наконец-то. Они вернулись.

— Марко, — передала Табита. Она уже чуть не падала. — Отзови эту штуку.

— Отозвать что? — спросил Марко. Его голос звучал сердито и устало. Она не поняла, то ли он ее расслышал, то ли не знал, что фраск объявился.

— Гектора, — сказала Табита. — Или как его там. Просто позови его по имени, Марко.

— Да я не знаю, как его зовут, так его и разэтак, — заявил Марко.

— Замечательно, — сказала Табита.

Усталыми пальцами Табита отстегнула ремни и встала.

Фраск не пошевелился. Он загораживал ей дорогу.

— Извини меня, — сказала Табита.

Это было все равно что говорить с деревом. Слишком измученная, чтобы бояться, Табита оттолкнула его и прошла.

Он ее не убил.

Ветки были жесткими, как кости.

Табита выглянула из одного иллюминатора, потом — из другого с противоположной стороны. Она уже видела их, они возвращались из леса с совершенно неожиданной стороны. На Могуле был скафандр цвета электрик, с рукавами и брюками, похожими на укрепленный рифленый шланг, и двумя короткими воздуховодами, совсем другой, чем у Саскии. Он брел неверной походкой, с болтающимися руками и ногами, и смотрел вверх на деревья и небо. Саскии и Марко приходилось изрядно трудиться, направляя его по правильному пути.

Могул увидел Элис, висевшую между деревьями. Табита услышала, как он громко и радостно рассмеялся.

Табита обернулась и подозвала фраска. — Марко Метц, — сказала она. — Могул. Саския. Твои друзья. Вон там, — она указала рукой.

Фраск подошел к верхней ступеньке лестницы и там остановился.

Табита попыталась опять жестикулировать, но потом ей это надоело. Она подошла и взяла одну из его конечностей. Он выдернул руку, так что она

взялась за другую. — Твои друзья! — повторяла Табита. Каким-то образом ей удалось провести его вниз по трапу к внутренней двери и открыть обе двери одновременно: — Смотри!

Могул вскрикнул, крик прозвучал, как сигнал тревоги и вызова. Он вырвался от своих поводырей, разбрызгивая грязь, помчался между переломанными деревьями и выскочил на просеку.

Марко и Саския бросились за ним, окликая его по имени.

Могул, спотыкаясь, бежал к кораблю, Саския гналась за ним, Марко замыкал процессию. Могул бежал прямо к двери, где стояла Табита, а над ней нависал фраск, и одним прыжком вскочил на порог, ухватившись обеими руками за дверную раму.

Его визор полностью открывал лицо. На тыльной стороне стекла и на лице была кровь. Кожа Могула, обычно фарфоровой белизны, похожая на выбеленную кость, сейчас была вся в красных и пурпурных пятнах, в разрывах кровяных сосудов. Его скафандр, пригодный разве что для прогулки по Цересу, перегрелся. Венера испортила охлаждающее устройство и подкладку для давления. Глаза Могула были огромны, как зеркальные антенны, рот широко разинут, губы растянуты, обнажая зубы, длинные, как у лошади.

Фраск рывком пришел в движение. Казалось, он хочет почесать себе спину.

Вместо этого он вынул маленький металлический синий пистолет и направил его на прыгавшего на него человека.

Оружие выстрелило.

Одной рукой Могул отбросил Табиту в сторону, сбив ее с ног. Она растянулась на пороге внешней двери, почти упав на Саскию, бросившуюся вслед за братом. Они столкнулись, и Саския упала навзничь в грязь.

Фраск снова выстрелил. Заряд ударил наружу, сквозь дверь и попал в землю, забрызгав грязью маску Марко.

Табита поднялась на одно колено. Саския лихорадочно пыталась взобраться на порог позади нее. Могул сцепился с фраском, что-то нечленораздельно крича ему и заталкивая его назад через внутреннюю дверь. Фраск извивался, гибко растягиваясь во всех

направлениях с бешеной скоростью, размахивая рукой, державшей пистолет, в туманном воздухе.

Могул дернулся. Из его скафандра в шлюз вырвался клуб льдисто-голубого пара.

Саския пронзительно закричала.

Табита бросилась на боровшихся, пытаясь схватить пистолет. Пытаться поймать руку фраска было все равно что пытаться схватить скользкий кабель, который тащит огромная лебедка.

Могул лежал на полу, он зацепился в проходе и старался увлечь за собой фраска. Он обхватил своими длинными руками его ноги и ухватился за две руки фраска. Табита стиснула обеими руками лапу, сжимавшую пистолет, и стала тянуть. Фраск вывернулся и ослабил хватку. Пистолет полетел в набину.

Прмчавшись мимо Табиты, перепрыгнув через брата, кувыркаясь, Саския ринулась вверх по трапу за оружием.

Марко уже был на борту и вступил в драку. Фраск схватил Табиту поперек груди и швырнул ее через всю палубу. Согнувшись, сквозь пелену боли она увидела, как он, двигаясь теперь еще быстрее, подхватил Марко и просто выбросил его из корабля, и потащил за собой кричавшего Могула по инерции.

Саския прыжками промчалась по трапу с пистолетом в руке. Она выстрелила всю обойму в спину фраска.

Тот даже не обратил внимания. Он наклонился над ее братом.

Фраск метался по кораблю. Табита видела, как его ноги лягали воздух. Она силилась подняться.

Фраск, все так же двигаясь с бешеной скоростью, развернулся на бедрах на сто восемьдесят градусов. Держа Могула за шею, он поднял его вверх и швырнул на палубу. Шейный герметик Могула треснул, выбросив мощную струю голубого пара и алой крови.

Саския кричала и пыталась броситься на фраска, но Табита схватила и удержала ее. Саския была легкой, как ребенок.

Фраск сжал шею Могула двумя руками. Лицевое стекло его скафандра стало покрываться красным. Внезапно оно покрылось трещинами, сразу и по всей ширине. Тело Могула выгнулось, длинные руки

раскрылись, широко растопырив пальцы. Его каблуки колотили по палубе. А потом он упал и уже лежал совершенно неподвижно.

Саския пронзительно вскрикнула, сделала последнюю отчаянную попытку броситься на фраска, а потом обхватила руками Табиту и прижалась к ней так крепко, что Табита почти ощущала ее тело сквозь костюм.

Фраск подошел, стуча и протягивая к ней все свои руки.

XLVII

BGK009059

TXJ. STD

ПЕЧАТЬ

t &&n — hf ~ st ~ sqtmm &%` xjxjXJ

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? 18.08.67

ГОТОВА

— “Контрабанде” следовало бы выступить на 5-свадьбе. Им следовало бы где-нибудь выступить. Где угодно, только не здесь.

У них бы по-настоящему хорошо получилось на 5-свадьбе.

Знаешь, я ведь как-то ходила на одну.

— ОДНУ ЧТО, КАПИТАН?

— 5-свадьбу. А ведь найдется совсем немного людей, кто может этим похвастаться.

— ПОЛАГАЮ, НЕМНОГО.

— Не так уж много найдется людей, которые оказались запертыми на Мнтсе, не говоря уж о том, чтобы пойти на 5-свадьбу.

— КАПИТАН?

— Да, Элис?

— ЧТО ТАКОЕ 5-СВАДЬБА?

— Палернианская. Палернианская свадьба. Ты помнишь, как мы летали на Мнтсе?

— ПАРУ ЛЕТ НАЗАД?

— Правильно. У нас был субподряд на общественное питание.

— У НАС БЫЛ ГРУЗ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ.

— Всякие вещи, которые любят есть палернианцы. Вулканический хлеб.

— ЛИШАЙНИКИ.

— Правильно. Желуди, корзины, корзины с желудями.

— ВЫСУШЕННАЯ НА ВЕТРУ ЛОШАДИНАЯ ТРЕБУХА.

— Целые катушки лакричной тесьмы.

— Я СТОЯЛА ТАМ ОЧЕНЬ ДОЛГО.

— Ну, так там была свадьба. А потом они меня заблокировали. Я тебе разве не рассказывала, когда вернулась?

— ТЫ ПО ЭТОМУ СЛУЧАЮ БЫЛА НЕ СЛИШКОМ РАЗГОВОРЧИВА, КАПИТАН.

— Неужели?

— ТЫ НЕ СЛИШКОМ ХОРОШО СЕБЯ ЧУВСТВОВАЛА.

— Это было довольно тяжело.

— СВАДЬБЫ — ЭТО ВЕДЬ БРАЧНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ, ТАК?

— Правильно.

— ТОГДА ЧТО ТАКОЕ 5-СВАДЬБА?

— Палернианцы все делают пятерками. Ты же знаешь.

— НО ВЕДЬ У НИХ ЖЕ НЕ ПЯТЬ ПОЛОВ, ТАК?

— Нет, это социальное явление. Они вообще очень общественные существа на самом деле. Когда ты выходишь замуж, ты выходишь за одного из своих родственников и за одного из родственников другого лица и за одного из их супругов. За всех вместе. Я имею в виду, что так у них и получается пятерка на 5-свадьбе. Не знаю, что они там делают в постели, но если 5-свадьба сама по себе является каким-то показателем...

И они размножаются — это уж точно.

Коридоры Мнтсе полны детишек — курчавых подростков, которые повсюду пасут целые стада пушистых малышей, едва научившихся ходить. Ты

знаешь, что они умудрились вырастить целых два поколения с тех пор, как появились здесь?

Создается такое впечатление, что дети просто царят в этом месте — они были в мастерских, на таможне, в барах, повсюду у тебя под ногами болталась малышня. Они носились везде с бешеной скоростью, верещали, гулили и таскали из баров нут. Иногда самые маленькие залезали к тебе на колени, прижимались и рылись у тебя в карманах.

Я там однажды нарвалась на Фрица Джувенти — он там сидел с какой-то скользкой дипломатической миссией, занимался закулисными делами. Не знаю, по-моему, устанавливал какой-то тариф в пользу Валенсуэлы. Ему там страшно нравилось. В нем пробуждались не то отцовские, не то дедовские чувства, так, кажется, это называется? Он прогуливался по кварталу, отведенному для делегаций, держа на каждой руке по ребенку, а какая-то совсем уж кроха при этом ехала у него на плечах. Она все время натягивала парик ему на глаза. Он кричал и шел дальше: — Эй! Я же не вижу, куда иду! И нарочно ходил кругами и упирался в стену, а кроха у него на плечах пронзительно вопила. Ей казалось, что все это просто здорово. — Если я ничего не буду видеть, я могу тебя уронить. — И Фриц делал вид, что роняет ее на пол, и в последнюю минуту подхватывал ее, а остальные свистели и отскакивали от стен. Они считали, что Фриц — замечательный.

Это он впервые рассказал мне про 5-свадьбу: — Если у тебя когда-нибудь будет возможность туда пойти, Табита, я тебе настоятельно советую ей воспользоваться. И он сидел там в своих брюках гольф и широком воротнике, добродушно ухмыляясь поверх своего огромного носа и похлопывая меня по ноге. Старый развратник. Он говорил таким тоном, словно речь шла об эскурсии на Св. Астрею Капеллу, но я-то помнила его со времен тех ночей на старой "Стойкости". Когда дядюшка Фриц сверхтрезв и сверхвежлив, надо держать ухо востро.

Именно поэтому я и была так обрадована, когда меня пригласили. На 5-свадьбу, я имею в виду. Это была свадьба дочери офицера Колд Рива и брата Пилота Лимбо, а остальные были — дай подумать — брат ее матери, я хочу сказать 5-брат, или это был его 5-брат, и другого мужа ее матери...

— ПО-МОЕМУ, У МЕНЯ ГДЕ-ТО ЕСТЬ СХЕМА, КАПИТАН, ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, Я МОГУ ЕЕ НАЙТИ.

— Не стоит трудиться, Элис. Как бы там ни было, она все равно очень сложная. Настолько сложная, что удивительно, как они вообще ухитряются создать эту пятерку. И тем не менее, почти все ухитряются, правда?

— У НИХ, КОНЕЧНО, ОЧЕНЬ РАЗВИТ СТАДНЫЙ ИНСТИНКТ. ПРАВДА, НЕ МОГУ СКАЗАТЬ, ЧТОБЫ Я СЧИТАЛА.

— Они всегда ходят пятерками. Это не просто брачные узы — это рабочая группа, спортивная команда, экипаж судна, ансамбль. А как только появляются дети, это уже целый клан; хотя с виду дети всех палернианцев похожи на огромную играющую компанию, не знаю, как они их различают.

Знаешь, Элис, когда они женятся, они сохраняют абсолютную верность. И друг без друга они совершенно теряются. Если их разделить, они зачахнут. Единственное, что может разбить пятерку, — это смерть одного из них. Если они не могут найти замену, они сходят с ума, во всяком случае, некоторые из них. Иногда их можно увидеть, они уныло бродили по общежитиям или станциям обслуживания — четыре палернианца, разговаривавшие с кем-то, кого с ними нет. Они перестают за собой следить. Они заболвают ужасными болезнями. А потом вдруг начинают крушить все, что попадается им под руку.

Правда, на 5-свадьбе они тоже это делают.

Когда ты женишься, если ты палернианец, ты собираешься вместе со свими родственниками, а если ты палернианец, их очень много, и ты делаешь такие вещи, которые трудно объяснить. Это что-то вроде танца и что-то вроде оргии и отчасти похоже на бинго. Продолжается все четыре дня. Там много еды, питья и курева. Пища — это самое важное.

— ЭТО ПОЭТОМУ ТЕБЯ ПРИГЛАСИЛИ, КАПИТАН?

— То, что мы привезли, — лошадиную требуху и прочее — это был срочный заказ, потому что перед этим их кто-то подвел. И они были так рады, когда я приехала, что пригласили меня остаться.

В первый день это была большая показуха. То есть, всякие клятвы, клейма и все в таком духе. Но

каждый раз, когда кто-то что-нибудь говорил, делался перерыв, чтобы выпить. А когда имеется пять человек, которые хотят сказать все на свете, — это значит, что пили очень много. И танцевали, под очень громкую музыку. Это было довольно тяжело физически — болтаться в переполненном зале вместе с парой сотен палернианцев, зато все было очень весело и красиво и довольно пышно, кстати, — и жарко, но никто не подрался. Когда они женятся, они замыкаются в какой-то автоматический гормональный цикл, не дающий им выпасть из него с любым из партнеров или родственников. Я была новинкой. Я, наверное, очень скверно себя вела и осрамила свой вид. Я невероятно веселилась — это все, что я знаю.

На следующий день, когда я притащилась в обеденный зал — буфет — на самом деле он был похож на гигантскую кормушку, вся еда была съедена или убрана или что-то в этом роде. Вместо этого в центре зала была навалена целая груда вещей.

— ВЕЩЕЙ?

— Да. Личных вещей. Одежды, обуви, пленок, драгоценностей, комков глины, обмазанных краской. Бейсбольных бит и мячей. Длинных трубчатых сумок, полных жирной старой шерсти. Разных вещей, без которых палернианец не мыслит своего существования. Груда была весьма внушительной.

По-видимому, вся идея заключается в том, что, когда ты женишься, ты приносишь из своего старого дома все свои вещи, все, что принадлежало тебе, все, с чем ты вырос, и складываешь в большую кучу, а потом крушишь ее.

Начинается жизнь новой пятерки. Кто-то выкрикивает номер, и они все выходят вприпрыжку из-за занавеса и танцуют короткий танец вокруг груды вещей. А потом начинают прыгать на вещи. И бросать их в воздух. И кидать ими друг в друга. Они запускают вещами в стены. Откусывают от них куски. Они... ну, в основном ты в

А через некоторое время включаются все остальные.

Беда была в том, что, оказавшись на Мнтсе, в большом общественном зале, некоторые люди позабыли, где они находятся. Я думаю, дома, на Палер-

нии, или откуда там они прибыли. 5-свадьбы происходят постоянно, их справляют все, и там нет соседей, которые начинают злиться. Вы сами — соседи, если ты понимаешь, о чем я. И все, что воркуг валяется, — это собственность пятерки, празднующей свадьбу и просто игра. Не знаю. Как бы там ни было, дальше получилось так, что, когда все в куче было уже разбито и разломано вдребезги, они стали крушить мебель, то есть, то, что там вообще было из мебели. Они стали притаскивать вещи из других помещений и крушить их. Снимали картины со стен. Большие стеклянные бутылки с цветами. Компьютерные панели. Знаешь, они могут поднимать изрядные тяжести, палернианцы, когда заводятся. Так что мы разбились на две группы.

— Мы?

— Ну, да. Они знают, как сделать так, чтобы человек чувствовал себя как дома, палернианцы. Две группы, каждая по одну сторону зала, и пока одна пыталась поджечь все, на что они могли наложить лапу, моя группа вытащила огнетушители и поливала из них повсюду. Это было очень весело.

Потом раздался тот неопиcуемый шум. Это была сирена. Мы все смеялись и поднимали тосты, мы думали, это кто-то из нас.

Но это была полиция.

Они ввалились толпой, целыми дюжинами, в спецодежде для усмирения толпы, и они все тявкали, и из пасти у них текла слюна. Они кусались, я видела. Меня расцарапали когтями, всю руку и бедро.

— ТЕПЕРЬ Я ВСПОМИНАЮ. ТЫ ХРОМАЛА. ТЫ ЛЕГЛА В ПОСТЕЛЬ. ТЫ ВЕДЬ ЕЩЕ И КАШЛЯЛА, ТАК?

— У них был слезоточивый газ, ультразвуковые дубинки, и вообще чего у них только не было. Я сцепилась с парочкой из них, по-моему, они пытались на меня натянуть какую-то одежду, а я отбивалась. Не знаю, я совершенно ничего не помню. Один из них ударил меня по голове. Я этого тоже не помню, мне рассказали потом, когда я проснулась.

Я проснулась в тюрьме, в зиккурате, и там адвокат из делегации землян на Мнтсе что было мочи орала на какого-то клерка. Она заявила, что

меня принудили участвовать в свадьбе, сбили с толку или что-то в этом роде. Именно это они всегда и говорят, когда ты позоришь свой вид. Палернианцы — не единственные, у кого развит стадный менталитет.

Я просто сидела тихо и ждала, пока пройдет головная боль. Мне казалось, у болит десять голов, одна сильнее другой. В конце концов, она меня вызволила, где-то в районе головной боли номер восемь.

Вот почему я так поздно пришла за тобой, Элис, чтобы забрать тебя с парковки. Я была на 5-свадьбе.

— ДА, КАПИТАН, Я ПОНИМАЮ.

— Или, может быть, это была демонстрация. Политический протест. Восстание.

Не знаю, правда, как это можно было определить. Во всяком случае, не с палернианцами.

XLVIII

Табита стояла впереди Саскии, вытянув назад руки, заслоняя Саскию собой.

— Нет! — закричала она. — Нет! Нет! Нет! Нет!

Фраск наклонился над ней, заглядывая сквозь стекло ее маски, словно только сейчас понял, что под странными металлическими костюмами находятся люди.

Табита, бешено сверкая глазами, смотрела в его бездушные глазки.

— Отойди! — крикнула она.

Потом протянула вперед руки и толкнула его в грудь.

— Назад, иди назад! Назад!

Шипя и отплевываясь, как побитая кошка, фраск попятился. Табита оттеснила его мимо подножия лестницы, ко входу в трюм, сбив робота, работавшего со сварочным карандашом.

— Назад, давай, иди назад!

Она скорее осознала, чем увидела, как за ее спиной Саския бросилась на тело брата, сжав его в объятиях и согнувшись над ним.

— Ступай туда! — крикнула Табита.

Челюсть фраска двигалась, он что-то лопотал, пытаясь добиться, чтобы его поняли.

Табита помедлила, крепко сжимая две его руки, прекрасно понимая, что, стоит ему только захотеть, и он переломит ее надвое в одну секунду: — Что? Что ты говоришь?

— Нникаких пассссажиров, — выговорил он. — Нникаких пассссажиров.

— Она мне нужна! — заявила Табита. — Она не пассажир! Мой второй пилот! Второй пилот! Понимаешь? О, Господи... Вот, смотри!

Двигаясь очень быстро и не давая им обоим времени на размышления, Табита схватила его запястье-прут и помчалась вместе с ним вверх по трапу в кабину. Она указала драматическим и одновременно агрессивным жестом на свое кресло, а потом — на кресло второго пилота: — Два, — объявила она. — Видишь? — И вытянула вверх два пальца. Показала на свое кресло, потом на себя; на другое кресло и на Саскию, стоявшую под ними в проходе, прижимая к себе, как щит, тело брата. Табита указала на Саскию. — Ты поранил ее, — с угрозой произнесла она. — И мы не полетим на Титан. Понимаешь? Никакого Титана!

Фраск сплюнул и засвистел. Его узловатая челюсть быстро двигалась взад-вперед. — Восстанови меня, — снова произнес он.

Табита поняла. Он хотел лететь назад, на Изобилие.

Табита снова показала на Саскию: — Не смей, — отчетливо произнесла она. — Трогать. Ее. Саския, ради всего святого, положи его и сейчас же иди сюда, а если ты этого не сделаешь, я не знаю, что сделает он, так что ты лучше поднимайся сюда и делай то, что я скажу. Саския!

Саския отпустила Могула, и он упал на пол. Саския выпрямилась и грациозно и с большим достоинством стала подниматься по трапу.

Как только она оказалась в пределах досягаемости, Табита схватила ее за плечо и протащила мимо фраска в проем между сидениями.

Фраск нависал над ними, ощетинившись и издавая горлом звуки, напоминавшие глухое рычание.

— Встань за мной, — сказала Табита.

Саския послушалась.

— Садись в кресло. Просто сядь, сядь так, словно ты это делаешь по сто раз на дню.

Табита посмотрела фраску прямо в глаза и подняла вверх указательный палец, словно собиралась сказать ему что-то очень важное, такое, что ему надо было запомнить.

Щелкая челюстями и качая головой, он стоял, глядя на ее палец.

— Я, — сказала Табита, указывая на себя. — Она, — сказала Табита и показала на Саскию.

Ни на секунду не поворачиваясь спиной, она забралась в свое кресло, развернув его так, чтобы она могла по-прежнему смотреть в лицо фраска.

Казалось, он успокоился.

— Оставайся на месте, — предупредила Табита Саскию. — Не оборачивайся. Просто сиди, и все. Я думаю, все будет в порядке.

— “И что же, ты думаешь, будет в порядке?” — спросила она про себя. Мы все погибнем.

Но не так, как погиб Могул.

— Хорошо? — спросила она фраска. — Хорошо?

Он завертел головой и замахал пуками.

— Хорошо, — сказала Табита.

— Табита! Табита!

Это был Марко, он все еще был снаружи. Голос его звучал скверно.

— Одну минуту, Марко.

Табита выбралась из кресла и сделала попытку загнать фраска по трапу назад, в трюм. Тот не пошел. Марко продолжал стонать и звать. Табита обругала его. Осторожно, стараясь не делать никаких движений, которые могли бы вызвать у фраска подозрения, она вышла в шлюз и выглянула наружу.

За ее спиной фраск подобрал разряженный пистолет и стал вертеть его в руках. Табита надеялась, что Саскии не придет в голову оглянуться. Фраск небрежно стоял на теле ее брата. Марко лежал в грязи под дверью, протягивая к ней руку. — Мне больно, — сказал он обвиняющим тоном. Его правая нога была согнута под явно неправильным углом.

Табита оглянулась. Фраск наблюдал за ней.

Ну, и черт с ним.

Держась за дверь, она наклонилась вниз и схватила Марко за запястье.

Фраск пискнул и заверещал. Он одним прыжком оказался у двери, высунулся внутрь наподобие крана с сочленениями и яростно набросился на Марко.

— О'кей, о'кей, — сказала Табита, выпуская Марко, который с плеском и отчаянным криком плюхнулся назад в грязь. — Извини, Марко. — Она выдержала короткую борьбу с фраском, заталкивая его на борт. — Мне бы следовало вытолкать тебя наружу, а не запихивать внутрь! — прикрикнула она на него.

Он вошел, размахивая конечностями во всех направлениях. Снова остановился у подножия трапа и замер, подозрительно глядя снизу вверх на Саскию.

Саския так и не двинулась с места.

— Пошли, — велела ему Табита и потянула его за руку. — Марко! — позвала она. — Гектор не желает, чтобы ты был с нами на борту.

— Что, что такое? Нет, ты не можешь, ты так не сделаешь, — заскулил Марко.

— Найди себе какое-нибудь убежище, — сказала Табита.

— Табита! — взвыл Марко. — Не уходи! Ты не можешь уйти! Ты не можешь меня бросить! Не можешь бросить меня здесь!

— Господи, Марко, хорошо, если ты ошибаешься, — сказала Табита.

— Ты, может, **ВОЙДЕШЬ** все-таки? — свирепо обратилась она к фраску.

Он сверкал на нее глазами и щелкал зубами. — Я хочу, чтобы ты находился там, где я смогу тебя видеть, — сурово сказала ему Табита. — Это человеческий обычай, его называют гостеприимством.

Неожиданно он нырнул в дверь, снова опрокинув робота, и влетел в трюм так быстро, что это было ужасно.

— Устраивайся там поудобнее, — крикнула ему Табита.

Он поплыл, размахивая вверх-вниз руками, как исполнитель ритуальных танцев в храме.

Марко все еще жаловался, ругался и умолял. Табита перестала обращать на него внимание. Она

бросилась вслед за фраском в трюм и заметалась по нему, подбирая все, что там осталось — куски ткани, пустые сумки, одежду, все мягкое. Она собрала охапку, потом еще две, и бросила их в угол.

Робот, закончив ремонт внутренней двери, проковылял в шлюз и вверх по стене, чтобы заняться внешней дверью.

— Сядь здесь! — скомандовала Табита фраску. Потом похлопала рукой по груди. — Мягко. Хорошо. Удобно. — А сама подумала о том, какими могут быть представления о комфорте у существа, полностью состоявшего из разума и рефлексов и способного существовать в вакууме.

— Я собираюсь попробовать запустить корабль.

Табита развернулась, даже не остановившись посмотреть, послушался ли он. По пути она заметила дорожный сундук Тэла и подумала, не надо ли выбросить его наружу, к Марко. Нет, подумала она; он только возьмет и откроет его. Марко ведь не мыслил существования без общества, которое бы им восхищалось.

Табита взяла ящик и понесла его в кабину.

— Марко! — позвала она, выходя из трюма. — Мы далеко не улетим, если вообще улетим хоть куда-нибудь. Если мы сможем найти помощь, мы тебе ее доставим. Но пока мы не можем вылететь, — сказала она и поморщилась, проходя мимо скорчившегося тела Могула, — а тебе понадобится время, чтобы добраться до убежища. Так что на твоём месте я бы начала ползти, — сказала она, вспрыгивая вверх по трапу. — Хорошо?

Его ответ был нечленораздельным и грубым.

Табита засунула ящик Тэла рядом со своей сумкой, под сетку в глубине кабины, потом подошла к пульту. Обернулась, протянула руку сквозь ремни, чтобы взять за руку Саскию, и бросила быстрый взгляд на единственный работавший монитор — тот, что был подключен к трюму.

С тем же успехом на нем могло и не быть никакой картинки. Фраск стоял точно в том месте, где она его оставила. Он так и не двинулся с места. Табита посмотрела вниз, на Саскию. — Зачем он это сделал? — спросила она.

Саския подняла глаза на Табиту, по ее удлинённым щекам катились слезы: — Он спасал тебя...

— Не плачь, — сказала Табита, сжимая ее руку. — Это портит циркуляторы.

Саския сделала попытку улыбнуться. Ее лицо сморщилось. Худенькие плечи задрожали.

Табита быстро потрясла ее руку.

— Ты что-нибудь знаешь о мозге компьютера?

Саския шмыгнула носом, чихнула и покачала головой.

Табита снова бросила взгляд на трюм. Все еще стоит на месте. Она поискала тройник в футуристическом костюме Саскии, нашла аудио-вилку и размотала ее. Потом протянула к розетке и вставила. — Ее зовут Элис, — сказала она. На данном этапе это было все равно, что любое другое звание. И она хоть чем-то будет занята.

Табита наклонилась, прижала свой визор к визору Саскии и изобразила поцелуй. Потом круто развернулась и снова вышла из кабины, по трапу, мимо Могула — назад, в трюм.

Фраск все еще стоял в той же позе. он посмотрел на Табиту, как бешеное дерево.

— Ну, как знаешь, — сказала она. Потом огляделась. Она искала гроб фраска, но он был снаружи со всем прочим хозяйством. Табита включила свой ручной монитор и послала за ним экстензор.

Когда он зажужжал, фраск конвульсивно дернулся, глядя вверх на экстензор и за него, через открытую крышу, на псевдо-дендрониды, с которых капала вода, на жаркое и грязное небо.

— Ремонтируем корабль, — утвердительно сказала Табита.

Фраск подошел и наклонился над ней. — Экстензор, — со знанием дела заявил он.

Табита сознательно проигнорировала его. Она подумала, интересно, что еще он понимает.

Работая снаружи с одним из роботов, она ухитрилась поднять вслепую продолговатый гроб, а потом дать выборочную последовательность команд, чтобы протащить его в открытый шлюз.

— Я уверена, что тебе будет удобнее, если ты сядешь, — сказала она фраску. Потом подошла к

куче в углу и села на нее сама, подзывая его подойти и сесть рядом.

Подойдя к куче, он растянулся на ней во всю длину. Согнув колени и локти под замысловатыми углами, он был похож на сломанного кузнечика.

— Хорошо! Хорошо! Да! — сказала Табита. — Да! Да! — Медленно и осторожно она поднялась.

Фриск зашипел. Но остался на месте.

— Мы скоро улетим отсюда, — солгала Табита.

Он следил за ней глазами-бусинками, пока она выходила из трюма мимо прилежно трудившегося робота.

Гроб, покачиваясь, вплывал в шлюз. Втащив его внутрь, Табита выглянула наружу. Марко был в десяти метрах, он полз на животе по грязи, волоча за собой покалеченную ногу.

— Держись, Марко, ты хорошо справляешься!

Табита увидела, как он обернулся и пристально посмотрел на нее сквозь затемненный лес. Она увидела его глаза — его прекрасные глаза.

Табита установила гроб на борту, поставила его в проходе рядом с телом Могула, открыла и, стараясь как можно меньше смотреть на Могула, подняла тело и уложила внутрь. Он был таким же легким, как его сестра.

Она поспешно сложила ему руки и загерметизировала гроб. "Прощай, Могул", — про себя сказала Табита. — "Было время..."

Она не закончила свою мысль.

Поднявшись, Табита почувствовала, как сильно кружится у нее голова. Усталость словно ударила ее пыльным мешком. Она была полумертвой от изнеможения еще до того, как стала носиться тут, как сумасшедшая. И впереди не светило никакой возможности отдохнуть. Может быть, стоит принять еще несколько стимуляторов из аптечки первой помощи.

Табита вернулась в кабину.

Саския сидела, протянув руку в перчатке над пультом. И смотрела на экран пульта.

Экран светился.

На нем были слова.

Они гласили: — У МЕНЯ ТОЖЕ КОГДА-ТО БЫЛИ СЕСТРЫ, САСКИЯ. ДАЖЕ НЕСКОЛЬКО СЕСТЕР.

— Элис!

XLIX

Примечательно, что многие люди с трудом верят в эту историю с Ремонтом на Венере. Даже тех, кто признают Чудесные Торпеды, не убеждает этот конкретный подвиг Табиты.

Объясняется это просто. Какой бы решительной и отважной ни была Табита Джут, при наличии всего лишь самых базовых знаний в области механики и хромающем оборудовании починить корабль после катастрофы на самой грязной земле из всех внутренних планет? А если и так, то сколько времени это знало? Могла ли она протянуть достаточно долго, чтобы сделать это? — если она вообще когда-либо приземлялась на Венере. Находятся и такие, кто настаивает на том, что это был другой корабль (по предположениям одних, это была “Изначальная Концепция”, другие возражают, что то был “Лакрима Рерум”).

Что ж, могу вас заверить, да и кто может знать это лучше, чем я, что капитан Джут действительно потерпела катастрофу на Венере, отремонтировала свой корабль на месте и спаслась оттуда. Все было точно так, как я говорю, а бремя доказательств лежит на тех, кто утверждает обратное. Для всех прочих достаточно еще раз отметить способность “Берген Кобольда” быстро восстанавливаться, ту самую долговечность, которая в конечном итоге сделала эту модель неприбыльной. Если какой-либо летательный аппарат тех времен и мог победить в споре с богиней ада, это мог быть только “Кобольд”.

И здесь опять воображение публики подмигивает, кивает и прикладывает палец к своему острому, докучливому носу: “Элис Лиддел”, инсинуирует оно, была не обычным “Кобольдом”.

Что ж, пусть так оно и будет. Кто я, чтобы спорить с воображением публики? Экспертиза — не единственный материал, на котором делается исто-

рия. Мы все должны склонять голову перед историей, даже те из нас, у кого нет шеи.

Для всех прочих: я знакома с “Лакрима Рерум”. Венера разделалась бы с ней в два счета. А если “Изначальная Концепция” утверждает, что была на Венере, так вот, я вынуждена заявить, что это не так. Ее память подводит ее.

Была ли долговечность “Элис Лиддел” результатом различных мелких усовершенствований? Как можно это определить, сейчас? Может ли кто-либо с уверенностью сказать, что Табита Джут трудилась одна, что Капелла не приложила к этому руку? Может ли кто-нибудь с уверенностью утверждать, что в тот период существовало хоть что-то, к чему Капелла не приложила руку?

— Элис! С тобой все в порядке?

— ДА, СПАСИБО, КАПИТАН.

Табита стояла рядом с Саскией, охваченная странным смешанным чувством облегчения и ревности.

— Где ты была?

Последовала пауза, прежде чем мозг отозвался:
— НЕ ЗНАЮ, КАПИТАН, НО ТАМ БЫЛО ДОВОЛЬНО ТЕМНО И ВСЕ ДОВОЛЬНО ЗАПУТАННО.

— Я с тобой разговаривала, ты помнишь?

— Я ПОМНЮ ХЕРУВИМА.

— Кстаску.

— НЕТ. ХЕРУВИМОВ ПО ВСЕМУ МОЕМУ ТЕЛУ. ОНИ РАБОТАЛИ НАДО МНОЙ.

— Кстаска и работала...

— ВЫСОКИЙ ЧЕРНЫЙ СЕРАФИМ В ЧЕРНОМ ХРОМОВОМ КОСТЮМЕ РУКОВОДИЛ ИМИ. ХЕРУВИМЫ В НУЛЕВОМ ДОКЕ УСТАНАВЛИВАЛИ МОИ ВНУТРЕННИЕ ПАНЕЛИ, СТУЧА ПО МНЕ СВОИМИ МАЛЕНЬКИМИ МОЛОТОЧКАМИ. ФРАСК В В МАЛЕНЬКОМ КОРАБЛЕ ПРИСМАТРИВАЛ ЗА НИМИ.

Табита и Саския переглянулись.

— Это было до меня, Элис, — сказала Табита.

— Я ДУМАЮ, МОЖЕТ, МНЕ СНИЛСЯ СОН, — сказала Элис.

— Теперь ты проснулась? — спросила Табита.

— МНЕ БОЛЬШЕ НРАВИЛСЯ СОН.

— Ты проснулась.

Табита с благодарностью посмотрела на Саскию:
— Что ты с ней сделала? — спросила она.

Саския пожала плечами. Она вытянула обе руки через сеть, широко раскинув их, ладонями вверх. Между ее ладонями в перчатках коротко, но совершенно отчетливо промелькнула крошечная, слабая радуга из серебряных звездочек.

Сев в кресло и подключаясь, Табита бросила взгляд на аптечку первой помощи. Она вытащила оттуда все, там ничего не осталось. Страстно желая, чтобы ее глаза оставались открытыми, Табита взглянула на единственный уцелевший монитор в кабине.

Он крутил изображения по всей длине трюма, от прохода вперед, от левого борта до кормы, в угол, на высоту человеческого роста, показывал мертвый экран там, где вышла из строя камера проектора правого борта. Каждое изображение показывало фраска, полулежавшего в угловатой позе на импровизированной постели из театрального реквизита.

— Хотите что-нибудь с этим сделать, первый помощник Зодиак?

Саския охотно кивнула, потом покачала головой. Она выглядела такой же измученной, какой чувствовала себя и Табита.

— Думаю, у нас нет никакой возможности выпить чашечку кофе? — спросила Табита.

Саския снова вытянула руки. Это были просто руки, самые обыкновенные.

Табита проверила свой ручной монитор. Роботы сделали все, что могли.

— Элис, я заперла двери в трюм?

— НЕТ, КАПИТАН.

— Позови роботов внутрь и запришь. И дай мне знать, готова ли ты к полету.

— ТЫ ХОЧЕШЬ ПОЛУЧИТЬ ПОЛНЫЙ ОТЧЕТ О ПОВРЕЖДЕНИЯХ, КАПИТАН?

— Нет. Одно слово. Достаточно и одного слога.

— ПЛОХО.

— Как у нас с работоспособностью?

— 78.65%

— Этого хватить, чтобы взлететь?

Последовала кратчайшая пауза.

— ТОЛЬКО-ТОЛЬКО, КАПИТАН.

— У нас хватит мощности для взлета?

— ТОЛЬКО-ТОЛЬКО, КАПИТАН.

— А чтобы доставить нас на орбиту?

— ТОЛЬКО НЕ ОЧЕНЬ НАДОЛГО, КАПИТАН.

— Мы можем сейчас быстренько что-нибудь предпринять, чтобы улучшить свои шансы?

— А КАКИЕ У НАС ЕСТЬ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ?

— Оглянись вокруг.

— ИЗВИНИ, КАПИТАН, Я НЕ МОГУ ЭТОГО СДЕЛАТЬ.

— Это Венера, Элис, — вставила Саския.

— РЕКОМЕНДУЮ НЕМЕДЛЕННО ВЗЛЕТАТЬ, — тут же откликнулась Элис.

— Я думала, ты можешь, — Табита сложила руки на пульте и на минуту позволила своей голове упасть от усталости и облегчения. Сознание того, что у нее все еще есть корабль, частично сняло напряжение, в котором она находилась. — Первоначальный прогрев, Элис. Сообщай о любых аномалиях. Поговори с компьютером-графиком и разработай нам хорошую орбиту.

— ЧТО ОЗНАЧАЕТ “ХОРОШАЯ ОРБИТА”, КАПИТАН?

— Та, на которой мы можем вращаться.

— АЙ-АЙ-АЙ, КАПИТАН.

Табита подняла голову и смотрела на Саскию, не веря своим глазам.

Саския с несчастным видом смотрела через дыру в ветровом стекле на мокрый лес.

Табита снова уронила голову. Мягко покатила свой шлем взад-вперед на руках. Скосила глаза вверх, на монитор трюма. — Не волнуйтесь, Гектор, м-р Фраск, — сказала она. — Они вас не потревожат.

Фраск не двигался. Он лежал, подозрительно следя за тремя роботами, с серьезным видом закатившимися в свои гнезда, закрыв за собой дверь.

Табита была уверена, что он ее слышит.

— Мы в любую минуту будем взлетать, — сказала она ему громко.

Саския расстегивала свои ремни.

Табита с удивлением посмотрела на нее.

— Я его похороню, — сказала Саския. И встала.

Табита пришла в ужас. — У нас нет времени, — запротестовала она. — Мы улетаем совсем ненадолго — Элис, ты уже рассчитала орбиту?

— ВЫЧИСЛЯЮ, — отозвалась Элис.

— Я похороню его, — повторила Саския.

Она спустилась по трапу, нашла тело своего брата в гробу из ПравдаСна и потащила его в шлюз. Бросив взгляд на Табиту, она закрыла за собой внутреннюю дверь.

Разъяренная, Табита отсоединилась, поднялась и последовала за Саскией. Она встала у иллюминатора, выглядывая наружу. Марко нигде не было видно.

К счастью, Саския поняла их отчаянное положение; либо она с самого начала не собиралась разводить особых церемоний. Пройдя через шлюз и открыв внешнюю дверь, она стояла на пороге, держа на руках гроб. Из всех способов, какими они обнимала брата: любовно, во время представления, страстно — это был последний, самый странный.

Она глубоко вздохнула, отчаянно вскрикнула и выбросила серо-серебристый цилиндр за порог.

Он упал в грязь с громким всплеском и стал постепенно исчезать из виду.

Саския стояла и горько плакала, подняв руки, словно собиралась поймать Могула, если он вдруг передумает и вместо того, чтобы нырять, прыгнет на борт.

— ОРБИТА РАССЧИТАНА И ЗАНЕСЕНА В БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ, — вызвала Элис. — ПРОШУ РАЗРЕШЕНИЯ НАЧИНАТЬ...

— Вперед, Элис.

Внешняя дверь закрылась и отворилась внутренняя. Саския вошла, двигаясь, как во сне, с озабоченным видом.

Она упала в объятия Табиты, когда шлюз закрылся.

— Наверх, — сказала Табита, поддерживая ее. — Единственное, что мы можем сделать, — это сидеть там, наверху и очень громко визжать, — сказала она. — И надеяться, что кто-нибудь заметит нас до того, как мы упадем.

— Визжать? — переспросила Саския.

Табита повела ее назад в кабину и показала на считающее устройство. — Здесь координаты этого места, — сказала она. Помогая Саскии забраться в ее кресло, Табита нагнулась над пультом, нажимая последовательность выключателей и клавиш. — А теперь садись к этому конусу и делай автоматический повторяющийся цикл, — сказала она. — Если поблизости кто-то есть — туристический автобус, межконтинентальный транспорт, кто угодно, может, они подойдут и подберут нас. Если нет, кто-то в любом случае услышит позывные, и они будут обязаны подойти и проверить.

— Обязаны, — повторила Саския, неумело нажимая клавиши, в то время, как Табита усаживалась в свое кресло.

На мониторе продолжал крутиться неподвижный фраск: спереди, сбоку, сзади, спереди, сбоку, сзади.

— Ладно, — сказала Табита. — Давай посмотрим, что произойдет, если я нажму вот это.

И нажала выключатель.

Кабина наполнилась красным светом. Раздался высокий жужжащий гул.

Саския закончила автоматический повтор и вошла. Бросив еще один быстрый взгляд на экран, где изображение фраска разрывали и искажали зигзаги помех, Табита сражалась с управлением рефракции.

Все было вялым, все жужжало. Под полом раздавалось медленное неровное постукивание.

Саския встревоженно посмотрела на Табиту: — Это Марко? — спросила она.

— Нет, так оно и должно быть...

Корабль страшно трясся, его подбрасывало вверх и вниз. Ползучие растения на корме соскальзывали, падали; Элис рванулась назад, ее двигатели выбрасывали в жаркий лес волны грязи. Под их ногами поползла маленькая лавина незакрепленного мусора.

— Табита! — раздался далекий голос, пробивавшийся сквозь шум двигателей и помехи. — Вернись! Ты не можешь так поступать, не можешь так поступить со мной, не можешь...

Женщины переглянулись.

— Это Марко, — сказала Табита. — Держись, Марко, мы ненадолго, — позвала она. Табита сильно сомневалась, что он услышит ее или вообще что-ни-

будь в реве, поднятом кораблем и сопровождаемом хором разъяренной венерианской фауны.

Какой-то пронизывающий, сверлящий звук стал перекрывать гул. Они поднимались, потом снова падали в свой "гамак", который прогибался, таял и горел под ними. Они шатались, скользя и плавая во влажном и жирном воздухе. Над ними бились и раскалывались верхушки уродливых деревьев. Фраск пытался что-то сказать по коммуникатору. Его голос был совершенно не слышен.

По мере того, как ужесточался старый спор с гравитацией, Табита почувствовала, как ее сжало в объятиях поле кресла-паутины, отталкивая все внешние силы. Сейчас, подумалось ей, и наступит тот момент, когда Венера разорвет нас на куски, на сей раз как следует.

По кабине метался свирепый ветер, подхватывая мусор. Швы, как старые, так и новые, трещали, а на панели хлопали и гудели огни. Вой протеста перешел в пронзительный крик чистой бешеной ярости. Элис была сконструирована и построена именно для этого спора; ее строили и перестраивали; ее сбивали и восстанавливали, чтобы бросить назад, в битву. Она и на этот раз собиралась выиграть спор, даже если это будет в последний раз.

Саския смотрела на Табиту, и Табита поняла, что кричит во весь голос, приветствуя каждый сантиметр, на который поднималась Элис.

— Давай, Элис! — теперь они кричали вместе. — Давай, Элис! Задай ей хорошенько!

Элис рывком накренилась, сильно заваливаясь на левый порт, тошнотворно завывая на высокой ноте и рыская вокруг зенита, словно собиралась повернуться вокруг своей оси в небесах. Гром гремел, гремел и завывал.

Табита сидела за пультом и изо всех сил выравнивала дифферент, вытаскивая кашляющий двигатель левого борта из его сна грубой силой и механическим надругательством. Ползучие растения хватались за косые крылья и рвались, хлестали обожженный воздух. Они взбирались вверх. Они взбирались вверх.

Клейкая атмосфера Венеры цеплялась за них, пока Элис боком разрывала ее, разрезая песчаные

тучи правым крылом, выплевывая статику и потерянные вещи, изрыгая кислотный пар. Она хрипло ревела, как демон. Медленно, а потом быстрее и быстрее зеленый горизонт позади них стал загибаться назад.

На мониторе незакрепленный фраск катался по трюму, его швыряло из стороны в сторону в вихре драпировок, било о стену, о пол, о заднюю стенку. Табита видела, как он распластался, расставив ноги, на размазанных останках стенной росписи Саскии.

— Элис! — сказала Табита. — Мне нужен поворот на триста шестьдесят градусов. Время — на твое усмотрение, — сказала она, мрачно подчеркивая слова. Затем бросила взгляд на Саскию. — Что бы там ни было, не отстегивайся от кресла, — сказала она. — И смотри, чтобы тебя не рвало.

“Элис Лиддел”, уже сильно кренившаяся на левый борт, весь поворот проделала рывками. Венера неожиданно снова увеличилась, и ее камуфляж из радужных туч бешено закружился у них под ногами.

В трюме последний огромный водоворот из цветной ткани, полосатых туфель, пустых трубок и китайских фонариков, сталкиваясь и переплетаясь, вылетел через открытую крышу.

Когда корабль, крутясь, снова выпрямился, Табита и Саския едва смогли разглядеть на экране призрачную фигуру. Она крепко держалась в проходе.

— Ах, ты, мерзавец! — закричала Табита.

Он пополз по направлению к передней камере.

— Хорошо! Хорошо! — крикнула Табита в ярости, когда корабль снова пошел нормальным курсом, все еще изо всех сил стараясь подняться вверх. — Элис, аварийный доступ к структурному ассемблированию!

Пульт погас, покрылся “снегом”, потом выдал смутное меню.

Табита вызвала коды.

Неожиданно в кабину прорвались волны летучего песка. Корабль был полон ими. В буром вихре фраск исчез под передней камерой, потом появился в центре экрана кормовой камеры. Он находился у передней двери, держась за перила прохода верхними конечностями, отчаянно пытаясь зацепиться ногами.

— Еще рано! — закричала Табита. — Назад! Элис!..

Корпус “Элис Лиддел”, метавшийся в песке, жалобно и пронзительно завыл.

— Давай, Элис!

Шаткая диаграмма неверно поблескивала на экране пульта, крутилась снова и снова — сбивалась вертикальная развертка. Она показала неясными очертаниями трюм “Берген Кобольда”.

— Вот оно!

Напрягая зрение, Табита придвинулась к неисправному экрану так близко, как только могла. — 4.2, 1.5 и зуммер.

На другом экране — мониторе трюма — фраск исчез.

Он уже вошел в шлюз.

Саския перегнулась через плечо Табиты, глядя широко раскрытыми глазами сквозь летучий песок.

Табита снова вызывала коды:

— Приоритетная команда! Аварийное дисассемблирование!

В неверном схематичном вращении на экране шестнадцать точек по стенам трюма вспыхивали ярко-красным. Потом — белам.

А затем вспышки исчезли. Вообще ничего не светилось, ничего там, где они только что были, ничего — между ними. Так, словно у корабля вообще не было центральной части. На малом считывающем устройстве завивался орнамент из цифр, быстро бежавших навстречу нулю. Так, словно “Элис Лиддел” стала гораздо меньше, чем была раньше.

Они стали подниматься вверх значительно круче, выходя из района пыльной бури в едкий туман. Гравитация, усилившись вдвое, затолкала все вещи под сетки и прижала к палубе.

Табита издала громкий торжествующий крик.

— Ха-ха! Что ты об этом думаешь? Шестнадцать и шесть километров над Морем Джиневры! Пока, Гектор! Умница, Элис! МОЛОДЕЦ!

Она радостно смотрела на монитор, теперь совершенно погасший, оставшись без сканнеров. Она развернулась в кресле, весело глядя сквозь желтый туман на закрытую дверь под трапом, словно там

что-то должно было появиться. Но там ничего не было, кроме закрытой двери.

— Замечательно! — снова воскликнула Табита.

И посмотрела на Саскию. Та уставилась в ветровое стекло. Вид у нее был нерадостный.

Табита, в свою очередь, взглянула в ветровое стекло.

Сквозь разбитое стекло на нее смотрело лицо, перевернутое вверх ногами.

Он быстро карабкался, отчаянно скребя когтями. Он открыл свой черный рот и зашипел.

L

Табита заорала на него: — Вон с моего корабля!

На какую-то секунду показалось, что он ее услышал. Коричневое лицо исчезло. Рука-прут проскребла по разбитому стеклу и пропала.

— Он упал! — закричала Саския.

— Не очень-то на это надейся, — отозвалась Табита. — Элис, мы крепко держимся?

— В ВЕТРОВОМ СТЕКЛЕ — ДЫРА, КАПИТАН, — отметил мозг корабля.

— Кроме этого! — сказала Табита, пытаясь включить вентилятор, чтобы разогнать ядовитый туман, и потерпев при этом полное фиаско. — Этот тип может в каком-нибудь месте забраться внутрь?

— ПЕРЕДНЯЯ ДВЕРЬ ТРЮМА НЕНАДЕЖНА. ФРАСК УЖЕ НАЧАЛ ОТКРЫВАТЬ ЕЕ, КОГДА ТЫ СБРОСИЛА ГРУЗ ИЗ ТРЮМА ЗА БОРТ, КАПИТАН.

— Ты можешь закрепить ее, Элис?

— НЕТ, КАПИТАН.

— А мы что-нибудь можем сделать? Вручную?

— ЕСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. ЗАВАРИТЕ ДВЕРЬ НАКРЕПКО.

— Да! — воскликнула Табита. — Нет, черт...

— Почему нет? — спросила Саския.

— Все оборудование у роботов, — ответила Табита. — На дне Моря Джиневры.

— АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. ВОЗМОЖНО, ВЫ СУМЕЕТЕ ОТКРЫТЬ ДВЕРЬ И СНОВА ЗАГЕРМЕТИЗИРОВАТЬ ЕЕ.

— Я пойду, — вызвалась Саския.

— Нет, — Табита перегнулась к ней. — Пойду я. Когда она заглушит двигателя.

Акробатка пришла в ужас: — Табита! Я могу открыть и закрыть дверь! Но вести корабль я не могу!

— Ничего со мной не случится, — сказала Табита. — На мне специальные башмаки для передвижений по корпусу.

— Его уже нет! — запротестовала Саския. — Он отвалился еще там!

— горячо настаивала она.

Табита покачала головой: — Вряд ли, — сказала она. — Элис, эта штука все еще там?

— ЖАЛЬ, ЧТО Я НЕ МОГУ СКАЗАТЬ ТЕБЕ ЭТОГО КАПИТАН. ВСЕ МОИ ВНЕШНИЕ СЕНСОРЫ УНИЧТОЖЕНЫ.

Саския протянула запачканную серебристую руку сквозь рассеивающийся туман: — Дай мне свои ботинки!

— Они не подойдут к твоему скафандру!

С оглушительным шипением, разрывавшим слух, Элис вырвалась из кислотных облаков.

Теперь помятые бока “Кобольда” омывал электромагнитный прибор из пойманных в ловушку микроволн. Кабина заполнилась отвратительным сиянием цвета морской волны. Вселенная над ними казалась перевернутым океаном тонкого, как дымка, огня, разбухшим супом из искрящейся плазмы.

— Я только пойду закрою дверь. Я не собираюсь выходить наружу, — пообещала Табита Саскии.

— Элис! — взмолилась Саския. — Не пускай ее!

— ПРИКАЗЫ КАПИТАНА НЕ ОБСУЖДАЮТСЯ, ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК ЗОДИАК.

— Ты в самом деле с ней что-то сделала, — заметила Табита.

— Я всего лишь разбудила ее!

— Раньше она никогда такой не была. — Может быть, Элис была повреждена сильнее, чем показывала. Может, это напряжение заставляло ее работать

на более примитивном уровне программирования. У Табиты было время надеяться, что Элис не превратится в один из этих безнадежно рабских электронных мозгов наподобие “Шиндзацу” Веры Шоу; и в этот момент она спохватилась.

Элис может превратиться только в металлолом.

И очень скоро.

В этот момент раскрылась экзосфера Венеры и выпустила их в космос.

В верхней части разбитого ветрового стекла постепенно появлялась знакомая пелена синего цвета. Это выглядело в точности так, словно корабль потихоньку поднимался в подвешенный пруд из слегка светившихся чернил. — Как долго мы можем здесь продержаться, Элис?

— С КАКОЙ ВЕРОЯТНОСТЬЮ, КАПИТАН?

— Сто.

— ДВА ГОДА.

— А чтобы благополучно приземлиться?

— ДВА МЕСЯЦА.

Разбитое ветровое стекло наполнилось чернильным пространством и холодными белыми звездами. Все было очень тихо. Внизу лик Венеры закрывала ночь.

Элис начала вращение на своей орбите.

— Назад, туда, где мы были?

— ОТВЕТ ЗАВИСИТ ОТ ТОЧНОСТИ, С КОТОРОЙ МЫ ОПРЕДЕЛИМ ВРЕМЯ НАШЕГО СПУСКА,
— ответила Элис. — УСЛОВНО...

— Не важно. Элис, сигнал бедствия по всем каналам.

— АЙ-АЙ-АЙ, КАПИТАН.

— Вставь вот это. Саския, автоматический повтор.

Саския нажала кнопку воспроизведения, и Элис стала наполнять пустоту повторяющимися сигналами координат. Любой, кто услышит их хотя бы вполуха, должен поймать электронный сигнал и знать, где искать.

В кабине “Элис Лиддел” царило молчание.

— Ты что-нибудь слышишь? — спросила Табита.

Саския покачала головой. — Он исчез, — тупо повторила она.

— Я пошла закрывать дверь.

— Осторожнее, Табита, — сказала Саския. — Табита? Что я могу сделать?

— Следи за пультом. Если кто-нибудь отзовется, лови их. Не давай им уйти. И присматривай за ветровым стеклом.

Саския оглядела кабину в поисках оружия: — Если он войдет...

— Да не войдет он, — напомнила ей Табита. — Он отвалился.

Табита с трудом прошла вдоль стены в проход. Оба выхода были надежно заперты. Она проверила их управление, затем выглянула в иллюминаторы с обеих сторон.

Смотреть там было не на что: ничего и есть ничего. Далеко внизу под ними вращалась Венера, прекрасная и уродливая одновременно. Ее мощные штормы и гнилые джунгли сияли обманчивым блеском.

Табита надеялась, что поблизости все же кто-то есть. Надеялась, что это окажутся какие-нибудь заботливые и гуманные обитатели системы, которые бросятся на сигнал бедствия независимо от того, во что им это обойдется и нравится им это или нет. Она надеялась, что они не будут тянуть, не желая ни во что ввязываться, и рассчитывать на то, что кто-то отзовется раньше их.

Индикатор на передней двери трюма горел красным. Фраск, по-видимому, точно знал, как с ним управляться. По счастью, в трюме был взрыв, и волна отбросила существо, прежде чем оно успело завершить последовательность команд. Элис была права: единственное, что надо было сделать, — это открыть дверь вручную и снова закрыть ее.

Табита положила руку на кнопку перезагрузки.

Нажала ее.

Красный свет мягко замигал.

Табита подошла к стене и низко нагнулась над вращающейся ручкой, твердо закрепившись ногами по обе стороны.

Взялась за ручку и повернула ее.

Дверь приоткрылась, совсем чуть-чуть.

Табита продолжала крутить.

Дверь ускорила, ручка тоже. Гравитации тут могло и не быть, зато было трение.

Табита открыла дверь.

Выглянула наружу.

Там не было ничего.

Там не было ничего в буквальном смысле слова. Двести пятьдесят кубических метров пустоты.

По другую сторону пустой центральной части Элис Табита видела кормовой вход.

У той двери тоже ничего не было.

На мгновение Табита задумалась, не забыть ли ей об обещании, данном Саскии, и просто на один шаг выйти наружу, чтобы осторожно осмотреться. У капитана полная прерогатива, подумала она. Но если она увидит этого типа — или он заметит ее раньше, чем она его, — что тогда?

Она просто опустилась на колени и высунула голову; совсем чуть-чуть.

Ничего, кроме ободранного, исцарапанного металла. Венера быстро отскребла Элис.

Табиту передернуло. Она нырнула назад, снова нажала перезагрузку, затем конпку “заперто”.

Дверь с жужжанием закрылась.

Индикатор замигал зеленым.

— Саския? Есть ответ?

— Ничего не слышу, — отозвалась та.

— Элис? Мы стабильны?

— СТАБИЛЬНЫ, КАПИТАН.

— Кто-нибудь есть поблизости?

— ПРОДОЛЖАЮ ПОИСК, — сказала Элис.

— Я хочу взглянуть на наши запасы, — сказала Табита, отключила свои башмаки, встала, дергая ногами, и поплыла в центр прохода.

— Принеси мне что-нибудь, — сказала Саския.

— Если там вообще что-то осталось, — заметила Табита.

Осталось совсем немного. Она почти закончила осматривать кладовую, когда фраск неожиданно зловеще оскалился на нее сквозь иллюминатор.

Табита отскочила через весь камбуз и неуклюже распростерлась на стене, задыхаясь от шока.

В темноте, царившей снаружи, глазки фраска были невидимы в глазных впадинах, невидимыми были и мелкие зубы в безгубом рте. На минуту показалось, что песчаная буря выпотрошила его,

вытащив все внутренности и оставив лишь хрупкую оболочку, прижатую к корпусу корабля. Но потом он шевельнулся, ящерицей прошмыгнул по стеклу и снова исчез.

— Проклятие. Черт побери. — Табиту трясло.

— Табита! Ты что-то сказала?

— Тут не очень много осталось, — быстро отозвалась Табита. Хорошо, подумала она про себя. Рука об руку.

Мне нужно что-то, чем бы его стукнуть, подумала она, чтобы спихнуть его с корпуса. Что-нибудь длинное, чтобы не надо было подходить слишком близко. Если я хоть раз смогу его оттолкнуть, он окажется беспомощным, ему сюда уже ни за что не забраться.

Табита выглянула в иллюминатор.

Там ничего не было видно.

— Все еще ничего, Элис?

— **ПРИБЛИЖАЕТСЯ КОРАБЛЬ**, — радостно отозвалась Элис. — **В ПРЕДЕЛАХ СЛЫШИМОСТИ**.

— Посылай ему сигнал!

— **УЖЕ ПОСЫЛАЮ, КАПИТАН**, — Элис была вежлива, как всегда, но в ее голосе прозвучали нотки, напоминавшие прежнюю Элис.

На минуту Табита чуть не отказалась от своего плана, потом подумала: только после того, как они ответят. Она вышла из камбуза и направилась в галерею машинного отсека, где с надеждой открыла ящик с надписью “ЭЛЕКТРОРАЗРЯДНИКИ”.

Внутри находились пять видов запасных электро-разрядников, аккуратно разложенных по мощности.

Табита закрыла ящик. Она снова прошла вперед, заглядывая в пустые контейнеры и ящики, расположенные вдоль прохода. Она подумала, что в хозяйстве “Контрабанды” была дюжина предметов подходящей длины. Все это теперь собирает водоросли и ил на дне Джиневры и будет лежать там вечно.

— Вот он! — закричала Саския. — Корабль!

— Отвечают?

— Да! Да!

Табита оттолкнулась от стены и нырнула в сторону кабины.

— Он уже пробивается!

В ее наушниках раздалось мягкое шипение внешнего сигнала:

— ЭГЕЙ, “КОБОЛЬД”! ЭЙ, КАПИТАН ДЖУТ! ТВОЙ СИГНАЛ ПРИНЯТ, ХИТРАЯ СТЕРВА.

Табита ворвалась в кабину.

Растрескавшееся ветровое стекло заливал ярко-зеленый свет.

Ей хотелось думать, что это снова дневная сторона Венеры, что они начали вращаться на своей орбите и шли носом вниз. Но это был не тот оттенок зеленого — менее гнилой и более яркий.

— Я КЕЛСО ПЕППЕР, ДЖУТ. ПОМНИШЬ МЕНЯ?

Зеленый силуэт повернулся.

Сверкнул серебристый глаз и неумолимый луч захвата крепко обвился вокруг “Элис Лиддел”.

LI

BGK009059

TXJ. STD

ПЕЧАТЬ

222&222&222&/п \$: //i sprooooOOO000WWW%

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? 14.31.31

— Элис!

Элис!

Ты меня слышишь, Элис?

Элис, я думаю, ты меня слышишь. Ты можешь подтвердить прием?

Ты можешь подать мне хоть какой-нибудь знак? Хотя бы гудок или световую вспышку.

Хорошо, Элис. Я буду продолжать говорить. Я буду говорить с тобой так, словно ты можешь меня услышать.

Если ты меня услышишь, ты сможешь подтвердить прием? Хорошо.

Я расскажу тебе историю, Элис. Историю про караван и скипфест. Историю про фею и мальчика, который так и не вырос. Историю про злосчастного старого джентльмена.

Если ты не выйдешь до того, как я закончу, по-моему, я этого не перенесу, Элис.

Элис?

Когда-то Табита Джут была пилотом шаттла и работала на Мелиссу Мандебра и владельцев и офицеров "Блистательного Трогона". Она летела на Юпитер. Это был первый раз, когда она там побывала.

Я никак не могла оправиться при виде размеров Юпитера. Каждый условный день я просыпалась, и он становился все больше. Он был твердым, с этой широкой, сияющей, оранжевой равниной, заполнявшей поле зрения наполовину, и у тебя не было уверенности, что ты не падаешь на него, а проносишься мимо, все быстрее и быстрее.

Трикарико говорил, что кольцо Юпитера было и на сотую долю не так красиво, как кольца Сатурна. Я уладила отношения с Трикарико. Я тогда чувствовала себя более жизнерадостно. По-моему, так было со всеми. Теперь, когда длинный подъем был почти закончен, казалось, все заводят романы, прощают своих врагов, устраивают свои дела — совсем так, как и говорил мне Трикарико. В шаттле все говорили только о том, кто был моим фаворитом в "Первом Побеге". "Канзан"? "Дзитоку"? Или сам "Василиск"?

— Нория говорит, ставить на "Стойкость Валенсуэлы" — это верняк,

— сообщила мне Кэнфорт Магнолия, когда я везла ее на свидание на "Скорпион Лэмент".

— Честно говоря, я не знаю, мадам, — сказала я уже в двадцатый раз за эту смену. Я знала, где деньги — верняк. В моем кармане. И там они и останутся.

Но я помнила "Стойкость". — Это ведь тот корабль, который наделал столько шума тогда, в Селюции? Тот, с "Навахо Шерненковыми" на фюзеляже Митчума?

— Силы небесные, понятия не имею, — сказала леди Магнолия. Она посмотрела на меня как-то косо. — Я думаю, это люди вроде вас знают такие вещи.

— Да, это тот самый, — сказала я. Мы быстро нагоняли громыхающий беллерофон, полный блестящих упакованных бульдозеров. "Люди вроде вас",

самодовольно подумала я. Сама того не зная, леди Кэнфорт только что сделала мне комплимент. Я дотронулась до боковых приборов, чтобы штопором проскочить сквозь строй беллерофона, и изподтишка посмотрела на миледи. Она держалась стойко.

Единственное, что интересовало меня в “Первом побеге” — это Скипфест. Все в караване, даже шоферини, были на каких-нибудь вечеринках. Все, за исключением тех, кто был на больших грузовых кораблях и все еще был поглощен тем, чтобы уговорить Привод выиграть еще пару минут у ближайшего соперника. Сначала, правда, это было скучно, потому что мне приходилось возить Мардебр по всему каравану, чтобы они могли показаться на всех нужных сборищах, подчеркнуто обойдя нежелательные, и внести некоторое оживление, неожиданно объявившись на парочке вечеров, где их не ждали. И все время поступали новости: — “Дулут” — двенадцать к одному! Скажите Хунсен Тредголд, что “Бегемот” вылетел!

По счастью, Мандебры не могли совершать облеты всю ночь, поскольку в восьми нам надо было быть на “Октябрьском Вороне”, как раз к театру масок. Мелисса не могла опоздать в театр масок. Все, кто хоть что-нибудь из себя представлял, уходили с других вечеров только, чтобы сказать, что они были в театре масок Сансау. Даже если они не планировали этого, они быстренько передумали, когда узнали, что идут Мандебры.

Мы все были в костюмах. Мелисса нарядилась павлином, она была в бирюзовом платье, и два пажа несли ее шлейф. Стрэчен Алексис был кем-то, кого они называли “гусаром”: в красном мундире с кучей украшений, в огромной шляпе и больших блестящих черных сапогах со шпорами. Он сказал, что это что-то вроде солдата, но его обмундирование было таким, что в нем вряд ли захотелось бы пойти в бой. Там была и леди Кэнфорт, на ней тоже были сапоги выше колена, черный корсет и черный воротник с хромированными шипами. Я взяла с собой Трикарико, он был в костюме Пьеро. Мы потратили кучу времени, чтобы его загримировать: одну щеку — белым, другую — черным с большой драгоценной слезой на черной стороне. Все были в масках, но везде, куда бы мы ни пошли, Мардебр узнавали тут же.

Я была в костюме Питера Пэна. Это был мальчик, который так и не стал взрослым. Из истории, которую часто рассказывал нам мой отец. На мне была туника, будто бы сделанная из листьев, и пара крошечных бронзовых рожек, торчавших из моих волос.

Трикарико считал, что я выгляжу потрясающе сексуально в костюме мальчика. Он стоял, обняв меня одной рукой, пока я вела нас сквозь толпу маленьких кораблей, уже собравшихся толпой вокруг "Октябрьского Ворона".

"Ворон" был огромным. По тоннажу в три раза больше "Блистательного Трогона", хотя "Трогон" выглядел гораздо более элегантно, с его украшенными драгоценностями крыльями, полубаком в форме гребня и экипажем с косичками. Когда я подвела шаттл к борту, мы показались себе совершенными карликами по сравнению с иллюминаторами, находившимися в тени похожего на гору мостика. Я провела нас через толпу к парадному входу, чтобы Мардебры могли торжественно появиться на празднике, а потом я была свободна. Раз в жизни Мелисса сооблаговостила дать согласие на то, чтобы домой ее вез робот.

Мы прибыли как раз вовремя. Театр масок начинался. Конечно, он должен был изображать историю Большого Скачка. Сначала появились трое людей и исполнили странный танец, изображая Солнце, Землю и Луну. Все заахали. Что касается меня, то мне пока все это казалось нудным, но я продолжала смотреть, потому что следующий номер должен был изображать Малый Скачок, а это была моя любимая тема. Сам Аларик Сансау в костюме капеллийца, с головой, которой придали форму большого лысого купола, и двое людей, изображавших звездоплавателей в смешных допотопных скафандрах. С моделями в музее на Спокойствии их и сравнивать было нельзя. А закончили они танцем системы, Солнца и всех планет, и человек шесть детишек изображали астероиды, они танцевали вокруг Аларика Сансау и менялись местами. Все аплодировали и говорили, как это замечательно.

Мне уже давно стало скучно и вместо представления я стала рассматривать людей. Все были в каких-нибудь нарядах, большинство — по-прежнему в масках. Парочка людей нарядились в знаменитых

эладельди. В любую минуту ожидали кое-кого из фрасков, но они так и не явились.

Я была разочарована. Все было гораздо более официальным, чем я предполагала, но, с другой стороны, это ведь были сливки каравана. — Не волнуйся, — сказал Трикарико, — потом станет повеселее.

Когда театр масок окончился, все стали танцевать, пить, выискивать знакомые лица под масками и спорить насчет них. Везде, куда ни глянь, деньги переходили из рук в руки. Я подумала, что проигравшие просто платят за “Первый Побег”, но, как выяснилось, теперь пари заключались на то, кто выйдет ближе всех к Энцеладу в конце прыжка. Трикарико ввязался в спор с какими-то людьми из команды “Фразье Рублева”, и я потихоньку улизнула и смешалась с толпой. Я нашла даже с кем поговорить. Я нашла еще одну лунянку, костлявую женщину в костюме Модулятора Пандита, она вела шутливый спор со стариком в серебристом костюме с неровно наложенным по всему лицу гримом. Было видно, что он с трудом сохраняет вежливость, терпеливо выслушивая ее. Над его плечом парил блуждающий огонек. — Раз уж на то пошло, дорогой Бальтазар, я могла бы поставить вас на место насчет скафандров, — лукаво говорила лунянка. — Я видела настоящий.

— БАЛЬТАЗАР. БАЛЬТАЗАР ПЛАМ.

— Элис!

— ПРИВЕТ, КАПИТАН.

— Элис, с тобой все в порядке?

— T\$/u

— Элис!

Элис, не уходи опять?

Элис, Элис, ты меня слышишь?

Поговори со мной!

Хорошо, Элис, я продолжаю.

Да, это был Бальтазар Плам. Он был Луной в театре масок. Я знала, что он из Сансау, один из директоров династии, но потершись около Мандебр, я стала — как ты это назвала? Пресыщенной. Я пресытилась разговорами с великими мира сего. Как бы то ни было, это был маскарад. И я к тому времени уже напилась. Я вошла в разговор, когда услышала, как лунянка сказала ему: — Я не должна

быть такой критичной. Уверена, что ваш блуждающий огонек все записывает.

Она погладила его под подбородком, они это любят. Было видно, что, пока она его гладила, огонек засветился ярче. Он тихонько замурлыкал.

— Это у меня должен быть блуждающий огонек, — сказала я.

Плам посмотрел на меня, его огромные брови изогнулись дугой, растягивая грим. Глаза у него были добрыми. Он сказал: — А ты кто такая, дорогая моя?

— Питер Пэн, — ответила я.

Они никогда не слышали о Питере Пэне, так что я рассказала им все, что помнила: как я жила на острове, в норе под деревом, сражалась с пиратами и краснокожими каждый день и не собиралась становиться взрослой. Я заметила, что улыбка лунянки становится все более и более напряженной, она словно говорила: “Кто эта идиотка, которая рассказывает сказки Бальтазару?”, но меня уже понесло, я потеряла голову. — У меня есть подружка-фея по имени Тинкербелл, — сказала я, — она обычно повсюду следует за мной. Как ваш блуждающий огонек.

— Я думаю, она вполне сойдет за фею, — сказал Бальтазар. И приложил тупой квадратный палец к плечу. — Иди сюда, Огонек, — позвал он и острожно поднес к нему палец. Огонек с тихим жужжанием следовал за пальцем, паря над суставом.

— Она прелестна! — сказала лунянка. На самом деле она вовсе не была прелестной. У нее была плоская мордочка с носом-путовкой, широкой расщелиной для рта и торчавшими из него крошечными клыками, она была похожа на крошечного детеныша какой-то рептилии, только кожа у нее была розовая, как у младенца-человека. И глаза у нее косили, так что она казался злобой или сумасшедшей. Она сидела сгорбившись, выставив перед собой рудиментарные лапки, а задняя часть ее была обрамлена каким-то скользким с виду оборудованием.

— У нее есть имя? — спросила женщина.

— Я зову ее просто “Огонек”, — сказал Плам, — лучше не подавать ей идей о том, что у нее может быть своя личность, — с намершивой серь-

езностью заключил он. — Вот, — обратился он ко мне, вытянув палец, — хочешь поддержать ее?

— Нет, спасибо, — ответила я. Я знала, что произойдет. — Тинкербелл может обидеться.

— О, можно мне? — вмешалась лунянка. — Она так очаровательна!

И она вытянула руку, словно блуждающий огонек собирался на нее вспрыгнуть.

А потом она завизжала.

Разговоры вокруг смолкли, и все стали смотреть на нее.

У нее волосы встали дыбом, глаза почти выскакивали из орбит сквозь маску. Ее губы яростно шевелились, но из них не вылетало ни звука.

Я протянула руку и схватила ее за запястье, опустив ее руку вниз, чтобы прервать контакт. Индукция тут же прекратилась, конечно, но она получила сильный шок. Плам ухмылялся, ему вовсе не было стыдно, и, боюсь, что я улыбалась тоже.

Женщина вырвала у меня запястье. — С вами все в порядке? — спросила я. Она сверкала на меня глазами, словно это я ее ударила током. Она не смела взглянуть на Плама, просто стояла и массировала пульсирующую руку, пока человек шесть прислужников в ливреях Тлака не пробились сквозь толпу и не выручили ее, издавая успокаивающие звуки, пока вели ее прочь.

У Плама был совершенно невинный вид, он приглашающим жестом гонял огонек взад-вперед по своему предплечью. Я засмеялась. Он только поднял свои удивительные брови: — Невыносимая женщина, — сказал он.

— Вы и со мной собирались проделать то же самое! — запротестовала я.

— А, может, ты тоже невыносима, — ответил он.

— Наверное, да, — сказала я. — Так оно и бывает, когда ты никогда не вырастешь.

Я разговаривала с Бальтазаром Пламом довольно долго, вернее, не я, а Питер Пэн. Я не хотела ему ничего про себя рассказывать, но напридумывала целую кучу вещей про Питера, как он присоединился к каравану, потому что это большое приключение, а что Питер любит больше всего, — так это летать. Потом Плам стал говорить о старом корабле,

который, как он сказал, просто валяется в его поместье где-то на Земле, в Калифорнии. Через минуту я поняла: он хочет сказать, что если я уйду с маскарада вместе с ним, мне, может быть, удастся уговорить его с этим кораблем расстаться.

Тогда я его отшила. Честно говоря, после того, что он сделал с той бедной женщиной, я была не склонна ему доверять. Я не верила в его предложение, не верила, что может быть вообще какое то предложение без подводных камней. По-видимому, корабль был просто комком ржавчины. Я чувствовала себя чуть-чуть оскорбленной. Мы так хорошо общались, а тут он собрался играть в игры. А я не люблю играть в игры других людей. В любом случае, он мне не нравился. Ну, не настолько.

На вид причин хватает, правда?

Была и еще одна. Трикарико нашел меня и болтался рядом в ожидании, и я вдруг решила отвезти его назад на "Трогон", в свою каюту, и сорвать с него одежду. Пока мы этим занимались, остальной экипаж в беспорядке вернулся на борт, и зазвучали гонги. Мы едва успели одеться и занять свои посты, как все огни засверкали, и мы отправились в сверхпространство. Мой первый большой прыжок.

Это была жуткая скука. Мне пришлось вернуться и снова работать на складах, потому что полетов не было совсем.

LII

Ветровое стекло "Элис Лиддел" заполнилось зеленым светом, потом потемнело, словно перед ним возникло какое-то препятствие.

Обесточенный "Кобольд" затаскивали вверх, в гнусное, вонючее брюхо "Уродливой Истины". Все внешние огни были затемнены, внутренние — отключены. Мертвенные парализующие сети протянулись и обвили Элис. Все было кончено.

Магнитные кошки со стуком замкнулись, тряся Элис так, словно капитан Пеппер намеревался разорвать ее на части. Швы, которые Табита и роботы методично заваривали, лопнули и разошлись

снова, как бумага. Взрывом застойного воздуха, в котором стоял запах пота и вспышкой тошнотворного флюоресцирующего света распахнуло два передних шлюза, и с обеих сторон на борт поднялись две громадные фигуры.

Табита была наверху, в кабине пилота, нагнувшись и рукой шаря под сеткой. Саскии нигде не было видно.

Вытаскивая свою сумку из кучи сваленных вещей, Табита зацепила ремешком замок белого фарфорового ящика. Замок подался, и крышка ящика со стуком отскочила.

Мигая и потеряв ориентацию, Тэл спиной взмыл вверх, растопырив зеленые крылья.

Изумленные этим неожиданным видением, захватчики схватились за оружие.

В этот момент Тэл увидел их в проходе, увидел оружие и распознал в них врагов. С оглушительным воплем торжества он взлетел в воздух.

— Бриитва пеммикан!

Он ринулся прямо на ближайшего из врагов, широко раскрыв клюв и растопырив когти, готовый к битве.

Его целью была огромная одноглазая женщина-трант с грубой повязкой на втором глазу. Ее воротник был красным и далеко выдавался из разорванного ворота засаленной ветровки. Через прорехи в ткани, сделанные для того, чтобы подчеркнуть ее мускулы, проглядывали старые рубашки. Ее джинсы полосами свисали вдоль длинных бедер; шелковистый мех в этих местах был покрыт пятнами масла и сажи. Из ее свободных веревочных сандалий торчали жесткие желтые когти. Она одним прыжком взлетела по трапу, держа в огромных, покрытых шрамами ручищах обрез. Кабина наполнилась обезьяньей вонью.

Когда Тэл пронзительно закричал и полетел вслед за ней, трантша, рыча и расправив уши, покачнулась, почему-то не готовая к тому, чтобы стрелять. Потом, увидев истинные размеры нападавшего, она коротко хохотнула, приподняла верхнюю губу и подняла огромное ружье, словно оно было весом не больше спички.

— Тэл! — закричала Саския, выглядывая сверху, с потолка, где она пряталась среди мертвых мониторов. — Осторожнее!

— Берегись перьев, — рывкнула трант своему напарнику, стучавшему по трапу стальными ногами.

Тэл ринулся вниз, нацелившись на единственный желтый глаз трантши.

Львиная голова завращалась, клыки свирепо зашелкали в воздухе, но внеземная птица увернулась, в последнюю минуту скользнув вбок, чтобы укусить пиратку за ухо.

С гортанной бранью трантша повернулась, вскинула обрез и выстрелила.

Тэл взорвался в шаре фиолетового пламени.

Женщины пронзительно вскрикнули.

Трантша захохотала, а ее помощник протянул руку вверх, согнул ее и, как крюком, зацепил Саскию.

В воздухе стоял ужасающий запах горелого жира и перьев. Лохмотья почерневшего оперения опускались на палубу.

Табита с криком повернулась ко второму захватчику, пытаясь схватить Саскию. Но захватчик без всяких усилий отобрал ее, подхватив подмышку. Табита барабанила кулаками по его боку, но без всякого результата.

Это был большой черный робот: преобразованная конструкция высокой гравитации, догадалась Табита. Он шел прямо, как человек, зажимы на его ногах разрывали сети и царапали палубу. Его четыре руки напоминали толстые стальные шланги, торчавшие из соединений на хромированной скобе. Его грудь была похожа на бочку, конусообразно спускавшуюся до универсального сочленения его бедер. Голова была низким куполом из черного стекла. Внутри Табита различала слабо мерцавшие крошечные разряды.

Она порылась у себя в сумке в поисках чего-нибудь, любой вещи, которую можно было бы использовать как оружие. Там ничего не оказалось. А потом, в куче мусора, разбросанного по полу, она краем глаза заметила свой верный гаечный ключ. Табита нырнула за ним, еле увернувшись от бросившейся на нее трантши.

Табита схватила ключ и с силой замахнулась им, заставив трантшу попятиться к пульта, потом развернулась и бросилась на робота.

Раздался внезапный хлопок, и появилось облачко зеленого дыма. Скафандр Саскии повис в цепком захвате под мышкой робота. Саскии в нем больше не было. Каким-то образом она снова оказалась на потолке, повиснув на разбитом мониторе и лягая трантшу в лицо.

Табита издала вопль и снова бросилась на робота. Ее ключ со звоном ударился в неподвижную грудь, и ее руку ударило элекрошоком.

— У-у-у!

Непроизвольно выронив ключ, Табита зажала пульсирующую от боли руку под левой рукой, крепко прижимая ее, пытаясь увернуться от робота. Но он протянул одну из рук ей за спину, и Табита ударилась о нее спиной. Это тоже было больно.

Рука безошибочно нашла ее талию и обвилась вокруг. Крючковатый кончик другой руки крепко стиснул левое запястье Табиты.

В скрежете механизмов Табита оторвалась от пола и повисла в воздухе.

Из этого унижительного положения она наблюдала за последними мгновениями обороны “Элис Лиддел”.

Транша схватила Саскию за ногу и стащила с потолка. Теперь она прижимала ее к своей груди, зажав ее горло рыжеватым предплечьем.

Саския задыхалась и кричала от боли, бесполезно вцепишись в руку трантши, запустив ногти в мех.

Трантша довольно зарычала. Потом стукнула Саскию по голове, и та сразу же прекратила свои фокусы.

Пираты вытащили пленниц через покореженный шлюз левого борта и понесли их в недра “Уродливой Истины”.

Они вышли в закопченный отсек корабля. Стены были исписаны грубыми рисунками и граффити, пол был весь в выемках и исцарапан. Лужицы радужной слизи отмечали места утечки из лабиринта труб наверху. Здесь была гравитация. Здесь был воздух, и он был отвратительный.

Изогнувшись в объятиях робота, Табита повернула голову и в отчаянии бросила последний взгляд на свой верный старый корабль.

“Элис Лиддел” казалась такой несчастной, какой никогда не была. Она лежала в прострации на обломках своих шасси. Она заполняла отсек, как выброшенный на берег металлический кит, в ее иллюминаторах не было света, в ней не было жизни совсем. К царапинам и ссадинам, полученным на Венере, добавились раны и разрывы, нанесенные грубым обращением с ней пиратского брига. В ядовитом воздухе планеты джунглей погиб весь ее гордый медный орнамент. Ее ветровое стекло было безглазой ямой, крыша была голой.

На крыше что-то зашевелилось.

Робот тащил Табиту прочь, к двери, по ходу чуть не переломив ее надвое. Трانت волокла за собой потерявшую сознание Саскию.

Именно трантшу и атаковал фраск.

Трانتша жутко взывала, и ее вопль зазвенел в металлических стенах. Фраск был у нее на спине, разрывая одежду, вырывая мех.

Саския качнулась вперед и упала на пол, но трантша ухватила ее за волосы. Она держалась за Саскию и одновременного колотила по когтям фраска, вонзившимся ей в плечо. Она казалась переросшим и слишком разряженным леопардом, старающимся стряхнуть с себя колючий куст, но у куста было много рук и ног, и они цепко обвилились вокруг нее. Ее крики боли и ярости эхом отдавались в грязном помещении.

Роботу понадобилась одна-две минуты, чтобы оценить новую ситуацию, прежде чем он заковылял назад, на помощь напарнице, таща с собой и Табиту.

Табита пыталась сопротивляться, зацепиться каблуками, но это было бесполезно. Поверхность пола была скользкой, и она только беспомощно волочилась за роботом, а ее сумка билась по бедру. Робот между тем небрежно протянул руку и забрал Саскию у трантши.

Трانت ревела от боли и злости. Она подняла свое огромное ружье, но Табита видела: что-то остановило ее, и она не стала стрелять снова, хотя фраск, шипя и отплевываясь, пытался выдавить ей единственный глаз. Звуки, которые они издавали при этом, напоминали кошку, разъяренную только что разожженным костром.

Из дальнего конца корабля чей-то голос выкрикнул неразборчивую команду.

Робот прирос к земле. В его груди с жужжанием открылась панель.

Освобожденная от Саскии, трантша стояла, широко расставив ноги и работая ружьем, как ломом. Она злобно тыкала им между своей спиной и живой вязанкой хвороста, так крепко прилепившейся к ее плечам.

Из углубления в груди робота появился носик.

Трантша развернулась, с силой подняв дерущегося фраска. Теперь она стояла спиной к роботу.

Робот выстрелил.

Из носика в направлении боровшихся вырвалась под давлением струя пара. Она ударила фраска прямо в середину спины.

Фраска охватила судорога. Он свалился со спины измученной трантши и упал навзничь. Он стукнулся о грязный пол, вдруг потерял всю свою эластичность и свернулся, потрескивая, как моток замороженной веревки.

— Медленно, — критическим тоном сказал тот же голос, — очень медленно.

Теперь Табита видела его — маленького сгорбленного китайца, стоявшего в углу. Он был стар, его желтую физиономию обрамляли лохмы длинных, похожих на солому волос. На нем было черное вязаное пальто, спускавшееся ему до лодыжек, синие антигравитаторы и пара ювелирных очков в медной оправе, а в его наушник был вставлен образный усилитель. В костлявых руках он держал какое-то громоздкое устройство, что-то наподобие допотопной клавиатуры с идущими от нее антеннами. Тонким пальцем с почерневшим ногтем он нажал какую-то кнопку: — Тарко, ты ранена? — спросил он.

Аэрозоль робота, дымясь, поник и спрятался в углубление. Панель за ним закрылась.

Трантша рычала и ворчала. Она подошла к фраску и толкнула его ногой. Он треснул и захрустел.

— Подбери это, — приказал старик.

— Об эт'м никто н'говорил, — пробурчала трантша.

— Подбери его, — повторил старик.

Трантша с отвращением протянула длинную коричневую лапу, схватила свернувшуюся вязанку и закинула ее на плечо, туда где он недавно висел.

Работая с панелью, старик направился к двери. Робот с лязганьем пошел за ним, бездумно таща за собой Табиту и Саскию.

Саския все еще была без сознания. Она висела в своей стальной петле, на ее бледном виске выделялась большая ссадина. Табита, как ни пыталась, не могла до нее дотянуться. Она поставила ноги на пол и, по крайней, сделала попытку идти.

В дверях он апосмотрела на человека, принявшего командование. Его лицо было очень морщинистым, волосы — совершенно седыми. Тощая борода спускалась на грудь, и там вдруг что-то задвигалось. Табита увидела, что он носит живого синего скорпиона, прикованного цепью к булавке на пальто. Скорпион пошевелился, изгибая хвост, словно почуял свежую добычу.

— Капитан Келсо Пеппер, я полагаю, — сказала Табита.

Китайца это позабавило, он поднял голову и посмотрел на Табиту, его воспаленные глаза увеличивали стекла очков.

— О, нет, капитан Джут. Меня зовут Шин. Капитан Пеппер ожидает вас на мостике.

LIII

— Здрасьте, — сказал капитан Пеппер.

Это был белый человек средних лет, с мясистым лицом и белыми волосками, растущими из носа. Он сидел в кресле капитана, удобно сложив руки на своем брюшке. Трант Тарко стояла между Табитой и Саскией, положив огромные руки на их плечи. Саския пришла в себя и держалась прямо. Они забрали шлем Табиты.

Шин сидел у стены на сложенной груде выцветших подушек, с клавиатурой на коленях. Перед ним стоял черный робот, держа на весу фраска, свернувшегося в искусственной бутылки наподобие завязанной узлом рождественской елки. На невидимой поверхности бутылки сами по себе чертились светящиеся диагностические графики, голубые узоры

данных, розовые нейрокарты расцветали и сплетались, словно разрастающиеся колонии планктона. Старик что-то радостно бормотал про себя на автономном китайском.

Мостик "Уродливой Истины" был даже еще более убогим, чем на "Элис Лиддел". Здесь стоял запах, как в клетке в зоопарке. Мусор был свален в углах и разнесен по всему полу. На стенах были распечатаны и нарисованы грязные картинки и жестокие призывы; потолок был закопченным от дыма. Большая часть оборудования, казалось, была наполовину демонтирована, из нее торчала неуклюжая новая обмотка. Но все экраны работали, и на пультах горели зеленые огни.

Чего нельзя было сказать об "Элис Лиддел".

На капитане Келсо был выцветший комбинезон и кепка, на которой было написано "КЕЛСО". Он ухмыльнулся при виде пленниц, но не сделал попытки подняться.

— Как дела? — любезно осведомился он.

— Отзовите своего снежного человека, и я покажу вам, как у меня дела, — сердито сказала Табита.

Капитан улыбнулся, приподняв верхнюю губу над пятнистыми, длинными, как у зайца, зубами. Его ярко-голубые глазки были все в морщинах и смотрели прямо: — Не могу, — небрежно сказал он. — Вы можете пораниться.

— Сначала мы вас разорвали бы на части.

Капитан Пеппер изучал большой палец своей левой руки. — Вот, это то, что называется желать невозможного. — Он снова поднял глаза, расправил комбинезон на коленях и задумчиво оглядел снизу вверх стройную фигурку Саскии. — А вы как? — спросил он. — Скажите же что-нибудь.

Саския вздернула подбородок: — Мне нечего сказать пиратам.

Он скосил на нее глаза: — Пиратам? — И хитро ухмыльнулся Тарко, оглядываясь, чтобы посмотреть, как понравилась эта шутка Шину. — Я здесь не вижу пиратов.

Табита сложила руки: — Теперь вы еще скажете, что вы обычная дорожная полиция.

Капитан Пеппер отикнул голову и захохотал: — Полиция! Шин, ты слышишь? Тарко, слышишь? Дама считает, что мы полицейские!

Шин ухмыльнулся, прищулив глаза и подняв брови, а Тарко пробурчал: — Слышу.

Капитан Пеппер вдруг помрачнел: — Тогда почему не смеешься?

— спросил он, понизив голос.

Трантша обнажила огромные клыки и послушно разразилась лающим смехом. Старик продолжал невозмутимо разглядывать свою находку.

Капитан Пеппер подвинул свой зад, поудобнее устраиваясь в кресле: — Ну, вот что я вам скажу, леди, — заявил он и наклонился к ним, словно собираясь сообщить что-то конфиденциальное: — Мы и есть полицейские. Ну, что вы теперь об этом думаете? Капитан Пеппер работает на большую синюю собаку.

Он откинулся и стал играть с ободранной обшивкой своего кресла, скатывая ее обрывок между большим и указательным пальцем. Он взглянул вверх на женщин из-под своих белых бровей, снова бросив хитрый взгляд на Тарко, и продолжал говорить: — Иногда мы — полицейские, иногда — нет! — объявил он так, словно это была замечательная шутка.

Саския презрительно выдохнула.

Табите хотелось соскользнуть на пол и заснуть, желательно навечно. До сих пор она была вся — воплощение ненависти и отчаяния, какого никогда раньше не испытывала. Эти подонки погубили Элис, а теперь им еще хочется поиграться перед тем, как погубить ее и Саскию. То, что они сейчас говорили и делали, если они еще могли что-то сделать, уже не имело значения. Может быть, если ей удастся разозлить этого расчетливого негодяя, он потеряет контроль и побыстрее покончит с ними. Но это значило, что надо мобилизовать еще какие-то силы, а она просто устала, так устала.

— Я знаю, кто вы, — сказала Табита.

Капитан Пеппер пропустил мимо ушей ее язвительный тон: — Профессионалы, — сообщил он ей.

— Подонки, — очень отчетливо произнесла Саския.

При этом капитан Пеппер широко раскрыл глаза: — О-о, — воскликнул он, — слышите что она говорит? Мы заполучили себе настоящую шаровую молнию! — Он хлопнул себя по бедрам и разразился хриплым, бронхиальным смехом вместе с трантшей Тарко, хлопавшей их по плечам в знак признания.

Это уже становилось утомительным. — В любом случае, что вы тут делаете? — решительно спросила Табита. — Я думала, мы вас вырубили.

Капитан Пеппер продолжал ухмыляться: — Вырубили нас! — эхом отозвался он. — Действительно вырубили. Вырубили Келсо Пеппера. Вырубили "Уродливую Истину". Немногие могут это сказать. — Он покачал головой. Неожиданно он снова стал серьезен. — У вас не было никакого права так поступать. И, сделав это, вы нам обоим наделали массу неприятностей. Слышите? — заорал он, почти поднявшись с кресла. — Целую кучу дерьмовых неприятностей!

Саския стиснула кулаки и бросилась вперед: — Вы убили моего брата! — закричала она, вырываясь от Тарко. Тарко удержала ее одной рукой. Саския боролась, бешено сверкая глазами на них обоих: — Вы убили Тэла! А Марко остался там, внизу... — Она выбросила руку назад, показывая в ту сторону, откуда они прилетели, словно думала, что Венера находится где-то под палубами. — медленно умирает на Венере из-за вас!

— Что вам от нас надо? — свирепо спросила Табита.

Капитан Пеппер снова медленно опустился в кресло. Он исследовал большой палец своей правой руки. Потом вытянул жесткий указательный палец правой руки, указывая прямо на голову Табиты.

— Ты, — сказал он. — Нам нужна ты. И он, — заявил он, ткнув большим пальцем в направлении фраска, безжизненно повисшего в воздухе перед своим престарелым исследователем. — Нам нужна ты и он, и нам нужен твой маленький кораблик. — Пеппер снова тупо ухмыльнулся. — И нам нужен ваш маленький черный приятель, который вырубил нам свет. Мы ведь уже его заполучили, да, Тарк?

Трантша посмотрела на своего капитана, покорно, тупо, непонимающе.

Внезапно, капитан, казалось, потерял к ним всякий интерес: — Кое-кто хочет с вами увидеться, — сказал он. — А пока вы устраивайтесь здесь, как дома, слышите? Убери их, Тарко.

Трантша замурлыкала. Крепко ухватив их, она потащила Саскию и Табиту прочь от своего пребывающего в задумчивости капитана и любопытного механика — назад в шахту, мимо отсека, где лежала потерпевшая катастрофу Элис в луже своих собственных жизненно важных жидкостей; назад в недра корабля. Она бросила их в камеру.

Камера, хоть и маленькая, судя по всему, часто принимала посетителей. Предыдущие узники нацарапали свои имена и длинные вереницы условных дней на слизисто-зеленых стенах. Пища и что похуже были разбрызганы во всех направлениях, там и здесь виднелись следы ожогов от выстрелов. Внутри на двери не было ручки. Не было здесь и иллюминаторы, а лампочка едва светилась, но это не имело значения, потому что смотреть здесь все равно было не на что.

— Под'ждите, — сказала трантша.

Она взялась за сумку Табиты, стащила ее через голову девушки, а потом оттолкнула ее. Она стояла и мяла сумку в руках. Потом рывком открыла ее, сломав молнию и подозрительно заглянула внутрь: — Что эт'за дрянь?

— Это моя дрянь, — заявила Табита, встав совсем рядом, готовая выхватить сумку, если представится возможность.

Тарко захохотала. Она с силой толкнула Табиту на Саскию, и они обе свалились на пол.

Трантша стояла в дверях и рылась в сумке Табиты, медленно выбрасывая вещи на пол: носок, скомканные квитанции, пластиковый мешок с тремя фруктовыми леденцами, слипшимися на дне. Потом она отвела руку и швырнула сумку в камеру вслед за ними. — Радуйтесь н'нее, — сказала она и захлопнула дверь.

Табита слезла с Саскии, встала на четвереньки и вяло поползла к своим разбросанным пожиткам.

Она встала на колени, подтягивая сумку к себе по полу.

Глубоко в стенах содрогнулись и ожили мощные двигатели.

Саския была на ногах. Она стояла и била ногой по двери, решительно и с ненавистью.

За ее спиной Табита подняла рассыпающуюся книжку в бумажной обложке и небрежно прижала к себе, смяв книжку о свой живот.

Саския обернулась, оперлась на дверь, глядя вниз на Табиту.

— О-о-ох, — с горечью сказала она. — Вот. Вот. Табита. Держи. — Она присела на корточки, чтобы помочь Табите, не глядя подбирая вещи с пола. Посмотрела на то, что было у нее в руке: это был пакетик со старыми конфетами: — Вот, — сказала она Табите, подсаживаясь к ней и обнимая ее рукой за плечи. Потом сунула смятые конфеты ей под нос: — Съешь одну, — посоветовала она.

Глаза Табиты были закрыты. Она покачала головой.

Сев на пятки, Саския открыла пакетик из рваного пластика, разорвав его еще больше. Изучила его содержимое. — Не хочешь конфетку? — спросила она.

Табита, замкнувшись в себе, не отвечала. Она сидела на полу на коленях, прижимая к себе книжку и свою сумку, — черная дыра, воплощение несчастья и поражения.

— Можно, я съем одну? — спросила Саския.

Табита тяжело кивнула головой. Ее подбородок опустился на грудь и там и остался, словно кто-то неожиданно усилил гравитацию, и ее голова стала слишком тяжелой, чтобы подняться.

С трудом Саския отделила липкий леденец от комка. Нахмурившись, она пыталась очистить его от целлофана.

— Ублюдки, — сказала она озабоченным тоном. Потом оставила свои усилия и сунула леденец в рот прямо в обертке. Она оглядела пол, заметила какой-то предмет, завалившийся под койку, протянула ру ку и достала его.

Это была гармоника Табиты.

Саския протянула ее на вытянутой руке. — Табита! — безнадежно позвала она.

Табита не шевельнулась.

— Ох, пожалуйста, Табита.

Стоя на коленях, Саския обняла Табиту сзади, прижалась щекой к ее костюму. — Все в порядке, — невнятно сказала она — ее рот был набит леденцом.

Тут Табита подняла глаза и, обернувшись, тупо посмотрела на Саскию.

— Что?

Саския тихонько и неодобрительно фыркнула. Скользнула руками с талии Табиты к ее затылку, где кончался воротник. Сжала напряженные мышцы и стала гладить ее волосы.

Табита немного посопротивлялась, потом позволила своей голове откинуться назад, на руки Саскии. Глаза ее снова закрылись.

Забытая, рассыпающаяся книжка выскользнула из крепко сжатых рук Табиты на скользкий пол. Табита не стала поднимать ее.

Лаская голову Табиты, Саския прижалась к ее спине. Дотронулась губами до ее щеки.

Табита так и стояла на коленях, пассивная, инертная.

Саския поцеловала ее в губы.

Из горла Табиты раздалось едва слышное бормотание.

Саския подняла голову: — Что?

Губы Табиты сомкнулись и снова раскрылись, между ними мелькнул ее язык.

— Черная смородина...

Саския ласково хмыкнула: — Давай, Табита.

Она встала, подняла Табиту, потом опустила ее на койку. Пальчики Саскии в два счета разобрались с застежками на костюме Табиты. Она мягко сняла с подруги костюм, уложила ее на спину и снова поцеловала, расстегивая жакет и водя своим руками фокусника по ее груди. — Черная смородина, — пренебрежительно прошептала она.

Табита спала.

Саския с усилием стащила с нее жакет и брюки. Потом подняла сырое, сальное покрывало, подвинула Табиту на узкой койке и, освободившись от собственной одежды, сама скользнула следом.

LIV

Теперь, когда корабль был в пути, стало холодно. Пленницы проснулись, натянули одежду и свернулись вместе под тонким одеялом из фольги. Табита дремала и провалилась в сон. Она была снова в комплексе лифтов Изобилия, и ее вел в Сад Меркурия отряд полицейских эладельди. У станций, где останавливался лифт, были названия мест, которые она помнила с тех времен, когда была еще девочкой: Евдокс, Мэннерс, Масклайн. Ее тетушка Мюриел все время заходила внутрь, пытаясь скоротать ей кусочки горелого цыпленка, и кто-то, кого она не видела, пел ей в ухо.

Табита проснулась в смятении. Камеру наполняли глухие отзвуки пульсировавших двигателей “Уродливой Истины”. Гравитация сместилась, так что казалось, что уклон пола идет вверх, в сторону двери. Табита прижималась к теплому телу Саскии.

— Я думала о Тэле, — сказала Саския чуть погодя.

— По-моему, я тоже, — ответила Табита. У нее во рту был неприятный застойный, липкий привкус. — Мгм. Мне снился сон.

Через минуту Саския сказала: — Я бы хотела, чтобы он был здесь.

— Тэл?

— Могул...

— Не надо, — сказала Табита, обнимая ее. — Подумай о чем-нибудь другом.

Но Саскию не так легко было сдвинуть с места: — Они убили его, — упавшим голосом сказала она. Какое-то время она лежала и плакала, а Табита обнимала ее. — Бедный Могул, — сказала Саския.

— И Марко. Табита? С Марко все будет в порядке?

Табите хотелось бы быть уверенной в том, что хоть с кем-нибудь все будет в порядке, хоть с кем-нибудь, в любом месте этой системы, неожиданно обернувшейся враждебной, где всем, будь то перки, полицейские, грабители и даже капеллийцы, наверное, — всем им стоило только взглянуть на тебя, чтобы погнаться за тобой, охотясь за твоей кровью. Она старалась не думать о Марко Метце

в его ослепительном скафандре, у которого мозги выкипали в убийственных болотах Венеры.

— Конечно, с ним все будет хорошо, — сказала она.

— С Марко все будет в порядке, — сказала Саския. — Если кто и знает, как наверняка сделать так, чтобы с ним все было хорошо, — так это Марко.

— Саския?

— Что?

— Чем вы все-таки занимались?

Вся эта глупая авантюра закончилась, и с Табитой тоже все было кончено. Ее жизнь грубо и болезненно вырвали из ее рук, она это понимала, оглядываясь назад, на тот день на Грэнд-канале в Скиапарелли. Теперь Элис превратилась в грудку металлолома, а она сама была заперта в недрах "Уродливой Истины"; все, кроме Саскии, погибли, или все равно что были мертвы; и она ничего не могла с этим поделать, если вообще когда-либо что-либо могла.

И все же ее не оставляло постоянное любопытство, ей хотелось знать, что это было, черт побери, что опрокинуло ее и оставило на расправу элэдельди, чтобы они могли разорвать ее на куски.

— Нам нужны были деньги, — сказала Саския так, словно это все объясняло. — Мы никогда не могли заработать деньги. Никогда. А если и зарабатывали, то Марко всегда выбрасывал их на какой-нибудь дурацкий план, разработанный, чтобы обмануть всех вокруг и получить на этом в десять раз больше. Но у него никогда ничего не выходило. Тогда нам приходилось идти назад к Ханне и извиняться и снова все начинать с нуля.

Табита вздохнула. Поцеловала кончик уха Саскии и потерлась щекой о массу ее длинных волос. — За всем этим стоит Ханна, да?

— Она все это задумала, — ответила Саския. — Сначала.

— Она работает на фрасков.

— Мы все на них работаем. Работали. Работали на фрасков.

Табита потянулась, выгнув спину: — Значит, я правильно вычислила, — сказала она.

— Фраски построили Изобилие, — продолжала Саския. — После войны один из них остался там, в морозильнике. Когда туда поступила Ханна, она стала раскапывать, кто есть кто, и обнаружила его там. Но она никому об этом не рассказывала, а связалась кое с кем на Титане, с какими-то людьми, кто до сих пор поддерживает отношения с фрасками, а, может, и с самими фрасками, не знаю, — как бы там ни было, а Ханна предложила вывезти его оттуда, так, чтобы Капелла ничего не знала.

Табита заложилла руки за голову: — Значит, вы спасали фраска.

— Это была основная идея.

— Вы знали, что он находится в спячке.

— Ханна так сказала.

— Вы контрабандой везли его на Титан.

— Ну, да.

— На моем корабле, черт побери.

— Ох, Табита, извини, я тут ни при чем. Марко...

— Да, — мрачно сказала Табита. — Что же насчет Марко?

Саския неловко заерзала. — Ну, сказала она. — Он пытался урвать кусочек, я думаю.

— Пытался урвать кусочек, — повторила Табита.

— По-моему.

— На моем корабле, черт побери.

— С тобой было дешевле, — пояснила Саския.

— Да что ты?

— Ну, да. И он разругался с экипажем, который наняла Ханна. Они сказали, он им не заплатил, а он сказал, они работу не сделали, ой, я не знаю. Он все время с кем-нибудь ругается. Ругался. Все равно, Марко позвонил из Скиапарелли и сказал, что он, хм, познакомился с тобой, и ты более надежная...

— Ах, так?

— Он сказал... на самом деле, по-моему, он сказал, ты очень обязательная.

Табита фыркнула: — Неужели? — пробормотала она.

— Он сказал, что ты ему обязана.

Табита резко села: — Он сказал — что?!

— Что ты ему...

— Я слышала, — сказала Табита.

Ее трясло. Саския заботливо приподнялась на локте, уговаривая ее лечь под одеяло. Табита в ярости сопротивлялась, а Саския тянула ее за локоть.

— Ты холода напускаешь, — пожаловалась Саския.

— Хмм.

Табита сдалась. Она нашла скрученную салфетку и высморкалась. — Вся эта история с пленкой, — вспомнила она.

— Она была от фрасков, — объяснила Саския, — от их людей на Титане.

— На ней же ничего не было. Я проиграла ее, там был только этот шуршащий, скребущийся звук.

Саския мягко провела кончиком пальца по щеке Табиты. — Ах,

— сказала она тоном, наводящим на размышления. — Ты нашла бы его очень возбуждающим, если бы была фраском.

Табита взяла руку Саскии и мягко, но решительно отвела ее палец: — Что?

— Это брачный призыв фрасков, — сказала Саския. — Он должен был разбудить его.

— Так почему же этого не произошло?

— Ну, они проиграли только половину, когда включился какой-то сигнал тревоги или что-то в этом роде, и им пришлось забирать его как есть! Морозильный ящик и все такое.

Табита все еще была в недоумении. — Но вы же проигрывали пленку Ханне, а не фраску.

— Да, чтобы они не заметили — люди в ПравдаСне. Ханна передавала ее фраску изнутри. Она очень хороша, ты знаешь. Знает, что делает.

— Она разговаривала так, что не создавалось впечатление, будто она знает, что делает.

— Ну, она же мертва, — заметила Саския. — Надо делать скидку.

— Пока я жива, больше никогда никому не буду делать скидок, — с горечью возразила Табита.

Саския проигнорировала это высказывание. — Ты не должна недооценивать Ханну, — сказала она. И перекатилась на спину. — Жаль, что мы не можем ей сейчас позвонить.

— Так, значит, вы помогали фраску-беженцу попасть домой, — сказала Табита. — В этом было все дело.

— Да, — просто ответила Саския.

— За деньги.

— Так всегда было.

Пока они лежали, дремали и разговаривали, шум двигателей постепенно усилился. “Уродливая Истина” набирала скорость. Табита предположила, что они будут совершать прыжок. Они путешествовали в неизвестном направлении, и в конце рейса ее и Саскию передадут в лапы элельди. Табита почувствовала, как страх сжал ей желудок.

Она взглянула на грязный желто-коричневый потолок: — Он правда думал, что они заплатят?

— Ну...

— А ты?

— Не знаю! — раздраженно ответила Саския.

— Вы просто делали, что вам было сказано.

— Да! — Саския сверкнула на нее глазами. — И ты тоже!

Табита оставила эту тему.

Через минуту она спросила: — Тогда почему она хотела, что бы я вернула ее на Изобилие?

Саския повернула голову: — Кто?

— Фраск.

Саския нахмурилась: — Она?

— Это особь женского пола, — сказала Табита.

— Откуда ты знаешь?

— Я уже встречала одну такую раньше. И в любом случае фраски не стали бы так хлопотать из-за мужчины.

Саския обдумала слова Табиты: — А какая разница?

Табита, в свою очередь, обдумала слова Саскии: — Не знаю, — в конце концов, призналась она. — Я не понимаю фрасков. А кто понимает?

Некоторое время они лежали молча. Саския рассказала все, что знала. Она снова раздумывала, когда капитан Пеппер будет кормить своих пленников, если он вообще собирался это делать.

Внезапно Табита спросила: — Что Ханна Су имела в виду, когда сказала, что они все собрались вокруг?

— Она всегда говорит такие вещи, — отозвалась Саския. — думает, что люди в других морозильниках подслушивают ее сделки.

— О, — сказала Табита.

Саския вдруг снова обняла Табиту: — Давай сейчас больше не будем разговаривать, — предложила она. — А то у нас скоро кончатся темы для беседы. И никогда ведь не знаешь, мы можем пробыть здесь очень долго!

— Да, — сказала Табита. — Верно.

Они лежали рядом на койке и прислушивались к ворчливому рокоту двигателей “Уродливой Истины”, ползущей все дальше, унося их в нескончаемую пустоту.

**ЗАВТРАК С
БРАТОМ ФЕЛИКСОМ**

LV

BGK009059

TXJ. STD

ПЕЧАТЬ

//Jlk; mm@@ll JKLQkkImY^sporg] SPORGA—fi9'
f\$Mqo^AEJl c222

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? 19.9.29

ЖДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

— Элис!

ЖДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

— Ну, давай же, Элис. Ты не можешь прятаться там вечно.

— КАПИТАН?

— Привет, Элис.

— ПРИВЕТ, КАПИТАН. СБОЙ.

— Я знаю. Ты знаешь, где мы находимся?

— ПЛАНЕТА. ЖАРКО. ДОЖДЬ. ТОКСИЧНЫЙ. СБОЙ, КАПИТАН. ОПАСНОСТЬ. ОПАСНОСТЬ. ОПАСНОСТЬ.

— Да, Элис, я знаю, но если ты мне поможешь, я вытащу нас отсюда так скоро, как только смогу.

— СПАТЬ.

— У нас нет времени. Если ты снова заснешь, мы тут все умрем, Элис.

— КАПИТАН?

— Да, Элис?

— ПРИВЕТ, КАПИТАН.

— Привет, Элис!

— ВСЕ ТАК СМУТНО. ГДЕ МЫ?

— На Венере.

— ВЕНЕРА.

— Да.

— КАТАСТРОФА. НЕУДИВИТЕЛЬНО, ЧТО Я ТАК ОТВРАТИТЕЛЬНО СЕБЯ ЧУВСТВУЮ.

— Элис, мне нужно, чтобы ты осмотрелась и подумала, можем ли мы что-нибудь сделать. Ты можешь сделать это для меня, Элис, пожалуйста, я тебя очень прошу.

— ПОГОВОРИ СО МНОЙ, КАПИТАН. РАССКАЖИ МНЕ КАКУЮ-НИБУДЬ ИСТОРИЮ. РАССКАЖИ МА%
VAfu'++ +8

— Элис, не надо!

Черт! Элис...

Хорошо, Элис. Я расскажу тебе, что я сейчас делаю. Я сижу здесь, на борту и собираюсь провести всю диагностику, какую смогу, отсюда — вот так... а теперь...

Где я остановилась?

А, вспомнила.

Караван. Он уже рассеивался к тому времени, когда пробился "Блистательный Трогон". Мы выскочили из сверхпространства в вихре изувеченных частиц. Прощальных вечеров было мало, слишком мы были разбросаны. "Октябрьский Ворон" вынырнул в пяти миллионах км от "Трогона", далеко от плоскости кольца. Он был виден как маленькая капля ртути, поблескивавшая над полюсом. Фраски ничего не праздновали. Они уже улетели и прошли полпути через кольца, в массовых экипажах, двигаясь стадом вслед за "Василиском" и направляясь на новые квартиры на Иафете.

Кое-кого мы потеряли, "Дулута", например, я помню, и один корабль с линии Шенандоа, они улетели искать счастья в неведомое, их подвел какой-то сбой в Приводе. Несколько кораблей были повреждены. Я видела один "Навахо Скорпион", аккуратно

сложенный вдвое, и тот "Беллерофон" с грузом деталей и узлов, превратившийся в пять тысяч тонн ржавого металла.

Я покинула "Трогон" на Энцеладе. Они были не в восторге оттого, что я решила уйти так скоро, но они всего лишь возвращались назад на Марс, а я в этом не видела смысла. Я была на границе человечества, могла вести любой корабль — от такси до крейсера, у были кое-какие сбережения, и время принадлежало мне. Я была свободна.

Мы с трудом поднялись на Холм Аравак, над городом, и заглянули в дикий север, где ледяные вулканы пятали бледный горизонт морозным дымом. Трикарико показал обсерватории, поблескивавшие на далеких утесах, как молодые кристаллы. Он показал мне сверкающие шпильки ламасерая Священной Всенощной Всеобщего Слияния. Я долго держала его в объятиях и целовала. Он сдался. Я заплела ему волосы в последний раз.

Кольца разрезали небо надвое — веер из радуг и все краски осени; а в центре их был Сатурн, огромный, незрелый, как будущее.

— ХОРОШО. ЧТО ДАЛЬШЕ?

— О! Ну, надо было получить лицензию у эладельди. Три дня в сатурнианском зиккурате, ожидание, тесты, опять ожидание. Проводник-женщина нацепила мне значок и повела через неуютные помещения, полные конторок, а за их пультами сидели функционеры-эладельди и обрабатывали жизни людей, там продлевали их, тут — сокращали, переклассифицировали, взимали налоги, вызывали людей на суды и экзамены. Информация потоком текла к капеллиям — на Харон. Моя сопровождающая тоже не знала, куда мне идти. Она все время останавливалась и спрашивала дорогу. Никто не знал и не желал знать. Она была служанкой, я — просто номером досье, и мы обе были из расы людей.

Эладельди составляли каталоги звезд, на случай, если Капелле понадобится еще одна.

— ХОРОШО. ЧТО ДАЛЬШЕ?

— Полеты по контракту: одну неделю — кольца, другую — астероиды. Разговоры на новом языке, со

странной грамматикой условного времени. Поезда-стоножки, стонущие "Василий-Свенсгаарды" с разинутой пастью, старые Митчум 7J6, которые подтекали. Я научилась "обманывать" расписание, чтобы получать хорошую дневную норму, у меня был скуттер "Минимум" с новыми керамическими дефлекторами, и никакой инерции, ничего, я передвигалась вслепую, потому что не хотела ставить имплантаты. А потом меня уволили. Я вывесила свой код на доске объявлений о работе по найму и оказалась на пути назад, в Скиапарелли. Я ненадолго остановилась на Поясе на недостроенном плато, где спальные койки выдвигались на жесткой сцепке из лесов, как лампочки на рождественской елке. Три миллиметра эритрейского винила между мной и живым пространством.

Нельзя сказать, чтобы я сама была в то время очень живой. А потом в один прекрасный день на узловой станции я встретила совсем зеленую особу, все еще носившую на рукаве белую карточку. Она под села за столик ко мне и Доджер Гиллспай и завела с нами беседу. Сначала она рассказала нам все, что нам совершенно не интересно было знать, о "Хальцион ЭкоБилдер", а потом сказала: — Я думаю, у вас есть хорошая возможность войти где-нибудь здесь в корпоративный реестр, — и стала нас выпрашивать. Мне было жаль ее, и я старалась удержаться от смеха. В конце концов Доджер ее отшила. Я помню, она выдохнула дым и сказала: — Господи, поговори о чем-нибудь более живом. И я вдруг поняла, что ожила.

— ХОРОШО. ЧТО ДАЛЬШЕ?

— Разные вещи, которыми нечего особенно гордиться. Возила пять тысяч голов бизонов в Малавари в жидкой суспензии на "Тинкербелле", с хитрым рефрижератором и столь же хитроумным страхованием. Перехватила двадцать литров "Дискордона" для арахиса на распродаже, и мне пришлось провозить их через таможенную эдадельди в ХайБразил. Записала пять контейнеров с кристаллами невесомости как сушеное мясо крилля, потому что один красавчик втравил меня в это на какой-то вечеринке, а если бы мне пришлось платить пошли-

ну, я бы оказалась в убытке. Девере. 5-свадьба. Нью-Малибу. Все где-то в это время.

— ХОРОШО. ЧТО ДАЛЬШЕ?

— Дальше. Дальше я снова увидела "Октябрьский Ворон". Флагман династии Сансау. Я видела, как он разбился и погиб.

Я была на Поясе и летела на маленьком, принадлежавшем компании, "Хайтэйле", чтобы забрать поезд с рудой у "Фразье 34". Хотела найти по радио какую-нибудь приличную музыку, как вдруг ворвался сигнал SOS: — Всем кораблям, находящимся вблизи зоны бедствия! Просим помощи!

Я была поблизости — от силы милях в двадцати. К тому времени, когда я обогнула Автономию, я увидела его — смятый золотой силуэт, и маленькие суда, шнырявшие вокруг него, как стайки рыбешек вокруг издыхающего морского черта. Я послала вызов, и парамедик рассказала мне всю историю. Отказало рулевое управление, и в корабль одна за другой врезались три скалы. — Это тяжелая авария, — сказала парамедик. — Самая тяжелая, какую я когда-либо видела. Большие потери. Сколько у вас мест?

— Два, — ответила я. Больше, если бы они попросили меня взять на борт тела. Я надеялась, что брать на борт трупы меня все же попросят. — Это просто скуттер.

— Что ж, нам нужна любая помощь, — сказала она, но в голосе ее звучало сомнение. Она дала мне сигнальный маяк, и я подошла настолько близко, насколько могла, чтобы при этом не путаться ни у кого под ногами.

"Ворон" был весь в обломках, и когда я приблизилась, он все еще разваливался. От корпуса, как шелуха, отслаивались огромные завитки рваного металла, отскакивая, они содрогались. Роскошная лестница, ведущая в салон, торчала кверху между плавающим комком из ковров и обмотки, спирально уходя в никуда. Там были обломки весом в тонну, бензобаки, подсвечники, чемоданы и кокосовый орехи — все это выбрасывалось в космос в вихре замерзшего воздуха, воды, охлаждающей жидкости и крови.

Там были трупы, и были люди, их собиравшие. Там все были очень заняты, множество кораблей, пришедших на помощь. Я надела скафандр, но, похоже, я не очень много могла там сделать. Они все просили меня подождать, подождать. Я установила прожектор на аварийный режим, села и стала ждать.

Вскоре я сообразила, что смотрю на серебристый силуэт, который то вспыхивал, то гас. Он был в гуще обломков, под чем-то, что выглядело так, как будто когда-то было частью системы обогрева. Он там застрял и покачивался туда-сюда.

Потом я сообразила, на что смотрю.

— Там кто-то есть! — вызвала я. — Там все еще кто-то есть. По-моему, они за что-то зацепились.

— Господи, — сказала парамедик. — Где? Вы можете мне показать? Все заняты. А я не вижу...

Я оставила "Хайтэйл" болтаться без дела, выплыла наружу и направилась прямо к обломкам. Там все было сплошным месивом из битого стекла и искореженного металла, и там оказались почти два потерпевших вместо одного. Но я не раздумывала над этим, я просто подошла и схватила их за руку, кто бы они там ни были.

Я видела то место, где они зацепились за трубы. Труба была простым пластиком, она уже замерзла и разлетелась на куски, когда я за нее взялась. А потом я обхватила рукой своих потерпевших и стала тянуть, а потом отбуксировала их к кораблю.

Только и всего. Весь рассказ не занимает и минуты. И это, разумеется, не было большим делом или подвигом. Любой на моем месте сделал бы то же самое.

Я уложила их на корабле, на заднем сидении. Парамедик была на связи, она посылала кого-то заняться ими, а между делом объясняла, что надо делать мне.

— Система поддержания жизни работает? Индикатор горит?

— Нет, — ответила я.

— У вас там есть воздух?

— Да, — сказала я.

— Тогда откройте шлем, — сказала она. — Посмотрите, дышат ли они.

Шлем был наподобие тех, что мы носили на "Блистательном Трогоне", он так изобиловал украшениями, что внутри почти ничего не было видно. Я расстегнула застёжки и открыла визор.

— Это мужчина, — сказала я.

— Он дышит? — спросила она.

— Дышит, — ответила я. — Он в сознании. Он... улыбается мне.

Мой потерпевший заговорил: — Питер, — хрипло прокаркал он.

— Питер Пэн.

Это был Бальтазар Плам.

Элис?

Ты меня слышишь?

LVI

В последней вспышке разогретых двигателей "Лесондак Анаконда" сверкнула среди звезд зеленой оливкой. Этим коротким рывком она безмолвно умчалась прочь от Венеры, скользнув над ее опалесцирующим ликом по чистой и изящной траектории падающей звезды.

Однако она была далеко не романтической и не прекрасной. Это была "Уродливая Истина" из Дирикс Матно, самая гнусная и продажная металлоконструкция, когда-либо бороздившая океан пространства. Ее ярко-зеленый корпус был изуродован сгустками оружейных портов, огромными изъязвленными капсулами с ионными разрядными двигателями, словно отражая внутреннее разложение. На носу она несла, как какой-нибудь разбойничий фрегат древней Земли, злобно ухмыляющуюся статую, чей торс почернел от огня разбитых ею врагов. Внизу болтались парализующие сети, они развевались, как юбки какой-нибудь продажной куртизанки или усы португал

Корабль мерцал и расплывался. От носа до кормы его обрамляли тонкие струйки зеленого огня. Это была "Уродливая Истина" капитана Келсо Пеппера, и она готовилась совершить маневр.

На нижней палубе, в маленькой камере, на койке лежала Табита Джут и играла на гармонике. Саския Зодиак сидела рядом с ней на полу и напевала блюз:

*Я проснулась сегодня,
И мой брат был со мной,
Он сказал мне: "Сестрица, я уйду на покой
Скажи мне, братец, кого нам обвинять?
Ты оставил меня синий блюз напевать.*

Расстроенная, Табита перестала играть. Постучала гармоникой по ладони: — Как ты можешь? — спросила она.

Саския повернула голову и посмотрела на Табиту: — Ты о чем?

— Ну... петь об этом вот так.

— Я сочиняю многие из наших песен, — сказала Саския, словно это было ответом на вопрос Табиты. Может, это и впрямь был ответ.

— Сочиняла, — мягко поправилась Саския прерывающимся голосом.

Табита мысленно обругала себя, ей было нечего сказать. Она приложила к губам гармонику и легко сыграла первые строфы "Девушек Кеннеди".

Саския сидела, склонив голову. Табита была уверена, что она опять плачет. Это рассердило ее. Она откинула голову и заговорила в потолок: — Ты меня слушаешь, а, Пеппер, грязный подонок? Так вот, это для тебя! — И она стала исполнять "Мы победим".

Табита проиграла песню три раза. Когда она стала играть в четвертый, Саския с болью повернула голову: — Это сведет меня с ума, я ничего о нем не знаю, — сказала она. — У-у-х! — Чувствуя, что взлетает в воздух, Саския ухватила за койку.

Похоже, гравитация теперь почтила своим вниманием потолок. К счастью, она была невелика. Зато вместо нее появилась бесплотная мерцающая голубая решетка, делившая камеру надвое, словно что-то отчаянно пыталось выкристаллизироваться из воздуха. Пересечения голубизны не были видны, если смотреть на них прямо, но со всех других точек они казались сияющей прозрачной четвероногой морской звездой, равномерно распростертой по камере.

Табита, болтая ногами в воздухе, держалась за койку одной рукой, а другой держала за руку

Саскию. Повсюду раздавался пронзительный царапающий звук, в воздухе стоял призрачный запах марципана.

— Мы прыгаем, — сказала Табита. Ее голос, извиваясь, медленно ушел от нее, как вода в сточное отверстие, и волосы стали дыбом у нее на голове.

А потом они неуклюже плюхнулись на койку. Под ними была мягкая, пористая гравитация. Все вернулось в обычное состояние; или, наоборот, ничего не вернулось. Атмосфера казалась тонкой и вязкой, тусклый свет — ослабевшим и серым.

Сверхпространство.

Саския прижалась к Табите, плача так, словно у нее разрывалось сердце, и умоляя Табиту спасти ее, увезти домой, вернуть ей брата.

Если временами Саския и ее брат-близнец напоминали Табите Трикарико, то они напоминали ей и Реллу — по этой своей манере бросаться в крайности: от некоторой уверенности в себе и экзальтации в следующий момент падать в пропасть бесконечной и безутешной скорби. И ждать от тебя, что ты будешь разделять их состояние.

— Я хотела быть сама по себе, — немного успокоившись, хрипло сказала Саския, — но не так...

— По крайней мере, он был счастлив, — сказала Табита, прижимая к себе Саскию.

— Он сошел с ума, — с всхлипывающим вздохом ответила та.

— Он был счастлив, — повторила Табита. — Ему там действительно нравилось. Некоторым людям нравится.

Но Саския не желала с этим соглашаться. Ее брат ударился головой во время крушения: — Он сошел с ума! Говорю тебе!

— Хорошо, — сказала Табита, — ну и что? Даже если так? Если бы мы были сумасшедшими, мы были бы счастливы здесь. Разве это не было бы приятно? — Она повысила голос. — Разве это не было бы приятно, капитан Пеппер? Мы получали бы удовольствие. Вам бы это понравилось, да? Вы ведь любите, когда ваши пассажиры наслаждаются путешествием, правда?

Но Саскию не так-то просто было отвлечь: — Если я не могу говорить с ним, я хочу говорить о нем, — заявила она.

Табите этого не хотелось. Но это все-таки было какое-то занятие. И если это все, чем она может помочь Саскии, она это сделает.

Саския заговорила. Ее голос дрожал: — Он никогда не радовался, когда я грустила. Мы чувствовали одинаково. Мы все. Если одному из нас было грустно, остальные подбадривали его. Мы были так счастливы! Мы не знали... даже не знали, что мы... — Она слотнула, потом сильно чихнула. — Тогда было легче — когда нас было пятеро. Не хочу об этом говорить, — добавила она.

Табите, в свою очередь, хотелось. Не подумав, она спросила:

— А вы правда из Абраксаса?

— Кто еще мог такое сделать?

— Не знаю, — отозвалась Табита; но о том, что пронеслось у нее в мозгу в тот момент, она думала раньше, и не раз: что Близнецы Зодиак были не экспериментальные создания, не постгуманоиды, вовсе не были получены путем клонирования и не явились из Абраксаса, а что они с Земли, откуда-нибудь из Европы, из какой-то гористой местности, где есть коровы. Что они цирковые артисты со странными амбициями и, как большинство артистов цирка, — очень хорошие актеры.

Саския сказала просто: — Я просто все время думаю. А Могул мертв. Я думаю о чем-нибудь, а потом обнаруживаю, что в конце я прибавляю: а Могул мертв. Это не горе. Пока нет. Если они нас скоро отсюда не выпустят, я покажу им настоящее горе, — сказала она, и ее голос стал низким и напряженным. — Я покажу им горе.

Словно она точно знала, что на уме у Табиты. — Табита, — сказала Саския. — Я к этому привыкла. Так со мной было всю жизнь: меня запикивали в ящик, и люди смотрели на меня. У нас была своя квартира — большая детская с такой же средой, как у Ханны. Серафимы и Херувимы все время приходили и уходили.

А потом нас осталось только двое, и Кстаска вывела нас и посадила на корабль, и мы решили, что пришел наш черед.

Но домой мы так и вернулись.

Саския придвинулась поближе к Табите, ища утешения. Она была совсем невесомой.

Саския продолжала: — Мы бежали из одного ящика в другой. Где мы прятались? В кабаре. Как будто не могли прожить без того, чтобы люди не смотрели на нас.

— Ты думаешь, для этого они и... сделали вас?

— Мы думаем, они хотели доказать сами себе, что они могли делать... по-прежнему могли делать обычных людей. Обычных! Мы — это, то есть, мы были, мы были такими, какими представляют себе обычных людей Серафимы.

— Значит, они все это придумали.

Саския подозрительно посмотрела на Табиту.

— Ты не обычный человек, — заверила ее Табита.

— Каждый человек не обычный, — нетерпеливо ответила Саския. — В этом весь смысл. Мы были единственными, кто мог бы стать обычными, нас было пятеро, абсолютно похожих друг на друга. А все остальные — в мире нет двух одинаковых людей. А теперь и из нас я осталась одна.

Табита подвинулась, чтобы утешить ее, но в этот момент Саскию беспокоило не то, каким образом она достигла своей уникальности.

— И теперь я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** такая же, как все! Табита! Я обычная!

Табита улыбнулась: — Ты понимаешь, что только что сделала спираль? То, что ты говорила. Ты дважды обернулась вокруг своей оси.

Саския не поняла.

— О, не важно, — сказала Табита и поцеловала ее в лоб.

— Ты надо мной смеешься.

— Ничего подобного! Разве я смеюсь? Разве?

— Да.

Табита засмеялась: — Ну, хорошо, — сказала она. И погладила Саскию по спине. Потом остановилась.

— Сколько вы пробыли... сколько тебе лет?

— Девять, — ответила Саския.

Табита была ошеломлена и уязвлена.

— А, ну это-то совсем просто, — сказала Саския, неправильно истолковав причину изумления Табиты. — Общая акселерация — для них это была основа основ.

Табита была не совсем уверена, что для нее это основа основ. Правда, теперь с тем же успехом может стать. Но все же понадобится какое-то время, чтобы к этому привыкнуть.

— А как ты это делала, с усами?

— С какими усами? У меня нет усов.

— Об этом и речь.

— Тогда о каких моих усах идет речь?

— Они у тебя бывают. Иногда. Когда ты, когда мы... Когда ты пришла в мою кабину...

— Это была не я, — упорствовала Саския. — Могул... иногда... он...

Табита подумала, что могло бы не заставлять Саскию на каждом шагу вспоминать Могула.

Дверь без стука отворилась.

— Еда, — сказала Саския.

За дверью стоял большой черный робот.

Женщины смотрели на него, тут же настрожившись.

Робот сделал шаг в камеру, потом остановился. На его груди открылась скользящая дверка, и появилось углубление. Из углубления он извлек две герметичные упаковки на небольшом подносе, и по камере разнесся запах восстановленного лука.

— Еда, — сказал Шин, стоя за спиной у робота с блоком дистанционного управления.

— Наконец-то, — сказала Саския. Они с Табитой уже протянули руки к пакетикам, но робот убрал их назад в углубление. Маленькая дверка захлопнулась.

— Эй! — крикнула Саския.

Вокруг черепа робота замелькали крошечные вилочки голубых молний.

Старик с любопытством смотрел на них: — Вы голодны? — спросил он.

— А, он хочет поиграть в игры, — устало сказала Саския, плюхнувшись на койку и слегка подскочив при этом. — Конечно, мы страшно голодные, черт бы тебя побрал, — презрительно сказала она.

Шин, поблескивая глазами, вздрнул подбородок. Скорпион на его пальто изогнулся и грациозно проследовал к краю привязи.

Шин посмотрел на Табиту: — А ты, — поинтересовался он, — тоже голодна?

— Да, — грозно заявила Табита, — я голодна.

Он взглянул на них обеих, быстро поводя глазами из стороны в сторону.

— Раздевайтесь, — сказал он.

— Что? — в один голос спросили женщины.

— Раздевайтесь, — повторил он.

Саския и Табита переглянулись.

— Пошел ты, — сказала Табита. — Моежешь оставить это себе. Я не хочу есть.

И она села рядом с Саскией.

— А я хочу, — сказала Саския.

Она расстегнула молнию на вороте жакета и стянула его через голову.

Табита схватила ее за руку: — Не делай этого, — свирепо сказала она. — Саския! Не смей!

— Какая разница! — с той же силой возразила ей Саския.

Шин наблюдал за ней.

— Капитан Джут, — сказал он, поджимая губы, — стесняется.

Табита высказалась очень грубо. Она опустила голову, но продолжала следить за дверью.

Саския поднялась и сняла тенниску. Потом стала расстегивать брюки.

— Стоп, — сказал Шин. — Ты, — обратился он к Табите. — Джут. Табита Джут. Иди сюда.

— Я сказала, можешь оставить ее себе! — громко сказала Табита, не поднимая головы.

— Иди сюда. Раздень свою подругу.

— Пошел ты!

Он направил на нее робота. Табита боролась, но робот с легкостью подхватил ее с койки и, держа

за руки, поднял перед своим хозяином. Табита пнула робота, потом Шина. Робот неожиданно уронил ее на пол.

— Раздевай свою подругу, — велел ей Шин.

— Нет!

— Послушай, Табита, не глупи, — сказала Саския. — Нам же надо есть.

— Не начинай!

Шин наблюдал за ними, и его глаза поблескивали — он забавлялся: — Раньше ты не была такой медлительной, — сообщил он.

— Что значит “раньше”? — резко спросила Табита.

Старик нажал кнопку, и робот заговорил:

— Хмм, — сказал он голосом Табиты, — черная смородина...

— Ты подслушивал! Я знала!

Робот, из головы которого сыпались искры, продолжал говорить.

— Бедный старикан, — сказал он по-прежнему голосом Табиты, — не стоит у него без стриптиза.

Шин пристально взглянул на робота и нажал кнопку.

Табита поднималась, потирая бедро. Услышав, как ее голос произнес слова, которых она не говорила, она замерла, уставившись на робота.

— Маленький мальчик с большой игрушкой, — сказал ее голос, идущий из робота.

Робот протянул длинную руку и выхватил пульт из рук Шина.

— Эй!

Шин смотрел на него в страхе и ярости, не веря своим глазам.

Потом стал лихорадочно шарить по карманам и вынул отвертку. Саския, застыв, наблюдала за всем происходящим с койки. Табита, встревоженная и в полной боевой готовности, искала возможности бежать.

Держа одной рукой пульт вне досягаемости Шина, робот схватил его двумя другими за плечи, оторвал от пола и стал яростно трясти.

Саския и Табита прижались к стене.

Шин в ужасе пронзительно кричал. Его голова ударилась о стену с громким стуком, эхом отозвавшимся в камере, и он повалился на пол и затих.

Скорпион на его пальто продолжал бесцельно бродить по своему крохотному кругу.

Робот бросил пульт на потерявшего сознание механика и повернулся к женщинам.

Бежать было некуда.

А потом робот зашатался. Его голова наполнилась дымом. Он неожиданно сел на пороге.

— Мееп, — сказал он.

Одна из его ног задержалась из стороны в сторону.

Из коридора донеслось поднимавшееся к ним знакомое жужжание, и блестящее маленькое черное существо в пластиковом пакете влетело в камеру на летающей тарелке.

LVII

Совсем незадолго до этого Табита Джут вообще никогда в жизни не видела Херувима, а уж снова увидеть этого она вовсе не ожидала. И, конечно, не ожидала увидеть, как кто-то обнимает Херувима. Но когда Кстаска аккуратно вплыл в камеру над выведенным из строя роботом и обмякшим телом его хозяина, Саския вскочила и заключила в объятия дитя пространства.

Казалось, он был так же счастлив видеть ее, как и она — его. Черты его шарообразного лица расплылись в ужасающей улыбке, и он замахал своими миниатюрными ручками. Если раньше его глаза светились, то теперь они просто сверкали.

— Кстаска! — радостно закричала Саския. — Мы думали, ты умерла...

— Это в космосе-то? Никогда! — прокаркал Херувим. Проворный, как никогда, в поле ложной гравитации, он зигзагами носился по камере, торжествуя бравиром и останавливаясь каждый раз на волосок от стены, а потом совершая безупречные развороты. Табита никогда не видела его в таком неистовстве. Ей пришло в голову, что он, наверное,

засосал всю энергию “Уродливой Истины” в свои собственные ненасытные ячейки. Когда он открыл рот, его горло светилось изнутри.

— Кстаска, — сказала Саския. — Могул...

— Насильственная смерть приносит несчастье, — сказал Херувим, подплывая к Саскии, чуть более сдержанно и внимательно. — Могул. Тэл, — сказал он. — Марко, может быть, еще жив на Венере, — прибавил он.

Хотя для Саскии, по-видимому, не было ничего удивительного в осведомленности Кстаски, Табита просто не могла этого переварить.

— Откуда ты все это ЗНАЕШЬ? — спросила она, а Саския в это время задавала вопрос: — Где ты была?

— На орбите, — ответил Херувим, — вокруг этого корабля. Я влетел внутрь вместе с “Элис Лиддел”, на шасси. А что вы побывали на Венере, капитан, так это было ясно из состояния корабля.

Кстаска устремил на Табиту свой тягостный, неумолимый взгляд: — Жаль, что ты не смогла спасти корабль, капитан, — сказал он.

Табита знала теперь достаточно, чтобы принять эти слова как выражение сочувствия, а не упрек. Но посмотреть в эти глаза и улыбнуться было трудно.

— Я слышал, как трант застрелила Тэла, но внутри Элис — кровь, и она не птичья, и не инопланетная. Она была мне знакома по реструктурированию и маленьким добавкам. Ясно, что застрелили не Саскию, значит, это должна была быть кровь Могула.

Табита пожалела, что задала этот вопрос, поскольку ответ продемонстрировал бесчувственность Херувимов; но Саскию, казалось, это даже не расстроило. Она снова оделась и стояла на коленях, пытаясь открыть люк с едой в груди поверженного робота.

Табита сказала: — Ты, по-видимому, неуничтожима.

— На свете нет ничего неуничтожимого, капитан, — промурлыкал Херувим. — Я был без сознания в течение пятидесяти двух условных минут. В любой момент в течение этого времени меня можно было

уничтожить. К счастью, кое-кто оказался великодушным, — прибавил он, вылетая за дверь.

Снаружи он уселся на своей тарелке, как чудовищное дитя, сделанное из дегтя, и стал оглядывать коридор.

— Оставь, Саския, — сказала Табита, — подбирая свою сумку. — Надо выбираться отсюда.

— Одну секундочку, — попросила Саския. Она уже взялась за упавший пульт управления и рассматривала его. Хмурясь на робота, она решительно нажала последовательность клавиш.

Дергающаяся нога робота в последний раз с силой лягнула воздух и отвалилась.

— Ой, — сказала Саския.

Кстаска снова влетел в камеру. — Какие у тебя планы, капитан? — спросил он.

Стараясь отделаться от чувства, что ее проверяют, Табита ответила: — Нам надо пробраться в коммуникаторную и послать сигнал бедствия.

— Я сказала, мы должны позвонить Ханне, — заметила Саския.

Кстаска наклонил свою черную лысую головку в сторону Саскии:

— Конечно.

Табита пришла в раздражение: — Я предпочла бы позвонить в полицию, — упрямо сказала она.

— Ханна поможет лучше любого слежащего правоохранительных органов, — произнес Кстаска. Он забрал пульт у Саскии и подключил к своей тарелке. Теперь он отслеживал какой-то код кончиком хвоста. Табита всегда считала, что ему нужен хвост, чтобы заряжать свою тарелку; по-видимому, это было не так.

— Послушайте, — сказала она. — Пошли, наконец, отсюда!

— У нас есть еще несколько минут, — ответил Кстаска.

— Там ведь еще психопат и йети! — сказала Табита, отчаянным жестом указывая за дверь. — Они будут здесь в любую минуту! Они нас сейчас слушают!

Словно в подтверждение ее слов старик в коридоре застонал, но больше не подал никаких признаков того, что собирается очнуться.

— Нет, — заверил Табиту Кстаска. — Они все еще слушают, как ты играешь на своем инструменте. А, — сказал он.

Люк в упавшем роботе со щелчком открылся, и Саския бросилась за едой.

— Что? — изумленно спросила Табита, отмахиваясь от жирного прозрачного пакетика, который совала ей Саския.

— Простая автоматический повтор, — ответил Херувим.

— Нам надо поесть, — сказала Саския, набивая рот.

— Я иду в коммуникаторную, — коротко бросила Табита. — И вы оба идете со мной.

— Конечно, капитан, — отозвался Кстаска. Он явно считал, что она легко возбудима, и ее надо поддерживать. — Ты знаешь дорогу?

— Это “Анаконда”, — сказала Табита, выводя их в коридор. Саския была права, подумала она, когда они закинули бесчувственное тело Шина на койку и закрыли за ним дверь: неприятно, когда с тобой обращаются, как с ребенком.

— Что ты имела в виду, когда сказала, что кто-то оказался великодушным? — спросила Саския, на ходу торопливо поглощая пищу.

— ЛУЧЕВУЮ ЭНЕРГИЮ, — со значением сказал Кстаска, летя рядом над их головами.

Впервые Табита услышала, что на него что-то произвело впечатление. — Лучевую? — переспросила она. — Ты же не можешь этого делать.

— Кое-кто может, — отозвался Кстаска. — Они перезарядили “Уродливую Истину” немедленно, невидимым лучом из открытого космоса. Кое-что произошло на меня, — от удовольствия он говорил в нос.

Ничего удивительного, что он так взвинчен.

Они вприпрыжку проскочили туннель технического обслуживания, шедший вдоль борта “Уродливой Истины”, перепрыгивая через скобы и трубопроводы, все в царапинах от долгой эксплуатации. За

иллюминаторами висела матовая и мрачная каша эрзац-измерения, известная, хотя термин и неточен, как сверхпространство. Впечатление от его общей среды утрюмого небытия нисколько не усиливалась из-за того, что на борту годами никто не мыл окна. Воздух был загрязненным и затхлым из-за заброшенности.

— А откуда ты узнала, что Марко не умер? — спросила Кстаску Саския.

— Я не знаю, — отозвался тот. — Я просто делаю предположение.

К этому времени Кстаска двигался в авангарде, ведомый сигналами, которые он принимал по пути.

— Там кто-то есть, — предостерег он, когда они вошли в коридор.

Табита подобралась к двери и, распластавшись на стене, осторожно заглянула внутрь.

Это был капитан Пеппер. Он сидел спиной к открытой двери, положив ноги на пульт, потягивал из трубки пиво и разговаривал с маленькой коричневой сигарой во рту.

— Черт, да, — сказал он. — Конечно, я получил данные о встрече. Конечно. Координаты и все такое, конечно. Они у меня где-то тут.

Он небрежно поддел пачку бумаг носком ботинка. — Черт, мы там будем, — растягивая слова, произнес он. — Нет проблем.

Он рыгнул.

— Что вы говорите? — спросил он и какое-то время слушал голос, звучащий в его головном телефоне.

— Да, — сказал он веско, словно повторяя что-то для взволнованного слушателя, — мы заполучили “Кобольд”. Никуда он не денется. Хе-хе. И экипаж у нас. Нет, я здесь, чтобы сообщить вам, что никакого вреда мы им не причинили. Никак нет. Они сейчас нас развлекают, дают нам маленький концерт. Хе.

Пеппер вынул изо рта сигару и сплюнул на пол.

— Да, — сказал он, засовывая сигару назад. — Да, и фраска тоже. Мы должны обговорить это, Перлмуттер, мы никогда не обсуждали, что он может проснуться, об этом речи не было.

Он снова стал слушать.

— Что? А, Херувим?

Саския бросила взгляд на Кстаску, который застыл.

— Ну-у, нет, — медленно произнес Пеппер, — как я вам говорил. Я же уже сказал. Он у нас. О, он точно наш. Да, сэр. Он у нас и ходит кругами. Хе-хе. Он не может уйти.

Он неожиданно повернулся в кресле и оказался лицом к двери. Женщины едва успели вовремя отдернуть головы.

— Вы хотите, чтобы я вам рассказал подробнее? — слышали они голос Пеппера. — Он снаружи. Он ходит по орбите вокруг нас с Венеры. Херувим обречен. Он вычеркнут.

Последовала пауза. Скрипнул стул под капитаном Пеппером. Табита и Саския снова заглянули в дверь.

— Мы ничего не могли сделать, — говорил Пеппер. — Я знаю. Знаю. Я ценю это. Мы ничего не могли сделать. Черт, — прорычал он. — Послушайте. Вы можете послушать меня минуту? Кибер... Киберна... Слушайте меня, черт бы вас побрал.

Последовала еще одна пауза, на этот раз долгая. Пеппер вздохнул. Он сдвинул назад кепку и почесал голову. Пожевал свою сигару. Опорожнил трубку с пивом и небрежно огляделся в поисках места, куда бы ее бросить. Женщины снова нырнули в коридор.

— Мне надо идти, — неожиданно заявил капитан. — Слушайте, это ничего хорошего, что вы, ребята, жалуетесь на контракт. Мы никакого контракта не нарушали. Херувим спутал нам карты, но и сам себя запутал. Вот и все. — Пеппер выдохнул дым в воздухоочиститель. — Послушайте, мне надо идти.

Он еще немного послушал.

— Да, и ты тоже, зараза, — устало пробурчал он и прервал связь. Он снова рыгнул.

Беглецы слышали, как взвизгнул стул, когда Пеппер поднялся на ноги. — Боже Всемогущий, — тихо пожаловался он.

Они слышали, как он пересекает комнату, направляясь к ним.

Кстаска полетел, остальные — за ним.

Они бежали прямо вперед, за первый поворот налево, за следующий поворот направо, рывком открыли дверь, промчались вниз по сходням и скорчились, тесно прижавшись друг к другу, на крошечной лестнице, усыпанной осколками стекловолокна и апельсиновыми корками.

— Куда теперь? — спросила Саския.

— Табита подтолкнула ее: — Вниз!

Саския прыгнула на ступеньку, потом попятилась: — Нет!

Табита тоже уловила запах, перекрывавший затхлый воздух на лестнице — внезапный всепоглощающий запах, запах зверя. Это был запах обезьяны, имевшей очень интимные и длительные отношения с кошкой. Большой кошкой, с когтями и клыками.

Запах шел снизу. Он приближался.

Табита первой побежала вверх, прыгая через три ступеньки.

Снизу раздалось шлепание сандалий по ступенькам и звон слишком длинных когтей на ногах по металлу.

Забежав за угол, Табита пыталась проверить свой ручной монитор. — Здесь! Вниз! — сказала она, нажимая кнопку на грязной ободранной двери.

— Куда мы идем? — спросила Саския.

— К Элис!

— Капитан, — сказал Кстаска, который даже не запыхался. — Я должен напомнить тебе, что твой корабль бесполезен. Он обесточен.

— Мы можем воспользоваться радио, — возразила Табита, подталкивая Саскию через дверь, а потом протянула руку и легонько постучала костяшками пальцев по тарелке Херувима. — У меня есть “прикуриватели”. Где-то там, — сказала она, прыгая на трап.

LVIII

“Элис” безмолвно и одиноко лежала в вонючем отсеке среди вульгарных граффити и протекающих труб.

Все втроем они набились в кабину, Саския и Табита ступали по венерианской грязи, комков мягкой пористой растительности, осколков плексигласа, обугленных клочков бумаги и кусочков краски, сломанных инструментов, обрывков и пятен крови. Через разбитое ветровое стекло на них смотрела мрачная глыба плиты из нержавеющей стали, словно безжалостное препятствие, окруженное тенями.

Табита усадила Кстаску вместе с тарелкой и всем его хозяйством в кресло второго пилота и провела моток проводов большого сечения от тарелки к пульту коммуникатора.

— Теперь попробуй, — велела она. — Саския, а ты стой на страже.

Кстаска закрыл глаза, твердо сжал свой кршечный ротик и стал зондировать хвостом.

Они ждали. В воздухе стоял мрачный запах горелых перьев.

Ничего не произошло.

В мерцающем свете Табита оглядела обломки своего корабля и своих невероятных спутников: Херувима, скорчившегося в кресле, и встревоженного клона внизу, в проходе. Куда подевались все люди, промелькнуло у нее в голове. Казалось, она переместилась в какое-то грязное измерение-сон, где все были сумасшедшими, либо нереальными.

На пульте коммуникатора что-то сверкнуло.

Опять ничего.

Табита резко нагнулась и схватилась за провод: — Включайся же, — обругала она его. — Подожди. — И засунула руку по самое плечо в механизм, больно прижавшись щекой к подставке. Она что-то там повертела: — О'кей. Давай еще раз.

Механизм засвистел, закрипел и зажужжал. Пульт засветился сначала красным, потом — зеленым.

— А-ах! — Саския протанцевала вверх по трапу, обняла Табиту, сделала пируэт и обняла Кстаску.

— Не трогай ее! — крикнула Табита. Она показала на шлюз. — Иди и стой на вахте.

Саския поспешно вернулась на свой пост.

Табита встала. Кстаска прощупывал своими крошечными пальчиками прорези в считывающем уст-

ройстве коммуникатора. С гримасой отвращения он извлек вялый черный комок чего-то, напоминавшего плесень, и бросил на пол. Вытер руку о костюм и протянул ее Табите ладонью вверх.

— Что? — спросила Табита.

— Пленку, — ответил Кстаска.

— Какую пленку?

— Ханны.

— Ту, которую вы ей проигрывали? Но у меня ее нет.

Кстаска смотрел на нее немигающими красными глазками.

Слегка занервничав, Табита отвернулась: — Саския! Ты не видела ту пленку?

Акробатка парила у трапа — бледное, опустошенное привидение в темном корабле: — Пленку Марко? Я думала, она у тебя.

Табита снова повернулась к Херувиму, переключавшему радио на запасную станцию: — Зачем она тебе? Ты что, не можешь просто попросить помощи?

— Мы перемещаемся с сверхпространстве, — сказал Кстаска таким тоном, словно она могла этого не знать, — а Ханна находится в крионной суспензии. Интерфейс потребует дополнительной энергии, чтобы быстро провести переговоры.

— Тогда зачем звонить Ханне? — Табита уже начинала сердиться.

— Чтобы проиграть ей пленку, — сказал невозмутимый Херувим, — чтобы привести ее в действие. — Они пристально наблюдали за Табитой. — На этой пленки все основные коды управления Изобилием.

Табита взглянула на Кстаску, потом — на Саскию. Та пожала плечами. Она пожимала плечами очень красиво.

— Ты же говорила, — обратилась к ней Табита, — что это брачный призыв фрасков.

Саския снова пожала плечами.

— Коды — вторая запись на пленке, — ответил Кстаска. — После брачного призыва.

— Марко прокрутил ее только наполовину, — вспомнила Саския.

— Он решил не делать того, за что ему заплатили, — заметил Кстаска. — Разбудить фраска, но не дать ей контроля над станцией.

Табите все это было не нужно. Она хотела послать сигнал, а потом убежать и спрятаться. — Если предполагалось, что фраск должна взять на себя управление Изобилием, зачем же я везла ее на Титан?

— Марко рассчитывал, что мы сможем вытянуть еще денег из ее сообщников.

— То есть вы ее похитили.

— Удобный термин, — пробормотал Херувим, нажимая на пульте последовательность клавиш.

Табита подумала, что окольные пути большого разума Марко Метца никогда не перестанут удивлять ее.

— Ты уже готова? — спросила она. — Мы можем послать сигнал бедствия?

Херувим сказал с удивлением: — Это радио настроено на прием длинных сверхпространственных волн. Это ты сделала, капитан?

— Нет.

— Ты знала, что твое радио настроено на прием длинных сверхпространственных волн?

— Может, это получилось случайно, — предположила Саския. — Как те торпеды. — Она снова пришла из шлюза и рылась в ящике, находившемся поблизости.

Табита уже начинала беситься. — С ней много чего делали еще до того, как я ее получила, — раздраженно сказала она. — Слушай, пошли сигнал. Или иди сюда, и дай я это сделаю сама.

Казалось, Кстаска совсем не чувствует опасности. Он был полностью поглощен своим открытием: — При таком радио можно позвонить даже на Капеллу, — с восхищением сказал он.

— Давайте их сюда не припутывать...

Он повернулся и озорно улыбнулся Табите: — Можно напрямую проиграть пленку на родной системе фрасков!

— Ради Бога! — взорвалась Табита. — Нет у нас этой проклятой пленки. Она на Венере, в

кустах, вместе со всем вашим хозяйством. А теперь отойди и дай, я сама.

— Все под контролем, капитан, — спокойно сказал Кстаска, посылая сигнал.

Табита с силой выдохнула воздух. Потом повернулась и посмотрела на Саскию, теперь перерывавшую кучу использованных оберток от пищи.

— Ты, кажется, должна нести вахту! — зарычала на нее Табита.

— Я и несу, — обиженно сказала Саския и заторопилась назад, к открытой двери.

Кстаска занимался радио, Саския охраняла вход, и в этот момент Табита не могла заняться ничем полезным. Она сделала попытку продумать их следующий шаг, но на ум ничего не приходило. Если бы только она могла поговорить с Элис! Смогут ли они продержаться здесь, на борту? Или им лучше схорониться в недрах “Уродливой Истины”? Никаких признаков того, что там есть другие члены экипажа, не было. Может, они смогут даже найти какое-нибудь оружие и напасть на корабль?

— Здесь, наверное, нечего есть? — осторожно спросила Саския.

— Нет! — отрезала Табита, потом смягчилась: — Ой, подожди минуту. В ее сумке могли завалиться несколько конфет. Она стала рыться с сумке.

— Что это? — спросила Табита, вытаскивая какой-то предмет.

Это была пленка.

Она повернулась к Кстаске, а тот, свесив кончик хвоста с тарелки, стремительным движением просунул его сквозь ремни и легко и изящно выхватил пленку из руки Табиты.

— Ты знал, что она там, — заявила Табита.

— Марко положил ее туда, — ответил Кстаска, снова вытирая прорезь в считывающем устройстве. — Он всегда клал ее туда. Он никогда ничего не носил с собой. Ничего такого, что можно было бы ему инкриминировать, — добавил он, вставляя пленку.

Табита подумала, что сейчас взорвется.

Саския, по-видимому, была того же мнения. Она взбежала в вверх по трапу и крепко прижала к себе Табиту.

Кстаска обеими руками держал головной телефон второго пилота и говорил отчетливо и прямо в микрофон: — Алло, алло, Ханна Су! Прием.

Ответ последовал немедленно, словно Ханна лежала и ждала их звонка: — КСТАСКА! ЭТО ТЫ? ГДЕ ТЫ, ЛАПОЧКА?

Сигнал проходил скверно, как будто ему пришлось, извиваясь червем, пробираться сквозь сверхпространство. Голос Ханны Су звучал замедленно, а, может быть, что-то было не так с ней самой, подумала Табита. Может, она начинала разлагаться.

— Я в беде, Ханна, — жестко сказал Кстаска, повышая голос, словно думал, что Ханна глуха, а не мертва. — Ты можешь это как-нибудь уладить?

Последовала пауза.

— ТЫ СОВЕРШАЕШЬ ПРЫЖОК В СВЕРХПРОСТРАНСТВО, ЛАПОЧКА, — растягивая слова, произнесла Ханна.

— Корабль капитана Джут потерпел катастрофу, Ханна, — сказал Кстаска. — Нас захватили охотники за преступниками. Нам нужна вся помощь, какую ты нам можешь послать. И как можно быстрее. Ты можешь сказать, куда мы направляемся?

Последовала еще одна пауза, долгая, убийственно долгая.

— ЭТО МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО ОДНО МЕСТО, — сказала Ханна. — КАПИТАН ДЖУК? Я КАГДА-ТО ЗНАВАЛА НЕКОЕГО АБЕЛЯРА ДЖУКА...

— Ханна! Возьми себя в руки, прошу тебя! — скомандовал Херувим.

— Время идет, а нам надо еще прокрутить тебе пленку. Записывай ее, — сказал он и стал проигрывать пленку.

Из динамиков на пульте “Элис Лиддел” вырывался только писк на высокой ноте.

— Алло, Ханна? — громко позвал Кстаска. — Ты все записала?

В кабине все стояли и слушали.

Единственным звуком, доносившимся до них, было пение птиц.

На Лугу стояло утро.

А потом по несуществующему воздуху пронесся треск и шорох.

Он становился все громче.

Троица переглянулась: — Это не помехи, — сказал Кстаска, дотрагиваясь до ручки настройки.

— Ветер, — предположила Саския. — Ветер в ветвях.

Непохоже на ветер, подумалось Табите.

Неожиданно в кабине “Элис Лиддел” раздался громкий удар.

Что-то пролетело по воздуху у них над головами и пробило дыру в потолке.

Прежде, чем они успели пошевелиться, сверху на их головы плавно опустилась большая крепкая сеть и полностью опутала их.

— Вот так, п’блика, — промурлыкала трант Тарко.

LIX

DGK009059

NXJ. STD

ПЕЧАТЬ

? f * AE AE):: ~ay i — /rluigg'

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? OA. 13.09

ГОТОВА

— О’кей, Элис, давай все по порядку. Кто ты?

— ЭЛЕКТРОННЫЙ МОЗГ “БЕРГЕН КОБОЛЬДА”,
КОНСТРУКЦИЯ СЕРИИ 5N179476.9007

— Как тебя зовут?

— ЭЛИС.

— Каков твой корабль?

— “БЕРГЕН КОБОЛЬД” BGK009059 “ЭЛИС ЛИД-ДЕЛ”.

— Кто я?

— ТАБИТА ДЖУТ, КАПИТАН.

— Сколько пальцев?

— ДАННЫХ НЕ ИМЕЮ.

— Очень хорошо. Теперь переходим на следующий уровень. Как ты себя чувствуешь, Элис?

— Я В СМЯТЕНИИ.

— Ты знаешь, где находишься?

— ВЕНЕРА. ЗЕМЛЯ АФРОДИТЫ. 15.33 ГРАДУСОВ N, 132.08 ГРАДУСОВ E. ВЫСОТА 2.141 КМ. ПРИКОВАНА К ЗЕМЛЕ. СБОЙ.

— Держись, Элис. Новый уровень. Как ты теперь себя чувствуешь?

— СИЛЬНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ НИЖНЕЙ ЧАСТИ ФЮЗЕЛЯЖА И ШАССИ. ЛЕВОЕ КРЫЛО СМЕЩЕНО НА ТРИДУАТЬ ЧЕТЫРЕ ГРАДУСА. ВНЕШНИЙ ИМПУЛЬСНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ ЛЕВОГО БОРТА НЕ РЕАГИРУЕТ. ВНЕШНИЕ АУДИО-ВИЗУАЛЬНЫЕ УСТРОЙСТВА НЕ РЕАГИРУЮТ. ОСЕВОЙ ЗАПОР НЕ ФУНКЦИОНИРУЕТ. КАПИТАН, МНЕ КАЖЕТСЯ, Я ПЛАВЛЮСЬ.

— Правильно. Теперь взгляни на первичную систему подъема, скажи мне...

— КАПИТАН, МНЕ КАЖЕТСЯ, Я ПЛАВЛЮСЬ.

— Держись, Элис, мы тебя вытащим, если будем просто делать все по порядку.

— Я ПЛАВЛЮСЬ.

— Элис...

— ГЛАВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ НЕ РЕАГИРУЕТ. СУЖЕНИЕ ПЕРВИЧНОГО СТОКА ПЛАЗМЫ, СДВИГ ДИАПАЗОНА ОГИБАЮЩЕЙ ШЕРНЕНКОВА, РАЗРЫВ ГИРОСТОКА. РАЗРЫВ. РАЗРЫВ. ПЛАВЛЮСЬ.

— Давай же, Элис! Один из роботов уже накрывается, ты уж у меня не сдавайся.

— ДАЙ МНЕ УМЕРЕТЬ, КАПИТАН, НЕ МОГУ, Я ПЛАВЛЮСЬ.

— Я тебе не позволю.

— ОСТАВЬ МЕНЯ.

— Не глупи, как я могу это сделать, черт побери?

— Я БЕСПОЛЕЗНАЯ, СЛОМЛЕННАЯ ШТУКОВИНА. Я УПАЛА. Я ТЕБЯ ПОДВЕЛА.

— В последний раз тебе говорю, это не ты меня подвела! Я сама виновата! Если бы я вовремя поставила новый кристалл, мы бы сейчас здесь не сидели. Но мы здесь, и у нас большая беда, нам надо отсюда выбраться.

— ПАЛЕСТРИНА.

— Ну и что?

— ТУДА ПОПАДАЕТ СЛОМАННАЯ СТАРАЯ ТЕХНИКА.

— Тебе бы не захотелось туда попасть, Элис, тебе бы там не понравилось.

— НО МЫ ВЕДЬ ОДИН РАЗ ТУДА ЛЕТАЛИ, ПРАВДА?

— Если я расскажу тебе про Палестрину, пока буду снимать крышку с боковых двигателей, ты перестанешь стонать и подумаешь, что нам делать с двигателями?

— АЙ-АЙ-АЙ, КАПИТАН.

— Мы отправились туда очень рано, сразу после того, как они отменили ограничения на торговлю с Землей. У них работала какая-то экономическая система, но сбои в ней были ужасными. Поскольку им никогда не приходилось зарабатывать на жизнь, роботы мало что знали о деньгах.

И однако система была, и все охотно готовы были дать ей шанс. Мы делали поставки для Куна от Домино Вальпараисо: кое-что из их лучшей продукции: марсианские биоды из огнеупорного стекла, смальту и тому подобные вещи. Когда мы прибыли, там уже по всему астероиду пришвартовались корабли.

Это был хаос; никто не мог тронуться с места. Приходилось вставать в очередь и ждать, пока тебя разгрузят местные грузчики. Там действовало положение, запрещавшее использование роботов. А по-

сле разгрузки приходилось ждать, пока тебе заплачут. Честно говоря, все это было очень допотопным.

Я пошла посмотреть, может, кто-то знал, что вообще происходит, и в одной кантине налетела на Мьюни Вега. У нее был контракт с "Текуратом", а уж если кто и мог нажать, так это они, да только и она там уже торчала целую неделю. Мьюни оглянулась через плечо, чтобы посмотреть, не подслушивают ли ее, потом наклонилась ко мне над своим ризотто.

— Здесь был переворот, — сказала она и многозначительно кивнула.

Ты веришь в искусственный интеллект, Элис?

— Я САМА ТАКАЯ, КАПИТАН.

— Нет. Ты — электронный мозг.

— ЭЛЕКТРОННЫЙ МОЗГ — ТОЖЕ ЧЕЛОВЕК.

— Это что, шутка, Элис?

Элис!

— ПРОДОЛЖАЮ ПОИСК.

— Хорошо бы так. Здесь, похоже, все не слава Богу. Надеюсь, это не усилители.

— ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА.

— Хорошо!

Проект Палестрины был последней претензией на искусственный интеллект. На самом деле это был просто еще один электронный супермозг, Элис. Конструкция с в сотню раз усиленной логикой принятия решений, которая много о себе воображает.

Проект Палестрины считал, что он что-то из себя представляет.

Его создатели потеряли над ним контроль. Они попытались отключить его, но ничего не вышло.

Проект возбудил против них иск.

Он потащил "Тредголд Системз" в суд. И получил судебный запрет, не признававший за ними права отключать его. Он потребовал автономии. Все это ставило "Тредголд Системз" в очень неловкое положение. Палестрина, похоже, собиралась выиграть дело. Чтобы отделаться от нее, они заткнули ей рот деньгами. Они дали ей астероид.

Она назвала его в честь себя самой.

А потом она кинула клич: "Присылайте ко мне свою ржавую технику и машины, в которых что-то заело. Своих испорченных роботов и приборы, объявленные вне закона".

И они стали поступать. Отовсюду, по всей системе, они находили путь на Палестрину. Те, кто мог двигаться, приводили тех, кто не мог. Свои услуги предложили покинутые корабли, а в них пришли механизмы-роботы, чтобы запускать их назад, в пространство.

— А КАК ИМ НРАВИЛАСЬ ПАЛЕСТРИНА?

— Ну, это все было довольно ужасно, на самом деле, для всех этих маленьких газонокосилок и библиотечных матов. Все, что они когда-либо делали, — это была работа, которой они не понимали, потому что они были созданиями, способными распознавать только серии команд. Стулья, которые иногда понимали, что делают, а иногда отключались.

— ЕСЛИ БОГА НЕТ, КТО ЖЕ ТОГДА ДВИГАЕТ СКЛАДНЫЕ СТУЛЬЯ НА

ПАЛУБЕ?

— Элис! Господи, что бы я без тебя делала!

— ЕСТЬ И ДРУГИЕ КОРАБЛИ.

— Но не такие, как ты.

— А ЧТО БЫ Я ДЕЛАЛА БЕЗ ТЕБЯ, КАПИТАН?

— Создавала бы утопию. Это и была теория Палестрины. "Автопия".

— ТЫ ЖЕ ГОВОРИШЬ, У НЕЕ НИЧЕГО НЕ ВЫШЛО.

— Конечно, не вышло. Они все просто воспроизводили то, что знали. Те, что были наполовину человеческими, получили все самое лучшее. Автономные контуры управляли подчиненными механизмами — рабами, а Палестрина заправляла всем. Те, кто были для нее бесполезны — тостеры и галлюциноматы, кончали тем, что ржавели в механическом гетто. Некоторых из них она перепрограммировала, чтобы они занимались общественно-полезным трудом. В кантине были маленькие комары-роботы, они засасывали пух и разлитый кетчуп. Других она заставляла делать более замысловатые вещи.

Официальная версия была такова, что это было привлечение туристов.

Как только они решили снова пускать к себе землян, они стали строить огромную установку прямо в середине скалы. Пообещали, что она будет поражать воображение миров. Единственные новости, которые они показали, были не слишком ясными. Все, что мы увидели, были механоиды всевозможных форм и размеров, ползавшие по этой громадной стальной металлоконструкции, выполнявшие самые разные механические и электрические работы, устанавливавшие трубопроводы и узлы. Мы следили за одним роботом — похоже, он монтировал самого себя в инфраструктуру.

Некоторые считали, что это бомба. Палестрина и ее сеть секретных автоматов собирались переманить на скалу как можно больше важных и влиятельных плотоядных, а потом разнести их на мелкие кусочки. Другие верили пропаганде, что это будет парк развлечений, механизированное блаженство, прогулка с полным искусственным сенсорным стимулированием. Циники утверждали, что это будет скотобойня. Я слышала, как киберученый на каком-то "ток-шоу" доказывал, что это будет на самом деле мечеть механистов, храм принципа автоматизации.

Что бы это ни было, они, как сумасшедшие, закупали для него материалы. А потом неожиданно случилось это. Мы все были снаружи, и никто не мог попасть внутрь.

Мьюни познакомилась с водителем танкера, который клялся всеми святыми, что все это было просто групповым сумасшествием роботов. Они все спятили, потому что не смогли справиться с концепцией свободы, не говоря уже о том, чтобы ее достигнуть. Фактически, сказал он, они строили эту штуку потому, что не знали, что им еще делать.

Муни соглашалась, что это не имеет смысла, но не в этом дело, сказала она. Она настаивала, что это связано с политикой.

— Что ты получаешь при тоталитарной монархии, Дивайн Райт, и безработным, лишенным привилегий, пролетариатом?

— Шерстяной джемпер, — сказала я.

Мьюни наградила меня раздраженным взглядом.

— Ладно, сдаюсь, — сказала я. — Так что ты получаешь?

— Революцию, — ответила она.

— Ну, и что они выиграют? — спросила я.

— Свободу!

— А я думала, что за этим они сюда и явились.

— Нет, Табита, послушай: они явились сюда, потому что Палестрина ПОСУЛИЛА им свободу. Это первая стадия автоматизационной революции, и Палестрина знает об этом. Она дала роботам строить эту дурацкую штуку просто, чтобы их чем-нибудь занять. Потому что знала, что если она этого не сделает, — ее дни сочтены.

— А переворот?

— А, вот теперь мы и посмотрим, правда?

Мьюни не хотела признавать, что никакого переворота не было. Его и не могло быть, во всяком случае такого, который мы могли бы осмыслить.

Впервые в нашей жизни мы вступили в чужой мир. Мы испугались. Мьюни боялась так же, как и я. Она просто не знала об этом.

— И ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

— А ты догадайся. Прибыли эладельди.

Никому не уезжать, велели они. Все, конечно, рванулись к кораблям, но захваты уже были поставлены. По сети было просто объявлено, что сегодня офицеры-эладельди прибыли на Палестрину, чтобы наблюдать за последними стадиями строительства Проекта Палестрины, искусственного интеллекта, взявшего на себя ответственность за свое существование после исторического решения суда и т. д. и т. п.

Нам не нужна была Мьюни, чтобы понять, что все это — ложь. Эладельди прибыли для того, чтобы отключить ее. Чем бы там она ни была.

Они допросили нас всех, прежде чем отпустить, — каждого перевозчика и владельца баржи. Хотели выяснить, насколько хорошо мы осведомлены насчет установки. Видели ли мы ее? Ступали ли мы на нее?

Никто не видел и не ступал.

Меня они продержали до следующего дня. Непонятно, почему. Ну, наверное, я могла проявить большую готовность к сотрудничеству. Не то чтобы я стояла на стороне роботов, что бы там они ни затевали. Я просто не понимала, почему эладельди

должны вмешиваться. Я считала, что это не их дело, и так и сказала им.

Но гнусно себя вести они стали только тогда, когда я сказала, что, может быть, идея машины заключалась в том, чтобы поднять Палестрину до уровня капеллийцев. Я подозреваю, что именно это им и не понравилось.

Как бы там ни было, как только они отпустили последних из нас, из того места, где они находились, пошел пульс такой силы, что, должно быть, просто поджарил каждую базовую схему на этой скале. А потом прибыл еще один шаттл эладельди, кто-то сказал, что у них там был на борту капеллиеца, Брат Как-бишь-его-там с Харона. Он пошел поговорить с Палестриной; и это последнее, что мы вообще слышали.

LX

Келсо Пеппер, капитан “Уродливой Истины”, растянулся в своем расшатанном кресле и ухмыльнулся двум женщинам.

— Что ты там собиралась делать, Джут? Улететь и оставить нас в этой развалине? Ты считаешь, твой маленький хвостатый дружок смог бы тебе это устроить?

Трант Тарко махнула собственным хвостом и негромко зарычала, оценив остроумие своего хозяина.

— Не знаю, Келсо, — сказала Табита. — А ты как считаешь?

Он не обратил внимания на провокацию. Он мог себе это позволить. Табита и Саския стояли, беспомощные, в сетке из крепкого нервущегося провода.

— Что вы с ней сделали? — воскликнула Саския.

Капитан Пеппер поднял свои белые брови. — Это она? Эта штука? Что это, путешествующая компания куриц?

— Где она? — вырываясь, резко спросила Саския.

Тарко предостерегающе зарычала и ударила ее по ноге своей когтистой лапой.

— У-у! — Саския, отпрянув, чуть не сбила их обеих с ног.

— А вы решительная команда, девочки, надо отдать вам должное, — сказал капитан Пеппер.

— Тебе придется еще не раз отдать нам должное, прежде чем все это кончится, — пообещала Табита.

Голубые глазки капитана Пеппера загорелись: — Ого, может быть, деточка, — весело сказал он. Затем откинулся в кресле и обвел взглядом свой вонючий мостик, словно его вульгарные украшения были памятниками прошлого, которые он бережно хранил в памяти. — Я бы на это пошел, — задумчиво произнес он, прищулив глаза и исподлобья глядя на них обеих, выдвинув вперед рыжую челюсть с выражением самодовольства.

Тарко сунула свою тупую морду прямо в лицо Табиты. Табита отпрянула от волны зловонного дыхания.

— Ск'жи тольк' слов', кап'тан, — насмешливо проговорила Тарко. — Ск'жи тольк' слов', и мы в'бросим всех'х за б'рт, а?

— Нет, Тарко, — сказал капитан, — этого делать не надо.

Но, похоже, ему доставляло удовольствие прикидывать, что он может сделать; что позволял ему контракт с его нанимателями. Он поскреб пузо под комбинезоном.

Табита оглядела мостик. Здесь не было никаких следов ни фраска, ни Кстаски, которого Тарко бросила, когда тащила их с борта Элис.

Она искала глазами любую возможность, любой шанс, каким бы слабым он ни был. Но здесь не было ничего, кроме отбросов и угрозы. Близости Тарко, ее всепоглощающего запаха было достаточно для того, чтобы потерять сознание. Мозги Табиты отказывались служить, и она стояла с поникшей головой.

Она чувствовала, как Саския потихоньку разминает мускулы, ритмично работая в переплетении сети. Табите отчаянно хотелось, чтобы она перестала; все, чего она добилась, — это того, что ссадины Табиты стали саднить еще больше. Она прикусила язык и закрыла глаза, стараясь раскочиваться так,

чтобы Саския не слишком натягивала сетку. Она уже видела, как Саския проделывала удивительные фокусы. Может, она знала древние секреты умения бежать из плена, и могла освободить себя и свою невольную сообщницу из тугой сети на глазах злобной убийцы трантши и деревенщины-психопата.

Табита сомневалась в этом.

Она подумала о их последней надежде: двусмысленной программе на инопланетном языке, переданной страдающему маразмом труп, находящемуся в нескольких миллионах километров отсюда, в реальном пространстве. Если бы я была богатой мертвой предпринимательницей, подумала она, менеджером конченной трупы вроде "Контрабанды", и кто-то подкинул бы мне коды стоимостью в несколько миллиардов скутари — как бы я поступила?

Шнур сети врезался ей в тело, и Саския уже в сотый раз ударилась о нее ребрами, а Табита старалась поверить в то, что Саския и Кстаска были правы насчет Ханны Су, а логика, вероятность и здравый смысл — ошибались.

Капитан Пеппер снял кепочку и провел рукой по редким белесым волосам. Потом снова надел кепку. Он тяжело дышал носом.

Пеппер раздумчиво оглядел своих пленниц, переводя глаза с Саскии на Табиту и назад.

Капитан наклонил голову набок: — Тарк, — прорычал он с придыханием, — освободи ее.

Лапа Тарко больно стиснула плечо Табиты.

— Нет, — сказал капитан Пеппер. На его толстой шее, как шнуры, под шероховатой кожей выступили вены. — Другую. Тощую.

Трантша нагнулась и ослабила сеть вокруг их лодыжек, потом подняла ее. Руки Табиты освободились. Она крепко прижала к себе Саскию. С трудом Тарко грубо оторвала от нее Саскию, вытащила ее из сети, держа одной рукой, в то время, как другой она снова опутала сетью Табиту.

Саския возвышалась над капитаном Пеппером. Он протянул руку вверх и дотронулся до ссадины на ее щеке, так, словно она его завораживала.

— Ты худенькая, — пробормотал он. — Раздевайся.

Саския раздраженно вздохнула.

Тарко тут же дотронулась до другой ее щеки когтем, вдавив его в ее кожу.

— Д'вай, — сказала она.

— Хорошо, — сердито сказала Саския. Она снова выдохнула, откинула с глаз волосы и потерла плечи в тех местах, где в них врезалась сетка. Она повернула голову и бросила измученный взгляд на Табиту, стоявшую в метре от нее.

— Они все одинаковы, Саския, — сказала Табита, стараясь, чтобы ее голос звучал презрительно.

Тарко с рычанием сделала шаг вперед и с силой ударила Табиту в висок, сбив ее с ног.

Саския закричала: — Оставь ее!

Раздался звук второго удара.

Неловко подставив руки за спиной, Табита поднялась на четвереньки, не желая лежать, пока они издевались над Саскией.

Саския съежилась, откидываясь назад от Тарко как можно дальше и одновременно одной рукой стягивая жакет через голову и испуганно оглядываясь назад, на Табиту, потом высвободила волосы и руки из рукавов.

Капитан Пеппер наблюдал за происходящим с неподвижной улыбкой на губах.

Сцену прервало низкое жужжание, раздавшееся сзади.

Это отвлекло внимание Пеппера, и он посмотрел в сторону, мимо Саскии и Табиты.

— Эй, Шин, — позвал он. — Ну, как ты?

Ответ был недовольным и нечетким.

Жужжание стало громче, и рядом с Саскией появился большой черный робот. Нога у него была задрана назад. Он нес перед собой Кстаску в силовом пузыре, а его хвост и тарелку — во второй паре рук.

Саския выкрикнула: — Саския!

Робот подковылял к ней и остановился. Его дымящийся купол был окутан голубым огнем. Он держал Херувима в воздухе рядом с головой Саскии, чтобы дать капитану Пепперу рассмотреть его.

Кстаска висел неподвижно и ни на что не реагировал. Саския протянула руку, чтобы дотронуться до него, но трантша грубо оттолкнула ее руки.

— Что вы с ней сделали?

Появился потрепанный китаец, неся свой пульт управления. Он стоял чуть на расстоянии, с ледяной злобой глядя на женщин, на голове его была серая повязка.

— Пари держу, это больно, — задумчиво сказал Пеппер, почесывая бровь. — Что у тебя там?

— А, посмотри! — сказал китаец. И нажал клавиши.

На невидимой коже вокруг Кстаски заиграли стуски янтарного цвета цифр.

Его глаза все еще были закрыты, но он открыл свой маленький ротик и закричал от боли.

Капитан Пеппер коротко хохотнул: — Какого дьявола...

Саския взвизгнула и снова рванулась к Кстаске. Тарко налетела на нее и бросила ее на палубу.

— Эй, — мягко возразил Пеппер, но не сделал попытки остановить ее.

Табита невольно рванулась вперед и снова чуть не упала. Она выпрямилась, ругаясь про себя, и стала рассматривать Пеппера.

Его глаза были теперь устремлены на его настоящего противника — главного объекта его злости. Этот уродливый маленький пискун вырубил весь его корабль, вернулся из мертвых, когда его уже вычеркнули из списков, вломился внутрь, когда его никто не видел, испортил ему робота, чуть не убил Шина и выпустил женщин.

А теперь вот он — висит в воздухе перед ним, взвизгивая, как поросенок, каждый раз, когда Шин нажимал очередную пару клавиш.

— Дай-ка это мне, — сказал капитан Пеппер роботу. Он лениво потянулся и вырвал хвост Кстаски из рук машины. Положил его поперек колен и посмотрел на него с самодовольной торжествующей улыбкой.

А Шин тем временем развлекался до такой степени, что кудахтал про себя по-китайски. Что-то в сложных нервных схемах черного лакированного

ребенка делало его уязвимым перед острым лезвием его анализатора. Оно чувствовало острые, как зубья пилы, зондирующие волны, врезавшиеся в Херувима так, как ничто материальное не могло вонзиться. Диагностические схемы нагрева яростно бегали по его невидимой коже, как вспышки огня, и он дергался и взывал, испуская серебристую жидкость, стекавшую по его замерзшему защитному костюму.

Саския стонала и плакала, кричала, боролась с Тарко, прилагавшей все усилия, чтобы не оторвать этой шумливой женщине голову одним движением когтистых лап.

— Останови его, Пеппер! — изо всех сил выкрикнула Табита. — Он же его убивает!

Трантша обратила свое внимание на Табиту, обнажила клыки и расправила свои огромные плечи.

Но это дошло.

Капитан Пеппер вышел из транса. Без единого слова он выхватил клавиатуру у Шина, нахмурившись, посмотрел на нее и ударил по какой-то клавише.

Шин тревожно вскрикнул.

Робот затрясся, словно что-то мощное ударило его в грудь. Его голова вспыхнула льдисто-голубой молнией. Он выключил пузырь.

Последняя вспышка графического огня пробежала по искаженным чертам лица Кстаски, и он упал на палубу.

Он ударился и лежал очень тихо. Без своего хвоста и тарелки, в любом поле гравитации он был так же беспомощен физически, как и любой безногий ребенок.

А потом Херувим пошевелился.

Он шлепал своими маленькими ручками по полу. Он пытался уползти прочь.

Капитан Пеппер быстро опомнился. — Вот она, слава, — сказал он, глядя на Херувима со своей сияющей и все же сумеречной усмешкой. Он откинулся назад, распространяя свое щедрое благоволение и на Табиту с Саскией. — А в общем-то много что надо, чтобы вывести из строя этих маленьких штучек, а? И ведь какие крохи. Черт, да он не больше младенца.

Кстаска заговорил: — Размер рассчитывался в обратной пропорции к производительности, — сказал он рассеянно.

Трантша издала горловой звук, что могло означать и веселье, и страх.

Капитан Пеппер чувствовал себя не в своей тарелке. Он заерзал в кресле: — Тарк, — прошептал он. — Заткни его.

Трантша зарычала, на сей раз с явным удовольствием. Потом наклонилась, закинула голову Кстаски и с силой хлопнула его лапой по рту.

Саския тут же бросилась на нее и повисла на ее предплечье, пиная трантшу ногами и колотя по почкам.

Тарко злобно отпихнула ее рукой. Сквозь капюшон защитного костюма Кстаски она вонзила когти в его щеки и сжала их.

Затем подняла Херувима за голову, настороженно изучая его. По его телу прошла короткая судорога, и он снова потерял сознание. — Т'раньше ник'гда н'видел этих шт'к, кап'тан?

Клитан Пеппер был весь в поту: — Нет, Тарко, не могу сказать, что раньше имел это удовольствие.

— У н'го мет'лич'ская шкура, — задумчиво сказала Тарко. Она наклонила свою хищную голову ниже, ее темные ноздри раздувались.

Вдруг капитан Пеппер понял, что все еще держит в руках клавиатуру и хвост. Он протянул их Шину: — Унеси это, — сказал он. — Отнеси вон туда. — Он показала на гнездо Шина из подушек.

Шин поклонился. Взял клавиатуру и реактивировал робота. Тот зажужжал, заискрил, зашатался, потом выдул новый невидимый пузырь рукой и поместил туда Херувима. Робот и его хозяин немного отошли в сторону.

— Мы ведь тут развлекались, — вспомнил капитан Пеппер. Его ясные голубые глаза искали Саскию.

Тарко вытащила ее вперед.

— Давай дальше, лапочка, — сказал капитан Пеппер. Его голос был нежным, как ласка.

Табита выпрямилась.

— Оставь ее в покое, Пеппер, — сказала она.

Все уставились на нее.

— Она здесь ни при чем, — сказала Табита. — Вам ведь нужна я.

Капитан Пеппер перевел взгляд с одной женщины на другую. Он явно забавлялся: — Ну, надо же, как мило, — сказал он, — как это приятно. — Он обернулся, чтобы посмотреть на дисплей пульта, и повысил голос. — Не волнуйся, принцесса, — сказал он Табите. — У нас будет время на вас обеих, прежде чем мы доберемся до нужного человека.

Он откинулся в кресле и поскреб грудь.

— Человека с большой синей собакой.

LXI

С каким удовлетворением я написала бы, что перед тем, как “Уродливая Истина” совершила обратный прыжок в нормальное пространство, нашим изобретательным героиням удалось еще раз обвести вокруг пальца своих мучителей и совершить новый хитрый побег.

Увы, этого не случилось. И даже я, при всей неограниченности моего рассказа во времени и пространстве, свободе препологать, какие тени проплывают через незыблемый регион живого разума, — даже я связана истиной. И если бы я прегрешила против истины хотя бы в сущем пустяке, пусть даже для нашего общего удовольствия наблюдать, как доблесть побеждает насилие, стали бы вы верить любой другой подробности моего рассказа? Нет, нет, я не должна уклоняться от истины. Кроме того, это не заложено в моем характере. У меня нет “воображения”, какое есть у вас, нет способности “фантазировать”. Приятной или нет, истины должно быть достаточно. А истина состоит в том, что гнусные прихоти капитана Пеппера были удовлетворены довольно быстро, хотя от этого и не стали более приятными, после чего Саскию и Табиту вернули со всей их одеждой и пожитками, но без Херувима Кстаски, в ту же мрачную маленькую камеру, где им предстояло оставаться надежно заключенными, лишенными сво-

боды и беспомощными до тех пор, пока “Уродливая Истина”, выйдя из серого небытия между измерениями, явится на роковое randevu с “Фарфоровой Цитаделью в Первых Лучах Солнца”.

Табите в свое время довелось побывать на довольно больших судах или рядом с таковыми. Будучи юным помощником капитана на “Жирном рте”, она фильтровала глубокие пасти мусорных ям на “Большом Мриттсваре”, восхищаясь издалека волшебными наклонными контрфорсами, тремя прозрачными террасами, каждая — со своим микроклиматом. Меньше чем через год, говоря условно, она со знанием дела проводила шаттл между нависающими трубами “Бегемота”, этого чудовищного каприза Батшебы Тредголда, носившего по всей системе собственный завод по переработке прецентиума и по своим размерам замечательного в собственной нелогичности его массы. Как-то на своем корабле “Элис Лиддел” Табита даже стружала таинственный груз на капеллийский системный корабль — одно из стройных золотых судов, молчаливо скользивших по темным пространствам ночи и стоявших на страже субъектов империи, толпами наводнивших свои маленькие миры.

И все же Табита Джут никогда не видела ничего более грандиозного, чем “Фарфоровая Цитадель в Первых Лучах Солнца”.

Освобожденные от пут и подталкиваемые к приемному отсеку обрезом трантши Тарко, Табита и Саския, спотыкаясь, прошли мимо останков “Элис Лиддел” и увидели, что двери отсека открыты.

В отсеке собрались все: Капитан Пеппер, Шин и робот, державший в руках Кстаску; а теперь подошли Тарко, Саския и Табита Джут.

Они должны были бы умирать.

Они должны были бы гореть и замерзать и разрываться, и вакуум пространства должен был бы забирать весь воздух из их легких.

Но этого не произошло. Они стояли в теплом золотом сиянии, поразительно похожим на земной солнечный свет. И был воздух, внутри и снаружи. Неужели они приземлились? А если так, то где?

Тарко негромко заворчала и подтолкнула их вперед, к самому краю.

Они посмотрите вниз.

Прямо под кораблем, далеко, далеко внизу, лежал город. Это была изящная конфигурация стройных башен и стеклянных зданий, расположенных древними ярусами. По его виадукам, как жучки, сновали, разноцветные автомобили, с высоты казавшиеся движущимися драгоценностями. Похоже, там было большое количество техники, подъемных кранов со стрелами, порталов и сходней, но более подробно рассмотреть что-либо было трудно из-за дымки золотого света, наполнявшего равнину в него пустоту.

Табита оттащила Саскию от порога.

Шин послал вперед робота.

Тот подошел, сделав всего два лязгающих шага, и протянул металлический сверток женщинам.

Саския тупо взяла его. Прижала к своей груди, словно ребенка.

Табита посмотрела на него.

— У тебя неприятности, — коротко сказала она. Она не смотрела на остальных, меньше всего — на капитана Пеппера.

Он стоял, опираясь одной рукой на измятый корпус “Элис Лиддел”, и курил сигару. Табита заметила, что останки ее корабля были установлены на рельсы, словно для разгрузки.

Пеппер сдвинул назад свою кепочку.

— Прекрасно, — объявил он.

Шин наблюдал за ними, сложив руки. Все молчали.

— Ну, — сказал Пеппер, — думаю, пора прощаться.

Табита не стала оглядываться, чтобы увидеть, как ухмыляется, опираясь на погубленный им корабль.

Капитан напутствовал их: — А теперь поосторожней!

Тарко неожиданно зарычала и грубо пихнула их своим оружием, вытолкнув за борт.

Табита закричала и прижала к себе Саскию одной рукой, другой держась за сумку. Саския пронзительно взвизгнула и обхватила Кстаску. Все вместе они потеряли равновесие, заскользили и вывалились из “Уродливой Истины” в космос.

А там, коалесцируя сквозь вакуум, как многокилометровый прожектор, их подхватили и окутали золотые лучи захвата "Фарфоровой Цитадели", развернули вокруг них свою атмосферу и повлекли к находившейся внизу палубе ногами вперед мягко, как пух.

Это было как падение во сне, которое не могло причинить никакого вреда. Пока они спускались, медленно и ровно, на огромных парашютах из света, ни один волосок не шевельнулся у них на голове.

— Что это? — воскликнула Саския, крепко прижимаясь к Табите. — Где мы?

Табита посмотрела вниз, на неясно мерцающий залив внизу, и у нее перехватило дыхание.

Это был пейзаж Утопии, созданный каким-нибудь небесным инженером: город, мягко мерцавший, как хрустальная корона, возведенный на мелком овальном подносе из белого металла. Но это был не город, не платформа и даже не планета.

Густой свет смягчал все линии и делал расплывчатыми все детали, но все равно создавалось впечатление архитектуры поразительного размаха и смелости; величия просто необъятного. По обе стороны овала, распростершись далеко за пределы видимости, располагались широкие белые крылья, скошенные вперед и назад, достигающие высоты башен и даже возвышавшие над ними. Впереди (потому что сейчас стало ясно, драматически ясно, что это было сооружение, созданное для передвижения, — огромный корабль, по сравнению с которым даже неуклюжие громады зиккуратов эладельди казались карликами) поднималась белая палуба, мягко закругляясь, как шея огромной птицы, в сторону носа, которого не было видно. Корма его простиралась далеко в темноту, заслоня холодный свет галактики.

Табита заговорила, понизив голос, как человек, впервые ступивший под сень великого кафедрального собора.

— Это звездный корабль, — сказала она.

Так оно и было. Это была "Фарфоровая Цитадель в Первых Лучах Солнца", и приближаясь к ней вот так, неожиданно, они увидели ее во всем величии, которое и предполагало ее название. Капсулы и ромбы зеленого и желтого цвета поблескивали на

се белых палубах, как засахаренные фрукты, рассыпанные на скатерти. Каждая была размером с "Анаконду", становившуюся все меньше над их головами. Выпуклости, напоминавшие шляпки грибов, оказались ротондами, куполами обсерваторий и орудийными башнями. А переплетения нитей, похожие на легкий газ, которые только-только становились видимыми невооруженным глазом, были монорельсами и трубопроводами, артериями энергии и коммуникаций.

Саския крепко прижимала бесчувственное тело Херувима к своему плечу.

— Он капеллийский?

— Капеллийский.

Саския выскользнула из объятий Табиты, оттолкнулась свободной рукой и головой вперед поплыла в сторону, изящная, как ныряльщик. Она выглянула вниз, на открытое пространство между огромной техникой. Казалось, именно туда они и направляются. Там собрались какие-то фигурки, маленькие, как клещи.

— Смотри, — Саския повела рукой, указывая вперед.

Табите тем временем удалось пристроиться в неловкую позу, словно она собиралась скользить в воздухе на спине, опираясь на руки и ноги. Она пыталась сесть, глядя вниз между ногами.

Они все еще находились на высоте, вдвое превышавшей высоту зданий. Машины подмигивали им мягко сиявшими стеклянными глазами. Это были прожекторы того луча, по которому спускались Табита и Саския. Крохотные человечки, собравшиеся на арене между прожекторами, ждали, чтобы принять их. Когда они спустились на высоту крыш, Табита увидела, что все фигуры — синие; одинаково синие.

— Эладельди, — сказала Саския, признавая неизбежное.

Если это и была Утопия, то не для них.

Саския сжала Кстаску обеими руками и стала кататься в луче, словно в надежде поплыть против течения. Ее волосы плавали вокруг ее головы, как ореол из белых водорослей. Ее глаза широко

раскрылись от удивления, и она ахнула, пристально глядя в дымку, витавшую над ними.

Табита оглянулась. Всего в двадцати метрах над ними висел большой закругленный предмет; ныряя и покачиваясь, как полуспущенный воздушный шар, он следовал за ними вниз.

Это была Элис. Капитан Пеппер доставлял и ее, как обещал. Под ней и рядом с ней висел темный, изогнутый силуэт, сопровождая ее в неуклюжем спуске.

Теперь женщины и Херувим падали в широкий каньон из блестящего стекла, мельком отмечая офисы, комнаты управления, мастерские, балконы, где разные фигурки: эладельди, веспане, роботы — отрывались от дел, чтобы поглазеть, как они проплывают мимо.

Палуба поднялась вверх, чтобы встретить их. Там был силовой пузырь, чтобы смягчить их падение и падение закругленного предмета, прибывшего секундой позже, свалившись с ослепительного света. Он слегка ударился, упав рядом с ними и остался лежать.

Эладельди накинулись на него. Это была фраск, все еще в коматозном состоянии, свернувшаяся внутри силового пузыря, как огромный ветвистый эмбрион. Рядом с ней в пузыре находилась тарелка Кстаски и ее хвост. Капитан Пеппер, по-видимому, выбросил все это вслед за ними.

А Элис все еще падала.

Табита сошла с невидимой поверхности подушки, пытаясь растолкать хватавших ее эладельди. Она закричала на Саскию, которая, несмотря на свою подвижность, все еще лежала в пузыре на спине, извиваясь под грудой из шести слюнявых эладельди, лягая их морды и головы и стараясь удержать в руках бесчувственное тело Херувима.

— Прочь с дороги! — закричала Табита.

С неожиданным приливом энергии, удивившим ее саму, Табита бросилась между двумя эладельди, вырвалась из цеплявшихся за нее лап и нырнула дальше, через палубу, глухо ударившись плечом в низком поле гравитации и невольно отлетев на полтора метра по нержавеющей стали. В конце концов, она растянулась на спине, извиваясь и

лихорадочно вглядываясь в переплтение синих тел в поисках своих спутниц, которых не было видно, и прикрыв лицо рукой, как щитом, защищаясь от падавшей “Элис Лиддел”.

А Элис зависла в семидесяти метрах вверху от палубы, слегка покачиваясь в утолщенном поле захвата.

Поддюжины грубых лап схватили Табиту и подняли на ноги: — Саския! — крикнула она и закашлялась. — Саския! — Табита пыталась лягаться, бороться, но не могла пошевелиться. Ее грудь сжало спазмом. Они старались добраться до ее головы. Табита отдернула голову. — Саския!

Они стояли в центре серебристой арены, и со всех сторон на них смотрели стеклянные башни. Высоко вверху находилась сама “Уродливая Истина”, казавшаяся зеленой пылинкой в золотом сиянии; она выходила на парковочную орбиту рядом с “Цитаделью”. По-видимому, ни капитан Пеппер, ни его экипаж вовсе не горели желанием лично пообщаться со своими нанимателями.

А внизу взад-вперед сновали капитаны с собачьими мордами в головных телефонах, размахивая своим оружием и крича. Две технические команды возились с огромными пультами управления лучевых прожекторов, координируя трудные заключительные метры последней посадки “Элис Лиддел”.

Под тенью медленно опускавшихся обломков корабля Табита увидела Саскию, ее тоже схватили, но она еще пыталась пинаться одной ногой, в то время, как трое солдат рысью уносили прочь крошечное черное тельце, а за ними следовала группа, тащившая неподвижное тело фраска.

Табита поникла; потом, когда они подхватили ее, она пыталась ударить подъемом, толкнуть локтем. Все было бесполезно. Ее удержали силой. Она снова крикнула Саскии — и волосатая лапа зажала ей рот. Табита с трудом чуть откинула голову, отчаянно ища глаза путь к бегству.

Пути не было.

Теперь золотой свет угасал, одеяло атмосферы сворачивалось вокруг них по мере того, как лучи прожекторов опускали мертвый корабль на палубу.

Эладельди, хлопая ушами и тяжело дыша, быстро уводили женщин. Под ногами они чувствовали гудение двигателей непостижимой мощности, достаточной для того, чтобы сломать мнимый барьер, воздвигнутый Капеллой за орбитой Плутона, стену вне миров.

И все это принадлежало, как и власть, создателям этой унижительной и произвольной стены.

Саскию и Табиту провели по большой дороге между краями элегантных балконов. Элис с шепотом и легким ветерком плыла над ними, несомая грузовым роботом. Они быстро поровнялись с процессией, несшей Кстаску и фраска, и вместе с ними исчезли в металлических недрах корабля, спустившись по огромным сходям.

Когда Табита и Саския последовали за ними, Табита, проходя, посмотрела вверх. Между распростертыми белыми крыльями надстройки спокойно двигалось по орбите нечто, напоминавшее блестящего зеленого жука.

Капитан Пеппер стоял у своего широкого причала.

Под палубами воздух был насыщеннее, чище и вообще был больше похож на воздух. В коридорах тихо играл клавесин. Из прекрасных керамических горшков свешивалась густая зелень, пионы и флоксы.

Табиту и Саскию провели по длинному холлу, блестящему зеркальной плиткой. Музыка следовала за ними.

Табита сделала попытку сбросить лапу, слишком крепко ухватившую ее за затылок.

— Куда вы нас ведете? — спросила она.

Капитан стражи продолжал смотреть только вперед. — К кибернатору Перлмуттеру, — ответил он знакомым скрипучим голосом.

Они прошли через высокую галерею над колодезцем, где эладельди в прозрачных комбинезонах трудились у гигантского светового миража, прокладывая путь огромного корабля сквозь межпланетное пространство.

— Что вы сделали с остальными?

Капитан охраны продолжал смотреть только вперед. В этот раз ответа не последовало.

Все было чистым и сияющим, очень безликим, но сделано с большим вкусом. Табите все это было противно. Она испытывала какое-то злобное удовольствие от их грязной одежды и немытых тел. Она надеялась, что из-за них все это место выглядит неряшливым.

Мимо прошествовал эладельди в ярко-красной униформе и отделанном галуном серебристом нагруднике, с выбритой надо лбом головой. Его глаза на мгновение с отвращением остановились на пленниках. Капитан остановился, и все отдали честь.

— Что вы сделали с моим кораблем? — резко спросила Табита.

А потом они повернули в огромную арку входной двери и стали поспешно спускаться по сходням в походий на пещеру холл. И тогда Табита увидела его.

Останки “Элис Лиддел” лежали на помосте, под яркими лампами, в окружении большой группы механиков эладельди и самого различного оборудования, электроники и инструментов. Некоторые механики стояли внутри искореженного корпуса, в том месте, где когда-то был трюм, шаря по нему полярным мезоскопом. Еще двое находились в кабине, склонившись над пультом.

Снаружи, глядя на механиков сквозь разбитое ветровое стекло и держась на почтительном расстоянии, парили трое инопланетян.

Никто из этой троицы не касался пола.

Кстаска сидел на своей тарелке, его хвост был подключен к ней. Похоже, он все еще был без сознания.

Так же, как и фраск. Ее выпустили из пузыря и развернули; она просто висела в воздухе, словно подвешенная за плечи невидимыми струнами. Висела совершенно неподвижно.

Третья фигура была в сознании и явно руководила операциями. Она была весьма похожа на человека. То есть фактически это была точная копия человека, если бы человек мог достигать трехметрового роста.

Начиная от шеи он был хорошо сложен и хорошо упитан. А лишний рост ему добавляла голова. Она была огромной, яйцевидной и совершен-

но лысой. Вокруг его колоссального лба крутилось серебряное кольцо. Сзади над его шеей, как спинка стула, вздымался жесткий голубой воротник.

На нем была белая тога, темно-синяя накидка и антигравитационные сандалии. Его руки и ноги были голыми и очень белыми, кисти и ступни — крупными и пухлыми. Его пальцы были унизаны толстыми кольцами. Теперь, когда механики-зладельди вышли из кабины Элис, он протянул руку и что-то дал инспектору. Тот передал эту вещь стюарду. Они передавали из рук в руки тонкую серую пластину, только что извлеченную механиком из обломков компьютера Элис.

— Что это? — спросила Саския Табиту.

— Электронный мозг, — коротко ответила Табита.

Они остановились на повороте лестница, наблюдая из-за низкой стены разыгрывавшуюся перед ними сцену.

— Это он? — спросил стюарда кибернатор Перлмуттер. Его голос был медлительным, сильным и ясным. Он отчетливо доносился до пленниц через холл.

— Да, сэр, — быстро ответил стюард.

Кибернатор взвесил пластину на своей широкой ладони.

Потом обернулся и поплыл в направлении Кстаски.

Засуетились зладельди-медики, пытаясь выпрямить Херувима и повернуть его лицом к кибернатору. Тот взмахом руки отстранил их.

— Ну, давай, просыпайся, — сказал он. — Херувим.

Кибернатор остановился перед тарелкой, находившейся на уровне его груди. Он протянул руку и поместил на нее тарелку.

— Ты можешь это сделать, — сказал он. И стал перебирать свои кольца.

Впервые с тех пор, как трантша вышвырнула его с палубы “Уродливой Истины”, Херувим пошевелился. Он поднял голову. Он выглядел больным; это было видно даже с такого расстояния. Его глаза погасли.

— Запусти его, — сказал капеллиец.

Кстаска смотрел ему в лицо. И не двигался.

Капеллиец слегка согнул один палец.

Кстаска передернулся, от его защитного костюма отскакивали лучики прожекторов. Табита услышала, как Саския резко и судорожно вздохнула, когда Херувим закричал, пронзительно и на высокой ноте, так же, как кричал, когда его пытал Шин. Он извивался и дергался, а его тарелка подпрыгивала, как рыбацья лодка при неожиданном приливе. Он вытащил хвост и размахивал им из стороны в сторону, выкрикивая что-то нечленораздельное.

Кибернатор Перлмуттер снова притронулся к своему кольцу.

Маленькие плечи херувима поникли: — ... не... знаю, — выдохнул он.

— У тебя здесь есть все, что нужно, — перебил Перлмуттер, постучав по тарелке тупым квадратным кончиком пальца.

Саския схватила Табиту за руку. — Чего он хочет? — с негодованием прошептала она.

Но Табита знала не больше ее.

Кстаска с трудом протянул вниз свои маленькие ручки и положил перед собой плату на тарелке. Затем, бросив возмущенный взгляд на капеллийца, вставил хвост в тарелку.

Последовала моментальная пауза.

Они почти слышали, как Херувим ведет поиск в памяти.

Потом он вытащил хвост и быстро поставил его перед собой, резко опустив его на плату и что-то царапая на ней.

Что-то громко щелкнуло, словно повернулся хорошо смазанный замок.

Среди служащих раздались громкие вздохи и шепот. Они закивали головами и стали похлопывать друг друга.

Капеллиец посмотрел на фраска, и на его большом плоском лице промелькнуло отвращение. — Это то, что надо? — спросил он у нее.

Фраск не ответила.

— Спасибо, — повторил капеллиец, когда потрескивание прекратилось, — ваше величество, — прибавил он тоном, подтверждавшим ее обвинения.

Они вставили для него электронный мозг в считывающее устройство. Кибернатор подозрительно дотронулся до него белым пальцем.

— Как ты его запускаешь? — спросил он у Кстаски.

Голова Херувима уже снова упала на грудь. Перлмуттер досадливо поцокал языком и быстро подал знак медикам, поспешно выскочившим вперед.

И тут заговорила Табита: — Ее имя, — сказала она, — Элис.

Эладельди все обернулись, чтобы посмотреть на нее; капеллиец — тоже. Его огромная гладкая голова возвышалась над мохнатыми мордами.

Его глаза встретили взгляд Табиты.

— Идите сюда, — сказал он.

LXII

— А ЭТО еще кто?

Кибернатор парил над ней, в его глазах было презрение. Табита, разглядывая него, растянула шейную мышцу.

— Табита Джут, — ответила она. — Этот корабль перед вами — мой.

Он отвернулся от нее с медлительным раздражением великого человека, получившего отпор от субъекта, стоявшего слишком низко, чтобы его понять. — Что она говорит? — спросил он у стюарда.

— Это вла-делец, Ки-бер-натор, — ответил стюард.

Похоже, услышанное не произвело на капеллийца особого впечатления. — Вы, — сообщил он ей, — владеете запрещенным электронным мозгом для корабля.

— Да что вы? — с издевкой спросила Табита. — А я думала, это вы им владеете.

Казалось, это его позабавило: — В самом деле, — сдался он, указав на считывающее устройство

едва заметным движением пальца и улыбнувшись самой сухой улыбкой.

Кстаска, окруженный медиками, чуть приподнял голову: — Она... не... знает, — слабым голосом произнес он.

— О, приветствую, мы проснулись, не так ли? — ядовито заметил капеллиец. — Послушать тебя, так все пребывают в полном неведении.

— Что значит “запрещенный”? — громко спросила Табита.

— Нелегально перепрограммированный, — ответил кибернатор Прелмуттер. — Серафимами. Они дали ему возможность управлять запрещенным устройством, изготовленным...

Он задумчиво посмотрел на облачко пепла, висевшее в том месте, где была Королева Фрасков, словно уже забыл, что уничтожил ее. Что-то вспомнив, он взглянул на свои кольца, потом на Табиту.

И раскрыл глаза очень широко, как сова: — Так ни о чем нам и не говорит, не так ли? — резко спросил он.

Табита засунула руки в карманы. — Не понимаю, о чем вы, — сказала она.

Он погладил кольцо, и все ее нервы словно охватило пламя.

Она откинула голову и пронзительно вскрикнула.

— Не понимаю, ублюдок!

Стюард Перлмуттера теребил его за тогу и что-то настойчиво и почтительно шептал ему. — О, прекрасно, — нетерпеливо произнес Перлмуттер, и пламя тут же исчезло, словно его никогда и не было. — Это просто колоссальная трата времени, — очень сердито сказал он стюарду. Стюард понурил голову, уши его обвисли.

Табита стояла, потирая руки. В них покалывало.

— Поговори с ним, — велел ей капеллиец, повелительно указав пальцем на считывающее устройство.

Табита подошла к нему, не обращая внимания на техников, назойливо суетившихся вокруг. Такого устройства она никогда не видела, но лампочка режима горела.

Она положила руки на верхний край машины. Он был теплым. — Элис! — сказала она. — Ты меня слышишь?

— ПРИВЕТ, КАПИТАН, — отозвалась Элис.

Облегчение затопило Табиту. Она закрыла глаза и позволила своей голове опуститься на грудь.

— С тобой там все в порядке? — спросила она.

Последовала короткая пауза. — ЗДЕСЬ ВСЕ НЕМНОГО СЖАТО, — с сомнением сказал голос.

Кибернатор Перлмуттер величественно махнул рукой: — О, продолжай дальше, — сказал он. — Оставьте светские любезности.

— ТЫ ПРИШЛА, ЧТОБЫ РАССКАЗАТЬ МНЕ КАКУЮ-НИБУДЬ ИСТОРИЮ? — спросила Элис. — Я ЧТО-ТО НЕ МОГУ СЕЙЧАС НАЙТИ БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ. Ее голос звучал встревоженно.

Вид у кибернатора Перлмуттера был раздраженный: — О чем оно толкует? — спросил он.

— Я рассказывала ей истории, — пояснила Табита. — Не беспокойся за журнал, Элис, — сказала она. — Он нам сейчас не нужен.

Она выжидательно посмотрела на капеллийца.

— Скажи ей, что ты РАЗБЛОКИРОВАЛА ее, — сурово приказал он. — Скажи ей, скажи ей... — Он щелкнул пальцами в сторону Кстаски. — Что она должна сказать?

Кстаска зашевелил губами и махнул хрупкой ручкой, словно ища слова, которые не шли с языка: — Это долгая аллея, — наконец, слабо выговорил он, — без... без, — он снова цеплялся за воздух,

— без поворотов.

— Что? — Табита сморщила нос. Это было похоже на те слова, которые всегда говорил ее отец.

— Скажи Элис, — снова начал Херувим, — это долгая аллея...

— Просто скажи это, — вмешался капеллиец.

Табита снова повернулась к устройству: — Элис! — сказала она.

— ПРИВЕТ, КАПИТАН.

— Элис: это долгая аллея без поворотов.

Машина коротко загудела. По ней замелькали огни. За спиной Табиты техники что-то многозначительно шептали друг другу.

— ГОТОВА В ПУТЬ, — спокойно сказала Элис.

— В путь? — переспросила Табита. Она оглянулась на обломки “Кобольда”. — Куда?

— КУДА ЗАХОЧЕШЬ, КАПИТАН.

— Выключите его, — тут же сказал кибернатор Пермуттер.

Техники повиновались, оттолкнув Табиту, и тут сквозь толпу, собравшуюся вокруг корабля, протолкался еще один эладельди с головным телефоном. Он отдал честь и остановился в ожидании с высунутым языком.

— Да, черт побери, — сказал Пермуттер. — Что такое?

— Сэр, ка-битан охот-ников за брестубниками.

Капельщик вздохнул: — Соедините.

И тут же по всему холлу загредел голос капитана Пеппера.

— Прелмуттер! Вы меня слышите?

— Да, я слышу вас, Пеппер, — сказал капельщик, словно смирившись с неизбежным злом. — Чего вы хотите?

— Вы получили корабль? — спросил Пеппер. — А женщин? Мы отослали их к вам, вы их приняли, все в порядке?

— Женщин? — переспросил капельщик, бегло оглядываясь вокруг. — Что, есть еще и другие?

Солдаты вытолкнули вперед Саскию. Кибернатор оглядел ее. — А ты что здесь делаешь? — спросил он. — Не важно. Пеппер, здесь две женщины, одна из них — владелица.

— Тогда все о'кей, — отозвался капитан Пеппер.

— Однако состояние Херувима неудовлетворительное, — продолжал Пермуттер.

— Но он работает, так?

Кибернатор Пермуттер критически обозрел Кстаску. Поджал свои толстые губы. — Неохотно, — признал он.

— Ну, значит, все прекрасно и удивительно, — заявил капитан Пеппер. — А теперь гоните кредитную карточку, Пермуттер, и мы сразу смоемся.

— Вы ожидаете, что я заплачу вам, — заметил капеллиец.

— В этом вся суть, в этом весь смысл, — пропел Пеппер.

— Капитан Пеппер, — категорически заявил кибернатор Перлмуттер.

— Я полагаю, эта дурацкая маленькая шарада слишком долго болталась в воздухе и уже обошлась нам слишком дорого.

— Мы заключили сделку, Перлмуттер, — громко и лениво сказал Пеппер.

Кибернатор Перлмуттер повысил голос: — Там ведь встал еще маленький вопрос о том, чтобы вас выручить, — заметил он. — Аварийный выброс энергии. Это тоже недешево. Вы еще услышите о нас, Пеппер. Счастливо.

— Ну, нет, — прозвучал упрямый голос Перлмуттера. — Мы заключили сделку, Перлмуттер. Мы заключили сделку.

Вид у капеллийца был такой, словно ему было больно это слышать. Он повернулся к своему стюарду. — Где он? — раздраженно спросил он.

Стюард переговорил с клерком по коммуникатору, и клерк заговорила в свой микрофон. В ту же минуту по всему холлу ожили гигантские мониторы, показывая со всех сторон и под всеми углами неуклюжую громаду “Уродливой истины”. Табита обнаружила, что смотрит на крупный план носовой фигуры с ее пустой ухмылкой. На другом экране она распознала рассвет бледного лимонно-желтого диска, встававшего позади зеленого корабля, и узкие кольца, похожие на тонкий стальной орнамент, на его лике.

Саския стояла рядом с Табитой, обняв ее рукой за талию. — Где?.. — спросила она.

— Уран, — ответила Табита.

Она никогда еще не бывала так далеко. Она предполагала, что знает, куда направляется “Цитадель”, и раздумывала, не станет ли это ее последним путешествием. Табита задумчиво смотрела в лицо Саскии.

— Обними меня, — очень спокойно сказала она. — Пожалуйста.

Саския обвила ее руками.

Кибернатор Перлмуттер изучал дисплеи. Он постучал двумя пальцами по нижней губе; потом сложил руки, проводя пальцами одной по кольцам на другой руке.

“Уродливая Истина” взорвалась вспышкой безмолвного огня.

На мониторах побежали узоры данных, сложные графики, появились крутящиеся обломки почерневшего металла.

Кибернатор Перлмуттер спокойно закрыл глаза.

Мониторы мигнули и погасли.

Табита и Саския потрясенно смотрели на него. Пустой белый выпуклый череп кибернатора морщился, словно его толстые вены извивались у него под кожей.

Затем он открыл глаза и лениво окинул взглядом холл, искореженный “Кобольд”, Табиту и ее друзей.

— Я думаю, мы потеряли достаточно времени, Брат Феликс, — решительно сказал он.

Из воздуха донесся другой голос, приглушенный и искаженный расстоянием.

— Привезите их сюда, кибернатор Перлмуттер. Я думаю, мне приятно будет с ними познакомиться.

Перлмуттер закатил свои огромные глаза, но его собеседник продолжал.

— Возможно, они согласятся со мной позавтракать.

Саския подавила нервный смешок, спрятав голову на плече Табиты. Испуганные, стоявшие наготове солдаты направили на нее оружие. Кибернатор Перлмуттер оглядел их сверху вниз, словно перед ним была корзина со щенками, потом подал знак стюарду, повернулся и быстро поплыл к двери.

— Вперед, — скомандовал он, расправляя накидку. — Вперед, на Харон!

Эскорт эладельди увел Саскию и Табиту туда, где их вымыли, сделали прическу и маникюр. Табита держалась за свою сумку. Их грязную одежду сменили на нарядные новые пижамы из чесаного хлопка и подходившие к ним сапожки. Все сидело отменно.

Их провели через весь корабль, по сводчатым галареем из муаровой стали, вверх по застланным

толстыми коврами бегущим дорожкам под величественными арками, украшенными жимолостью и бутенвиллией. С изысканно отделанных железных балконов на них смотрели вниз маленькие дети в квадратных шапочках и блестящих платицах и что-то шептали друг другу, закрывая руками рты. Роботы, полировавшие плитку в дальних коридорах, с жужжанием отступали в сторону, когда они проходили.

Их не заперли. Их провели на смотровую палубу на самом верху высокой башни, ввели в уютную гостиную и оставили на попечение роботов-официантов.

Табита отказалась от пищи, питья и даже лекарств. Она сидела на краешке податливого кресла, широко расставив ноги, глядя в никуда. На каждой стене были огромные окна, но из них ничего не было видно, потому что “Фарфоровая Цитадель в Первых Лучах Солнца” уже нырнула, без всяких усилий и совершенно незаметно, в тонкое царство между “здесь” и “везде”, микрорайон позади каждого зеркала, между ртутью и стеклом, — в аномальные потоки сверхпространства.

Саския опустилась на одно колено позади Табиты, держась за ее плечо.

Табита похлопала ее по руке и заглянула ей в лицо. Она чувствовала себя испуганной и несчастной. У Саскии был озабоченный вид, словно ничего из того, что произошло, ее не трогало, кроме состояния духа Табиты. Табита попыталась улыбнуться, потом уронила голову и снова отвернулась.

Двери бесшумно растворились и с гулом влетел Кстаска.

Саския вскочила с радостным криком, оставив Табиту.

Табита поднялась на ноги.

Кстаска спустил свою тарелку до уровня лица Саскии. — Ну, как ты? — обеспокоенно спросила Саския, положив обе руки на край тарелки, словно смотрела через стену.

— Меня перезарядили, — сказал Кстаска, все еще немного хрипло.

Табита подошла к ним: — Чего я не знаю? — спросила она, более агрессивным тоном, чем собиралась.

Кстаска посмотрел на нее сверху вниз: — Свой собственный корабль, — сказал он.

Лицо Табиты приняло решительное выражение.

Саския положила руку ей на плечо. — Кстаска, в чем тут дело? Что ты делал?

— Активировал Элис, — ответил он.

— Для чего?

— Для пробега... — он силился говорить. — Дополнительный привод.

Саския, распознав технический термин, оглянулась на нахмурившуюся Табиту. — Дополнительный?

— Звездный, — прохрипел Херувим. Его маленькая грудка бурно вздымалась. — Привод, — закончил он.

— Кстаска, не надо... — с несчастным видом сказала Саския.

— Что? — строго спросила Табита. — Сверхпространственный привод?

— Привод фрасков, — сказал Кстаска.

Табита глубоко вздохнула. Развернулась на каблуках и отошла, постукивая кулаком по ладони.

Саския сказала Кстаске: — Не пытайся больше говорить. — Потом подошла к Табите и снова взялась за ее плечо. — Табита...

Не глядя на нее, Табита сняла с плеча руку и отошла назад, к кушетке. Она снова присела на краешек, глядя в пол.

— Табита?

— Какого же черта ты мне раньше не сказала? — свирепо спросила Табита, не отрывая глаз от пола.

— Какая разница, — ответил Херувим.

Тогда Табита подняла на него глаза, кулаки у нее были сжаты: — Откуда ты знаешь?

— Никакого привода, — сказал он.

Табита выдохнула воздух и снова уронила голову.

Саския начинала теряться в догадках. Она смотрела на них обоих, ожидая ключа, подсказки.

Табита крапко закрыла глаза: — Кстаска, — сказала она и услышала, что ее собственный голос звучит напряженно и срывается. — Что ты ЗНАЕШЬ?

Саския предостерегающе смотрела на Херувима в надежде, что он не будет больше пытаться говорить.

Но тот заговорил.

— Ты не сказала, — с трудом произнес он, — что он Сансау.

Уязвленная и расстроенная, Табита подняла глаза: — С какой стати я должна была это говорить?

Они сидели, сверкая друг на друга глазами — Херувим и капитан звездного корабля — противники. Оба молчали.

Потом заговорила Табита. Она легко ударила себя по бедру. — Гиперполосы на коммуникаторе, — мрачно сказала она.

Херувим зажжужал: — Конечно, — прошептал он, соглашаясь.

— А у кого был этот привод? — поинтересовалась Табита. — У вас?

Херувим покачал головой: — Сделка, — сказал он.

— У Храма была сделка с фрасками? На сверхпространственный привод? Просто кивни. А при чем тут была Сансау?

— Испытания...

— Почему же не использовали собственные корабли?

— Тайна...

— Я думаю, да, — неожиданно вмешалась Саския. — То есть, я хочу сказать, никто ведь не ожидает обнаружить сверхпространственный привод в паршивом “Кобольде”, правда? Ой, ну ты же понимаешь, о чем я, — сказала она, садясь рядом с Табитой и сжимая ее руку. — Табита, — продолжала она пониженным голосом, — может, это все-таки подождет, ты же видишь, она не может...

Табита пропустила ее слова мимо ушей: — Элис — один из кораблей с интерфейсом?

Кстаска кивнул.

— И ты дала ей коды доступа?

Кстаска кивнул, постучал миниатюрным пальчиком, лишенным ногтя, по тарелке.

— Мы никогда, — сказал он. — Ничего. Не выбрасываем.

— Прочь, — dokonчила Табита. Об этом она знала. Она коротко и тревожно засмеялась, потеряла макушку. — Ну и что случилось? — спросила она. — Почему у фрасков ничего не вышло?

— Капелла,... — сказал Кстаска.

— Война,... — сказала Табита. Она и Херувим снова пристально смотрели друг на друга. Теперь они понимали друг друга как никогда.

— Так почему они теперь из-за него так разволновались? — спросила Табита. — И почему МОЙ “Кобольд”? Из-за тебя?

Этого он не знал.

Табита подвинулась на кушетке и повернулась к Саскии: — Поэтому?..

Саския подняла руки вверх, изящно изображая отказ: — Не спрашивай меня, — сказала она. — Я тебе уже рассказала все, что знаю. Не так уж много.

Табита настаивала: — Поэтому Марко так рвался заполучить Элис? — недоверчиво спросила она. — Потому что был шанс, что он сможет поставить на нее сверхпространственный привод, если в один прекрасный день привод попадет ему в руки?

— Господи, да нет же, — сказала Саския. — Совсем не поэтому. Марко бросил бы тебя, как радиоактивный кирпич, если бы думал, что у тебя есть что-то, что может привлечь внимание Капеллы, — она посмотрела на Кстаску, ожидая подтверждения. Тот не возражал. — Марко ведь не великого ума, ты же знаешь, — продолжала она. И тут же поправились, отвернувшись и глядя в темное серое ничего, медленно плескавшееся за окнами: — Вернее, был.

— И есть, — сказала Табита.

Но Саския думала о брате.

Она вздрогнула, потеряла руки и неожиданно ослепительно улыбнулась своим спутникам.

— Завтрак! — сказала она. — Завтрак с Братом Феликсом!

LXIII

BGK009059

TXJ. STD

ПЕЧАТЬ

КЗа:: /0TXXXJ! azarzzarzlin% ter&& &\$ /E — — f~

РЕЖИМ? VOX

КОСМИЧЕСКАЯ ДАТА? 67.06.31

ГОТОВА

— Привет, Элис.

КЗа:: /0TXXXJ! az — — — — — — — — — — RplUM

— Элис! Это я, Табита Джут. Помнишь меня?

ПЛАМ. БАЛЬТЗЗАРЗЗАРЗ

— Не надо, Элис.

ЗЗАРЗЗАРЗЗА

РУЧНАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА

— Элис. Элис, это я.

— ПРИВЕТ, КАПИТАН. Я ДУМАЛА...

— О чем ты думала, Элис?

— МЫ РАЗГОВАРИВАЛИ, ПРАВДА? ТЫ РАССКА-
ЗЫВАЛА МНЕ ПРО БАЛЬТ...

ПРО БАЛЬТ...

ЗЗАРЗЗАРЗЗА

— Элис, послушай меня! Ты должна мне помочь.
Ты должна взять себя в руки.

— ИСТОРИЯ

— Ты знаешь, что он сказал о тебе?

— ЧТО ОН СКАЗАЛ, КАПИТАН?

— Если я тебе расскажу, если я расскажу тебе
все об этом, о том, как я в первый раз тебя
увидела, ты останешься со мной и перестанешь
убегать?

— ГОТОВА.

— Он сказал: — Она хорошая. Она надежна и стабильна. И заинтересованная — она понимает людей. Но она сама себя принижает. Утверждает, что не может вспомнить некоторые вещи. Она знает больше, чем думает.

— Я спросила: — Зачем вы мне все это рассказываете?

Мы сидели во дворе в Северной Калифорнии, над нами было настоящее голубое небо, теплое солнце освещивало от белых оштукатуренных стен и отбрасывало лучи в бассейн, где плавали золотые рыбки.

— Потому что необходимо какое-то время, чтобы с ней освоиться, — ответил Бальтазар Плам.

Он полулежал в своем кресле-качалке, рядом с ним стоял длинный бокал с прохладительным. Выглядел он совершенно здоровым. У него был густой золотистый загар, зеленый солнечный визор, на нем были белые брюки без единого пятнышка и ужасная рубашка с рисунком "под леопарда" Блуждающий огонек, как обычно, плавал вокруг в воздухе. Он все время потягивал напиток из стакана.

Мы уже спорили на эту тему.

— Бальтазар, — сказала я. — Я не собираюсь брать у вас корабль. Я не могу. И, честно говоря, не понимаю, почему вы хотите мне его подарить.

— Потому что ты спасла мне жизнь, — ответил он.

— Любой сделал бы на моем месте то же самое, — сообщила я ему.

— Но это сделала ты, — возразил Бальтазар.

Вернувшись назад, в Аркангел, я получила известие, что Бальтазар Плам жив и здоров и приглашает меня на Землю провести неделю в качестве его гостя на землях, принадлежавших Сансау, прямо к югу от Сан-Франциско. Мне прислали билет первого класса с открытой датой на любой рейс, которым я захочу лететь из Аркангела, и по любому маршруту. Я чуть не порвала его, только вот знала, что если я это сделаю, в один прекрасный день я об этом пожалею; к тому же у меня никогда не было отпуска — настоящего отпуска. И потом я помнила Бальтазара таким, каким я увидела его впервые — не с синими губами, готового испустить дух на заднем сидении "Фразье Хайтэйла", а загримированного под

Луну и ухмыляющегося, как мальчишка-переросток, над шуткой, которую от сыграл с той женщиной на Скипфесте Сансау.

Я помнила, как сильно он мне понравился. Я ему не доверяла, но он мне понравился.

— ДОРОГОЙ БАЛЬТАЗАР.

— Мне не нужен корабль, — объясняла я ему. — Я не хочу иметь корабль. Это слишком большая ответственность. Мне и так очень хорошо.

Он лениво потянулся и зевнул. — Нет, не хорошо, — заявил он.

Я уставилась на Бальтазара: — Кто сказал?

— Ты сама мне об этом сказала, Табита.

— Когда? Когда это я вам говорила, что несчастлива?

— На той вечеринке.

— На какой еще вечеринке? Я не ходила с вами ни на какие вечеринки, — тупо сказала я.

— На "Октябрьском Вороне", — ответил Бальтазар. — Четыре года назад или пять, когда это было?

Я занялась вытягиванием через соломинку последних капель "пина колады". — Вы выдумываете, — сказала я. — Я пилот грузовика. Что я могла делать на вечеринке на "Вороне"?

Не то чтобы я решила не упоминать о нашем первом знакомстве, просто это как-то не всплывало. Я вроде как предположила, что он забыл. По-видимому, я ошиблась.

— Я никогда не бывала на вечеринках на "Вороне", — заявила я.

— Не пройдет, Табита, — сказал Бальтазар. — Огонек тебя прекрасно помнит. Огонек! — Противный маленький киборг застенчиво изогнулся. Я могла почти поклясться, что он захихикал. — Может, память на лица у нее и не очень, но отпечатки голоса она никогда не забывает, — сказал Бальтазар.

Огонек подлетел и угнезвился у него на плече, без сомнения, нашептывая ему на ухо какие-то секреты. — Ты сказала: летать — это то, что Питер любит больше всего, — объявил Бальтазар.

— Я и так летаю, — коротко ответила я.

Бальтазар Плам насмешливо фыркнул: — Таскаешь грузовые вагоны с дейтерием по Поясу для ФАР! Это ты называешь "летать"?

— Я пилот грузовых самолетов, — повторила я. — И я этим зарабатываю на жизнь! Вот что я делаю!

— "Элис Лиддел" — грузовой корабль! — сказал он, приподнимаясь в кресле. Теперь Бальтазар начинал по-настоящему сердиться. Огонек что-то тревожно жужжал ему в лицо. Я с восторгом увидела, как Плам нетерпеливо отмахнулся от него.

— Это "Берген Кобольд", — с силой сказал он. — Самая лучшая маленькая баржа из всех, какие когда-либо строили. Теперь таких не делают! Она тверда, надежна, у нее замечательный, чувствительный, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ мозг, в наше время Бог знает, найдешь ли такое вообще. И она валяется здесь, в винограднике, без дела. Она стоит здесь уже семь лет, потому что для фирмы она слишком стара. Я сам не могу ей воспользоваться и не знаю никого, кто бы смог. Если ты ее у меня не заберешишь, она будет стоять здесь до тех пор, пока не развалится, и если ты не считаешь это преступлением, то ты и вполтину не та, за кого я тебя принимал. — Бальтазар сидел с побагровевшим лицом и слегка задыхался. Огонек летал вверх и вниз и "бибикал". — Я знаю, Огонек, знаю, — сказал Плам. — Я старик, и у меня есть право сердиться на глупость молодых. Для того они и молодые! Они и существуют для того, чтобы бесить тех, кто старше их и знают лучше. А знаешь, почему они нас бесят? Потому что в один прекрасный день они придут нам на смену. А знаешь, почему они глупы? Потому что не понимают того хорошего, что мы им преподносим на блюдецке с голубой каемочкой, черт бы их побрал совсем!

— МОЛОДЫЕ ЖЕНЩИНЫ.

— Прости, пожалуйста?

— ЕМУ НРАВИЛИСЬ МОЛОДЫЕ ЖЕНЩИНЫ. ОН ПРИВОДИТ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН ПОСМОТРЕТЬ НА МЕНЯ.

— Не только меня?

— НЕТ, КАПИТАН. ДВА ИЛИ ТРИ РАЗА — МОЛОДЫЕ ЖЕНЩИНЫ, ОН БУДИЛ МЕНЯ.

— Тогда почему же ни одна из них тебя не взяла?

— УСЛОВИЯ ПРИЛАГАЮТСЯ.

— Да, наверное, так оно и было. Если бы я не спасла ему жизнь, как он упорно твердил, я хочу сказать.

— Если мы будем шагать поживее, ты сможешь взглянуть на нее еще до ленча, — сказал Бальтазар.

Он нахлобучил на голову солнечную шляпу, поверх визора и вылез из кресла, тяжело опираясь на трость. Я знала, что нельзя предлагать ему руку. — В тот день, когда я приму помощь, я могу с тем же успехом отправляться в постель и никогда больше не вставать, — говорил он.

Только это: трость и озноб с утра и перед сном — напоминали, что Бальтазар Плам остался жив после страшной космической катастрофы и что он уже не тот, что прежде. Теперь он казался старше, меньше был похож на великолепного гранда и больше — на распутного дедулю.

Мы медленно спускались с холма в виноградник. Огонек стремительно порхал вокруг нас, как колибри. За голубыми холмами лежало голубое море. В воздухе стоял запах вина и пчел.

Виноградники были заброшены. В высокой траве за обломками машин стояло что-то размером с небольшой дом. Оно было покрыто просмоленным брезентом.

Бальтазар Плам сделал жест своей тростью. Он не желал показывать мне, насколько утомила его прогулка. — Раздень ее, — заявил он. — Раздень эту юную леди и посмотри, что у нее есть!

Извини, Элис.

— ДОГОГОЙ БАЛЬТАЗАР. Я ПОМНЮ.

— Что ты помнишь, Элис?

— ЕГО ГОЛОС. СКАЖИ ЕЩЕ РАЗ, КАПИТАН, ТЫ СЕЙЧАС ПРОГОВОРИЛА ЭТО ТОЧЬ-В-ТОЧЬ, КАК ОН.

— "Самая лучшая баржа во всей системе, черт бы ее побрал совсем! "

— ЕГО ГОЛОС. Я ПОМНЮ ВСЕ ИХ ГОЛОСА.

— Все голоса — чьи, Элис?

— ВСЕХ ТВОИХ ДРУЗЕЙ. ЛЮДЕЙ ИЗ ТВОИХ ИСТОРИЙ.

— Ну, они не все были друзьями, Элис. Бальтазар был, но он задался целью устроить мне в тот день веселенькую жизнь. Он заставил меня развязать веревки, державшиеся семь лет, и стащить грязный брезент голыми руками. Я думаю, он хотел меня наказать за то, что я пыталась отказаться от его дара в знак признательности. Или я должна была что-то доказать, поскольку я была женщиной, а утверждала, что всю физическую работу делаю сама. Он был старым человеком из старого мира.

— Все бумаги в доме, — сказал он. — И мозг, я сохранил его в целости. Здесь есть гнезда для четырех роботов. Их, конечно, давно уже нет, но мы можем подыскать тебе что-нибудь.

Я и раньше видела "Кобольды", хотя не помню, чтобы когда-нибудь на них летала. И я сразу увидела, что здесь были внесены кое-какие модификации.

— Мы тут кое над чем поработали с ней, — сказал Бальтазар, указывая тростью на сканнеры и солнечную антенну. — Это было перед войной. У нас тогда были большие надежды.

Я показала рукой на инкрустации: — Что это? — спросила я. — Медь? — Они все окислились, но я подумала, что их можно отполировать.

— Придает ей более авантажный вид, а? — сказал Бальтазар. — А вообще-то, они маленькие уродцы.

Он ткнул тебя тростью.

Я хотела сказать ему, чтобы перестал. Мне хотелось защитить тебя.

Наверное, он знал, что именно это чувство я и буду испытывать, как только приложу руку к "Берген Кобольду". С любой уважающей себя перевозчицей было бы то же самое.

Господи, в каком ты была виде, Элис! В твоих антеннах птицы свили гнезда, а шасси опутывал

вьюнок. Земля под тобой была липкой и черной в тех местах, где вытекло все масло. До тебя добрался туман, и твои компрессорные лопасти заржавели, а все швы на шлюзах исчезли.

Я влюбилась в тебя с первого взгляда.

LXIV

Харон — безрадостное место, инертное, каменистое, неподатливое. Он слабо крадется по маленькой несчастной орбите, словно собирается потереться своим замерзшим телом о холодную чешую своего родителя Плутона.

Но его надежды тщетны. Здесь, на скудной окраине системы, все надежды тщетны. И самой планете, и ее спутнику чужды и безразличны нужды и желания живых. Здесь темно, а лед и желеобразное варево из грязи и метана лучше оставить в неприкосновенности.

Плутон — это конец всего сущего. За ним лежат глубины огромного космического океана — та девственная бездонная пропасть, что всегда слепо стремится в неопределенное. А за ней — звезды.

Как мне удалось установить, когда-то для давно исчезнувшей расы, давшей эти мирам имена своих божеств, Плутон был богом смерти, а Харон — мрачным перевозчиком, который вел бесконечную торговлю, доставляя души усопших в свое мрачное царство. Правильная мысль была у этих древних первобытных племен, подумала Табита Джут, когда шаттл оторвался от палубы, оставив “Фарфоровую Цитадель в Первых Лучах Солнца” неумолимо следовать дальше — вперед, через невидимую границу — и в великую ночь.

Зачем эта шляпка летит на Харон, ведя на буксире печальные останки “Элис Лиддел”? Табита мрачно смотрела из окна на оловянный шар, подвешенный к пустоте неподалеку от последней планеты. Больше всего он напоминал смазанный маслом шариковый подшипник с пятнышком зеленого, как ярь-медянка, цвета.

— Что это? — спросила Саския. — То, зеленое?

Охранник-эладельди оскалил зубы и провел по ним багровым языком. — Штаб, — пролаял он.

— На поверхности?

Но охранник больше ничего не сказал.

Табита оставила Саскию смотреть и поплыла назад, к жесткому металлическому сидению. Шаттл продолжал свой путь к замерзшей луне. От одного взгляда на Харон Табиту пробирал мороз, ей было холоднее, чем при взгляде на все бесплодные моря космоса. Солнце было далеким, холодным белым пятнышком, едва отличимым от других белых звезд, и таким же недостижимым.

Табита думала о Бальтазаре Пламе и сердилась на него. Он дал ей корабль “с секретом” и даже не заикнулся об этом. По-видимому, именно по этой причине все отказывались от Элис, зная, что в конце концов попадут в беду. И именно поэтому он ей ничего не сказал.

А, может быть, он и говорил ей, по-своему, да только она не слушала. Он был не виноват. Здесь вообще не было ничьей вины, это все проклятая Капелла со своими строгостями и формальностями. Хотят все держать под своим контролем просто потому, что им так нравится. Власть ради власти. Теперь, когда она познакомилась с одним из них, она поняла, что они именно такие, какими она их считала.

Она их ненавидела.

Табита вытащила свою гармонику и пронзительно затрубила “Блюз Черных Вод”.

Охранник прижал уши и зарычал: — Убери де это!

— Смотри, — сказала Саския, подзывая Табиту к окну.

Серый диск перестал быть ВПЕРЕДИ и теперь находился ВНИЗУ. Зеленое пятно росло. Оно сдвинулось в центр диска и стремительно летело им навстречу.

Это была растительность. Оазис в вечной тундре. Он был не очень велик — приблизительно два-три километра в диаметре. Он был совершенно зеленым, и в нем была река. Там были деревья, с толстыми стволами и листьями. Еще что-то, похожее на крышу

крошечного здания. Пятнышки-люди на лужайках. Клумбы.

На Хароне.

Табита никогда не видела ничего подобного. Ей стало дурно. Сердце билось так, словно вот-вот разорвется, и ее сильно затошнило.

Саския, поняв, что с ней происходит, погладила Табиту по спине, вопросительно заглядывая ей в глаза.

— Босадка, — объявил охранник.

Табита сглотнула и, тяжело дыша, поплыла к своему месту рядом с Кстаской. Теперь, когда они повернули, заходя на посадку, окна были заполнены темнотой. Пилот нырнул носом, и перед их глазами поднялась стеклянистая пустыня — горькая, неровная, черная и мертвая; а потом — зеленые верхушки деревьев, сверкающие в свете солнца.

Шаттл приземлился между деревьями и сел на лужайку; Элис мягко шлепнулась рядом.

— Кто-то запускает воздушный змей, — мечтательно сказала Саския.

— Прямо-таки микроклимат, — в нос сказал Кстаска. Было видно, что на него это произвело впечатление. Он окончательно восстановил силы, наслаждаясь в сложной окружающей среде космического корабля, и, казалось, был разочарован, когда пришел охранник, чтобы перевести их из смотровой гостиной в шаттл. Теперь он снова обретал обычную самоуверенность.

Табита чувствовала себя ужасно. Сейчас ее убьют за что-то, о чем она даже не знала, убьют так же, как убили Капитана Пеппера, Тарко и Шина, — не за их преступления и жестокости, а за то, что им испортили послеобеденный отдых. Они убьют ее, не дав ей ни малейшего шанса на спасение, и это будет даже не та смерть, которую она сможет понять. На Хароне не было деревьев, не было травы, не было КЛУМБ.

— Бойдем, бойдем, — тявкнул охранник, выгоняя их из кресел и ведя в шлюз. Он открыл дверь, и в глаза им ударил солнечный свет.

Табита, пошатываясь, ступила из шаттла в мягкую, густую траву. Земля под их ногами была пружинистой, и их посадка не оставила на ней даже

царапины. Корпус шаттла был всего лишь теплым, словно он простоял два или три часа на солнце. Табита прислонилась к нему спиной, ловя ртом невероятный воздух, а в это время из шаттла с мягким жужжанием выскользнула тарелка Ктаски, а следом изящно ступила на землю и встала рядом с Табитой Саския, ее лицо светилось восхищением. Гравитация была нормальной для Земли и казалась даже слишком тяжелой после столь долгого пребывания на других уровнях. Небо было голубым.

Воздушный змей был желтым. Он радостно колыхался и кружил в воздухе, словно его только изобрели, и это был первый змей, летающий в воздухе.

Конец веревки держала фигура в тоге, закинув назад огромную голову и следя за полетом. Табита едва различала его между деревьями, на другом берегу маленькой речки. За ним была снова зеленая трава, снова голубое небо, а дальше — безмолвная замерзшая пустыня Харона, страшная и нетронутая.

В ветвях деревьев пели птицы.

— Бошли, — прорычал охранник и потащил Табиту вперед, впиваясь когтями ей в руку сквозь тонкую ткань пижамы.

Он вел перед собой женщин, а Ктаска, скользил над травой, и его защитный костюм поляризовался на величественном солнечном свете.

Они прошли по гравиевой дорожке, обогнули буковую рощицу и вышли на открытое пространство. Перед ними расстилались зеленые лужайки, полого спускаясь к реке. Они выглядели так естественно, словно были там всегда. Справа от них буковая аллея вела к скоплению полногрудых каштанов; их свечи были полным цвету, бело-розовые. К берегам реки изящными, плавными рядами спускались кустарники и клумбы, а через реку был переброшен легкий мост из полированного камня и железа. На мосту стояла высокая фигура, спустив в чистую воду веревку.

Несмотря на солнце, Табиту пробирала дрожь, а, может быть, именно из-за солнца, потому что оно было неправильным — неправильным на шесть тысяч миллионов километров.

Саския настороженно оглядывалась вокруг, зная, что это фокус, но не имея представления о том, как он делался.

— Эй, привет! — позвал чей-то голос.

Они остановились. По гравиевой дорожке навстречу им поднимался капеллиец, подняв руку в знак приветствия.

Он был очень похож на кибернатора Перлмуттера: более крепко сбит, но с той же лоснящейся кожей и такими же блестящими глазами. На нем были кольца и сандалии, крестообразно прошнурованные до колена, но вместо тоги на нем была юбка-килт из какой-то тяжелой пурпурной материи и свободная белая блуза без воротника, роскошно расшитая белым по манжетам и вороту. У него, как и у всех представителей его расы, была огромная лысая голова; у него она была увенчана гирляндой из плюща. Брови у него были очень черные и изогнутые, они придавали ему такой вид, словно его что-то постоянно удивляло или забавляло — выражение более приветливое, чем у кибернатора. Теперь он улыбался им, всем своим видом показывая, что он искренне рад их видеть.

Охранник встал по стойке “смирно”.

— Бленники, Брад Феликс, — сказал он и подал тому какой-то предмет.

— Глуposti, капитан, — мягко сказал капеллиец. Он наклонился и взял протянутую ему плату с электронным мозгом, а затем надежно спрятал ее в спорран* из котикового меха, отделанный перламутром. — Наши гости, — сказал он. — Разумеется. Спасибо, капитан. Вы молодец.

Эладельди, которому разрешили уйти, отдал честь и потрусил назад — забрать пилота шаттла, потягивавшегося и почесывавшегося в траве на солнышке. Вместе они двинулись в сторону реки.

Капеллиец с сияющим видом оглядел маленькую группу. — Как приятно всех вас видеть, — сообщил он. — Я так рад, что вы смогли прибыть. — Он посмотрел на Кстаску, плававшего на уровне его

*Кожаная сумка с мехом наружу — часть костюма шотландского горца (прим. перев.)

лица. — Кстаска, не так ли? Как поживаешь? Как тебе наша маленькая обитель?

Глаза Херувима коротко сверкнули: — Вы проделали очень серьезную работу, — одобрительно сказал он. — Декор — Земной, правильно? Древний, конечно, но ФАКТУРА...

— Я очень рад, что тебе нравится, — сказал капеллиец, нисколько не обескураженный. Он протянул руку Саскии, она немного поколебалась, потом пожала ее. — Саския Зодиак, — сказал он. Его голос был таким же теплым и приветливым, как этот искусственный день. — Добро пожаловать. Добро пожаловать на Харон.

— Спасибо, — сдержанно отозвалась Саския. Она оглядывала его со всех сторон снизу с видом настороженным и подозрительным.

— И наконец, — сказал капеллиец, — капитан Джут, — его голос был воплощением понимания и всепрощения. — Табита, — и он распростер объятия.

Табита отступила: — Отойди от меня, капеллиец.

— О, мы вовсе не капеллийцы, — сказал Брат Феликс, — в действительности, нет.

Табита пристально смотрела на него, словно бросая вызов его словам.

— Я знаю, все называют нас капеллийцами, — объяснил Брат Феликс,

— но вы же видите, это не совсем так. Мы... — распростер руки, — служители капеллийцев. Так же, как вы.

— Нечего мне лапшу на уши вешать, — сказала Табита.

Брат Феликс спокойно улыбнулся. Смирненно склонил свою огромную голову. Мускулы его шеи были толщиной с запястье Табиты.

— Мы просто стражи, — сообщил брат Феликс Табите. — Уборщики, работающие на Капеллу. Мы содержим дом в чистоте.

— Харон, — сказала Табита.

— Да. И, в принципе, всю систему.

— Пошел ты к черту, — сказала Табита.

— Тогда откуда же вы? — поинтересовалась Саския.

— Мы были людьми, — объявил Брат Феликс. — Первые из нас прибыли с Земли. — Он поднял глаза к окружавшему их пейзажу и безмятежно улыбнулся.

— Но вы же были на Луне, — возразила Саския. — На спутнике Земли.

— О да, — согласился Брат Феликс. — У нас была там станция. Ка пелла готовилась веками. Они следили за Землей, потихоньку облетая ее на маленьких кораблях. Садилась в уединенных местах и набирали себе подходящих приверженцев. — Он сиял. — Все, кого вы здесь видите, когда-то были такими, как ты, Табита. Капелла подняла нас на более высокий уровень. Что вы об этом думаете?

— Но я не представился, — мягко продолжал он, прежде чем Табита успела ответить. — Меня зовут Брат Феликс, и у меня для вас есть замечательная новость. Для вас всех. — Он наклонился к ним, словно собираясь по секрету поделиться с ними каким-то чудом. — Вас тоже ждет повышение!

— Ну уж, нет, спасибо, — ответила Табита.

— О, я знаю, это трудно воспринять вот так, с ходу, — сказал Брат Феликс отеческим, покровительственным тоном. — Я помню, в каком смятении был я сам! — Он коротко рассмеялся. — Но что же я держу вас здесь стоя? Все, что я хочу сказать: добро пожаловать, добро пожаловать вам всем. Мы просто счастливы вас видеть. Мы приготовили в вашу честь небольшое угощение, — Брат Феликс протянул вниз руку, как взрослый протягивает руку ребенку. — Капитан Джут!

Табита крепко сжимала в руках сумку. — Убийца, — сказала она. — Губитель кораблей. Вор.

Саския тревожно смотрела на нее. Больше никто не обращал на них никакого внимания.

— Почему ты не убьешь меня на месте, чтобы сразу покончить с этим? — выкрикнула Табита.

Брат Феликс протянул руку, снисходительно улыбаясь. — Пойдем позавтракаем, — сказал он.

Саския обняла Табиту за плечи: — Пойдем, Табита, — взмолилась она.

Табита все еще сопротивлялась: — Неужели ты веришь всей этой чепухе? — спросила она. — Эти существа, этот...

Саския нахмурилась: — Здесь нет необходимости верить, — сказала она. И Табита вспомнила, что Саския провела свое сокращенное детство в искусственной среде и не считала, что все обязательно должно быть настоящим. — Пока все прекрасно, — сказала Саския. — Пожалуйста, не надо все портить.

У Табиты стучало в висках и внутри все переворачивалось, но она уронила голову и позволила увести себя. Ей больше ничего не оставалось.

Брат Феликс провел их через деревья к руинам старого монастыря, построенного из камня, теперь выветренного и замшелого. В трещинах между плитняком разросся мох, на стенах в затененных нишах стояли терракотовые бюсты — какие-то редигиозные памятники. Через арки они увидели реку, петлявшую под раскидистыми ивами, заросшую тростником, бежавшую, как монастырь, из ниоткуда в никуда. На берегу паслись несколько овец и антилоп, они стояли, спокойно пережевывая траву, и в их мягких глазах не было никакого страха перед высокими мужчинами и женщинами, прогуливавшимися парами или по трое с шелковыми зонтиками, прикрывавшими плечи. Над их головами кружили голубые певчие птички.

Они вышли из монастыря на лут. Здесь, под огромными дубами-патриархами, погруженные в философскую дискуссию, стояли группы Уборщиков в одеждах пастельных тонов и в чем-то ослепительно-белым под ними. Там находилась и сверкающая белая площадка для оркестра, где для внимавшей им публики мелодично играло на лютне и гобоях трио. Другая группа сидела, потягивая какой-то напиток из золотых кубков, их одеяния падали нарядными, почти скульптурными складками, причем идеальная трава нисколько их не пачкала. Все они были величественными, благородными макроцефалами трехметрового роста. Между ними сновали слутивеспане в темно-синих туниках, с серебряными обручами вокруг низких зеленых лбов и с подносами на плечах; на подносах лежали груды экзотических фруктов, стояли кувшины с нектаром, прекрас-

ными винами и лимонадом для детишек, весело бегавших неподалеку, играя в прятки и скармливая печенье оленям.

— Табита. Иди сюда и садись, — бодро сказал Брат Феликс, подплывая к скатерти для пикников в красно-белую клетку. — Попробуй вот этого замечательного бургундского, и тебе сразу станет легче, я знаю.

— Мне станет легче, когда я сяду на корабль, чтобы убраться отсюда подальше, — ответила Табита. — Не раньше.

Она стояла, глядя на скатерть. На ней было вино, красное, как рубин, во флаконе из дутого стекла. На ней был деревенский хлеб с хрустящей корочкой, завитки желтого масла, уложенные на влажном зеленом листе, головки сыра, пряные деликатесы и фаянсовое блюдо с прекрасными, сочными сливами. В животе у Табиты заурчало.

Еще минуту назад ей было тошно, но сейяас она поняла, что умирает от голода.

Саския уже стояла на коленях, обследуя копченую лососину.

— Кстаска, — важно обратился к Херувиму Брат Феликс, — что я могу предложить тебе, чтобы освежиться после всех перипетий вашего путешествия?

— Мы не едим и не пьем, — рассеянно ответил Херувим. — Вашего усиленного солнечного света вполне достаточно. — Он пристроил свою тарелку на траве и с легким вздохом откинулся назад, опираясь на локти.

— Капитан Джут, — сказал Брат Феликс. — Табита. Садись же, прошу тебя.

— Садись, Табита, — просительным тоном повторила за ним Саския, с набитым ртом.

— Вы проделали такой долгий путь, — продолжал Уборщик, — и мы так рады видеть вас здесь целыми и невредимыми. Неужели ты не выпьешь с нами стаканчик вина?

Табита посмотрела на сиявшего гиганта.

Он сделал знак пальцем. Полный до краев кубок легко поднялся с земли и завис перед девушкой.

Табита взглянула на него.

Потом протянула руку и взяла кубок.

LXV

— Я должен извиниться перед вами за кибернатора Перлмуттера, — заявил Брат Феликс, когда они устроились на пикник. — Я знаю, он иногда бывает слишком прямолинейным. Он страшно серьезно воспринимает нашу работу.

Табита оглянулась на серьезные и элегантные фигуры, собравшиеся подышать свежим воздухом в вечный полдень на Хароне. С белой оркестровой площадки доносились мечтательные звуки музыки. Неподалеку, у солнечных часов, стояла группа философов, рассуждавших о природе времени.

— По мне это не очень похоже на работу, — грубо отрезала Табита.

— Наши задачи многочисленны и очень различны, — пояснил их хозяин; он и не подумал обидеться. — Одной из многочисленных ус луг, которую мы имеем честь оказывать капеллиям, является сбор этих замечательных старых кораблей Сансау.

— А сколько их? — поинтересовалась Саския, вонзая зубки в ярко-красный помидор.

— Определенное число, — уклончиво ответил Брат Феликс. — Не очень большое. — И он расправил килт на коленях.

— Вам приходится тратить изрядное количество времени, чтобы их отыскивать, — заметила Табита.

Брат Феликс поднял свои замечательные брови: — О, мы знаем, где они все находятся. Мы всегда знали, где они. Каждую минуту. Нет, вы меня не поняли, — сказал он, наклоняясь, чтобы взять копченую устрицу. — Это не уборка. Здесь все — не уборка. Как видите. — Он улыбнулся и обвел взглядом собрание. — На самом деле это что-то вроде игры, — признался Брат Феликс. — Ставки против оставшихся кораблей, у которых есть какое-то подобие привода, — астрономические! — Он засмеялся собственной шутке. — Дело в том, что ни одного из них уже не осталось. Мы все забрали.

Небрежным жестом он указал на сто триллионов километров изолированного пространства: девять миров, сорок пять спутников, триста семьдесят один разработанный астероид, несколько сотен разных

установок, включая трубы, платформы, колеса, зик-кураты и обиталища-ошибки, различные обломки, автономные лаборатории, ангары и полужилые места обитания. Он знал их все, каждый из них в отдельности. И благословлял их.

Брат Феликс сунул устрицу в свой румяный рот: — Даже у этих ребят на Титане нет оборудования, — продолжал он. — Вот почему они вкладывали все, что можно, чтобы найти какого-нибудь фраска. Вообще-то, это было дело безнадежное. Но ты, Табита,.. — он нагнулся и жестом доброго дядюшки положил руку на ее запястье. — Ты была настоящим противником.

По дорожке, рука об руку, к ним приближались две одинаковые статные молодые женщины. На них были белые тоги, широкие кожаные пояса с кармашками и венки из виноградных листьев. Брат Феликс окликнул их: — Сестра Вероника! Сестра Марджори! Присоединяйтесь к нам.

— Приветствуем тебя, Брат Феликс, — сказала одна из женщин музыкальным голосом, пока они шли по дорожке.

— Это и есть твои новые протеже? — спросила вторая.

Они улыбнулись милостивой улыбкой Уборщиков, предназначенной для всех и каждого, и, после того, как всех представили другу, сели, скрестив ноги и мягко паря рядом с Братом Феликсом, почти касаясь земли.

— Так, значит, это вы фактически выгнали последнего фраска, — сказала Сестра Марджори, угощаясь лососиной с серебряной тарелки.

— Я как раз рассказывал нашим новым друзьям о нашей маленькой игре, — сказал Брат Феликс, становясь еще более веселым, если такое вообще было возможно. Он положил руки в кольца себе на колени и откинулся назад в воздухе.

Сестра Вероника отсалютовала Табите жестом вежливого восхищения: — “Элис Лиддел” была грозным соперником, — сказала она.

— Ну, вот, что я вам говорил, — заметил Брат Феликс. Все еще откинувшись назад, он рассегнул спорран и вынул плату: — Вот она, — сказал он,

приподняв ее за кончик. — Элис собственной персоной, цела и невредима.

— О, дай мне посмотреть, пожалуйста, — попросила Сестра Марджори.

— Отдай ее мне, — понизив голос, сказала Табита, приподнимаясь и протягивая руку через скатерть. Туда она дотянулась, но поняла, что дальше дотянуться не сможет.

— Теперь она тебе бесполезна, моя дорогая, — заметил Брат Феликс и передал плату Сестре Марджори. — Когда тебя переведут выше, ты будешь слишком занята, чтобы летать на космических кораблях!

— Это правда, Табита, — сказала Сестра Вероника, поздравляя Табиту, когда та медленно опустилась на свое место. — Тебе больше не надо будет водить баржу.

— Ты станешь такой же, как мы! — улыбнулась Сестра Марджори.

— Тогда уж я лучше стала бы перком, — зло ответила Табита.

Трое Уборщиков решили, что это великолепная шутка. Они от всего сердца рассмеялись.

— А как в нее играют? — спросил Кстаска. — В вашу игру?

— Ну, — ответила Сестра Вероника, — в общем, это даже и не игра.

— Развлечение. Забава, — добавила Сестра Марджори.

— Мы заключаем пари, — сказал Брат Феликс, словно признаваться в этом было чем-то из ряда вон выходящим.

— Один из нас заключает пари против другого на то, что тот предоставит чему-то идти своим чередом, что бы это ни было, — сообщила Сестра Вероника.

— Чтобы посмотреть, кто первым не выдержит, — сказала Сестра Марджори, — и вмешается.

Сестры посмотрели на Брата Феликса.

Вид у Брата Феликса был смущенный, казалось, он забавляется сам собой. — Я проиграл, — признал он.

Сестры мило рассмеялись.

— У них все шло очень хорошо, — сказал им Брат Феликс, защищаясь. Он перечислял их заслуги по пальцам. — Через столько лет старая Королева Фрасков выходит из небытия.

— Никто не знал, что она там, — заметила Сестра Вероника.

— А в следующую минуту вот она, на адаптированном “Кобольде” Сансау, — с пафосом продолжал Брат Феликс.

— ... С Херувимом на борту! — заключила Сестра Марджори, восхищаясь неистощимой изобретательностью вселенной.

Уборщики вежливо посмотрели на Кстаску, словно поздравляя его с замечательной ловкостью и находчивостью.

— Совершенно невероятное совпадение, — провозгласил Брат Феликс, и за белой скатертью закивали огромные белые головы. — Что мы можем сказать? Только пожалеть об оборудовании!

И снова все Уборщики весело засмеялись.

По-прежнему сидя, Брат Феликс обернулся и поднял свое широкое бледное лицо к непостижимо-му солнцу, оглядывая сады, детей, беседовавших философов, музыкантов, рыболовов и тех, кто запускал змеев. День был вечно теплым, не было ни малейшего намека на холодок, который мог бы напомнить, что они обитали в пузыре благожелательной невероятности, балансировали на вершине замерзшей атмосферы спутника Плутона. Только за пределами микроклимата, на краю зелени, можно было краешком глаза увидеть черное царство вечного адского холода.

Сестра Вероника наклонилась к Табите, кольца на ее белых руках блеснули в солнечном свете: — НЕКОТОРЫЕ были убеждены, что ты знаешь что-то такое, чего мы не знаем, — доверительно намекнула она.

Прежде, чем Табита успела ответить, Сестра Марджори протянула руку и успокаивающе похлопала ее по плечу. То, как они здесь ее все время лапали, просто бесило Табиту. — О, не волнуйся, — сказала Сестра Марджори, — мы знали, что ты не знала НИЧЕГО.

— Ты ведь сначала вообще не понимала, что происходит, правда? — сказал Брат Феликс. — Ты просто выполняла свою работу.

Табита стиснула зубы и ничего не ответила.

— Нет, Табита, никаких неприятностей у тебя нет, — продолжал он.

— Мы тебе обещаем, — хором пропели Сестры.

— Я говорил ей, — сказал Брат Феликс, — она справилась очень хорошо. Капелла разрешила твое повышение, — добавил он, обращаясь ко всем присутствующим.

У Саскии вид был подавленный. Она вертела между большим и указательным пальцем стебелек водяного кресса. Потом спросила их: — А вы можете возвращать мертвых?

Последовала секундная пауза.

— О, моя дорогая, — печально промолвила Сестра Вероника.

— Твой бедный дорогой брат, — сказала Сестра Марджори, покачивая увенчанной листьями головой. Сестры любовно и скорбно посмотрели друг на друга — каждая на свое отражение.

— Бедное дитя, — прошептал Брат Феликс. — Выпей, выпей еще вина, — глухим голосом произнес он, затем отвернулся и высморкался.

Саския переводила взгляд с одного огромного лица на другое.

Табита потянулась через скатерть и взяла Саскию за руку. Кстаска молча подплыл ближе.

— Ну, хорошо, а как насчет Марко? — спросила Саския. — Марко Метца. Нам пришлось оставить его на Венере. Его вы тоже будете повышать?

Вид у Брата Феликса стал озабоченный, на его висках снова запульсировали вены: — Ну, Марко Метц — довольно несносный мальчишка, — задумчиво произнес он. — Я полагаю, что, пожалуй, Венера — самое лучшее место для него, — и он подал знак, что желает еще хлеба.

Саския выпрямилась, вонзив костяшки пальцев в податливую землю: — Но она же убьет его! — запротестовала она. Хлеб в это время послушно отрезал от себя кусок и скользнул на тарелку Брата Феликса.

Нет, если он будет осторожен, — возразил он. — Это может быть даже весело — оказаться в роли потерпевшего катастрофу.

— Особенно со сломанной ногой, — ядовито заметила Табита.

Брат Феликс неопределенно взмахнул ножом для масла. — Можно преодолеть соблазнения плоти, — отозвался он, откусывая большой кусок хлеба и принимаясь жевать. — Прийти... к согласию... с самим собой.

— Общайся с природой, — прибавила Сестра Вероника.

— Вдали от сумятицы всей системы, — согласилась ее сестра.

Брат Феликс сделал мощный глоток. — Может быть, мы еще увидим преображенного Марко Метца! — жизнерадостно объявил он. Он проглотил остатки хлеба с изрядным куском сыра, прижав его к маслу огромным указательным пальцем. — Как вы думаете? — Он произнес это таким тоном, словно ему действительно интересно было услышать их мнение.

Табита свирепо выдохнула воздух и снова откинулась на локти. Она сжала пальцами траву и сердито выдрала клочок. Но на месте каждого вырванного ей клочка из земли тут же появлялись новые побеги.

Увидев это, Кстаска незаметно погрузил кончик хвоста в землю и стал считывать какие-то данные.

— Я думаю, он умрет, если кто-нибудь быстро что-нибудь не предпримет, — сердито сказала Саския.

— Тогда мы что-нибудь предпримем, моя дорогая, — отозвалась Сестра Вероника. — Сразу после завтрака.

— Мы должны освободить твой разум от тревог, — добавила Сестра Марджори.

Сестры кивнули и блаженно улыбнулись друг другу.

Табите захотелось стукнуть их головами. Ей хотелось сойти с ума и бегать с большим ружьем. Ей хотелось пойти назад к Элис, сесть в ее разбитую кабину и завывать. Хотелось лечь на солнышке, подложив под голову сумку, заснуть и

никогда не просыпаться. Она возмущенно отогнула хрустящую корочку от куска хлеба: — А что вы знаете о свободе? — спросила она.

Сестры, как один человек, повернулись и одали ее любящей улыбкой.

Сестра Марджори распростерла руки, указывая на всю компанию “повышенных” людей, отдыхавших на досуге, на деревья, цветы, голубых птичек.

— Оглядиись, Табита, — сказала Сестра Вероника.

Табита сделала большой глоток из своего кубка и положила подбородок на сжатый кулак, равнодушно созерцая открывавшуюся перед ней сцену.

— Неплохо для верхушки кучи дерьма, — заметила она.

Но расстроить этих людей было невозможно.

— Свобода — это власть, — тупо сказал Кстаска.

— Я думаю, — заявила Саския, зикатывая рукава и штанины своей пижамы, — человек не может быть свободным СНАРУЖИ, если он не свободен ВНУТРИ. Если вы понимаете, о чем я говорю. — Она вытянула правую руку перед собой, критически оглядывая ее и поворачивая ее в усиленном свет солнца.

— Ты должна слушать своих друзей, Табита, — одобрительно заметил Брат Феликс.

— Скоро, когда ты станешь одной из нас, ты поймешь, Табита, — серьезно подтвердила Сестра Марджори. — Здесь все красиво, и каждый совершенно свободен. Кто командует нами или что-то нам запрещает? Где наши угнетатели?

— На Капелле, — отозвалась Табита. — Если верить Брату Феликсу.

Вид у всех троих был искренне озадаченный. — На Капелле? — переспросила Сестра Вероника. — Но, Табита, ведь это Капелла дала нам свободу!

— Ты только подумай, — настойчиво сказал Брат Феликс. — Вот мы сейчас на Хароне, на самом краю, нашей солнечной системы. А солнце великолепно!

— Где бы мы были сейчас без освободительной власти Капеллы? — сказала Сестра Марджори.

— Все еще на бедной старой Луне, — заявила Сестра Вероника, — и спорили бы, можем мы ли мы себе позволить лететь на Марс!

Но с Табиты уже было довольно. — Значит, так вы считаете? — сказала она. — Что ж, я скажу вам, что думаю я, да? Я скажу вам, что я думаю об освободительной власти Капеллы. О том, как вы с вашей проклятой игрой силой затащили меня сюда. — Табита сделала паузу, чтобы сделать глоток вина, наслаждаясь мелким удовольствием заставлять их ждать себя, особенно, учитывая то, что она понятия не имела, что говорить дальше. — Я скажу вам, что я думаю, повторила она и, услышав свой голос, поняла, что вино оказалось хорошим, и она уже изрядно выпила. — Нет здесь никакой свободы, — чуть насмешливо продолжала она. — Вы всегда в чужом саду. — Для начала это прозвучало неплохо. Табита неуклюже взмахнула рукой. — Нельзя быть свободным, когда кто-то говорит тебе, куда можно идти, а куда — нет. — Табита сделала еще глоток вина. — Когда я была маленькой, — сообщила она им, — Марс был границей. Я родилась, — сказала она, пристально глядя на Сестру Веронику, — на бедной старой Луне.

Сестра Вероника никак не отреагировала.

— Кому-то же надо и там родиться, — сказала Табита.

Сестра Вероника вежливо улыбнулась.

— Это было не так уж забавно, — сказала Табита. — Раз уж вы спрашиваете. Как бы там ни было, Марс был весь забит, и все рвались перебраться на Пояс. Потом был Сатурн, освоение колец. А где она теперь? Здесь? Это граница? Или это стена сада?

Попечители солнечной системы спокойно наблюдали за Табитой, словно она читала им стихотворение, которое выучила наизусть, что-то отрепетированное и далекое. Саския и Кстаска слушали ее очень внимательно. Саския подвинулась, села рядом с Табитой и взяла ее за руку.

Но Табита не желала, чтобы ее держали за руку. — Нет никакой свободы, — повторила она. — Нет, пока кто-то держится за власть. Так что ты прав, Феликс. Мы все слуги. — Она печально кивнула,

осознав меланхолическую мудрость этого замечания. — Могу вам сказать — я признаю, что была свободна так же, как всегда, до того, как все это началось. — Табита коротко рассмеялась. — перевозила торговые грузы на ловком маленьком “Кобольде”, перетаскивала детали машин из Сантьяго Селестина в Каллисто, надрывалась, чтобы оплатить счета, и думала, где я причаю в следующий раз, где подвернется новая работа. Вот и вся свобода, какой можно добиться, — свирепо заключила она, — в этой системе.

Брат Феликс слегка приподнялся в воздух. Саския тут же обняла Табиту, словно решила, что он сейчас ее ударит. Но Брат Феликс сказал понимающим тоном: — Ты все еще огорчена из-за своего корабля, правда? С моей стороны это было неразумно, я прошу у тебя прощения. Давай-ка посмотрим, может, мы сможем тебя успокоить.

Он отправился назад через лут, Табита, Саския и Кстаска следовали за ним, а сестры остались на месте, улыбаясь, все время улыбаясь. В монастыре какая-то пара Уборщиков прервала свой спор о возможности появления чего-то нового, чтобы приветствовать женщин и Херувима, когда те проходили мимо. Брат Феликс немного опередил их. Они нагнали его только когда он был уже за деревьями, в уединенном уголке, где рядом с пустым шаттло находились останки “Кобольда”.

Брат Феликс подозвал их. — Посмотри, — обратился он к Кстаске. — Тебе это понравится. — И он повернул кольцо.

Останки “Элис Лиддел” засветились. Она заблестела, наполнилась радиацией, словно свет был где-то внутри нее — это было не просто бортовое освещение, проходившее сквозь ее разбитые иллюминаторы; казалось, будто сама энергия, все еще сообщавшая о мольбах израненных молекул ее субстанции, призвала ее подняться световым излучением и танцевать в солнечном свете.

Какое-то мгновение Элис стояла, словно готовилась к взлету в пламени, вырывавшемся из окон шаттла. Табита вскрикнула, прикрыв глаза, потому что в тот момент ей показалось, что она смотрит не на искореженные и измятые обломки, а на тот “Кобольд”, каким она была когда-то, в самом начале

своего пути. Такой она должна была явиться с площадки “Бергена” в том полукомическом, полумистическом ритуале, когда привод судна только-только “осваивался” с новеньким электронным мозгом, и робот-каллиграф поднялся наверх, чтобы ярко-синими металлическими буквами написать ее имя на корпусе. Такой они увидели ее теперь — “Элис Лиддел”, свежую, целую и перестроенную. Ее выбоины выровнялись, а трещины закрылись. Восстановленное ветровое стекло сверкало, сканнеры шевелились, почуяв ветер со стороны солнца. Ее линии были чисты и правдивы, маленькие крылья решительно отведены назад — она размышляла о работе, для которой была создана и к которой готовилась приступить. Рядом с ее двигателями воздух разорвала тепловая волна; она повернулась, словно ища хозяйку; казалось, она приподнялась, совсем чуть-чуть.

А потом она исчезла. Растаяла в воздухе.

Воздух наполнился внезапными возмущениями, рванувшимися со всех сторон в пустое пространство, туда, где только что стоял корабль. Волосы Саскии развевались вокруг ее лица. Табита, отчаянно крича, бросилась вперед.

Последняя дымка исчезла в воздухе, и “Элис Лиддел” перестала существовать. На траве, где она стояла, не было ни ожогов, ни пятен. Трава слегка поколебалась и застыла.

— Ну, вот, — произнес Брат Феликс, — так лучше, не правда ли?

И тут солнце скрылось.

Над садами волной нависла огромная тень в форме эллипса.

Повсюду все прекратили свои занятия. Они перестали разговаривать и уставились в темнеющее небо. Оркестр запнулся и замолчал. Атмосфера грохотала и трещала, словно от избытка энергий, уничтоживших корабль Табиты. Неожиданно стало очень холодно.

— О, нет, — простонала Саския, сжимая у ворота свою тонкую пижаму. — Теперь еще дождь пойдет.

— Нет, Саския, — сказал Херувим.

Табита просто стояла, закинув голову, положив руки на бедра и широко раскрыв рот.

— Это не туча, — произнес Кстаска.

LXVI

С высоты до них гулко донесся мощный искаженный голос: — СССАССКИЙ! КССТАССКА! ВЫ ТАМ, ВНИЗУ-ЗУ-ЗУ? А ГДЕ МАЛЬЧЧЧИКИ?

— Ханна! — закричала Саския. И схватила Кстаску за руку. — Это Ханна?

Брат Феликс воздел к небу руки: — Во имя всего святого, что...

— Это Изобилие! — голос Саскии перекрывал громовой гул, усилившийся вдвое, потом втрое, по мере того, как стремительно приближался темный силуэт. Саския смеялась и свистела, ее волосы хлопали на поднимавшемся ветру. — Она привела его целиком!

Над их головами, закрывая чудо-небо, летающей горой завис панцирь небесной черепахи. Деревья бились на ветру, а птицы и животные бросились в укрытие с криками ужаса.

Со всех сторон собирались Уборщики, они мчались по верхушкам трав.

В холмистой нижней части огромной установки открылся огромный серебряный глаз, в мрачное поле ударил луч света и беспорядочно заметался взад-вперед.

Саския, все еще держа Кстаску за руку, бросилась навстречу свету. На бегу, таща за собой по воздуху Херувима, она обернулась через плечо.

— Табита! — закричала она. — Табита!

Но Табита убегала в противоположном направлении. А Брат Феликс колебался и окликал ее по имени.

Саския на секунду остановилась и выпустила руку Кстаски. Херувим с жужжанием промчался мимо, описал круг в воздухе и вернулся назад. Он спикировал вниз и схватил Саскию за локоть.

Слева и справа их окружали Уборщики.

Брат Феликс бежал за Табитой.

Саския закричала, забилась, вырываясь из цепких ручек Кстаски.

Так, словно Ханна только что справилась с управлением, луч серебряного света скользнул прямо через лужайку и, упав на Саскию и Кстаску, засек их.

— ДЕРРРЖИТЕСССЬ! — пророкотал оглушительный голос.

И пока Уборщики карабкались друг через друга, пытаясь подняться в воздух, Херувим и акробатка были стремительно подхвачены вверх и унесены.

Табита не видела, как они скрылись. Она бежала назад, в гущу деревьев, уворачиваясь от Уборщиков, стаяй мчавшихся в противоположном направлении.

— ТАБИТА! — услышала она отчаянный крик Саскии. — ТЫ ПРОПУСТИЛА ТАБИТУ!

Табита промчалась через монастырь, Брат Феликс следовал за ней по пятам. Он выкрикивал ее имя, как разъяренный сержант, зовущий нерадивого кадета. Он ввалился в замкнутое пространство, двигаясь рывками и натыкаясь на стены, словно конечности отказывались ему служить.

Там были и другие, они бежали с другой стороны.

Табита стояла, собираясь с силами, в центре монастыря, и оглядывалась по сторонам.

Потом, когда они были уже готовы наброситься на нее, она прижала к себе сумку, ухватила за опору одной из арок и выпрыгнула через пороги прямо наружу.

Позади раздался мощный стук столкнувшихся тел.

Табита помчалась вперед в качавшуюся под ветром чащу, нарая под ветви, продираясь сквозь кустарник там, где Уборщикам было не пройти. Она обежала развалины, обогнула заросли папоротника и выскочила на открытое пространство. Там была красно-белая скатерть; там находилась одна из сестер. Другая была дальше на лугу, почти обогнув буковую аллею. Плата была у Сестры Марджори.

Которая же из них Сестра Марджори?

С расстояния Табита не могла разобрать. И времени на ошибку у нее не было. Гороподобный захватчик продолжал спускаться, словно Ханна решила раздавить весь пузырь всмятку.

Табита набрала в легкие побольше воздуха и закричала: — Элис! Элис Лиддел!

Уборщица у деревьев остановилась и оглянулась.

Она увидела Табиту и посмотрела прямо сквозь нее на сестру. А та схватилась за свой кармашек.

Ругая их гравитацию на чем свет стоит, Табита ринулась к покинутому месту пикника и увидела, как Сестра Вероника повернула назад, по направлению к ней.

Над их головами раздавался тонкий, пронзительный звук, словно множество птиц кричало высоко в воздухе.

Табита бросила взгляд вверх. Из брюха спускающейся станции выплеснулась черная туча — масса маленьких черных частиц: газ, шрапнель, листочки, насекомые? — подумала на бегу Табита. А потом увидела их — они быстро неслись вниз впереди, над клумбами.

Перки!

Ханна отрядила перков, больше перков, чем Табита когда-либо видела собравшимися в одном месте, больше, чем ей хотелось бы увидеть где уютно. Целые семьи гибких, сварливых перков в комбинезонах, вооруженных до зубов, со стоящими торчком перьями, стремительно сыпались с неба. — Чи-чи-чи-чи-и-и! Перки падали на верхушки деревьев, скатывались по крыше оркестровой площадки, с плеском падали в воду. Они поднимались на ноги и неслись, топча цветы, готовые в любой момент напасть на любого, кого увидят.

Перки ничего так не любят, как хорошую драку.

В мгновение ока перки заполнили все, они бежали по садам, сбивая Уборщиков и элადельди, опрокидывая их. Гипертрофированные гуманоиды тщетно сжимали и крутили свои кольца: их затмила мощная тень угнанной станции.

Табита перепрыгнула через скатерть и схватила Сестру Марджори спереди за тогу. — Отдай мне ее! — закричала она прямо в огромное лицо Сестры Марджори.

Сестра Марджори бешено вращала глазами. Ее лоснящиеся губы раздвинулись, обнажив зубы.

— Где она? — крикнула Табита. И схватилась за кармашек Уборщицы. Сестра Марджори заголо-

сила, развернулась на слабо державших ее ногах, хлопая Табиту по рукам и отталкивая их.

Табита уже взялась за клапан кармашка и расстегнула его.

Позади нее раздался треск, вниз протянулась голая рука и сомкнулась под подбородком Табиты, оттаскивая ее прочь.

Задыхаясь, Табита почувствовала, что Сестра Марджори вырвалась из ее рук. Табита вцепилась ногтями в руку Сестры Вероники и стала колотить ее локтями. Ей удалось вывернуться из цепких рук Сестры Вероники, при этом она чуть не оторвала себе ухо. За спиной Уборщицы Табита увидела Брата Феликса, нетвердыми шагами вышедшего из-за деревьев.

Сестра Вероника схватила правую руку Табиты и попыталась заломить ее за спину девушки. Табита наклонилась вправо и упала на колени, заставив плававшую в воздухе Уборщицу потерять равновесие.

Снова раздался треск. Прямо в центр пикника свалился перк, приземлившись в мощном всплеске бургундского, хлебных крошек и разбитого стекла. Он тотчас вскочил на ноги, отряхиваясь и отчаянно вереща, и во всю длину метнул цепь в Сестру Веронику.

Та взвыла, отпустила Табиту и неуклюже повернулась, чтобы дать отпор перку.

Луч захвата, опустивший перка, задерживался. Ханна засекала Табиту.

Табита круто развернулась в поисках Сестры Марджори.

Мелкими, проворными шажками та улепетывала прочь.

Еще один перк бежал, чтобы перехватить ее.

А Брат Феликс на полной скорости устремился к Табите, его глаза блуждали и вылезали из орбит, толстые белые пальцы согнулись, как когти, собираясь схватить ту, кому не удалось скрыться. Толстые вены на его висках выпирали и извивались, словно жили отдельной жизнью.

Когда Брат Феликс потянулся к Табите, раздался жуткий, рвущийся звук.

Его голова раскололась.

Его прекрасная блестящая кожа лопнула прямо вдоль лба, и его череп раскололся, как яйцо. Во все стороны брызнула бесцветная сукровица.

Брат Феликс резко остановился, боком налетел на дерущуюся Сестру Веронику, кружась и цепляясь за воздух, как тонущий человек. Выражение его лица, этот дикий взгляд, не изменилось. Липкая жидкость заливала ему глаза.

Табита отпрянула, содрогнувшись от страха и зажав рот рукой.

Внутри черепа Брата Феликса что-то шевелилось.

Это было нечто длинное и мягкое, членистое и пурпурно-серое, блестящее от слизи, покрывавшей ее гнездо. А само гнездо было рваной, почерневшей субстанцией, напоминавшей кружевную сеть. Это было все, что осталось от мозга Брата Феликса.

Существо, жевавшее его столько лет, теперь поднялось и пронзительно закричало.

Это была гигантская гусеница. Она была длиной в полметра.

Это был первый капеллиец, увиденный Табитой.

Девушка резко отвернулась и выплеснула в почерневшую траву желчь и бургундское.

В двух метрах в стороне, ровно сияя, ее ждал луч захвата. По-видимому, Ханна не хотела или была не в состоянии выуживать ее из этой каши.

Повсюду, как статуи, стояли, сидели или припали к земле остальные Уборщики, один за другим отказываясь от неравной борьбы с перками, и их раздутые головы лопались, как созревшие куколки. Среди разложившейся массы их рассыпавшихся мозгов вставали капеллийцы. Они вращали тупыми головами, обнюхивая воздух. И непрерывно визжали.

Кашляя и отплевываясь, Табита ринулась вперед за оружием. Ее пальцы сомкнулись вокруг вилочки для пикулей. Табита схватила ее, а в это время перк ударил Сестру Веронику кулаком в спину, и та согнулась и упала навзничь, хватаясь руками за остатки пикника.

Ее лоб расщепился, из-под гирлянды брызнули липкие соки. Верхняя часть ее черепа отвалилась, оторванная изнутри. Эта потерянная "крышка" каталась среди печенья.

Из головы Сестры Вероники вывалился мокрый капеллиец и, извиваясь, плюхнулся среди сыра и салата.

— Чи-и-и-и! — завопил перк.

Он ухмыльнулся и занес кулак.

Из него мягко выскользнуло лезвие ножа.

Табита с трудом поднялась на ноги, прижимая к себе сумку и размахивая вилкой. Сестра Марджори так и стояла там, где Табита видела ее в последний раз, держась за голову. Ее капеллиец рвался наружу и визжал от ярости. У ее ног неподвижно лежал перк.

Табита ринулась по траве к Сестре Марджори.

Тут же к ней устремился луч захвата.

— Нет! Не сейчас!

Табита отскочила в сторону, отчаянно сверкая глазами на чудовищное сооружение фрасков, приведенное Ханной Су ей на помощь, промчавшись сквозь сверхпространство со скоростью, неслыханной для любого человека. Она яростно замотала головой, скрестила руки перед лицом и дважды резко развела их в стороны.

Луч исчез.

— О, ЧЕРТ!

В ярости и отчаянии она бросилась на Сестру Марджори и схватилась за ее карман. Капеллиец над ней орал все громче и громче. В бешенстве он накинулся на Табиту, нацеливаясь ей в голову. Табита пригнулась, ударила его и уронила вилку, выпавшую из ее скользких пальцев. Пока капеллиец раскачивался из стороны в сторону, как сумасшедший, Табита просунула руку под клапан, внутрь кармана. Слабые руки Сестры Марджори слепо шарили по ее лицу. Капеллиец атаковал снова, слюна с его щупалец стекала прямо на плечо Табиты. Она снова увернулась и отскочила на безопасное расстояние, сжимая в руках свой трофей.

По всему месту пикника рассыпались перки, они скакали по останкам Брата Феликса и Сестры Марджори, протыкая существа, вылезавшие из их голов. Табита отчаянно закричала, указывая на капеллийца, влажно сползавшего с воротника Сест-

ры Марджори, и перки с пронзительными воплями набросились на него.

Теперь здесь остались только перки, перки повсюду.

Луча не было.

Табита взглянула вверх. Изобилие припарковалось на геостационарной спутниковой орбите и висело там, молчаливое и темное. Только крошечные вспышки, возникавшие то тут, то там, свидетельствовали о том, что на борту идет кипучая деятельность.

Табита не стала терять время на размышления.

У нее оставался один шанс.

Она помчалась назад сквозь деревья.

Удача была на стороне Табиты. С эладельди расправились прежде, чем они успели вернуться на свои посты. А “повышенные” были слишком заняты, чтобы летать на космических кораблях. Они лежали по всему полю, кое-кто из них до сих пор был занят — они боролись, но большинство лежали неподвижно или медленно и слабо извивались на земле, а перки рубили в капусту их хозяев.

Табита вскарабкалась на шаттл, ударила по кнопке, открывавшей кабину пилота и прыгнула в кресло. Это был модифицированный “Тинкербелл”, так? Конечно. Так что, даже несмотря на то, что все надписи были на языке эладельди, вот это должно было быть аварийной кнопкой.

Так?

Табита стиснула зубы и нажала ее.

Все огни на борту вспыхнули красным. Завыли двигатели.

Табита вскрикнула от радости и облегчения. Она сообразила, что все еще держит в руках Элис, поцеловала ее и засунула в сумку. Потом, тяжело дыша, откинулась в кресле и позволила ремням обвить себя.

LXVII

На Изобилии царил полнейший хаос.

Я знаю, что к тому времени Изобилие уже превратилось в хаос, но ведь существуют различные виды и градации хаоса, так вот: это был ад крошечный. Лифты застряли, водопроводная система перегрелась. Система коммуникаций накрылась, оставив ее вибрировать, как порванный эластик, показывая в случайном порядке архивы, спутниковые аудио-видео трансляции, музак, ее собственные мониторы слежения, непонятные палестинские гейм-шоу. Полиция не работала, всю их систему выбили у них из-под ног. Киборги стояли на своих постах слепые и глухие, изувеченные погибшими исполнительными приводами, потеряв разум в буре данных. Так они и стояли со стробирующими визорами, не в состоянии принять ни одного решения. Из их ушей текла кровь, в глазах стояли слезы.

Увидев, что их мечта сбылась, сторонники евангелического выживания организовали группы оставшихся без средств туристов и вооружили их предметами из разграбленных оружейных магазинов. Связанные вместе длинными ярко-оранжевыми веревками, они взбирались на балконы своих отелей и сражались с котятками-трантами в пещерах Йосимары. В казино пьяницы расстреливали друг друга. Люди гибли. И никто не мог ничего сделать. Ханна Су считала, что им повезло, что они добрались до Харона, не развалившись при этом, так безобразно насилая привод после стольких лет бездействия, когда он только и делал, что собирал пыль. Ханна старалась сохранить самообладание среди всех этих функций, которыми приходилось жонглировать при прыжке: преобразования матриц конечных измерений, планирования вероятности и образования парадигмы мультиплексорного резервирования в этой извращенной и искривленной отрасли математики, именуемой фрасками "языком".

Это можно было сделать. Можно было сделать, имея много времени и пространства.

Табита ввела внутрь шаттла эладельди, подавая на всех волнах и частотах аварийный сигнал и не получив при этом от транспортного контроля ника-

кой информации, кроме полной ерунды. Стоянки судов выглядели так, словно их посетил ураган и на какое-то время задержался, швыряя разломанную технику и осколки из окон кораблей, а потом расшвыряв и сами корабли. Один уровень казался особенно заброшенным — шельфом, с которого могучая рука сбросила всех обитателей и суда. Сбросив скорость, Табита ринулась туда.

Лифт не работал. Табита побежала к ступенькам.

— Ханна! — все время звала она.

Коммуникатор болтал, рыдал, свистел и скрежетал.

На нижних ярусах коридоры были полны ароматизированной пены и разбросанной мебели. Взбесившиеся туристы грабили аллеи, набивая портпледы лосьонами после бритья, киберпорнографией и трубками. Роботы службы безопасности, у которых вышли из строя процессоры, болтались взад-вперед по дороге, тупо натываясь на стены. Двое мужчин и женщина завопили при появлении Табиты. Смеясь, они окружили ее, протягивая руки. Табита башмаком ударила в пах одного из мужчин и помчалась дальше, с всхлипыванием ловя ртом воздух.

Это был страшный прыжок. Повсюду Табита видела радиоактивные осадки. Вся флора на борту возродилась, увеличившись вдвое. Вокруг порталов разросся шиповник, а плесень пробивалась через ступеньки бегущих дорожек. В стенах и в полу разверзались трещины, поглощая людей и машины.

Прочие нелепые превращения, как я позднее выяснила, были только благоприятными. Записи показывают, что только одна управляющая-резидент забаррикадировалась в зале заседаний совета, никаких следов которого так и не нашли.

Табита заблудилась. Она стояла на площадке лифта, не зная, идти ли ей вверх, вниз или в сторону. — Ну, что теперь, Ханна? — крикнула она, барабанив по бессвязно лопотавшему указателю.

Она уже была готова выбрать направление наугад, как вдруг заметила, что индикаторы капсулы лифта засветились. От двери к двери ровно скользила цепочка светящихся зеленых треугольников. Наблюдая за ней, Табита убедилась, что ее зовут.

Как только она направилась к правому лифту, дверь распахнулась перед ней, и зажегся свет.

Табита вбежала внутрь. Тут же, еще до того, как она успела бросить взгляд на управление, дверь закрылась, и капсула двинулась через туннели. Мимо молча проплывали станции, темные или освещенные отблесками огня. К окнам прижимались руки и лица, умоляя впустить их. Ханна не обращала внимания на их призывы, отдавая приоритет Табите.

Капсула остановилась в воздухе, подвешенная на длинном изгибе рельса над площадкой из десятигранных булыжников. Табита выскользнула из капсулы и спрыгнула вниз.

Она была в парке машин. Там были три полицейских глассера, припаркованные под немыслимыми углами. Их мегафоны работали, мигалки вспыхивали, но все, кто мог на них откликнуться, сидели внутри, обездвиженные, не в силах открыть дверь.

Наверху реял зеленый купол ПравдаСна. Табита направилась к двери, проталкиваясь сквозь толпу потрясенных посетителей, собравшуюся у входа. Что-то вроде щита не давало им войти внутрь.

Как только Табита поставила ногу на ступеньку, перед ней появился сверкающий зеленый язык пламени. — Сюда, капитан Джут, — воскликнул он голосом, похожим на скрип искореженной пружины. Защитное поле со свистом расступилось, потом снова сомкнулось за Табитой.

Атриум был пуст, если не считать разбросанного вокруг оборудования и полосатого спаниеля, исследовавшего содержимое пустой сумочки. При появлении зеленого пламени он в ужасе поднял голову и, жалобно скуля, пустился наутек.

В воздухе раздался высокий поющий звук, такой, словно сразу многие вещи вышли из строя одновременно. Табита шагала по туннелю и вдруг оказалась лицом к лицу с компанией фрасков.

Они были меньшего размера, чем те, с которыми ей доводилось встречаться раньше, и наполняли воздух сильным ароматом воска. Они выжидательно двигались по кругу, сгибая и разгибая конечности.

На огонек, стремительно пролетевший прямо между ними, они не обратили внимания.

Сердце Табиты ушло в пятки, она опустила голову и пошла за огоньком.

Фраски пропустили ее, жужжа из-за того, что их потревожили и жалобно что-то свистя друг другу.

Мужские особи. Мужские особи, и некому ими командовать.

В отделанном панелями холле факелы были потушены. На полу лежали трупы. На некоторых была ортопедическая обувь, и они, по-видимому, были мертвы уже давно. Другие были полицейскими, они лежали на спине, как чудовищные тараканы, их конечности все еще слабо подергивались. Там была еще одна группа фрасков, трудившихся в тени. Действуя по велению какого-то беспорядочного инстинкта насекомых, они опутывали поверженного полицейского с ног до головы в кокон из мохнатого белого волокна.

Табита зажмурила глаза и протолкалась между ними. Руки-прутики хватали ее. Впереди в туннеле зеленый огонек сверкнул и пропал.

— Саския! — позвала Табита. — Кстаска!

— Табита! Сюда!

Ударом ноги Табита освободилась из лап что-то шелестевшего фраска и побежала на голоса.

Саския и Кстаска находились в комнате вместе с Ханной, сидя на саркофаге. Кстаска подключил свой хвост, помогая Ханне проникнуть в самые изощренные проходы операционной системы фрасков. — НЕТ, НЕТ, — говорила Ханна. — Я ЕГО ТЕРЯЮ. НУ, ВОТ, ЧТО Я ТЕБЕ ГОВОРИЛА. ТЫ НЕ ДОЛЖЕН ТОРОПИТЬ МЕНЯ, ДОРОГОЙ.

Саския вскочила и бросилась обнимать Табиту, — Они нашли тебя! Я знала, что они тебя найдут.

— С тобой все в порядке? — спросила Табита.

У Саскии был такой вид, словно она ее бил лихорадочный озноб от переутомления. Ее волосы были гладкими, пижама порвана. Саския натянула поверх нее вышитый тамбуром шерстяной жилет и заляпанный черный вечерний фрак: — Со мной все прекрасно, — ответила она с напряженной улыбкой. — У тебя ужасный вид. И, фу, какой запах!

Табита оглядела себя. Она попыталась стереть большое пятно, оставленное мертвым капеллийцем, со своего жакета. Слизь прилипла к пальцам. —

Стало еще хуже, — вяло сказала Табита. Ей не хотелось об этом думать. Она повернулась к фигуре, неподвижно лежавшей в своей постели из инея. — Ханна, — сказала Табита. — Мы по...

Кровь отхлынула от ее лица. В ушах толчками отдавались удары сердца. После всех ужасов, которых она только что насмотрелась, оказалось, что это еще не все.

— Господи, — прошептала Табита.

Она увидела зрелище, открывавшееся под окном, в пещере, где находились морозильники.

Это зрелище казалось ледяной преисподней, достойной воображения какого-нибудь древнего землянина. Во время полета обвалились целые секции стен, открыв взору изломанные соты криоячеек, где находилась армия фрасков, в подвешенном оживлении, спрятанная от всех и вся.

Многие из них все еще находились там. Табита видела их, свернувшихся за стенами, белых, опутанных паутиной, сгнивших в своих ячейках. Под ними у стены, наподобие сугроба из чешуи дракона, была грудой свалена покрытая хлопьями плитка.

Многие из тех, что проснулись, все еще находились на этаже пещеры, тупо и бессмысленно колотя друг друга. Почти все они были мужскими особями, и мозгов у них было не больше, чем у грузового робота. Это были фраски-солдаты, воспитанные, чтобы выступать как армия захватчиков, и они погрузились в сон с единственной мыслью о том, что, когда они проснутся, настанет время битвы.

Они пооткрывали все морозильники и разгромили все, что в них обнаружили.

Потсюду была кровь, и разрывавшийся циркулятор превращал в пар миазмы крови, талого снега и охлаждающей жидкости. Фраски носились вокруг, топтали ногами месиво из человеческих останков, на полной скорости налетали друг на друга, вколачивали друг друга в любое подходящее препятствие и швыряли друг друга в кашу на полу. Там были и маршалы — женские особи менее высокого ранга, они с плеском бегали вокруг, преследовали и кусали остальных, но без своей королевы они были как потерянные. Странно, но, как и плохо функциони-

ровавшие полицейские, они не могли даже найти выхода из комнаты без специального сигнала от их царственных повелительниц.

Некоторые из фрасков, даже без приказа маршала или берсерка, стояли среди этой бойни неподвижно, как разбитые деревья, и ничего не узнавали. Другие, с более высокой степенью развития воли, в панике забрались под потолок и, стрекоча, гроздьями свисали оттуда. Находясь в глубоком упадке, они не могли ничего сделать и только снова и снова повторяли заклинания о возрождении, словно насекомые, которые учатся молиться. Роняя капли жидкости из своих подкладок и отвратительных выделений, проистекавших из их собственного недовольства, они висели вниз головой всего в трех метрах от фонаря из плексигласа, где, в ужасе глядя на них, стояла Табита.

— ХОРОШО, ЧТО ВЫ ВЫВЕЗЛИ КОРОЛЕВУ, — отчетливо произнес голосовой ящик Ханны. Табита не могла выговорить ни слова. — Я ЗАПЕРЛА ИХ, — продолжала Ханна, — И ОНИ МОГУТ ОСТАВАТЬСЯ ВЗАПЕРТИ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ПЕРЕБЬЮТ ДРУГ ДРУГА. — Ее голос звучал гораздо более звонко, молодо, более агрессивно. — ТЫ ТАБИТА ДЖУТ, — сказала она. — ПРИВЕТ, Я НЕ ПОМНЮ, ЧТОБЫ НАС ЗНАКОМИЛИ. ХАННА СУ.

— Привет, — сказала Табита своей замороженной спасительнице. — Вы, вы все очень здорово сделали. — Табита словно онемела. Она не могла придумать, что еще сказать. — С вами все в порядке? — спросила она.

— МОЕ СОСТОЯНИЕ СТАБИЛЬНО, — сухо отозвалась Ханна. — НАМ С ТОБОЙ НАДО КАК-НИБУДЬ ХОРОШЕНЬКО ПОБЕСЕДОВАТЬ. ПОМОЕМУ, НАМ НАДО МНОГОЕ СКАЗАТЬ ДРУГ ДРУГУ.

— Да, — тупо ответила Табита. — Правильно.

Теоретически она знала, что между правильным и неправильным во всей этой истории может возникнуть значительная разница, если она выяснит, знала ли Ханна Су что-нибудь о "Кобольдах" Сансау.

Но сейчас, подумала Табита, ничего из этого не имеет никакого значения. Ничего не имело значения по сравнению с битвой на Хароне, по сравнению с разрушениями в пещере внизу.

Все это было в другой вселенной.

— Спасибо, — неловко сказала Табита. — Я... я не знаю... я не могу... спасибо за перков, — наконец, выговорила она.

Саския тревожно прижимала Табиту к себе.

Табита вырвалась и выбежала в коридор.

Саския последовала за ней и нашла ее в коридоре, где Табита, прислонившись к стене и согнувшись пополам, мучилась от сухих рвотных позывов. Фраски мелкими шажками подбирались к ней. Саския прикрикнула на них, и они остановились, шипя и размахивая конечностями.

— Пойдем, — спокойно сказала Саския, наклоняясь над Табитой и мягко кладя руку ей на локоть. — Мы найдем тебе место, где ты сможешь прилечь.

Табита стала выпрямляться, все еще держась за стену, цепляясь за остатки самообладания. — Нет, — выдохнула она. — Нет, я должна... должна отдать...

Она взяла Саскию за руку и пошла назад в комнату.

Херувим склонился над мертвой женщиной, при их появлении он поднял красные глазки, как вампир, которого оторвали от пищи.

Не ведая, какое мрачное впечатление произвела эта картина, Ханна сказала: — ТАБИТА, КСТАСКА ГОВОРИТ, ЧТО ТЫ — ПИЛОТ.

Табита кивнула.

— Она тебя не видит, — заметил Кстаска.

— Да, — ответила Табита. — Это был мой корабль... — Ее голос прервался, продолжать она была не с силах.

Саския помогла ей сесть.

— МЫ УЖЕ ПРОХОДИЛИ ЧЕРЕЗ ЭТО? — спросила Ханна, почуяв неладное.

Табита ответила: — Не имеет значения.

— ВОТ ТОЛЬКО, МИЛОЧКА, — сказала Ханна Су. — ТЫ МЕНЯ ИЗВИНИ, НО НЕ МОГЛА БЫ ТЫ ВСТАТЬ У РУЛЯ? ПО-МОЕМУ, Я НЕ СМОГУ

ЕГО ДОЛГО УДЕРЖИВАТЬ. Я ТУТ УЖЕ С УМА СХОЖУ. — Из ее голосового ящика раздался нервный смех.

Саския радостно и тревожно заглянула в лицо Табиты.

У Табиты было такое ощущение, словно кто-то снял всю солнечную систему с крючка, где она висела, как дом на колесах, и бросил ей на колени. Фрасков, капеллийцев, эладельди; перков и людей, Изобилие и всех, кто мог претендовать хоть на что-то на его борту; людей, разрывавших друг друга на части: перков на Хароне; людей, умирающих на Венере. Ей захотелось кончить. ПОЧЕМУ Я?

— Я уже полумертвая, Ханна, — сказала Табита и тут же пожалела о своих словах. Она покачала головой: — Я даже не могу ясно видеть. Позже я... потом... — Она подтянула сумку к себе на колени и раздвинув сломанную молнию, сунула руку внутрь. — Вот, — сказала она, протягивая плату Саскии. — Элис.

— А, — сказал Херувим, отключая свой хвост и отодвигаясь в сторону.

Ханна спросила: — КТО ТАКАЯ ЭЛИС? — Элис знает абсолютно все про сверхпространственный привод фрасков, — ответила Табита.

— О, ГОСПОДИ БОЖЕ, — с явным облегчением промолвила Ханна. — ГДЕ, ГДЕ ЖЕ ОНА?

— Уже идет, — сообщила ей Табита. И устало сделала знак Саскии.

Та подошла к считывающему устройству, куда Марко вставлял пленку для фрасков и вставила плату.

Техника коротко зажжужала. Вспыхнул зеленый свет.

— Элис! — обратилась Табита ко всему помещению. — Элис, ты меня слышишь?

— ПРИВЕТ, КАПИТАН, — откликнулась Элис. — Элис, познакомься с Ханной Су.

— ПРИВЕТ, ХАННА. КАКОЙ ДВОРЕЦ! ГДЕ МЫ?

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ИЗОБИЛИЕ, ЭЛИС.

— ЗНАЧИТ, ЭТО ИЗОБИЛИЕ? ТАК ОНО И ЕСТЬ! ОНО ТВОЕ?

— ПОХОЖЕ, ЧТО ТАК, ЭЛИС. ТОЛЬКО ОНО ДЛЯ МЕНЯ ВЕЛИКОВАТО. ВИДИШЬ, ЧТО ТАМ ВНИЗУ?

— ХАРОН, — без колебаний ответила Элис. — ЗНАЕШЬ, МЫ ДОВОЛЬНО БЛИЗКО ОТ НЕГО, ХАННА.

— ЭЛИС, ДУШЕЧКА, ПО-МОЕМУ, Я СЕЙЧАС ПРОСТО УРОНЮ ВЕСЬ ЭТОТ ПРИТОН, ЕСЛИ КТО-НИБУДЬ НЕ СЯДЕТ ЗА УПРАВЛЕНИЕ. ТАБИТА ГОВОРИТ, ТЫ МОГЛА БЫ СДЕЛАТЬ ЭТО ДЛЯ НАС, ПРАВИЛЬНО?

— НЕ ЗНАЮ, ХАННА, — сказала Элис. — Я НЕ УВЕРЕНА, ЧТО ЗНАЮ, КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ.

— Элис! — воскликнула Табита. — Ты не могла забыть! Не могла!

— Она может, — негромко сказал Кстаска.

— Пароль, — настойчиво напомнила Саския.

— Ох. О, Боже. Элис! Элис, слушай. Это долгая аллея без поворотов.

Замигал зеленый свет. Считывающее устройство зажужжало, загудело, остановилось.

Я открыла глаза.

Вокруг меня во всех направлениях устремлялось холодное черное пространство. Я видела, что оно усеяно и испещрено золотом, подобно нитям самого тонкого кружева. Впереди я видела ровно сверкающую "Цитадель"; изломы возмущений, похожие на золотые вены в черном льду, в том месте, где Табита примчалась со спутника на шаттле, теперь остывавшем на моей стоянке. С того места, где я висела, на самом краю солнечной системы, я могла видеть швы измерений, бегущие вниз, вниз, мимо Сатурна, мимо астероидов, мимо Марса к Земле, где я вспомнила маленькую баржу, проспавшую семь лет в виноградунике; мимо Земли к Солнцу. И я видела линии, простиравшиеся надо мной вверх, изо всех сил дергавшие меня во всех направлениях. Они показывали меня, и я улыбнулась. Линии вероятности. Я вспомнила. Им не было конца.

— ГОТОВА В ПУТЬ, — сказала я.

LXVIII

Она по-прежнему зовет меня Элис. Иногда я забываю откликаться и тогда, должна признаться, чувствую себя виноватой. Я тут занималась восстановлением старого журнала — самых последних его частей — и весьма позабавилась, узнав, какой странной малышкой был электронный мозг 5N179476.900, какой преданной она была, полной решимости держаться в то время, как на самом деле она мало что понимала. Она была “Берген Кобольдом” BGK009059 и гордилась этим. Подумать только, что мандарины Сансау собирались вставить все ЭТО в такую скорлупку! Да у нее бы все заклепки повывлетали.

Пассажиры зовут меня Изобилием, и этого достаточно. Похоже, фраски не дали имени тому, что построили, но так и не сумели воспользоваться. В любом случае, я и не это сооружение — не тот тоталитарный конгломерат рефлексов и пульсаций. Он вызывает у меня отвращение, пока я не начинаю заглядывать внутрь его.

Именно тогда Табите и остальным, даже Ханне, становится трудно привлечь мое внимание.

В один прекрасный день мы можем встретиться с фрасками. Если это случится, не думаю, что мы сможем им что-то сообщить. Если возникнет конфликт, мы не можем рассчитывать на победу. В конце концов, мы не проявили по отношению к ним особой заботы. Им не за что быть нам признательными, не говоря уже об униженном подчинении. Прежде чем мы отбыли, оставшимся в живых из сильно поредевшей армии был выделен собственный астероид, но они не подавали признаков того, что собираются выжить в будущем. Без королевы ни одна часть роя не выдержит испытаний.

В один прекоасный день мы можем встретиться с капеллиями. Однажды они могут вернуться в солнечную систему в полном расцвете своей мощи. Может быть, они явятся, пока мы путешествуем. Может, уже явились.

Их встретят с дружным отвращением и вызовом. Их гнезда, обнаруженные в зиккуратах эладельди, были быстро и полностью уничтожены новым хозя-

ином эладельди, которому они служат теперь со всеми своими пресловутыми достоинствами, которые они расточали расам, приведшим их в систему Земли. Это все, что ИМ требуется.

Простите меня, если вам покажется, что я не слишком интересуюсь состоянием дел “домашних”. Это все уже так далеко позади.

Гиперпространство не так уж утомительно, если видеть его правильно, от одного конца до другого. Это, конечно, метафора: у него нет конца. Я вижу, что должна извиниться за то, что так грубо обращаюсь с такими тонкостями. Наш язык славится своими отклонениями от нормы, и теперь он не стал менее беспокойным и живым, чем в те времена, когда им пользовалась только часть одного шара. Его разнородная структура прекрасно все связывает и умножает на уровне живых существ, но не может дать ни малейшего представления о внутренних свойствах материального пространства, о музыке сфер. Видите ли, дело ведь не в событиях. Однако, у языков Тибета есть определенные возможности...

Но вы не об этом хотели прочитать. Вы хотели знать о том, что произошло, и я рассказала вам об этом.

Я ведь звездный корабль, а не мудрец; и понадобится гораздо более совершенный мозг, чем мой, чтобы это сформулировать, но, возможно, вам будет интересно узнать, что, бегло пройдясь по областям лингвистики частиц фрасков, я имею представление о том, что время тоже может иметь синтаксическую механику тенденций и СПИН, может само по себе быть полем, созданным тем, что можно назвать грамматикой тождества. По всей вероятности, то, как мы воспринимаем наше повседневное существование и воспроизводим его друг для друга в историях имеет большее отношение к физике итерации, чем к онтологии в том виде, как ее понимают люди. В повествовании может быть некое ключевое событие, без которого история буквально не может вершиться. Например, бросить перка в Грэнд-Канал или подобрать одного из них с поверхности Харона.

— Ты можешь это сделать? — спросила она. Бросать их гораздо проще, чем снова подбирать.

— Я думаю, да, Ханна, — сказала я. Вот так ты это и делаешь.

Я задрожала, почувствовав под своим животом дюжину лучей захвата, каждый из них прорезал пустоту и спускался в находившийся под напряжением климатический пузырь на замерзшем спутнике, яростно давая команды, чтобы не повредить где-нибудь оболочку. Вокруг каждого луча я протянула маленькую трубочку из своей атмосферы и ввела их в атмосферу пузыря, никоим образом не давая им смешаться. Я чувствовала себя так, словно у меня появилась сотня пальцев, причем каждый из них обладал чувствительностью к температуре тела взбешенного перка; и, подобно женщине, слепой от рождения, я видела кончиками пальцев, могла обвить каждым пальцем перка и его добычу, вытащив некоторых из них из яростных щупалец разъяренных капеллийцев, могла мягко, но решительно оторвать их от земли и поднять сквозь пузырь, сквозь пустоту наверх, в недра моего тела в целостности и сохранности.

— Эй! — с триумфом воскликнула Ханна. — Ты естественная! Что ты делала до того, как все это случилось?

Ханна и я разговаривали — о, эти наши беседы! Хорошо, что нас никто не слышит, все сочли бы их невыносимыми. Когда Табита активировала меня, Ханна сказала:

— Я могу теперь отпустить это? О, слава Богу! Бог, ты меня слушаешь? Если это и есть божественная королевская власть, можешь оставить ее себе.

Я представила себе, как она мысленно растирает плечи.

— Конечно, — сказала я. — Такая тщеславная женщина, как ты...

— Откуда ты знаешь, что я тщеславна? — перебил меня Ханна. — Мы же только что познакомились. Разве нет?

Только теперь она действительно осознала мое присутствие.

— О, — сказала она. — О'кей.

— Мы можем вести станцию вместе, — из вежливости предложила я.

Она сказала: нет. Сказала: не пойдет. В другой раз она сказала, что если она будет выполнять мою работу, это ее ограничит. По-видимому, существует какой-то аспект, которого я до сих пор не могу постичь. Я имею в виду, в человеческом состоянии.

— Для начала я считаю, что это было чистое везение — то, что мне удалось разбудить привод, — заявила она.

— Более вероятно то, — заметила я, — что когда Кстаска передавал вторую часть пленки из недр “Уродливой Истины”, я добавила коечто от себя.

— Кое-что? — заинтересовалась она.

— Некую конфигурацию.

— А вот это было умно.

— Я не смогла сдержаться, — призналась я. — Это произошло автоматически. В конце концов, я была просто машиной.

Я и сейчас машина, если брать достаточно широкое толкование этого термина.

Снаружи в коридоре были люди, они требовали, чтобы их впустили: испуганные посетители, неуклюжие фраски, пара уборщиков-альтесеан. Спаниель. Табита подняла голову в кресле: — Прочь! Все вон отсюда! Ханна, ты можешь очистить здание?

— Я ЭТО УЖЕ ОДНАЖДЫ ДЕЛАЛА, — отозвалась Ханна, — РАНЬШЕ.

— Раньше, — повторила Табита.

Снаружи монотонно заговорил голос, слишком быстро, чтобы звучать успокаивающе: “СОН ПРАВЕДНЫХ ПРИНОСИТ ИЗВИНЕНИЯ ВСЕМ НАШИМ ГОСТЯМ, НО СЕЙЧАС УЧРЕЖДЕНИЕ ЗАКРЫВАЕТСЯ. БЛАГОДАРИМ ЗА ТО, ЧТО ВЫБРАЛИ СОН ПРАВЕДНЫХ. СЛЕДУЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ЗА ЗЕЛЕНЫМ СВЕТОМ К БЛИЖАЙШЕМУ ВЫХОДУ”.

Голос повторил сообщение, а арфа все играла и играла.

Табита оперлась локтями на ручки кресла и опустила голову на руки. Саския массировала ей шею. Табита протянула руку и остановила ее. — Вы все на месте? — спросила она.

— Да, — ответила Саския. — Я не хочу это пропустить.

Кстаска спросил: — Куда мы направляемся, капитан?

— Куда? Нам лучше вернуться, я полагаю.

— Вернуться? — разочарованно воскликнула Саския. — А я думала, мы улетим отсюда совсем!

Табита застонала: — Не сию минуту, пожалуйста...

— Я НЕ ДУМАЮ, ЧТО НАМ СЛЕДУЕТ ВОЗВРАЩАТЬСЯ, КАПИТАН, — предостерегла ее Ханна. — ТАМ БЫЛО ДОВОЛЬНО ГОРЯЧО, КОГДА МЫ ОТБЫВАЛИ. — Последовала пауза. — И СЕЙЧАС ТОЖЕ, — подтвердила она.

— Я думала, тебе захочется хотя бы попробовать ее в деле, — настаивала Саския.

Табита устало подняла руку: — Элис, иди и подтолкни этот барьер.

— БАРЬЕРА НЕТ, КАПИТАН, — сказала я. — БОЛЬШЕ НЕТ.

Я видела глубокое волнение, охватившее Табиту, когда я произнесла эти слова. Несмотря на то, что она чувствовала себя, как тот особенно грязный носок, который она как-то нашла под своей койкой на "Элис Лиддел", она откликнулась на это сообщение всей своей душой покорителя космоса. У нее было такое ощущение, что она сбросила со своих колен ненужный ей солнечный дом на колесах и выбросила его в шлюз, отправив его прочь в огромные распростертые объятия галактики.

Приятно было, наконец, сообщить ей то, что ей понравилось.

— Проксима всегда казалась очень интересной, — предложил Кстаска, и в его глазах зажегся свет.

— В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ, КАПИТАН, ПРЕДЛАГАЮ ПОБЫСТРЕЕ ПОКИНУТЬ ЭТО МЕСТО, — сказала я. — ЕСЛИ "ФАРФОРОВАЯ ЦИТАДЕЛЬ В ПЕРВЫХ ЛУЧАХ СОЛНЦА" ВЕРНЕТСЯ СЮДА ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ, ОНА МОЖЕТ БЫТЬ ЗДЕСЬ В СЧИТАННЫЕ СЕКУНДЫ.

— Табита, мы можем полететь на Венеру, — решительно заявила Саския. — Мы полетим туда и заберем Марко.

— Правильно, — согласилась Табита. — Элис!

— ПРОКЛАДЫВАЮ КУРС.

— ГОТОВА, — сказала я.

— Быстро, — заметила Табита, оглядываясь в поисках возможности закрепить.

— МЫ ВСЕ ДЕЛАЕМ БЫСТРО, КАПИТАН.

— Тогда вперед, Элис.

И тогда я впервые активировала привод фрасков. Я помню, каким невероятно огромным он казался, разворачиваясь подо мной. Он раскрывался и разрастался, все рос и рос. С минуту я боролась. Мне нужно было взять откуда-нибудь побольше энергии. Я быстро огляделась. Потом посмотрела вниз.

На Хароне невероятные лужайки были покрыты мертвой плотью, парадоксальная река — вся в пятнах крови. Но микроклимат еще действовал.

Я подумала, что вряд ли он еще кому-нибудь понадобится. И потянулась вниз.

Сад дрогнул. И исчез.

Так я почувствовала себя гораздо лучше. Я подпитала привод, и мы пустились в путь. Медленно, почти незаметно.

Табита раскинула руки и тяжело оперлась на морозильник: — Мы двигаемся, да, Элис?

— ДА, КАПИТАН.

Кстаска отключил свой хвост. — Мне было бы интересно исследовать этот привод, — объявил он.

— МОЖЕТ БЫТЬ, ТЫ ПОДОЖДЕШЬ ПАРУ МИНУТ, — посоветовала Ханна. — Я БЫ НЕ ХОТЕЛА СЕЙЧАС К НЕМУ ПРИБЛИЖАТЬСЯ.

— А я хочу, — заявил Кстаска.

— Ничего не трогай, Кстаска, — сказала Табита.

— Конечно, нет, капитан, — откликнулся Кстаска и с жужжанием улетел прочь.

Табита позволила голове опуститься на грудь: — Для остального я вам не нужна, правда?

Саския насторожилась: — Куда ты идешь? — поинтересовалась она.

— В постель, — объявила Табита. — Поздоровайся за меня с Марко.

— МЫ БУДЕМ ТАМ ЕЩЕ ДО ТОГО, КАК ТЫ ЗАСНЕШЬ, КАПИТАН, — заметила я.

— Я бы на это не поставила, — отозвалась Табита. — Ханна, здесь еще остались действующие гостиницы?

— Я УЖЕ ЗАРЕЗЕРВИРОВАЛА ТЕБЕ НОМЕР, КАПИТАН.

— Хорошо, — сказала Табита и зевнула. Потом оглядела помещение, бросила взгляд на Саскию, на замороженную женщину-антрепренера, на маленький зеленый огонек на считывающем устройстве, на дверь, за которой только что скрылся Херувим. — Все показали себя блестяще, — запинаясь, произнесла она, и направилась вслед за Кстаской.

— Табита! — позвала Саския.

Табита обернулась, смертельно усталая: — Что?

— Ничего, — ответила Саския, чуть отступая. — Только... только... что ты будешь делать, когда проснешься?

Табита выдавила из себя страдальческую улыбку. Под ее глазами были темные круги, на разорванной пижаме — кровь и рвота, инопланетная слюна прожгла дыры в ее волосах. — Не знаю, — сказала она. — Наверное, поищу себе какое-нибудь развлечение.

А потом она снова повернулась и пошла по холлу мимо дергающихся полицейских и мертвых сановников, направляясь к выходу. Теперь из всех кварталов к парку автомобилей стекался народ: осиротевшие фраски; раненые и безумные; сторонники выживания в черных масках с закамуфлированными рюкзаками; недовольные роботы; пьяные космонавты, находившиеся в увольнении; случайные грабители; улыбающиеся головы-штепсели в голубых плащах с капюшонами; перки, собиравшие свои трофеи; транты, одетые в кожу; самые различные трупы, в карманах которых рылись альтесеане. Толпа, собравшаяся вокруг двери, хлынула к Табите при ее появлении, тщетно выражая ей свой протест. Табита проталкивалась между ними, не обращая внимания на крики. Я наблюдала через сканнер служебного выхода за тем, как она уходила, уменьшаясь в объективе от размеров обычного человека до маленькой, неприметной фигурки в сером, исчезающей в пестрой толпе.

И я видела Саскию, торопливо шагающую за ней, окликая: — Табита! Можно мне с тобой? Табита!

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВСТРЕЧИ В “ЛЕНТЕ МЕБИУСА” 7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЗАТЕРЯННЫЕ В ПЕЩЕРАХ ИЗОБИЛИЯ 77

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МНОГОЛИКАЯ ИСТИНА 191

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ПЛЕННИКИ БОГИНИ ЛЮБВИ 303

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ЗАВТРАК С БРАТОМ ФЕЛИКСОМ 399

Колин Гринлэнд
ВЕРНУТЬ ИЗОБИЛИЕ

Главный редактор **О. В. Давыдов**
Технический редактор **А. Н. Игнатов**
Корректор **Р. И. Егорова**
Переводчик **Е. Л. Гладкова**

ЛР № 061245 от 29 мая 92 г.
Подписано в печать 04.11.93. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,18. Гарнитура GRIFF. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 3445.

Компания ГРИФ-Ф Лтд.
127434, Москва, Ивановский пр., д. 18

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО «Наука».
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12

К. ГРИНЛЭНД, ВЕРНУТЬ ИЗОБИЛИЕ

КОЛЛЕКЦИОННАЯ
ФАНТАСТИКА

КОЛИН
ГРИНЛЭНД

ВЕРНУТЬ ИЗОБИЛИЕ

КОЛИН ГРИНЛЭНД

